ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Стеклянные дома

Это превосходная детективная история в классическом стиле Агаты Кристи, и она, безусловно, заставит поклонников с нетерпением ожидать продолжения.

Booklist

Annotation

Роман «Стеклянные дома» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи.

В деревне Три Сосны весело отмечают Хеллоуин. Однако праздничное настроение угасает, когда на деревенском лугу появляется странная фигура в черной мантии и в маске. Инспектор полиции Гамаш, желая понять, что это за человек, пытается разговорить его, увести прочь. Но незнакомец стоит непоколебимо, хотя, кажется, не намерен никому причинить вреда. Выясняется, что он изображает кобрадора – испанского сборщика долгов, который в Средние века преследовал должников, молча взывая к их совести. К кому же явился кобрадор в деревне Три Сосны? Пока этот вопрос занимает местных жителей, незнакомец исчезает, а в подвале церкви находят мертвое тело в костюме сборщика долгов. Убита одна из гостей, приехавших на праздник. Мотив убийства неясен, но, похоже, жертва видела то, что не предназначалось для чужих глаз…

Луиза Пенни
Стеклянные дома

Посвящается Лиз Дерозье, которую я нашла в моем саду и которая теперь живет в моем сердце

*** * ***

ЛУИЗА ПЕННИ – канадская писательница, автор серии детективов об Армане Гамаше, старшем инспекторе отдела убийств полиции Квебека. Уже первое ее произведение, «Убийственно тихая жизнь», завоевало несколько престижных премий в области детективной литературы, в том числе премию «John Creasy New Bloody Dagger».

Каждый последующий ее роман мгновенно становился бестселлером. Пенни – первый автор, пять раз получивший премию «Agatha Award».

> Эта история является идеальным напоминанием о темной стороне человеческой природы…
>
> *Kirkus Reviews*

> Криминальным романам Луизы Пенни присущи интеллектуальность и стиль.
>
> *Arrive Magazine*

> Вы не найдете деревню Три Сосны на карте… хотя Луиза

Пенни сделала и саму деревню, и ее жителей столь реальными, что вам захочется непременно отыскать ее.

The Chicago Tribune

Читать романы Луизы Пенни – редкостное удовольствие.

People

Изобретательно и неожиданно.

Guardian

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Убийство, обаятельный детектив и пугающая атмосфера – впечатляет!

The Times

Глава первая

– Назовите, пожалуйста, ваше имя.

– Арман Гамаш.

– И вы – глава Квебекской полиции?

– Oui, я старший суперинтендант.

Гамаш сидел выпрямившись на деревянном сиденье. В это июльское утро стояла невыносимая жара. На верхней губе у него выступил пот, а часы показывали всего десять. День только начинался.

Свидетельское кресло не относилось к числу его любимых мест в мире. И уж совершенно точно он не любил свидетельствовать против другого человеческого существа. Всего несколько раз за свою карьеру он получил удовлетворение, даже удовольствие от дачи показаний, но сейчас был не тот случай.

Сидя на неудобном жестком сиденье, под присягой, Арман Гамаш признался себе, что хотя он верит в закон и всю жизнь служил закону, но на самом деле должен отвечать только перед своей совестью.

А она зарекомендовала себя весьма суровым судьей.

– Насколько я понимаю, вы лично арестовали обвиняемое лицо.

– Да.

– Это ведь необычно для старшего суперинтенданта – производить арест?

– Как вам известно, я лишь недавно вступил в должность. Для меня все необычно. Однако в данном конкретном случае я не мог не участвовать.

Главный прокурор улыбнулся. Он стоял спиной к залу и скамье присяжных, так что никто не видел его улыбку. Кроме судьи, которая почти ничего не упускала.

И то, что она увидела, отнюдь не было приятной улыбкой. Скорее ухмылкой. Это удивило судью Корриво, ведь главный прокурор и старший суперинтендант определенно выступали на одной стороне.

Впрочем, это вовсе не означало, что они должны уважать или любить друг друга. Судья Корриво и сама не уважала некоторых своих коллег, хотя вряд ли когда-нибудь смотрела на них с таким вот выражением.

Пока она оценивала свидетеля и прокурора, Гамаш оценивал ее. Пытался понять, о чем она думает.

От того, кому из судей достанется то или иное дело, зависит его исход. А исход дела, которое вела судья Корриво, имел критическое значение. Речь

шла не просто о толковании закона, а об атмосфере в зале заседания суда. Насколько строгой она будет? Какое пространство для маневра будет позволено?

Внимательна ли судья? Не устала ли? Не отбывает ли время до звонка? А иногда не столько отбывает, сколько убивает.

Но не судья Корриво.

Морин Корриво стала судьей недавно. Гамаш знал, что это ее первое дело об убийстве. Он ей сочувствовал. Она даже не подозревала, что вытянула несчастливый билет. Что еще немного – и на нее обрушится целая гора неприятностей.

Женщина средних лет, она не скрывала седину в волосах. Возможно, воспринимала это как знак компетентности и зрелости. А может, ей больше не требовалось производить впечатление. Она была опытным юристом, одним из партнеров монреальской адвокатской фирмы. Когда-то она была блондинкой. До того, как поднялась по карьерной лестнице. Надела шелк, как говорят в Британии.[1]

Забавно, но это немного напоминало рассказы парашютистов о прыжках с самолета.

Судья Корриво снова посмотрела на Гамаша. Проницательный взгляд. Умный. Однако Гамаш хотел бы понять, что она видит на самом деле. И что упускает.

Судья Корриво казалась непринужденной. Но это ничего не значило. Возможно, посмотрев сейчас на Гамаша, многие тоже сказали бы, что он чувствует себя раскованно.

Он оглядел переполненный зал судебных заседаний во Дворце правосудия в Старом Монреале. Большинство из тех, кто мог бы присутствовать здесь, предпочли остаться дома. Некоторые, вроде Мирны, Клары и Рейн-Мари, подлежали вызову в качестве свидетелей и не хотели приходить до того дня, когда им придется это сделать. Другие жители деревни – Оливье, Габри, Рут – просто не хотели покидать Три Сосны и тащиться в душный город, чтобы воскрешать трагедию.

Однако Жан Ги Бовуар, заместитель Гамаша, присутствовал на слушаниях, так же как и старший инспектор Изабель Лакост, глава отдела по расследованию убийств.

Вскоре наступит их очередь давать свидетельские показания. А может быть, подумал Гамаш, до этого и не дойдет.

Он снова посмотрел на главного прокурора Барри Залмановица. Но по пути его взгляд скользнул по судье Корриво. К его огорчению, она наклонила голову, чуть-чуть наклонила. И прищурилась, тоже чуть-чуть.

Что она заметила в его глазах? Неужели начинающая судья увидела то, что он пытается скрыть? Отчаянно пытается?

Впрочем, если она и увидела что-то, то наверняка истолкует это неправильно. Подумает, что он не уверен в вине подсудимого.

Но у Армана Гамаша на сей счет сомнений не было. Он точно знал, кто убийца. Он просто опасался, что случится какая-нибудь неожиданность. И необыкновенно хитроумный преступник выйдет на свободу.

Главный прокурор неторопливо направился к своему столу, надел очки и внимательно – кто-то даже сказал бы «театрально» – прочитал какую-то бумажку.

Может, на ней ничего и не написано, подумал Гамаш. Или это список покупок. Почти наверняка бутафория. Облачко дыма. Осколок зеркала.

Суд, как и месса, имел сходство с театральным представлением. Гамаш почти ощущал запах ладана и слышал маленький дребезжащий колокол.

Присяжные, еще не разомлевшие от жары, следили за каждым шагом опытного прокурора. Что от них и требовалось. Но не он задавал тон разыгрывавшейся драме. Эта роль была отдана кому-то находящемуся за сценой, кому-то, кто почти наверняка не произнесет ни слова.

Прокурор снял очки, и Гамаш услышал тихое шуршание шелковой мантии – так судья Корриво выражала свое почти нескрываемое нетерпение. Присяжные вполне могли повестись на уловки прокурора, но судья – нет. Да и присяжные вскоре сообразят, что к чему. Они слишком умны для этого.

– Насколько я понимаю, обвиняемое лицо призналось в совершении преступления, верно? – спросил прокурор, глядя поверх очков в профессорской манере, совершенно не действующей на главу Квебекской полиции.

– Да, признание есть.

– Полученное на допросе, старший суперинтендант?

Гамаш обратил внимание, что обвинитель настойчиво повторяет его звание, словно подчеркивая, что человек столь высокого положения просто не может совершить ошибку.

– Нет. Обвиняемое лицо пришло ко мне домой и призналось. Добровольно.

– Возражаю. – Адвокат вскочил на ноги, но с некоторым опозданием, как заметил Гамаш. – Это не соответствует действительности. Признания в убийстве не было.

– Верно. То признание, о котором говорю я, не было признанием в убийстве, – сказал прокурор. – Но оно напрямую привело к предъявлению

обвинения, не так ли, старший суперинтендант?

Гамаш посмотрел на судью Корриво, ожидая, что она отведет возражение.

Она помедлила и наконец произнесла:

– Возражение отклоняется. Можете отвечать.

– Обвиняемое лицо пришло добровольно, – сказал Гамаш. – И вы правы: то признание послужило основой для предъявления нынешних обвинений.

– Вас удивило, что обвиняемое лицо явилось к вам домой?

– Возражаю, ваша честь, – снова вскочил защитник. – Субъективно и несущественно. Какое может иметь значение, удивился месье Гамаш или нет?

– Поддерживаю. – Судья посмотрела на Гамаша. – Не отвечайте на этот вопрос.

Гамаш и не собирался отвечать на вопрос прокурора. Судья была права, поддержав защитника. Вопрос был субъективный. Однако Гамаш не стал бы называть его несущественным.

Удивился ли он?

Разумеется, он удивился, когда увидел, кто стоит на крыльце его дома в квебекской деревушке. Трудно было сразу понять, кто этот человек в теплой куртке, с капюшоном на голове. Мужчина или женщина? Молодой или старый? Гамаш до сих пор слышал, как ледяные дробинки стучали по стенам его дома, когда холодный ноябрьский дождь перешел в снежную крупу.

И, вспоминая об этом сейчас, жарким июльским утром, он почувствовал холодок.

Да. Он удивился. Он не ждал такого визита.

А к тому, что случилось потом, слово «удивление» и близко не подходит.

– Я не хочу, чтобы мое первое дело об убийстве было оспорено в апелляционном суде, – тихо, так, чтобы слышал только Гамаш, произнесла судья Корриво.

– Думаю, теперь уже поздновато, ваша честь. Дело началось в более высоком суде, там оно и закончится.

Судья Корриво пошевелилась в кресле, пытаясь обрести прежнее равновесие. Но что-то изменилось. За время этого короткого и приватного обмена репликами.

К словам, загадочным или нет, она привыкла. Выражение глаз Гамаша – вот что не давало ей покоя. И она спросила себя: знает ли он, что глаза

его выдают?

Хотя судья Корриво не могла точно сказать, что она видит, она была уверена: старший суперинтендант Квебекской полиции не должен так выглядеть. В свидетельском кресле. Во время слушания дела об убийстве.

Морин Корриво едва знала Армана Гамаша. Только по отзывам. За прошедшие годы Корриво и Гамаш много раз проходили мимо друг друга в коридорах Дворца правосудия.

Она была готова к тому, что он не вызовет у нее симпатии. Охотник на других людей. Человек, который зарабатывал на жизнь смертью. Нет, сам он никого не убивал, но получал от чужой смерти выгоду.

Нет убийств – нет и Гамаша.

Она помнила одну случайную встречу, когда Гамаш еще был главой отдела по расследованию убийств, а она – адвокатом защиты. Они пересеклись в коридоре, и Морин опять поймала его взгляд. Проницательный, внимательный, задумчивый. И опять увидела в его глазах что-то еще.

Он прошел мимо, чуть наклонив голову, чтобы слышать, о чем говорит его спутник. Более молодой мужчина, его заместитель, насколько ей было известно. Человек, который тоже сегодня присутствовал в суде.

А в коридоре тогда остался легкий аромат сандалового дерева и розовой воды. Еле ощутимый.

Морин Корриво вернулась домой и рассказала об этом своей партнерше:

– Я пошла следом за ним и несколько минут провела в зале суда, слушая его свидетельские показания.

– Зачем?

– Мне было любопытно. Я никогда не выступала против него в суде и подумала, что если мне это предстоит, то нужно хорошо подготовиться. К тому же у меня было немного свободного времени.

– Ну и?.. Что он собой представляет? Постой, попробую догадаться. – Джоан взялась за кончик носа, покрутила его и прогундосила: – Значитца, так: панк замочил того парня. Чего мы тут тратим время на дурацкий процесс, вы, желторотые блохастые тру́сы? Вздернуть его!

– Поразительно! – воскликнула Морин. – Ты там была, что ли? Да, он превратился в Эдварда Робинсона.

Джоан рассмеялась:

– Как ни крути, Джимми Стюарт и Грегори Пек никогда не смогли бы возглавить отдел по расследованию убийств.

– Это точно. На самом деле он вторил сестре Прежан.[2]

Джоан отложила книгу:

– На процессе?

– В своих показаниях.

Гамаш сидел в свидетельском кресле, спокойный, непринужденный, но не расслабленный. Он выглядел представительно, хотя по первому впечатлению красавцем не был. Крупный мужчина в хорошо сшитом костюме. Он сидел прямо и слушал внимательно. Уважительно.

Его волосы, в основном уже поседевшие, были аккуратно подстрижены, лицо чисто выбрито. Даже с галереи Морин Корриво видела глубокий шрам у его виска.

А потом он произнес эти слова: «Ни один человек не может быть так же плох, как самые худшие его деяния».

– С какой стати он вдруг стал цитировать монахиню, выступающую против смертной казни? – спросила Джоан. – Причем именно те самые слова?

– Я думаю, это была тихая мольба о снисходительности.

– Угу, – сказала Джоан и задумалась на секунду. – Конечно, верно и противоположное. Ни один человек не может быть так же хорош, как самые лучшие его деяния.

И вот теперь судья Корриво сидела в своей шелковой мантии в судейском кресле. И пыталась понять, какие мысли бродят в голове старшего суперинтенданта Гамаша.

Прежде она никогда не находилась так близко к нему, да еще и на протяжении столь долгого времени. Глубокая отметина на его виске оставалась на том же месте и, конечно, всегда будет там оставаться. Словно клеймо, поставленное на Гамаше его работой. Вблизи судья Корриво видела морщины в уголках рта. И возле глаз. Линии жизни. Линии смеха. У нее они тоже были.

Мужчина на вершине карьеры. Раскованный. В мире со всем, что он делал прежде и должен сделать теперь.

Но что в этих глазах?

Тот взгляд, который она поймала когда-то давно в коридоре Дворца правосудия, оказался настолько неожиданным, что Морин Корриво последовала за Гамашем и выслушала его свидетельские показания.

В том взгляде была доброта.

Однако сегодня она видела в его глазах что-то другое. Тревогу. Не сомнение, подумала она. Но он явно был встревожен.

А теперь и судья Корриво начала тревожиться, хотя и не могла сказать почему.

Она отвернулась от него, и они оба сосредоточили внимание на прокуроре. Он играл авторучкой, а когда попытался прислониться задницей к своему столу, судья Корриво гневно посмотрела на него, и он тут же выпрямился. И положил ручку.

– Позвольте, я задам вопрос иначе, – сказал он. – Когда у вас впервые появились подозрения?

– Как и большинство убийств, это убийство началось задолго до фактического действия, – ответил Гамаш.

– То есть вы знали, что убийство произойдет, еще до того, как оно случилось?

– Non. Нет, конечно.

«Нет?» – спросил себя Гамаш. Как спрашивал себя каждый день после обнаружения тела. Но на самом деле он спрашивал себя, как он мог не знать.

– И теперь следующий вопрос, старший суперинтендант: когда вы узнали? – В голосе Залмановица прорезались нетерпеливые нотки.

– Я понял, что что-то не так, когда увидел на деревенском лугу фигуру в черном одеянии.

Слова Гамаша вызвали шумок в зале суда. Репортеры, собравшиеся у одной стены, склонились над ноутбуками. Со своего места Гамаш слышал стук клавиш на другом конце зала. Современный код Морзе, сообщающий о срочном послании.

– Под «деревней» вы подразумеваете Три Сосны, – сказал Залмановиц, глядя на журналистов, словно то, что прокурор знает название деревни, где жил Гамаш и где погибла жертва, заслуживало особого внимания. – К югу от Монреаля, у границы с Вермонтом, я верно говорю?

– Oui.

– Маленькая деревенька, насколько я понимаю.

– Oui.

– Милая деревенька? И спокойная?

Залмановицу удалось произнести слово «милая» так, что оно прозвучало как «унылая», а «спокойная» – как «скучная».

Гамаш кивнул:

– Да. Очень милая.

– И отдаленная.

В устах прокурора «отдаленная» прозвучало как «отсталая», словно чем дальше от крупного города, тем менее цивилизованной становится жизнь. И возможно, это так и есть, подумал Гамаш. Но он видел результаты так называемой цивилизации и знал, что в городах обитает не меньше

зверей, чем в диких лесах.

– Не столько отдаленная, сколько в стороне от дорог, – пояснил Гамаш. – Если кто и попадает в Три Сосны, то главным образом потому, что заблудился. Это не такое место, которое вы проезжаете по пути куда-то.

– То есть оно на дороге в никуда?

Гамаш почти улыбнулся. Наверное, эта фраза должна была прозвучать как оскорбление, но она оказалась удивительно меткой.

Они с Рейн-Мари переехали в Три Сосны, привлеченные в первую очередь красотой деревни и ее расположением в стороне от оживленных дорог. Она была гаванью, убежищем, чтобы скрыться от забот и жестокости мира, с которыми Гамаш сталкивался каждый день. Мира за лесом.

Они обрели здесь дом. Сделали деревню своим домом. Среди сосен и многолетних растений, деревенских лавочек и жителей деревни, которые стали их друзьями, а потом семьей.

Так что, когда на прелестном, спокойном деревенском лугу появилась темная фигура, пугавшая играющих детей, это показалось не просто странным. Не просто явлением незваного гостя. Это было надругательством.

На самом деле ощущение беспокойства возникло у Гамаша накануне вечером. Когда облаченное в черную мантию существо впервые появилось на ежегодном праздновании Хеллоуина в бистро.

Но настоящая тревога овладела Гамашем, когда на следующее утро он выглянул в окно спальни и увидел, что существо все еще здесь. Оно стояло на деревенском лугу. Смотрело на бистро.

Смотрело, и больше ничего.

Сегодня, много месяцев спустя, Арман Гамаш взглянул на прокурора в его черном одеянии. Потом на скамью защиты. На адвокатов в черных мантиях. И на судью в черной мантии, сидевшую сбоку от него и чуть выше.

И все они смотрели. На Гамаша.

Никуда было не деться от черных мантий.

– Вообще-то, это началось накануне вечером, – уточнил он свои показания. – На вечеринке по случаю Хеллоуина.

– Все надели маскарадные костюмы?

– Не все. Это было необязательно.

– А вы? – спросил прокурор.

Гамаш сверкнул на него глазами. Вопрос был неуместный. Но цель его состояла в том, чтобы слегка унизить старшего суперинтенданта.

– Мы решили прийти на праздник, переодевшись другими жителями.

– Вы и ваша жена? Вы оделись женщиной, а она мужчиной?

– Не совсем так. Мы тащили бумажки с именами из шляпы. Я вытащил Габри Дюбо, который вместе со своим партнером Оливье владеет местной гостиницей.

Арман с помощью Оливье позаимствовал у Габри его фирменные ярко-розовые мягкие тапочки и кимоно. Костюм был прост и чрезвычайно удобен.

Рейн-Мари оделась под их соседку Клару Морроу. Клара была весьма успешной художницей-портретисткой, хотя казалось, что пишет она главным образом себя.

Рейн-Мари начесала волосы, так что они встали дыбом, и затолкала туда печенье и сэндвич с ореховым маслом. В довершение всего она вся измазалась красками.

Клара же вырядилась своей подружкой Мирной Ландерс. Все были немного озабочены, не намажет ли она себе лицо черной краской, хотя Мирна сказала, что она ничуть не обидится, даже если Клара намажется вся.

Клара на сей раз не стала мазать себя краской. Вместо этого она надела кафтан из пыльных суперобложек старых книг.

В прошлом Мирна была психотерапевтом в Монреале, а теперь владела книжным магазином рядом с бистро – «Книги Мирны, новые и старые». У Клары была теория, что жители деревни специально придумывают себе проблемы, только чтобы прийти и посидеть с Мирной.

– Придумывают? – переспросила старая поэтесса Рут, сердито глядя на Клару. – Да у тебя целый склад проблем. Ты монополист на этом рынке.

– А вот и нет, – возразила Клара.

– Неужели? У тебя в скором времени персональная выставка, а ты, кроме говна, ничего к ней не подготовила. Если это не проблема, то я уж и не знаю тогда, какие бывают проблемы.

– Это не говно.

Впрочем, никто из друзей Клары не поддерживал ее в этом вопросе.

Габри пришел на Хеллоуин в образе Рут. Он нацепил седой парик и наложил на лицо столько косметики, что стал похож на персонажа из фильма ужасов. В дополнение он надел свалявшийся, траченный молью свитер и прихватил с собой набитую опилками игрушечную утку.

Весь вечер напролет он прихлебывал виски и бормотал стихи:

Вот дом пустой стоит на холме,
Ни ночь он не ждет, ни зарю,

А из дверей ни бе и ни ме,
Ни даже простого хрю-хрю.

– Это не мои, ты, мешок с дерьмом, – обиделась Рут.

Она надела свалявшийся, траченный молью свитер и прихватила с собой настоящую утку.

– «Травинке тонкой пою я оду, – продолжил Габри. – Она машет знаменем за свободу».

– Прекрати, – велела Рут. – Ты убиваешь мою музу.

– «Будут ли во времена грядущие, – не унимался Габри, – у меня такие же большие уши?»

Последнее слово он произнес как «ущие».

Даже Рут не смогла сдержать смех, а утка Роза у нее на руках пробормотала: «Фак-фак-фак».

– Я работал над этим весь день, – сказал Габри. – Сочинять стихи совсем нетрудно.

– Значит, это было тридцать первого октября прошлого года? – спросил прокурор.

– Non. Это было первого ноября. Вечером на Хеллоуин мы оставались дома, раздавали сладости детишкам.[3] А вечеринка всегда на следующий день.

– Первого ноября. Кто еще присутствовал, кроме деревенских?

– Матео Биссонетт и его жена Леа Ру.

– Мадам Ру, политик, – уточнил прокурор. – Восходящая звезда в своей партии.

У себя за спиной месье Залмановиц услышал возобновившийся стук клавиш. Песню сирены. Доказательство того, что он сообщил нечто достойное названия «новости».

– Да, – подтвердил Гамаш.

– Это ваши друзья? Они оставались у вас?

Разумеется, прокурор знал ответы на все свои вопросы. Он задавал их ради присяжных и судьи. И репортеров.

– Non. Я с ними едва знаком. Они приехали с друзьями – Кэти и Патриком Эванс.

– Ах да. Эвансы. – Прокурор посмотрел в сторону скамьи защиты, потом опять на Гамаша. – Подрядчик и его жена архитектор. Они строят стеклянные дома, кажется. Тоже ваши друзья?

– Тоже знакомые, – твердым голосом поправил его Гамаш.

Ему не нравилось подобное передергивание.

– Конечно, – сказал Залмановиц. – А почему они оказались в деревне?

– Это была ежегодная встреча. Они дружат со школы. Учились в одной группе в Монреальском университете.

– Им всем теперь немного за тридцать?

– Oui.

– И как давно они приезжают в Три Сосны?

– Четыре года. Всегда в одну и ту же неделю в конце лета.

– Однако в этом году они приехали в начале ноября.

– Oui.

– Странное время для приезда. Листья опали, а снег для катания на лыжах еще не выпал. Погода довольно тоскливая, правда?

– Может быть, номера в гостинице стали дешевле, – услужливо подсказал Гамаш. – Там довольно уютно.

Когда сегодня рано утром он уезжал из Трех Сосен в Монреаль, Габри, хозяин гостиницы, подбежал к нему с пакетом оберточной бумаги и кружкой кофе в дорогу:

– Если вам придется говорить о гостинице, то скажите что-нибудь вроде «прекрасная». Или «прелестная».

Сказать так вовсе не означало солгать. Гостиница в помещении старой почтовой станции по ту сторону деревенского луга, с ее широкой верандой и высокими коньками на крыше, была прелестна. В особенности летом. Как и у всех других домов в деревне, у гостиницы был сад перед входом, где цвели старые многолетники: розы и лаванда, шпили наперстянки и душистые флоксы.

– Только не говорите «потрясающая», – посоветовал Габри. – Звучит агрессивно.

– А мы этого не хотим, – сказал Гамаш. – Вы же знаете, там слушается дело об убийстве.

– Знаю, – серьезно ответил Габри, передавая Гамашу кофе и круассаны.

И вот теперь Гамаш сидел в свидетельском кресле и слушал прокурора.

– Как эти одногруппники оказались в деревне в первый раз? – спросил месье Залмановиц. – Они что, заблудились?

– Нет. Леа Ру росла на глазах у доктора Ландерс. Мирна привыкла опекать ее. Леа и Матео несколько раз приезжали к Мирне, и деревня им понравилась. Они рассказали про Три Сосны друзьям и стали приезжать сюда на ежегодную встречу.

– Понятно. Значит, именно Леа Ру и ее муж затеяли все это. – Из уст прокурора это прозвучало крайне подозрительно. – А мадам Ландерс им помогла.

– *Доктор* Ландерс, и никто ничего не затевал. Совершенно обычная встреча друзей.

– Неужели? Вы называете то, что произошло, совершенно обычным?

– До прошлого ноября так все и было.

Прокурор кивнул с глубокомысленным видом, словно не вполне верил старшему суперинтенданту Гамашу.

«Это смешно», – подумала судья Корриво. Однако она видела, что на присяжных это производит впечатление.

И опять она задалась вопросом, зачем прокурор так поступает с собственным свидетелем. С главой Квебекской полиции, черт побери.

Атмосфера накалялась не только на улице, но и в зале суда. Судья Корриво посмотрела на старые кондиционеры в окнах. Они, конечно, не работали. Слишком шумные. Отвлекали бы.

Но жара тоже начинала отвлекать. А ведь еще и полдень не наступил.

– И когда же наконец все это показалось вам ненормальным, старший суперинтендант? – спросил Залмановиц.

Он снова сделал акцент на звании Гамаша, но теперь в тоне прокурора ощущался намек на некомпетентность.

– Это началось во время вечеринки на Хеллоуин в бистро, – сказал Гамаш, игнорируя провокацию. – Некоторые гости надели маски, хотя узнать их было нетрудно, особенно когда они начинали говорить. Лишь один был неузнаваем. Этот гость надел черное одеяние до самого пола и черную маску. Перчатки, сапоги. На голову натянул капюшон.

– Настоящий Дарт Вейдер, – заметил прокурор, и на галерее для зрителей раздался смешок.

– Мы тоже так думали поначалу. Но костюм был не из «Звёздных Войн».

– Тогда кого, по-вашему, изображал тот человек?

– Рейн-Мари… – Гамаш повернулся к присяжным. – Это моя жена.

Они кивнули.

– Рейн-Мари предположила, что это отец Моцарта из фильма «Амадей». Но у того была особая шляпа. А у этого – только капюшон. Мирна подумала, что он изображает священника-иезуита, однако креста на нем не было.

И вел он себя как-то необычно. Люди вокруг веселились, а он стоял столбом.

Вскоре люди начали заговаривать с ним. Спрашивали о его костюме. Пытались сообразить, кто он. Но это продолжалось недолго, и вскоре все начали сторониться его. Вокруг темной фигуры образовалось пустое пространство. Пришелец словно находился в собственном мире. Собственной вселенной. Где не было никакого Хеллоуина. Никаких празднующих. Никакого смеха. Никакой дружбы.

– А что подумали вы?

– Я подумал, что это Смерть, – ответил Арман Гамаш.

В зале суда воцарилось молчание.

– И что вы сделали?

– Ничего.

– Вот как? Тут заявляется с визитом Смерть, а глава Квебекской полиции, в прошлом старший инспектор отдела по расследованию убийств, ничего не предпринимает?

– Это был человек в маскарадном костюме, – терпеливо произнес Гамаш.

– Возможно, так вы подумали в тот вечер, – подхватил прокурор. – Но когда вы поняли, что это и в самом деле смерть? Позвольте высказать предположение. Когда стояли над телом?

Глава вторая

Нет. Фигура на вечеринке смущала, но плохое предчувствие у Гамаша действительно появилось только на следующее утро, когда он выглянул из окна спальни в промозглый ноябрьский день.

– На что ты смотришь, Арман? – поинтересовалась Рейн-Мари, подойдя к мужу.

Она тоже выглянула в окно и нахмурилась.

– Что он там делает? – спросила она вполголоса.

В то время как все разошлись по домам, чтобы лечь спать, человек в темной мантии этого не сделал. Никуда не ушел. Остался. И до сих пор там находился. Стоял на деревенском лугу в своей шерстяной мантии. И в капюшоне. Смотрел.

Из окна Гамашу не было видно, но он подозревал, что и маска осталась на своем месте.

– Не знаю, – ответил Арман.

Было субботнее утро, и он оделся как обычно. Брюки, рубашка и теплый осенний свитер. Наступил ноябрь, и погода не давала им забыть об этом.

День начался серым рассветом, как это часто случается в ноябре после ярких восходов и ярких осенних листьев октября.

Ноябрь – переходный месяц. Разновидность чистилища. Холодное влажное дыхание между умиранием и смертью. Между осенью и мертвой зимой.

Никто не любил ноябрь.

Гамаш надел резиновые сапоги и вышел наружу, оставив немецкую овчарку Анри и маленькое существо по имени Грейси в полном недоумении: они не привыкли, чтобы их не брали на прогулку.

На улице было холоднее, чем он предполагал. Даже холоднее, чем предыдущим вечером.

Он еще не успел дойти до луга, как руки у него закоченели, и он пожалел, что не надел перчатки и шапку.

Гамаш подошел к темной фигуре и остановился прямо перед ней.

Маска оказалась на месте. Не было видно ничего, кроме глаз. Но даже и глаза были скрыты какой-то сеткой.

– Кто вы? – спросил Гамаш.

Голос его звучал спокойно, даже дружелюбно. Абсолютно нормальная

ситуация.

Во враждебности нет никакой нужды. Для этого еще будет время, если возникнет необходимость.

Однако человек продолжал хранить молчание. В его позе не было скованности. Его окружала аура уверенности, даже авторитетности. Он не только чувствовал себя здесь на своем месте, но даже как бы владел им.

Впрочем, Гамаш подозревал, что это ощущение создает скорее мантия, чем молчание человека.

Его всегда поражало, насколько молчание действеннее слов. Например, если нужно сбить кого-то с толку. Но он не мог позволить себе роскошь молчания.

– Почему вы здесь? – спросил Гамаш. Сначала по-французски, потом по-английски.

Потом он ждал ответа. Десять секунд. Двадцать. Сорок пять.

* * *

В бистро Мирна и Габри смотрели сквозь свинцовое стекло окна.

Смотрели на двух человек, уставившихся друг на друга.

– Отлично, – сказал Габри. – Арман избавится от него.

– Кто это? – спросила Мирна. – Он вчера был у тебя на празднике.

– Помню, но я понятия не имею, кто он такой. И Оливье тоже не знает.

– Уже закончили? – спросил Антон, мойщик посуды и помощник официанта.

Он потянулся к тарелке Мирны, на которой остались одни крошки. Но его рука замерла на полпути. Как и двое других, он уставился в окно.

Мирна посмотрела на Антона. Он появился недавно, но быстро здесь освоился. Оливье нанял его мыть посуду и помогать официанту, однако Антон ясно дал понять, что надеется стать шеф-поваром.

– Шеф-повар может быть только один, – доверительно сообщил Антон Мирне как-то раз, покупая в ее магазине старинные кулинарные книги. – Но Оливье нравится делать вид, будто их целая армия.

Мирна рассмеялась. Это было похоже на Оливье. Ему всегда хотелось производить впечатление, даже на людей, которые слишком хорошо знали его.

– У вас есть фирменное блюдо? – спросила она, выбивая чек на своем старинном кассовом аппарате.

– Я люблю канадскую кухню.

Мирна помедлила, глядя на него. Ему лет тридцать пять, прикинула она. Конечно, с такими амбициями и в таком возрасте уже не годится быть помощником официанта. Судя по речи, Антон был неплохо образован, он поддерживал хорошую физическую форму – стройный, атлетического сложения. Темно-каштановые волосы, коротко подстриженные по бокам и подлиннее сверху, придавали ему мальчишеский вид.

Определенно он был красив. И стремился стать шеф-поваром.

Будь она лет на двадцать моложе…

Почему бы девушке не помечать? И она мечтала.

– Канадская кухня? А что это такое?

– Вот именно, – ответил Антон с улыбкой. – Никто толком не знает. Я думаю, это все, что рождает земля Канады. И ее реки. Здесь так много всего. Я люблю добывать корм.

При этих словах он плотоядно усмехнулся, как вуайерист, который говорит: «Я люблю смотреть».

Мирна рассмеялась, слегка покраснела и взяла с него доллар за обе книги.

И вот теперь Антон смотрел в окно, наклонившись над их столиком в бистро.

– Это что? – спросил он шепотом.

– Разве тебя не было вчера на празднике?

– Да, но я все время торчал в кухне. Не выходил.

Мирна перевела взгляд с существа на деревенском лугу на этого молодого человека. В бистро было полно веселящегося народа, а он мыл тарелки в кухне. Как в какой-нибудь викторианской мелодраме.

Словно прочитав ее мысли, Антон улыбнулся:

– Я мог бы выйти, но не люблю большие сборища. Меня устраивает и кухня.

Мирна кивнула. Она понимала его. «У нас у всех, – подумала она, – есть место, где мы чувствуем не только спокойствие, но и уверенность в себе». Таким местом для нее был книжный магазин. Для Оливье – бистро. Для Клары – мастерская.

Для Сары – пекарня. А для Антона – кухня.

Но порой ощущение спокойствия оказывалось иллюзией. Оно вроде бы защищало тебя, а на самом деле становилось твоей тюрьмой.

– Что он говорит? – спросил Антон, садясь рядом и показывая на Гамаша и человека в мантии.

* * *

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил Арман. – Может, вы хотели бы с кем-то поговорить?

Он не дождался ни ответа, ни какого-либо движения. Хотя и видел пар от дыхания, вырывающийся оттуда, где должен был находиться рот.

Свидетельство жизни.

Оно было постоянным. Как дым из трубы паровоза, мчащегося вперед.

– Меня зовут Гамаш. Арман Гамаш. – Он немного помолчал, прежде чем продолжить: – Я глава Квебекской полиции.

Кажется, он заметил движение глаз. Посмотрел ли на него этот человек, прежде чем отвести взгляд?

– Холодно, – сказал Арман, потирая замерзшие руки. – Давайте зайдем в дом. Выпейте кофе или, может, хотите яичницу с беконом? Я живу вон там.

Он показал на свой дом. Подумал, не уточнить ли, но понял, что этот человек уже знает, где он живет. Ведь Гамаш вышел оттуда. Вряд ли это было тайной.

Он ждал, что ответит человек в мантии на приглашение к завтраку, мельком подумав о том, как отреагирует Рейн-Мари, если он приведет домой нового друга.

Не получив никакого ответа, Арман протянул руку, чтобы ухватить незнакомца за запястье и попытаться увести его с собой.

* * *

В бистро смолкли все разговоры, утреннее обслуживание застопорилось.

Все – и клиенты, и обслуживающий персонал – не сводили глаз с двух человек, стоявших посреди деревенского луга.

– Он собирается утащить его оттуда, – сказал Оливье, присоединившись к ним.

Антон хотел подняться, но Оливье жестом усадил его обратно. Никакой спешки больше не было.

Все увидели, как Арман опустил руку, не прикоснувшись к человеку в черном.

* * *

Теперь Арман Гамаш и сам стоял совершенно неподвижно. И пока человек в мантии смотрел на бистро, книжный магазин, пекарню и гастроном месье Беливо, Гамаш смотрел на него.

– Будьте осторожны, – прошептал наконец Арман.

Он повернулся и зашагал к дому.

* * *

Фигура в мантии оставалась там весь день.

Арман и Рейн-Мари прошли мимо нее, направляясь к дому Клары.

Вокруг этого человека образовался невидимый ров. Жители понемногу начали выходить из домов и отправляться по своим делам. Но никто не приближался к границам большого круга, словно бы очерченного вокруг него.

Дети не играли на траве, а люди проходили мимо быстрее обычного, отводя глаза в сторону.

Анри, шедший на поводке, издал тихое рычание и спрятался за Арманом. Шерсть у него встала дыбом. Огромные уши сначала наклонились вперед, потом он прижал их к своей крупной и, следует признать, довольно пустой голове.

Все важное Анри держал у себя в сердце. А в голове у него по большей части было печенье.

Но овчарке хватило ума держаться подальше от фигуры в мантии.

Грейси, которую нашли вместе с ее братцем Лео в мусорном бачке за несколько месяцев до этого, тоже шла на поводке.

Она уставилась на фигуру, словно загипнотизированная, замерла и отказалась идти дальше. Рейн-Мари пришлось взять ее на руки.

– Мы должны что-то сказать? – спросила Рейн-Мари.

– Оставь его, – ответил Арман. – Наверное, он жаждет внимания. И возможно, уйдет, если не получит его.

Но Рейн-Мари заподозрила, что вовсе не по этой причине Арман предпочитает игнорировать незнакомца в черном. Просто он не хочет, чтобы она подходила близко к странному человеку. И по правде говоря, она тоже не хотела.

Все утро она ловила себя на том, что ее тянет к окну – проверить, не

исчезла ли темная фигура. Однако фигура оставалась на лугу. Неподвижная. Незыблемая.

Рейн-Мари не знала точно, когда это произошло, но в какой-то момент она перестала думать о фигуре как о человеке. Все человеческое, что в нем было, испарилось. И фигура превратилась в «оно». В некое существо.

– Проходите в дом, – сказала Клара. – Вижу, наш гость все еще здесь.

Она пыталась казаться беззаботной, но это зрелище явно угнетало ее. Как и всех остальных.

– Арман, у вас есть идея, кто бы это мог быть?

– Никаких идей, к сожалению. Впрочем, я сомневаюсь, что он здесь надолго. Вероятно, это какая-то шутка.

– Вероятно. – Клара повернулась к Рейн-Мари. – Я поставила новые коробки у камина в гостиной. Думала, мы могли бы просмотреть их там.

Слово «новые» не вполне отражало действительность.

Клара помогала Рейн-Мари в бесконечном деле разбора и систематизации так называемых архивов местного исторического общества. Эти архивы представляли собой множество коробок, в которых лежали фотографии, документы, разные предметы. Собранные более чем за сто лет на чердаках и в подвалах. Принесенные с дворовых распродаж и из церковных кладовок.

И Рейн-Мари подрядилась их разобрать. Это была та еще работенка. Но Рейн-Мари все устраивало. Прежде она работала старшим библиотекарем и архивистом в Национальном архиве Квебека. И, как и ее муж, была влюблена в историю. А особенно – в историю Квебека.

– Разделите с нами ланч, Арман? – спросила Клара. В кухне витал запах супа. – Я принесла багет из пекарни.

– Non, merci, я собираюсь в бистро.

Он показал ей книгу, которую держал в руках. Его дневной субботний ритуал. Ланч, пиво и книга перед камином в бистро.

– Только не от Жаклин, – сказала Рейн-Мари, показывая на багет.

– Нет, это от Сары. Я уверена. Хотя шоколадные пирожные с орехами, которые я купила, делала Жаклин. А это важно? – спросила Клара, нарезая хрустящий багет. – Чтобы пекарь умел печь багеты?

– Здесь? Это жизненно важно, – ответила Рейн-Мари.

– Да, – закивала Клара. – Я тоже так думаю. Бедная Сара. Она хочет передать пекарню Жаклин, но я не знаю…

– Ну, может, шоколадных пирожных достаточно, – сказал Арман. – Наверное, я смог бы научиться размазывать сыр бри по шоколадному пирожному с орехами.

Клара поморщилась, но потом задумалась. А что, все возможно…

– Жаклин здесь всего несколько месяцев, – заметила Рейн-Мари. – Может, еще научится.

– Сара говорит, с багетами дело такое: либо у тебя это есть, либо нет, – возразила Клара. – Что-то связанное с прикосновением, а еще с температурой рук.

– Они должны быть горячие или холодные? – спросил Арман.

– Не знаю, – ответила Клара. – Слишком много информации мне ни к чему. Я хочу верить, что багет – это волшебство, а не какая-то ошибка природы. – Она положила хлебный нож. – Суп почти готов. Пока он разогревается, не хотите ли взглянуть на мою последнюю работу?

Это было не похоже на Клару – предлагать взглянуть на ее работу, особенно если процесс еще идет. По крайней мере, когда Арман и Рейн-Мари неохотно прошли через кухню в мастерскую, они надеялись, что процесс действительно еще идет.

Обычно они радовались редкой возможности увидеть работу Клары, когда она создавала свои удивительные портреты. Но совсем недавно стало ясно, что ее представление о завершенной работе кардинально отличается от того, что под этим понимали все остальные.

Оставалось только гадать, что такого видела она, чего не видели другие.

Мастерская была погружена в темноту, окна впускали лишь северный свет, и в хмуром ноябре его отчаянно не хватало.

– Эти готовы, – сказала Клара, показывая в темноте на полотна, стоящие у стены.

Она включила свет.

– Ты уверена? – еле выдавила из себя Рейн-Мари.

Некоторые портреты казались законченными, однако волосы на них были едва обозначены карандашом. И на руках оставались пятна, кляксы.

Портреты по большей части были узнаваемы. Мирна. Оливье.

Арман подошел к портрету Сары, владелице пекарни, прислоненному к стене.

Изображение Сары было одним из наиболее завершенных. На ее морщинистом лице застыло то выражение желания быть полезной, которое Арман тут же узнал. Гордость, еле сдерживаемая. И в то же время Кларе удалось передать ее уязвимость. Сара словно боялась, как бы зритель не попросил у нее того, чего у нее нет.

Да, лицо, руки, поза – все очень подробно выписано. Но… Ее рабочий халат остался в наброске, без всяких деталей. Казалось, Клара потеряла

интерес к портрету.

Грейси и Лео, ее брат, сражались на бетонном полу, и Рейн-Мари наклонилась, чтобы погладить их.

– Что это?

Все слегка сжались, услышав ворчливый голос.

В дверях стояла Рут с Розой на руках, указуя перстом в мастерскую.

– Господи Исусе, какой ужас, – произнесла старая поэтесса. – Кошмар. Сказать «уродство» – значит ничего не сказать.

– Рут, – вмешалась Рейн-Мари, – кому, как не вам, знать, что творчество – это процесс.

– И не всегда успешный. Я серьезно. Что это?

– Это называется искусство, – сказал Арман. – И не обязательно, чтобы вам нравилось.

– Искусство? – с сомнением переспросила Рут. – Неужели? – Она нагнулась и позвала: – Иди сюда, Искусство. Иди сюда!

Они переглянулись. Даже для впадающей в деменцию Рут это было уже слишком.

И тут Клара рассмеялась:

– Она говорит про Грейси, – и показала на щенка, катающегося по полу в обнимку с Лео.

Хотя их нашли в одном мусорном бачке, Лео, щенок Клары, рос очень красивой собакой. Золотистый, поджарый, короткошерстный – лишь на загривке шерсть была длиннее. Сейчас Лео был тощим и долговязым, но в нем уже чувствовалась царственная осанка.

С Грейси все было не так. Если отбросить излишнюю деликатность, она была самой страшненькой в выводке. В буквальном смысле. И возможно, даже не была собакой.

Никто не сумел определить это, когда Рейн-Мари несколько месяцев назад принесла Грейси в дом. Время шло, а ясности не появлялось.

Почти совершенно бесшерстная, если не считать разномастных клочков здесь и там. Одно ухо смело стояло торчком, другое висело. Голова ее, кажется, день за днем становилась все больше, а сама Грейси выросла очень мало. Иногда, на взгляд Рейн-Мари, она даже ужималась в размерах.

Но ее глаза ярко горели. И она понимала, что ее спасли от смерти. Ее восхищение Рейн-Мари не знало границ.

– Иди сюда, Искусство, – сделала еще одну попытку Рут, потом выпрямилась. – Не только уродливая, но и глупая. Своего имени не знает.

– Грейси, – сказал Арман. – Ее зовут Грейси.

– Господи боже, зачем же ты тогда сказал – Искусство?

Она взглянула на него так, словно деменция развивалась у него, а не у нее.

Они вернулись в кухню, где Клара помешала варившийся суп, а Арман поцеловал Рейн-Мари и направился к двери.

– Не спеши, Тинтин,[4] – остановила его Рут. – Ты еще не рассказал нам о том существе, которое стоит посреди деревни. Я видела, ты с ним говорил. Что он тебе ответил?

– Ничего.

– Ничего?

Очевидно, для Рут мысль о том, что кто-то может держать рот закрытым, была абсолютно непостижимой.

– Но почему он все еще здесь? – спросила Клара, отбросив напускное безразличие. – Чего он хочет? Он что, целую ночь там простоял? Вы можете что-то с этим сделать?

– Почему небо голубое? – спросила Рут. – Правда ли, что пицца – итальянская еда? Ты когда-нибудь ела цветные мелки?

Все уставились на нее.

– Может, не будем задавать глупые вопросы? А если по существу, то ответы на твои вопросы таковы: не знаю, не знаю и Эдмонтон.[5]

– На нем маска, – сказала Клара Арману, игнорируя Рут. – Это уже ненормально. Он сам ненормальный. Больной на голову. Она повертела пальцем у виска. – С этим я ничего не могу поделать, – ответил Гамаш. – Законы Квебека не запрещают закрывать лицо.

– Но это не паранджа, – возразила Клара.

– Ради всего святого, – перебила ее Рут. – В чем проблема? Ты что, не видела «Призрак оперы»? Он вот-вот начнет петь, а мы сидим в первом ряду.

– Ты не воспринимаешь это всерьез, – сказала Клара.

– Очень даже воспринимаю. Просто я не боюсь. А вот невежество меня пугает.

– Ты о чем? – осведомилась Клара.

– О невежестве, – повторила Рут, не слыша или делая вид, что не слышит предостережения в голосе Клары. – Все, что отличается от привычного, все, чего ты не понимаешь, немедленно воспринимается тобой как угроза.

– А ты, значит, образец терпимости? – спросила Клара.

– Ой, да ладно, – откликнулась Рут. – Есть же разница между «пугающий» и «угрожающий». Возможно, у него пугающий вид, готова с

тобой согласиться. Но на самом деле он ничего не сделал. Если бы собирался, то, наверно, уже сделал бы.

Рут повернулась к Гамашу, словно ища поддержки, но он промолчал.

– Кто-то на Хеллоуин надевает в шутку костюм, – продолжила она, – при свете дня, и вам всем становится страшно. Тьфу. В Салеме вы бы дали себе волю.

– Ты подходил к нему ближе, чем кто-либо из нас, – обратилась Рейн-Мари к мужу. – Что это такое, по-твоему?

Он опустил глаза на щенков: они свернулись в клубок на полу, привалившись к Анри, похрапывающему и ворчащему во сне. Арман частенько завидовал Анри. До тех пор, пока рядом с его миской с водой не ставили миску с сухим кормом. Тут всякая зависть кончалась.

– Что я думаю, не имеет значения, – ответил Арман. – Он наверняка вскоре исчезнет.

– Вот только не успокаивайте нас, – сказала Клара, слегка смягчив улыбкой раздражение в голосе. – Я вам продемонстрировала свое, – она показала на мастерскую, – теперь покажите мне свое.

– Это лишь впечатление, – ответил он. – Бессмысленное. На самом деле я понятия не имею, кто он и зачем здесь.

– Арман, – настойчиво произнесла Клара.

И он сдался.

– Смерть, – сказал он и посмотрел на Рейн-Мари. – Вот такие у меня ассоциации.

– Смерть с косой? – спросила Рут утробным голосом. – Мрачный Жнец? Он не указывал кривым пальцем?

Она подняла собственный костлявый палец и показала на Армана.

– Я же не говорю, смерть в буквальном смысле, – сказал он. – Но мне кажется, тот, кто надел этот костюм, хочет, чтобы мы провели такую параллель. Он хочет, чтобы мы боялись.

– И я догадываюсь чего, – сказала Клара.

– Вы все ошибаетесь, – возразила Рут. – Смерть вовсе не так выглядит.

– Откуда ты знаешь? – спросила Клара.

– Оттуда, что мы старые друзья. Он приходит почти каждый вечер. Мы сидим в кухне и болтаем. Его зовут Михаил.

– Архангел? – удивилась Рейн-Мари.

– Да. Все считают, будто смерть – это и есть то ужасное существо, но в Библии именно Михаил посещает умирающих и помогает им в последний час. Он прекрасен, с этими его крыльями, которые он плотно прижимает к спине, чтобы не перевернуть мебель.

– Давайте-ка уточним, – сказала Рейн-Мари. – К вам приходит архангел Михаил?

– Давай-ка уточним, – сказала Клара. – Ты читала Библию?

– Я читала все, – ответила Рут Кларе, потом повернулась к Рейн-Мари. – Да, он приходит. Но ненадолго. Он очень занят. Однако заходит выпить и посплетничать о других ангелах. Этот Рафаил, скажу я вам, тот еще тип. Отвратительный, жестокий старикашка.

Кто-то из них издал неуверенное «хм».

– И что вы ему говорите? – спросил Арман.

– Арман, – произнесла Рейн-Мари предостерегающим тоном.

Но он вовсе не собирался подшучивать над старухой. Его разбирало искреннее любопытство.

– Я рассказываю ему о вас. Показываю ваши дома и делаю кое-какие предложения. Иногда я читаю ему стихи. «Из школы домой в семейный ад – / путь невеселый подростка, – процитировала она, задрав голову к потолку в попытке вспомнить. – Куда его велосипед свернет, / доехав до перекрестка?»

Они помолчали несколько секунд, осознавая смысл слов, от которых у них перехватило дыхание.

– Это твое? – спросила Клара.

Рут кивнула и улыбнулась:

– Я знаю, что это процесс. Откровенно говоря, от Михаила проку мало. Он предпочитает лимерики.

Арман не сдержался и хохотнул.

– А перед рассветом он уходит, – сказала Рут.

– И оставляет тебя? – спросила Клара. – Это как-то неправильно.

– Подумай, о чем говоришь, – прошептала Рейн-Мари.

– Мое время еще не пришло. Пока даже не близко. Михаилу нравится быть в моем обществе, потому что я не боюсь.

– Мы все чего-то боимся, – возразил Арман.

– Я хотела сказать, что не боюсь смерти, – поправилась Рут.

– Я думаю, это смерть боится ее, – сказала Клара.

* * *

– Дайте мне два таких, пожалуйста, – попросила Кэти Эванс, показывая на шоколадные пирожные с глазурью сверху.

Она помнила их с детства.

– А вам, мадам? – Жаклин повернулась к другой женщине.

К Леа Ру.

Она ее узнала; впрочем, ее почти все узнавали. Мадам Ру была членом Национального собрания Квебека, часто появлялась в новостях. У нее брали интервью на французском и английском в различных ток-шоу по всей провинции, интересовались ее мнением по разным вопросам. Она выражалась ясно и без всякой высокопарности. Шутливо, но без сарказма. Тепло, но без приторности. Она стала новой любимицей прессы.

И вот она здесь. В пекарне. Собственной персоной.

Обе женщины были крупными. То есть скорее высокими, чем крупными. Но в любом случае они определенно были личностями. В их присутствии маленькая женщина-пекарь просто терялась. Но если эти женщины были личностями, то Жаклин пекла хлеб. И как она подозревала, в данный момент это делало ее более значительной.

– Пожалуй, я возьму лимонный торт и наполеон, – сказала Леа, оглядывая ряд кондитерских изделий за стеклом.

– Довольно странно, – заметила Кэти, подходя к Саре, владелице пекарни, заменявшей в тот момент пирожные на витрине.

Нетрудно было догадаться, о чем она говорит.

Сара вытерла руки о передник и кивнула, посмотрев в окно:

– Я бы хотела, чтобы оно ушло.

– Кто-нибудь знает, что это такое? – спросила Леа сначала у Сары, которая отрицательно покачала головой, потом у Жаклин, которая тоже покачала головой и отвернулась.

– Это очень неприятно, – сказала Сара. – Не понимаю, почему никто ничего не делает. Арман должен как-то вмешаться.

– Вряд ли тут кто-то в силах помочь. Даже месье Гамаш.

Леа Ру заседала в комитете, утвердившем Гамаша в должности главы полиции Квебека. Она между делом сообщила, что знакома с ним. Встречались несколько раз.

Но вообще-то, почти все члены двухпартийного комитета знали Гамаша. Он много лет служил в качестве одного из старших офицеров Квебекской полиции и участвовал в разоблачении высокопоставленных полицейских, погрязших в коррупции.

Поэтому не было ни особой дискуссии, ни тем более возражений.

И два месяца назад Арман Гамаш принес присягу в качестве старшего суперинтенданта самой мощной полицейской организации в Квебеке. А может быть, во всей Канаде.

Но Леа Ру понимала, что при всей своей власти Гамаш абсолютно

бессилен в данной ситуации с существом на деревенском лугу.

– Знаете, наши пирожные можно заказать в бистро, – сказала Сара, когда они уходили, и показала на коробочки в их руках. – Мы делаем поставки Оливье и Габри.

– Merci, – откликнулась Кэти. – Мы отнесем эти в книжный магазин, поделимся с Мирной.

– Она любит шоколадные пирожные с орехами, – сказала Сара. – После появления Жаклин пирожные пользуются большим успехом.

Она посмотрела на эту женщину, гораздо более молодую, – так гордая мать может смотреть на свою дочь.

Если закрыть глаза на багеты, приезд Жаклин стал вполне достойным ответом на молитвы Сары. Ей было под семьдесят, а она каждое утро вставала в пять, чтобы успеть приготовить хлеб, и затем весь день проводила на ногах. Такая нагрузка в ее годы становилась непомерной.

Закрытие пекарни она даже не рассматривала как вариант. И полностью отходить от дел тоже не собиралась. Но рутинные обязанности она хотела переложить на кого-нибудь другого.

И вот три месяца назад появилась Жаклин.

Если бы только научить ее печь багеты.

* * *

– О, это мне нравится, – сказала Мирна, разливая чай, пока Леа раскладывала пирожные.

Потом они втроем уселись вокруг печки-плиты в магазине Мирны, на диване и в креслах перед окном. Из которого была видна фигура в мантии.

Поговорив об этом несколько минут и ни до чего не договорившись, они перешли к последнему проекту Кэти. Стеклянному дому на одном из островов Мадлен.

– Правда? – сказала Мирна с набитым пирожными ртом, что помешало ей выразить свое удивление более отчетливо. – На островах Мэгги, говоря по-простому?

– Да. Похоже, там много денег. Ловля омаров приносит хорошие доходы.

Леа вскинула брови, но ничего не сказала.

Богатство на островах, где прежде царила безнадежная бедность, создавал совсем другой продукт.

– Стеклянный дом на острове – это настоящий вызов, – заметила

Мирна.

И в течение следующего получаса они говорили о погоде, географии, дизайне и домах. Проблемы строительства домашнего очага, а не просто жилища захватили Мирну, и она с восхищением слушала этих молодых женщин.

Ее интересовала Кэти. Нравилась ей. Но с Леа у нее была внутренняя связь, ведь много лет назад Мирна была ее няней.

В свои двадцать шесть лет Мирна заканчивала диссертацию и зарабатывала деньги где только можно, чтобы расплатиться за обучение. Шестилетняя Леа напоминала крохотного мышонка. Ее родители разводились, и Леа, единственный ребенок, боялась выходить из дома. Из-за страха и неуверенности.

Мирна стала ее старшей сестрой, матерью, другом. Защитником и наставником. А Леа стала для нее младшей сестрой, дочерью, другом.

– Вы должны познакомиться с Антоном, – сказала Мирна, с удовольствием глядя, как Леа уплетает пирожные.

– С Антоном?

– Это новый мойщик посуды у Оливье.

– Он называет своих мойщиков посуды по имени? – усмехнулась Кэти. – Я своего называю Босхом.

– Правда? – сказала Леа. – А у меня Густав. Такой грязный, испорченный мальчишка.

– Ха, ха, ха, – произнесла Мирна раздельно. – Антон – личность, и вы это прекрасно знаете. Он хочет стать шеф-поваром. В частности, его интересует развитие кухни, основанной главным образом на местных продуктах.

– На деревьях, – подхватила Кэти. – На травах.

– Это тот англо, – вспомнила Леа. – Ням-ням. Я хочу с ним познакомиться. Думаю, есть кое-какие программы, которые будут ему полезны.

– Извини, – сказала Мирна. – Тебя, наверное, со всех сторон просят о помощи.

– Я не против помочь, – сказала Леа. – А если это означает бесплатную еду, то еще лучше.

– Отлично. Сегодня вечером?

– Сегодня не могу. Мы едем на обед в Ноултон. Но мы что-нибудь придумаем до отъезда.

– А когда вы уезжаете?

– Через пару дней, – ответила Кэти.

Мирна подумала, что это довольно неопределенно для людей, у которых явно все заранее распланировано.

* * *

Когда пекарня наконец опустела и выпечка была поставлена в духовку, Жаклин включила таймер.

– Вы не возражаете, если я…

– Да иди уже, – сказала Сара.

Жаклин не надо было сообщать, куда она собралась. Сара знала. И желала ей всего наилучшего. Если она и мойщик посуды поженятся, а он станет шеф-поваром, то и Жаклин останется.

Сара не гордилась этими эгоистичными мыслями, но, по крайней мере, она не желала Жаклин зла. На свете есть вещи гораздо хуже, чем выйти замуж за Антона.

«Если бы только Антон относился к Жаклин так же, как она к нему. Может, если она научится делать багеты… – подумала Сара, отскабливая столы. – Да. Это было бы неплохо».

В мире Сары хороший багет был волшебной палочкой, которая решала все проблемы.

Жаклин поспешила в кухню бистро по соседству. День подошел к своему пику, и они, вероятно, готовились к обеду. Но для мойщика посуды время пока было спокойное.

– А я как раз к тебе собирался, – сказал Антон. – Ты видела это?

– Трудно не увидеть.

Она поцеловала его в обе щеки, и он вернул ей поцелуи, но на такой же манер он мог поцеловать и Сару.

– Мы не должны сказать что-нибудь? – спросила Жаклин.

– Что сказать? – осведомился он, стараясь говорить сдержанно. – Кому?

– Месье Гамашу, разумеется, – ответила она.

– Нет, – твердо произнес Антон. – Обещай ничего такого не делать. Мы с тобой не знаем, что это…

– У нас есть довольно неплохая идея, – возразила Жаклин.

– Но мы не знаем точно. – Он еще понизил голос, когда шеф-повар посмотрел в его сторону. – Оно, вероятно, само уйдет.

У Жаклин были свои основания для беспокойства, но в данный момент ей показалась более важной реакция Антона на это существо.

* * *

Арман сидел в бистро и читал.

Он чувствовал на себе взгляды других посетителей. И у всех в глазах одно и то же.

«Сделайте что-нибудь с этой штукой на деревенском лугу».

«Пусть оно уйдет».

Какая им польза от такого соседа, как он? Глава Квебекской полиции – и не может их защитить!

Арман закинул ногу на ногу и прислушался к ворчанию огня в камине. Ему было тепло, он вдыхал приятный кленовый дымок и ощущал на себе пронизывающие взгляды соседей.

Хотя рядом с камином стояло удобное кресло, он разместился у окна. Откуда он мог видеть «оно».

Как и Рейн-Мари, он заметил, что с течением времени постепенно перестал думать о фигуре на лугу как о человеке. Человек превратился в «оно».

И Гамаш в большей степени, чем все остальные, понимал, насколько это опасно. Обесчеловечивать кого бы то ни было. Ведь независимо от странности поведения под этой мантией находился живой человек.

И еще его заинтересовала собственная реакция. Он хотел, чтобы оно ушло. Он хотел выйти на луг и арестовать это существо. Арестовать человека.

За какое преступление?

За нарушение своего личного покоя.

Бесполезно было говорить всем, что фигура не представляет для них никакой угрозы. К тому же Гамаш не знал, так ли это на самом деле. Но одно он знал твердо: в данной ситуации он бессилен. Тот факт, что он возглавляет Квебекскую полицию, сужал, а не расширял его возможности действовать.

* * *

Рейн-Мари стояла рядом с ним, когда он приносил присягу. Гамаш был в парадной форме с золотыми эполетами, золотой тесьмой и золотым ремнем. И с наградами, которые он неохотно надел. Каждая напоминала ему о событии, которого лучше бы не происходило. Однако оно произошло.

Он стоял целеустремленный, решительный.

Здесь были его сын и дочь. Его внуки тоже видели, как он поднял руку и поклялся быть верным службе, честности, справедливости.

Среди присутствующих, заполнивших большой зал Национального собрания, были их друзья и соседи.

Жан Ги Бовуар, его давний заместитель, а теперь еще и зять, держал на руках собственного сына. И смотрел.

Гамаш предложил Бовуару присоединиться к нему в департаменте старшего суперинтенданта. И снова стать его заместителем.

– Непотизм? – спросил Бовуар. – Великая квебекская традиция.

– Ты же знаешь, как я ценю традиции, – ответил Гамаш. – Однако ты вынуждаешь меня признать, что ты, как никто другой, подходишь для этой работы, Жан Ги, и комитет по этике со мной согласился.

– Для вас это будет неловко.

– Oui. Квебекская полиция теперь меритократия. Так что…

– Не обделайся?

– Я хотел сказать, не забывай про круассаны, но и про другие обязанности тоже помни.

И Жан Ги ответил: «Oui. Merci».[6] И теперь наблюдал за тем, как старший суперинтендант Гамаш обменялся рукопожатием с председателем Верховного суда Квебека, а затем повернулся лицом к залу.

Арман Гамаш стоял теперь во главе многотысячной армии, чья задача состояла в защите провинции, которую он так любил. Населения, в котором он видел не жертву или угрозу, а братьев и сестер. Равных среди равных, заслуживающих уважения и защиты. А иногда подлежащих аресту.

– Несомненно, на этой службе есть чем заняться, кроме вечеринок с коктейлями и ланчей в тесном кругу, – сказал он как-то Мирне во время одного из их тихих разговоров.

Он и в самом деле провел последние два месяца в делах: встречался с главами разных отделов, входил в курс дела по разным сферам деятельности полиции: борьбе с организованной преступностью, наркотрафиком, убийствами, киберпреступностью, отмыванием денег, поджогами и многим другим.

Было совершенно очевидно, что преступность в провинции выше, чем он представлял. И ситуация становилась все хуже. Причем главную роль в усугублении хаоса играла наркоторговля.

Картели.

Ими было порождено большинство других проблем. Убийства, вооруженные нападения. Отмывание денег. Вымогательство.

Ограбления, преступления на сексуальной почве. Беспричинное насилие, совершаемое молодыми людьми в состоянии безысходности. Болезнь уже поразила города. Однако гниль распространялась и за их пределы, в сельскую местность.

Гамаш знал, что проблемы нарастают, но не представлял себе их масштабов.

До последнего времени.

Старший суперинтендант Гамаш проводил дни, погружаясь в зло, обман, трагедию, ужас. Потом он уезжал домой. В Три Сосны. В святилище. Посидеть с друзьями у огонька в бистро. Или с Рейн-Мари в уединении их гостиной. С Анри и забавным маленьким существом Грейси у ног.

В тепле и безопасности.

Пока не появилось это темное существо. Отказывавшееся исчезать.

*** * ***

– Вы пытались поговорить с ним еще раз? – спросил прокурор.

– И сказать что? – ответил вопросом старший суперинтендант Гамаш.

Со свидетельского места он видел людей на галерее, обмахивающихся веерами из листов бумаги, чтобы создать хоть какое-то подобие ветерка в этой удушающей жаре.

– Ну, вы могли бы спросить, что он там делает.

– Я уже спрашивал. И при других обстоятельствах вы бы спросили у меня, почему я, офицер полиции, нарушаю права гражданина, который просто стоит в парке и никого не трогает.

– Гражданина в маске, – уточнил прокурор.

– И опять же, ношение маски не преступление, – ответил Гамаш. – Хотя это абсолютно неестественно. И я не собираюсь вам говорить, будто меня это радовало. Отнюдь. Но я ничего не мог сделать.

После его слов по залу прокатился шумок. Кто-то соглашался, кто-то считал, что повел бы себя иначе. И уж конечно, глава полиции должен был что-то предпринять.

Гамаш слышал осуждение в этом шумке и понимал, чем оно обосновано. Но находившиеся сейчас в зале суда обладали полной информацией о случившемся.

И он по-прежнему знал, что никак не мог остановить это.

Смерть очень трудно остановить, если она взяла косу в руки.

– Чем вы занимались в тот вечер?
– Пообедали, посмотрели телевизор, потом мадам Гамаш легла спать.
– А вы?
– Я сварил кофе и ушел к себе в кабинет.
– Работать?
– Я не стал включать свет. Сидел в темноте и наблюдал.

* * *

Одна темная фигура наблюдала за другой.
У Гамаша, сидящего в своем кабинете, создалось впечатление, будто что-то немного изменилось.
Темная фигура шевельнулась, чуть изменила положение.
И теперь смотрела на него.

* * *

– Как долго вы там оставались?
– Час, может, больше. Наблюдать было трудно. Темная фигура в темноте. Когда я вывел погулять собак, его уже не было.
– Значит, он мог уйти в любое время? Даже сразу после того, как вы сели. Вы ведь не видели, как он уходил?
– Не видел.
– Вы не могли задремать?
– Мог, но, вообще-то, я человек, привычный к слежке.
– К наблюдению за другими. У вас с ним это общее, – сказал Залмановиц.
Эти слова удивили старшего суперинтенданта Гамаша, он вскинул брови, но кивнул:
– Пожалуй.
– А на следующее утро?
– Он вернулся.

Глава третья

Судья Корриво решила, что пришло время объявить перерыв.

Старшему суперинтенданту предстоит провести в свидетельском кресле немало дней. Объяснять, отвечать, подвергаться перекрестным допросам.

В зале заседаний к этому часу стало нестерпимо душно, и она, уходя, попросила охранника включить кондиционер на время перерыва.

Открывая сегодня утром заседание суда, Морин Корриво радовалась, что ее первое дело об убийстве в качестве судьи будет простым и понятным. Но теперь в ее голову начали закрадываться сомнения.

Не то чтобы она не могла следовать закону. Следовать закону было просто. Даже появление фигуры в мантии в деревне, пусть и странное, легко подверстывалось под ясные законы.

Но потеть сильнее, чем от стоявшей в зале невыносимой духоты, ее заставляла необъяснимая враждебность, так быстро развившаяся между прокурором и его же собственным свидетелем.

И не каким-то обычным свидетелем. Не каким-то обычным полицейским, который произвел арест. А главой всей Квебекской полиции, черт побери.

Прокурор не просто играл на нервах старшего суперинтенданта, он делал это с особой изощренностью. И месье Гамашу это не нравилось.

Судья Корриво еще не набралась судейского опыта, но, проработав немало лет адвокатом, стала опытным судьей человеческих действий и реакций. И природы.

В зале судебных заседаний происходило что-то еще, и судья Корриво твердо решила выяснить, что именно.

* * *

– Или я чего-то не понимаю, или процесс уже понемногу съезжает с рельсов? – спросил Жан Ги Бовуар, присоединившись к боссу в коридоре Дворца правосудия.

– Вовсе нет, – ответил Гамаш, отирая платком лицо. – Все идеально.

Бовуар рассмеялся:

– И под «идеально» вы имеете в виду merde.[7]

– Именно. Где Изабель?

– Уехала, – ответил Бовуар. – Организаторская работа в управлении.

– Хорошо.

Изабель Лакост служила главой отдела по расследованию убийств, которым прежде руководил Гамаш. И он, уходя, выбрал именно ее для этой работы. Назначение Изабель вызвало немало недовольства. Гамаша обвиняли в фаворитизме.

Они все знали эту историю. Гамаш принял Лакост на работу несколькими годами ранее, в тот самый момент, когда ее собирались уволить из Квебекской полиции. За то, что она была другой. За то, что не участвовала в фальсификациях. За то, что пыталась понять обвиняемых, а не ломать их.

За то, что опускалась на колени рядом с телом убитой женщины и обещала – так, что слышали другие, – помочь ей обрести покой.

Над агентом Лакост потешались, ее осуждали, объявляли ей выговоры и наконец вызвали в кабинет начальника, где она встретилась лицом к лицу со старшим инспектором Гамашем. Он знал о необычном молодом агенте, над которым все смеялись, и пришел познакомиться с ней.

В результате ее не уволили. Гамаш забрал ее к себе, в самый престижный отдел Квебекской полиции. К неудовольствию ее прежних коллег.

И возмущение только усилилось, когда она получила звание старшего инспектора. Но вместо того чтобы отвечать критикам, как ее об этом просили некоторые подчиненные, Лакост просто продолжала делать свое дело.

И дело это, как она с кристальной ясностью понимала, действительно было простое, хотя и нелегкое.

Находить убийц.

Все остальное – белый шум.

Когда рабочий день заканчивался, старший инспектор Лакост возвращалась домой, к мужу и детям. Но не могла полностью отделаться от тревожных мыслей о работе, о жертвах и убийцах, разгуливающих на свободе. И точно так же, уезжая утром на работу, она не переставала думать о семье. Беспокоилась о том, в каком месте, в каком обществе окажутся близкие, когда покинут безопасный дом.

– Мне только что прислали эсэмэску, – сообщил Бовуар. – Изабель собрала всех в конференц-зале. Заказала сэндвичи.

Похоже, обеим частям этой информации он придавал одинаковое значение.

– Merci, – сказал Гамаш.

Коридоры заполнились служащими, свидетелями и зрителями – во Дворце правосудия настало обеденное время.

То тут, то там появлялась фигура в черной мантии.

Адвокаты. Или судьи. Тоже спешившие чем-нибудь перекусить.

Но это зрелище, к которому ему уже следовало привыкнуть, по-прежнему пугало его.

Инспектор Бовуар больше ничего не сказал об утреннем заседании. Застывшее на лице его босса выражение уверенности говорило ему все, что требовалось, относительно того, проходит ли заседание по плану. Или нет.

Старший суперинтендант Гамаш включил непроницаемость. Высокую, прочную стену вежливости, за которую не мог проникнуть даже его зять.

Бовуар точно знал, что скрывается за этой стеной, пытаясь выбраться наружу. И еще он знал, что главный прокурор не хочет, чтобы оно выбралось.

Они быстро прошли по знакомым мощеным улочкам Старого Монреаля, нахоженной дорогой между их управлением и судом. Мимо низеньких аккуратных ресторанов, наполненных обедающими.

Жан Ги заглядывал в окна, но не останавливался.

Впереди располагалась штаб-квартира Квебекской полиции, здание над Старым городом. Оно возвышалось над ним.

Не самое привлекательное сооружение, думал Бовуар. Зато удобное. Там, по крайней мере, работают кондиционеры.

Гамаш и Бовуар вышли из узенькой улочки на площадь перед собором Монреальской Богоматери, запруженную туристами, которые фотографировались перед собором.

Когда пройдут годы, они увидят на фотографиях великолепное сооружение и множество потных людей в шортах и сарафанах, ошалевших от жары и солнца, раскалившего брусчатку.

***

Они вошли в штаб-квартиру полиции и сразу же почувствовали поток кондиционированного воздуха. То, что должно было бы принести облегчение, отдохновение, свежесть, на самом деле воспринималось как удар снежка в лицо.

Агенты в холле отдали честь шефу, и Гамаш с Бовуаром быстро прошли к лифту. К тому времени, как они добрались до последнего этажа,

их лица были залиты потом. Кондиционеры оказали неожиданный эффект, словно открыв шлюзы в системе потоотделения.

Гамаш и Бовуар вошли в кабинет старшего суперинтенданта с окнами во всю стену, откуда открывался вид на Монреаль и дальше, за реку Святого Лаврентия, на плодородные поля и горы на горизонте, за которыми лежал Вермонт.

Ворота в Соединенные Штаты.

Гамаш помедлил немного, глядя на стену гор. Непроходимыми они казались лишь на расстоянии.

Потом он открыл ящик и предложил Бовуару чистую сухую рубашку.

Бовуар отказался:

– Я в порядке. Ведь я не сидел на свидетельском месте. – Бовуар направился к двери. – Буду в конференц-зале.

Гамаш быстро переоделся в свежую рубашку и присоединился к Бовуару, Лакост и остальным.

Когда он вошел, они встали, но он дал им знак сесть, прежде чем занял свой стул.

– Расскажите, что вы знаете.

Следующие полчаса он слушал и кивал. Задавал вопросы. Впитывал информацию.

Эти мужчины и женщины, выдернутые из разных отделов, были специально и тщательно подобраны. И знали это.

Начиналась новая эра. Новая Квебекская полиция. Работа Гамаша состояла не в том, чтобы сохранить статус-кво. Но и не в исправлении ошибок.

Его работа состояла в создании нового. И хотя преемственность опыта играла важную роль, гораздо важнее было иметь надежный фундамент.

Офицеры в зале были тем фундаментом, на котором создавалась совершенно новая Квебекская полиция. Сильная. Прозрачная. Отзывчивая. Порядочная.

Он был ее создателем, и гораздо более заинтересованным, чем его предшественники, часть из которых построила гнилую коррупционную систему, а другая часть просто позволила этому случиться, сидела сложа руки. Или боялась возразить.

Гамаш не сидел сложа руки и требовал, чтобы его примеру следовали старшие офицеры его отдела.

И требовал, чтобы они не боялись спорить. С ним. С его планами. Друг с другом. С самими собой. И многие действительно спорили с новым шефом, спорили яростно, когда вскоре после вступления в должность и

изучения их досье и других материалов он открыл им реальное положение дел.

«Ситуация ухудшается, – сказал он. – Сильно ухудшается».

Совещание проходило почти год назад. В этом же конференц-зале.

Они смотрели на него, пока он объяснял им, какой смысл вкладывает в слова «сильно ухудшается». Некоторые не могли осознать это. Другие прекрасно понимали, о чем он говорит. Выражение их лиц менялось с недоуменного до потрясенного.

Он выслушал их протесты, их аргументы. А затем сказал кое-что, хотя поначалу надеялся, что этого не понадобится. Он не хотел расшатывать их уверенность или обескураживать. Или подрывать их преданность делу.

Но теперь он видел, что им необходимо знать. Они заслужили это знание.

«Мы проиграли».

Они посмотрели на него непонимающе. Потом некоторые, слушавшие его доклад внимательнее, побледнели.

«Мы проиграли, – ровным голосом повторил он. Спокойно. Уверенно. – Войну с наркотиками мы проиграли давно. Это уже было достаточно плохо, но что еще хуже, пошла цепная реакция. Если наркотики не контролируются, то вскоре из-под контроля выйдет весь преступный мир. Этот час еще не настал. Но он настанет. С той скоростью, с какой развивается этот процесс, с какой он нарастает, через несколько лет нас просто сметет».

Они, конечно, возражали. Не хотели видеть этого. Принимать. И он тоже не хотел, когда впервые собрал всю информацию. Свел воедино все сведения. Прежде отделы конкурировали друг с другом, охраняли свою территорию. Они не хотели делиться информацией, статистикой. В особенности такой, которая выставляла их в дурном свете.

Гамаш понял, что он первый соединил все эти сведения. Получил полную картину.

Не так ли чувствует себя капитан большого корабля, когда он один знает, что судно тонет? Для всех остальных все в порядке. Все идет своим чередом.

Но он знает, что холодные воды невидимо поднимаются.

Поначалу Гамаш тоже не хотел верить. Снова и снова перечитывал документы. Проверял цифры. Выводы.

И вот в один из дней ранней осени, у себя дома в Трех Соснах, он просмотрел последнюю папку, поднялся со стула и отправился прогуляться.

Один. Без Рейн-Мари. Без Грейси. Без Анри, который озадаченно

остался стоять у двери, держа мячик в зубах.

Гамаш дошел до скамьи наверху холма, откуда открывался вид на долину. На леса. На горы, часть которых находилась в Квебеке. А часть – в Вермонте.

Границу между Канадой и Штатами отсюда было не разглядеть.

Он опустил голову на руки. И сидел так, отключившись от всего мира. От своего знания.

Потом он поднялся и пошел дальше. Он ходил несколько часов.

Пытаясь найти решение.

Может, выбить бюджет побольше? Принять больше агентов? Бросить больше ресурсов на преодоление кризиса?

Наверняка имелось какое-то решение. Ситуация не могла быть совсем безнадежной.

Остановился он, лишь когда встретил себя. Армана, который прежде стоял на обочине тихой дороги бог знает где и ждал. На пересечении истины и самообольщения.

Там, где прямая дорога делала поворот.

И тут он понял. Они все падали на дно. Не только Квебекская полиция, но и вся провинция. И не только его поколение, но и следующее. И следующее за ним. Его правнуки.

Если поток преступности затопил его по шею, то их накроет с головой.

И он понял кое-что еще. То, что предпочел бы не знать вообще, но теперь не мог отрицать.

Невозможно было сделать хоть что-нибудь. Они прошли точку невозврата. И даже спасательной лодки нигде не было видно. Коррупция в правительстве и полиции сделала свое дело.

«Как же нам быть теперь? – спросил один из офицеров постарше. – Сдаться?»

«Non. У меня нет решения. Пока нет. Поэтому мы должны напрячься, делать наше дело, общаться. Собирать информацию и делиться ею».

Он обвел всех суровым взглядом.

«И еще мы должны пытаться найти креативные решения. Приходите ко мне со всем, что надумаете. С чем угодно. Каким бы сумасшедшим вам оно ни казалось».

Покидая зал, он оставлял за собой не то чтобы отчаяние, нет. И не панику, но состояние, близкое к панике.

* * *

И вот, много месяцев спустя, они снова сидели в том же конференц-зале.

Тогда они все были погружены в беспросветный мрак. Теперь они были близки, очень близки к первой важной победе.

Однако все зависело от проходящего судебного процесса. От его результата, но также и от его хода.

Превратным образом, когда дела обстояли хуже некуда, на поверхности все выглядело превосходно. Квебек и его полиция функционировали, как им и полагается.

А теперь, когда появился луч надежды, казалось, что ситуация выходит из-под контроля.

Ведущие политики и некоторые средства массовой информации в последнее время стали замечать некую ловкость рук со стороны главы Квебекской полиции.

Шли аресты. И какое-то время это вызывало откровенную радость у политиков и их электората.

До тех пор, пока телевизионное шоу «Enquête»[8] на «Радио Канада» не провело свое расследование и не обнаружило, что арестовывают главным образом за мелкие и средней тяжести преступления.

– Объясните это, – потребовал премьер-министр Квебека, вызвав старшего суперинтенданта Гамаша в свой офис в Квебек-Сити на следующий день после выхода программы.

Премьер швырнул на стол толстую папку. Даже от двери Гамаш понял, что это такое.

Распечатка последнего ежемесячного отчета о деятельности Квебекской полиции.

– Я проверил. Это долбаное «Enquête» право, Арман. Да, аресты идут, и, слава богу, вы еще умеете арестовывать убийц, но остальные? После вашего утверждения в должности другие отделы не арестовали ни одной важной фигуры из преступного мира. Ни глав мотоциклетных банд, ни боссов организованной преступности. Ни наркобаронов. Не случилось ни одного захвата партии наркотиков. Чем вы там, черт побери, занимаетесь?

– Вы, как никто другой, должны знать, что статистика… – Гамаш кивнул на папку, – не отражает всю историю.

– Хотите сказать, что это ложь? – Премьер положил руку на папку.

– Non, не ложь. Однако и не вся правда.

– Вы собираетесь и дальше занимать эту должность? Что это за тарабарщина? Я не знал, что вы так любите увиливать от ответа.

Он сердито смотрел на Гамаша, который тоже смотрел на премьера, но

молчал.

– Что у вас на уме, Арман? Боже милостивый, только не говорите, будто «Enquête» право.

Создатели телепрограммы не перешли черту откровенной клеветы, хотя и были на грани обвинения Гамаша в некомпетентности или в использовании организованной преступности, как это делали его предшественники.

– Нет, – сказал Гамаш. – Я понимаю, как они могли прийти к такому выводу. Или как у них могли возникнуть подозрения. Но «Enquête» не право.

– Тогда в чем дело? Пожалуйста, ответьте. Дайте мне что-нибудь. Что угодно. Кроме этой кучи говна. – Он оттолкнул от себя папку с такой силой, что она упала со стола. – Вы намеренно устроили дымовую завесу из арестов, чтобы все выглядело хорошо, пока кто-нибудь не поймет, что все это мелочовка. Пока это долбаное «Enquête» не докопалось до правды.

– Мы арестовываем убийц.

– Мои поздравления, – сухо произнес премьер.

Они давно знали друг друга. С тех времен, когда Гамаш был начинающим агентом, а премьер стажировался в фирме юридической помощи.

– Они называют вас худшим старшим суперинтендантом за всю историю. А это серьезное обвинение.

– Безусловно, – сказал Гамаш. – Но поверьте мне, я делаю кое-что. Действительно делаю.

Премьер заглянул ему в глаза – не лжет ли он.

Гамаш наклонился и поднял с пола отчет о работе полиции. Он вернул папку премьеру. В ней было много цифр, но за ними не стояли конкретные дела.

– Моя собственная партия начала сужать круги, почуяв кровь, – сказал премьер. – Вашу или мою. Им в принципе все равно. Но им нужно действие или жертва. Вы должны сделать что-то, Арман. Дайте им то, чего они хотят. Чего они заслуживают. Арест какой-нибудь крупной фигуры.

– Я делаю кое-что.

– Это… – премьер на удивление мягко положил руку на папку, – не «кое-что». Даже близко не лежало. Пожалуйста. Я вас прошу.

– И я вас прошу. Доверьтесь мне, – тихо сказал Арман. – Вам придется перевести меня через финишную черту.

– И что это значит? – спросил премьер, тоже переходя на шепот.

– Вы знаете.

И премьер, который любил Квебек, но любил и власть, побледнел. Поняв, что он, возможно, должен будет сдать одно, чтобы сохранить другое.

Арман Гамаш посмотрел на хорошего человека, сидящего напротив него, и спросил себя, кто из них переживет следующие несколько месяцев. Недель. Дней. Когда в День святого Иоанна Крестителя в конце июня небо расцветет фейерверками, кто из них будет стоять и любоваться этим зрелищем?

Кто из них вообще будет еще стоять?

Старший суперинтендант Гамаш приехал поездом в Монреаль и прошел с вокзала по Старому городу до штаб-квартиры полиции. Несколько голов повернулись ему вслед, узнав его по популярному, к несчастью, шоу, вышедшему в эфир прошлым вечером.

А может, они помнили его по прежним появлениям на экране.

Еще до того, как стать главой Квебекской полиции, Арман Гамаш был самым узнаваемым полицейским офицером в Квебеке.

Но если раньше он ловил на себе взгляды узнавания и уважения, то теперь в них вкралось подозрение. Даже удивление. Еще немного – и он станет предметом осмеяния.

Однако Арман Гамаш мог видеть дальше этих взглядов – он мог заглянуть за финишную черту.

*** * ***

Стояла середина июня. Тот разговор с премьером состоялся почти день в день месяц назад. А теперь Гамаш посмотрел на часы и встал:

– Пора возвращаться в суд.

– Как там идут дела, patron? – спросила Мадлен Туссен, глава отдела по расследованию особо тяжких преступлений.

– Как и ожидалось.

– Настолько плохо?

Гамаш улыбнулся:

– Настолько хорошо.

Их взгляды встретились, и она, помедлив, кивнула.

– Вы тут ждите сообщения от информатора с островов Мадлен, – сказал он, стараясь говорить не слишком обнадеживающим тоном.

Или правильнее сказать «не слишком безнадежным»?

Туссен упомянула об этом в ходе заседания. К ее словам отнеслись с

интересом, но без особого энтузиазма. Лишь немногие из них понимали, что может означать сообщение, которого они ждут.

– Когда ты его получишь? Мы успеем провести по нему заседание в конце дня? – спросил Бовуар.

– Надеюсь. Все это вроде как зависит от того, что происходит на процессе, верно? – сказала Туссен.

Гамаш кивнул. Да. Зависит.

Суперинтендант Туссен вернулась в свой кабинет, а Бовуар и старший инспектор Лакост остались с Гамашем.

– Относительно процесса, – сказала Лакост, собирая бумаги. – Никогда не видела прокурора, который бы так гонял собственного свидетеля. И судья наверняка не видела. Она новенькая в судейском сообществе, но недооценивать ее не следует.

– Ни в коем случае, – ответил Гамаш, который видел проницательный взгляд судьи Корриво.

Они прошли по коридору и сели в подошедший лифт. Лакост вышла на своем этаже.

– Удачи, – сказала она Гамашу.

– И тебе, – ответил он.

– Почти приехали, patron, – сказала Изабель, когда дверь уже закрылась.

«Почти приехали», – подумал Гамаш. Но он знал: большинство происшествий случается, когда дом совсем рядом.

*** * ***

– Старший суперинтендант Гамаш, сегодня утром вы показали, что фигура вернулась на деревенский луг Трех Сосен на следующий день. Какие у вас при этом возникли чувства?

– Возражаю. Вопрос несущественный.

Судья Корриво ответила не сразу:

– Я оставляю вопрос. На процессе речь должна идти о фактах, но чувства – тоже факты.

Старший суперинтендант Гамаш обдумал ответ:

– Я почувствовал злость из-за того, что покой нашей деревни осквернен. Нарушен наш привычный образ жизни.

– Однако тот человек просто стоял там.

– Верно. Вы спросили, что я чувствовал, и я дал вам ответ.

– Вы его опасались?

– Может быть, немного. Наши мифы так глубоко сидят в нас. Он походил на Смерть. Разумом я понимал, что это глупости, но внутри чувствовал какой-то холодок. Это было… – он задумался в поисках подходящего слова, – что-то инстинктивное.

– И все-таки вы ничего не предприняли.

– Как я уже говорил до перерыва, я ничего не мог сделать, разве что поговорить с ним. Если бы мог, непременно сделал бы.

– Неужели? Судя по последнему отчету о деятельности Квебекской полиции, это не совсем так.

Его слова вызвали откровенный смех в зале.

– Хватит, – сказала судья Корриво. – Подойдите ко мне.

Прокурор подошел.

– Я не допущу, чтобы на моем процессе так неуважительно относились к его участникам. Вам ясно? Это позор – для вас, для прокурорского корпуса и для суда. Вы должны извиниться перед старшим суперинтендантом.

– Прошу прощения, – сказал прокурор, затем повернулся к Гамашу. – Приношу свои извинения. Я позволил удивлению взять верх надо мной.

Судья раздраженно вздохнула, но замечания делать не стала.

– Merci. Принимаю ваши извинения, – сказал Гамаш.

Но он продолжал смотреть на прокурора так пристально, что тот сделал шаг назад. Присяжные и публика не могли не заметить ни этого взгляда, ни этой реакции.

Бовуар на галерее одобрительно кивнул.

– Итак, на следующее утро вы снова с ним заговорили? – продолжил допрос Залмановиц. – Что вы ему сказали?

– Я снова попросил его поберечь себя.

– Но явно не от вас, – заметил прокурор.

– От человека, из-за которого он делает все это.

– Значит, вы больше не считали происходящее шуткой?

– Будь это шуткой, я думаю, он бы не вернулся. Своим первым появлением он уже достаточно напугал деревню. Будь это шуткой, пусть даже недоброй, одного раза хватило бы. Нет, тут все было глубже. В его действиях просматривалась настойчивость. Целеустремленность.

– Вы считаете, что у него в мыслях было какое-то зло? – спросил прокурор.

Этот вопрос был потруднее, и старший суперинтендант задумался. Потом покачал головой:

– На самом деле я не знал его намерений. Да, казалось, что какой-то злой умысел есть. Он специально надел пугающий костюм. Но было ли у него на уме какое-то насильственное действие? Если да, то зачем выставлять его напоказ? Зачем облачаться в одежды Смерти? Почему просто не совершить задуманное под покровом ночи? Причинить какой-то ущерб, даже убить? Зачем стоять на всеобщем обозрении?

Гамаш уставился перед собой, погрузившись в размышления.

Прокурор, похоже, растерялся. Он еще не сталкивался с тем, чтобы кто-то на свидетельском месте предавался размышлениям. Свидетели давали четкие ответы, говоря отрепетированную правду или запланированную ложь.

Но чтобы думать – такое случалось редко.

– Конечно, нанесение ущерба – понятие растяжимое, верно? – сказал Гамаш не столько прокурору, сколько самому себе.

– Но каковы бы ни были первоначальные намерения, дело закончилось убийством, – констатировал месье Залмановиц.

Гамаш снова сосредоточил свое внимание, но не на прокуроре. Он посмотрел на скамью подсудимых, на человека, обвиняемого в убийстве.

– Да, так и есть.

Может быть, подумал он (хотя и не сказал), просто убить было недостаточно. Может быть, цель состояла в том, чтобы сначала запугать. Как это делают шотландцы, идя в бой со своими пронзительными волынками, или маори с их ритуальным танцем хака.

«Это смерть, это смерть», – поют они. Чтобы повергнуть врага в ужас, чтобы парализовать его.

Темное существо было не предупреждением, а предсказанием.

– Насколько я понимаю, вы его сфотографировали, – сказал прокурор, шагнув к своему свидетелю и встав между Гамашем и обвиняемым лицом. Намеренно прерывая зрительную связь между ними.

– Да, – ответил Гамаш, переводя взгляд на прокурора. – Я отправил фотографию моему заместителю. Инспектору Бовуару.

Прокурор обратился к секретарю суда:

– Вещественное доказательство «А».

На большом экране появилось изображение.

Если прокурор предполагал, что зал ахнет, увидев фотографию, то его ждало разочарование.

У него за спиной стояла полная и совершенная тишина, как будто все зрители исчезли. Тишина была столь оглушительной, что прокурор повернулся, чтобы убедиться, что люди все еще сидят в зале.

Все до последнего, они ошарашенно смотрели на экран. Некоторые с разинутым ртом.

На экране была тихая деревенька. Листья с деревьев уже облетели, оставив голые ветви. На лугу росли три громадные сосны.

По контрасту с ярким солнечным днем за окнами Дворца правосудия на фотографии был запечатлен пасмурный день. Серый и сырой. Отчего дома из плитняка, дома, обшитые сайдингом, и дома из розового кирпича, с их веселыми огоньками в окнах, выглядели более привлекательными.

Это мог бы быть образ полной благодати. Даже святилища. Мог бы, но не стал.

В самом центре фотографии находилась черная дыра. Словно что-то вырезали из снимка. Из мира.

За спиной прокурора раздался вздох. Долгий, протяжный, словно жизнь утекала из зала судебных заседаний.

Большинство из них впервые увидели это темное существо.

Глава четвертая

– Ну что? – спросил Матео Биссонетт, отвернувшись от окна и взглянув на Леа.

Они закончили завтракать в деревенской гостинице и теперь сидели в гостиной перед камином.

Несмотря на огонь и теплый свитер, Матео пробирал озноб.

– Гамаш только что его сфотографировал, – сказал он. – Если дальше ждать, это будет неважно выглядеть.

– Неважно? – повторила Леа. – Ты не хочешь сказать, еще хуже?

– Нужно было еще вчера что-то сказать, – вставил Патрик. Его голос, и в лучшие времена слегка визгливый, теперь звучал почти по-детски. – Они спросят, почему мы этого не сделали.

– Ладно, – произнес Матео, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться. – Значит, мы все согласны. Время пришло.

Его раздражало не столько то, *что* говорил Патрик, сколько то, *как* он говорил. Он всегда был самым слабым из них, но тем не менее всегда умел настоять на своем. Может быть, им хотелось, чтобы его нытье поскорее прекратилось, подумал Матео. Как скрежет ножом по стеклу. И потому они уступали.

А с годами ситуация лишь ухудшилась. Матео теперь хотелось не только наорать на Патрика, но и дать ему хорошего пинка.

Габри принес кофейник со свежим кофе и спросил:

– А где Кэти?

– Тут поблизости есть стеклянный дом, – ответил Патрик. – Не в классическом стиле, как наши, но все равно занятный. Она хочет его увидеть. Может пригодиться для дома, который мы строим на островах Мадлен.

Габри, задавший вопрос из вежливости, без всякого интереса удалился в кухню.

Матео посмотрел на свою жену Леа, на своего друга Патрика. Все трое были одногодками – по тридцать три, но они с Леа определенно выглядели старше, чем Патрик. Морщины. Седина. Они всегда так выглядели или стали такими после появления мантии и маски?

Когда они познакомились в университете, Леа была высокая и стройная, как ива. За эти годы она утратила былую стройность. Стала больше похожа на клен. Округлилась. Посолиднела. Ему это нравилось.

Выглядело основательнее. Уменьшалась вероятность слез.

У них было двое детей, оставшихся дома с родителями Леа. Матео знал, что, когда они вернутся, это будет все равно что войти в логово хорька. Дети, находящиеся под сомнительным влиянием матери Леа, наверное, совсем одичали.

Но если откровенно, ничего страшного в этом не было.

– Гамаш в бистро со своей женой. Все услышат, – сказал Патрик. – Давайте лучше подождем.

– Но все и должны услышать, – сказала Леа, вставая. – Верно? Разве не в этом смысл?

Разговаривая, друзья не смотрели друг на друга. И даже на завораживающий огонь в камине. Все смотрели в окно гостиницы. На деревенский луг. Пустынный. Если не считать…

– Может, тебе лучше остаться? – предложила Леа Патрику. – А мы пойдем.

Патрик кивнул. Он вчера простудился, и у него все еще ломило кости. Он подтащил свое кресло поближе к огню и налил себе крепкого горячего кофе.

* * *

Арман Гамаш не смотрел на завораживающий огонь в большом камине бистро. Он смотрел в свинцовое стекло окна, с его дефектами и небольшим искажением. Смотрел на холодный ноябрьский день и на существо на деревенском лугу.

Создавалось впечатление, словно над ним поставили стеклянный купол наподобие тех, под которыми хранят чучела животных. Фигура в мантии стояла в полном одиночестве, изолированная, а деревня вокруг жила своей жизнью. Темное существо ограничивало свободу передвижения – все старались обходить его стороной.

Жители деревни были на грани. Нервничали. Косились на черную фигуру и тут же отворачивались.

Гамаш перевел взгляд в сторону и увидел Леа Ру и ее мужа Матео Биссонетта – они вышли из дверей гостиницы и быстро зашагали по дорожке. Их дыхание клубилось в морозном воздухе.

Они появились с шумом, потирая руки и плечи. Никто не ожидал, что в ноябре будет так холодно, и они не привезли с собой теплой одежды.

– Bonjour, – сказала Леа, подойдя к столику Гамашей.

Арман поднялся, Рейн-Мари кивнула и улыбнулась.
– Не возражаете, если мы к вам присоединимся? – спросил Матео.
– Прошу вас. – Рейн-Мари указала на свободные стулья.
– Вообще-то, – сказала Леа слегка смущенно, – я подумала, что Мирна не будет возражать, если мы поговорим в ее магазине. Вы согласны?
Арман посмотрел на Рейн-Мари. Их обоих удивило это предложение. Рейн-Мари встала.
– Если Мирна не против, то и я тоже, – сказала она. – Разве что…
Она сделала жест в сторону Армана, намекая, что, возможно, они хотят поговорить именно с ним. Рейн-Мари привыкла к этому. О некоторых вещах люди предпочитают рассказывать только копу и не хотят, чтобы мадам Коп их слышала.
– Non, non, – возразила Леа. – Пожалуйста, пойдемте с нами. Мы хотим, чтобы и вы услышали. Хотим узнать, что вы думаете.
Взяв свои чашки с кофе, Гамаши в недоумении последовали за Леа и Матео в книжный магазин Мирны.
Мирна ничуть не возражала.
– Утро сегодня тихое, – сказала она. – Очевидно, что Смерть, стоящая на посту посреди деревни, плохо влияет на бизнес. Придется обратиться в Коммерческую палату.
– Не уходи, – попросила ее Леа. – Твое мнение мы тоже хотели бы узнать. Правда, Матео?
Это прозвучало вовсе не как вопрос. И хотя сначала муж посмотрел на нее неуверенно, он быстро пришел в себя и кивнул.
– Мнение о чем? – поинтересовалась Мирна.
Леа жестом пригласила всех занять места на диване и в креслах, словно она была здесь хозяйкой. Мирна и не подумала обижаться, ей нравилось, что Леа чувствует себя здесь как дома. К тому же в этом жесте не было ничего официозного. Леа придала ему любезный, а не требовательный оттенок.
Когда все устроились, Матео положил на сосновый кофейный столик стопку бумаг.
Гамаш заметил, что это в основном статьи из испанских газет.
– Вы можете мне сказать, о чем тут написано?
– Прошу прощения. – Матео перебрал бумаги. – Я хотел положить вот это наверх.
Розовый цвет, тут не ошибешься: «Файнэншл таймс».
Автором статьи на первой странице был Матео Биссонетт. Гамаш обратил внимание на дату.

Восемнадцать месяцев назад.

Статья сопровождалась фотографией. На ней был изображен мужчина в цилиндре и фраке, с портфелем, на котором виднелась какая-то надпись. Мужчина выглядел щеголеватым и в то же время потрепанным.

Гамаш надел очки и вместе с Рейн-Мари и Мирной склонился над изображением.

– Что написано на портфеле? – спросила Мирна.

– Cobrador del Frac, – ответил Матео. – Сборщик долгов во фраке. Кобрадор.

Гамаш начал читать статью, но остановился и посмотрел на Матео поверх своих полукруглых очков:

– Продолжайте.

– Мои родители живут в Мадриде. Года полтора назад отец переправил мне по электронной почте эту статью. – Матео перебрал распечатки и нашел статью из другой газеты. – Он всегда ищет что-нибудь, что может заинтересовать меня. Как вы знаете, я журналист-фрилансер.

Гамаш кивнул и углубился в испанскую статью, в которой тоже была фотография коллектора во фраке и цилиндре.

– Я предложил идею разным изданиям, и «Файнэншл таймс» купила у меня эту историю. Так что я отправился в Испанию и провел там кое-какое расследование. Сборщик долгов во фраке – типичный испанский феномен, и число этих людей выросло с финансовым кризисом.

– Этот человек – коллектор? – уточнила Рейн-Мари.

– Oui.

– Да, вид у них куда более приятный, чем у коллекторов в Северной Америке, – заметила Мирна.

– Они не такие, какими кажутся, – возразил Матео. – Нисколько не цивилизованные и не обходительные. Это скорее маскировка, чем костюм.

– И что же они маскируют? – спросил Гамаш.

– То, что собирают, – ответил Матео. – Коллекторское агентство в Канаде может изъять у вас машину, дом, мебель. Сборщик долгов во фраке забирает нечто совершенно иное.

– Что? – спросил Арман.

– Вашу репутацию. Ваше доброе имя.

– Как он это делает? – спросила Рейн-Мари.

– Его нанимают для слежки за должником. Он всегда держится на расстоянии, никогда не заговаривает с объектом слежки, но всегда присутствует.

– Всегда? – переспросила она, видя, как встревоженно нахмурился

Арман.

– Всегда, – сказала Леа. – Он стоит у вашего дома, следует за вами на работу. Ждет, когда вы оттуда выйдете. Если вы идете в ресторан или на вечеринку, он рядом.

– Но зачем? – удивилась Рейн-Мари. – Наверняка есть более легкие способы взыскания долгов. Письмо адвоката? Суд?

– На это уходит много времени, к тому же испанские суды завалены исками с начала депрессии, – сказал Матео. – Прежде чем вам вернут долг, могут пройти годы. Людям сходили с рук немыслимые поступки: они банкротили клиентов, партнеров, супругов, почти не сомневаясь, что никто не может заставить их вернуть долг. Сколько всяких афер провернули. Пока кто-то не вспомнил…

Он посмотрел на фотографию человека в цилиндре и фраке. И только теперь Гамаш заметил человека в толпе, на некотором расстоянии впереди, спешащего, но оглядывающегося назад. Воплощение зарождающегося страха.

А сборщик долгов во фраке шел следом. С неподвижным, бесстрастным лицом. Безжалостным.

Толпа расступалась, пропуская его.

– Он заставляет людей платить долги, угрожая позором, – сказал Матео. – На самом деле это выглядит ужасно. Поначалу кажется комичным, но потом мороз по коже. Недавно в Мадриде я сидел в ресторане с родителями. Приятный ресторан. Льняные скатерти, столовое серебро. Приглушенные тона. В таком месте удобно обделывать тайные делишки. А перед рестораном стоял кобрадор. Его пытались прогнать сначала метрдотель, потом владелец ресторана. Даже толкали его. Но он не сдвинулся с места. Стоял со своим портфелем. Смотрел в окно.

– Вы поняли, на кого он смотрел? – спросила Рейн-Мари.

– Поначалу – нет, но тот человек выдал себя. Заволновался, разозлился. Вышел наружу и стал орать на него. Но кобрадор никак не реагировал. А когда человек покинул ресторан, тот безмолвно пошел следом. Не могу вам точно сказать почему, но это наводит ужас. Я почти посочувствовал тому типу.

– Не надо им сочувствовать, – сказала Леа. – Они заслужили то, что получают. К услугам кобрадора прибегают только в самых крайних случаях. Человек должен совершить что-то из ряда вон, чтобы на него напустили кобрадора.

– И любой может его нанять? – спросила Мирна. – В смысле, откуда известно, что существует долг? Может, наниматель просто хочет унизить

кого-то.

– Компания проверяет, – ответил Матео. – Какие-то злоупотребления, несомненно, есть, но по большей части, если вас преследует кобрадор, для этого есть веская причина.

– Арман? – спросила Рейн-Мари.

Он покачал головой, прищурившись:

– Это похоже на самоуправство. Брать правосудие в свои руки. Осуждать кого-то.

– Но тут нет насилия, – сказала Леа.

– О, насилие есть, – возразил Гамаш и ткнул пальцем в испуганное лицо на фотографии. – Пусть и не физическое.

Матео кивнул:

– Дело в том, что действует это очень эффективно. Люди почти всегда отдают долг, причем быстро. И нужно учитывать, что преследуются не невинные люди. Это ведь не первичное действие, а реакция. Люди обращаются к кобрадору, когда все другие средства исчерпаны.

– И что же? – спросил Гамаш, глядя на Матео. – Вы хотите пригласить в Квебек кобрадора? И хотите узнать у меня, будет ли это законно?

Матео и Леа уставились на Гамаша, потом Матео рассмеялся:

– Да нет, конечно. Просто мы с Леа подумали, что вот это, – он показал в окно, – сборщик долгов.

– Коллектор? – переспросил Гамаш и ощутил легкий трепет. Словно слабая дрожь перед землетрясением.

Леа, широко раскрыв глаза, быстро переводила взгляд с Армана на Рейн-Мари, с Рейн-Мари на Мирну и снова на Гамаша. Искала в них хоть малейший намек на оживление. Или на согласие. Или на что угодно. Но их лица были почти совершенно непроницаемы. Такие же невыразительные, как и у существа на лугу.

Арман откинулся на спинку кресла и открыл рот, но снова закрыл его, а Рейн-Мари повернулась и посмотрела на Мирну.

Наконец Арман наклонился к Матео, который в свою очередь подался к нему.

– Вы понимаете, что это… – Арман кивнул в сторону деревенского луга, – ничуть не похоже на фигуры на фотографиях.

– Понимаю, – сказал Матео. – Но когда я собирал материалы для статьи в Испании, до меня дошли слухи кое о чем другом. Более старом, уходящем в столетия назад. – Он тоже взглянул в окно и сразу отвернулся, словно смотреть на это существо слишком долго было ошибкой. – О предшественнике современного кобрадора. Я слышал разговоры, будто это

существо все еще живо, обитает в отдаленных деревнях. В горах. Однако я не смог найти ни его, ни кого-нибудь, кто его нанимал.

– И этот древний кобрадор другой? – спросила Рейн-Мари.

– Он тоже коллектор, но взыскивает другие долги.

– Другие по величине долга? – уточнил Гамаш.

– По типу долга. Один долг – финансовый, часто губительный, – сказал Матео, глядя на фотографию в газете.

– Другой долг – нравственный, – сказала Леа.

Матео кивнул:

– Пожилой мужчина, с которым я говорил в деревне у Гранады, видел одного такого, но только однажды, еще мальчишкой, и издалека. Кобрадор шел за старухой. Они исчезли за углом, и больше он его никогда не видел. Под запись он говорить не захотел, но показал мне вот это.

Матео извлек из кармана мутную фотокопию мутной фотографии.

– Он сделал этот снимок своей камерой «Кодак-Брауни».

На фотографии была узкая крутая улочка, стены домов подступали к самой дороге. Снимок запечатлел лошадь с телегой. А вдали на углу – что-то еще.

Гамаш снова надел очки и поднес газету к самым глазам. Потом передал ее Рейн-Мари.

Медленно сняв очки, сложил их. И все это – не сводя глаз с Матео.

На фотографии была фигура в мантии и маске. С капюшоном на голове. А перед темной фигурой – мутное пятно. Серый призрак, спешащий исчезнуть.

– Снимок сделан ближе к концу гражданской войны в Испании, – сказал Матео. – Я не хочу думать…

Но ошибиться было невозможно. На фотографии, снятой почти сто лет назад, было изображено существо, которое стояло сейчас в центре Трех Сосен.

* * *

– И вы поверили в это, старший суперинтендант? – спросил прокурор.

Его звание в устах прокурора теперь казалось скорее издевкой, чем обращением.

– В тот момент мало кто понимал, во что верить. Все это представлялось не только странным, но и, откровенно говоря, невероятным. Не мог какой-то древний испанский коллектор появиться в

маленькой квебекской деревеньке. Я бы и сам не поверил, если бы не видел своими глазами. Фотографию – и существо на лугу.

– Насколько я понимаю, вы взяли бумагу, которую вам показывал Матео Биссонетт.

– Да, я взял копию.

Прокурор обратился к секретарю:

– Вещественное доказательство «Б».

Фотография Трех Сосен в то серое ноябрьское утро исчезла, вместо нее появилось то, что поначалу казалось тестом Роршаха.[9] Серые и черные пятна, размытые, неопределенные границы.

Наконец все это объединилось в некое изображение.

– Оно?

– Да, – сказал Гамаш.

– И это то, что вы видели на деревенском лугу?

Гамаш уставился на этот образ, на сборщика нравственных долгов, и опять ощутил трепет.

– Да.

Глава пятая

Жаклин месила тесто, налегая на него всем телом. Она ощущала его под руками – податливое и одновременно плотное. В том, как она мягко покачивалась взад и вперед, взад и вперед, было что-то созерцательное и чувственное.

Глаза ее были закрыты.

Она месила и покачивалась. Месила и покачивалась.

На ее руки легли другие – более старые, более холодные, пухлые.

– Думаю, этого достаточно, ma belle,[10] – сказала Сара.

– Oui, madam.

Жаклин покраснела, поняв, что опять переусердствовала с багетом.

Если она не научится этому, то потеряет работу. Как бы хорошо она ни готовила печенье, пироги и наполеоны, если ты не умеешь печь багет в Квебеке, то для малой пекарни ты человек бесполезный. Сара хотела бы ее оставить, но у нее не будет выбора.

От этого зависело все. А Жаклин раз за разом проваливала экзамен.

– Ничего, научишься, – сказала Сара успокаивающим тоном. – Почему бы тебе не закончить птифуры? Мадам Морроу заказала две дюжины. Она говорит, для гостей, но…

Сара рассмеялась. Смеялась она всем телом и от души. Противоядие от страхов Жаклин.

Антон, наверное, готовит что-нибудь по соседству. Пытается приготовить блюдо, которое поразит Оливье. Чтобы убедить владельца бистро произвести его в шеф-повара. Или хотя бы в помощники. Или хотя бы отправить на подготовительные курсы.

Все, что угодно, кроме мойщика посуды.

Но Жаклин подозревала, что сердце Антона сейчас не лежит к поварскому искусству. С того времени, как появилась фигура в мантии.

Даже если доживет до ста лет, Жаклин не забудет этого выражения на лице Антона, когда они обсуждали существо на деревенском лугу. Когда она предложила обратиться к Гамашу. Рассказать офицеру полиции о том, что известно им обоим.

– Ты не больна? – спросила Сара.

– Просто задумалась.

– Вот в этом-то и проблема. Когда делаешь багеты, нужно очистить свой ум. Открыть его. Ты удивишься всем тем красотам, которые появятся,

когда ты отпустишь свой ум.

– Вы хотите сказать, когда сойдешь с ума? – спросила Жаклин.

Сара уставилась на нее, потом снова рассмеялась.

Не часто эта серьезная, чуть ли не угрюмая молодая женщина отпускала шутки.

Может быть, она не такая уж и серьезная, подумала Сара. Иногда в ней проскальзывало некоторое легкомыслие. К тому же она была не так уж и молода. Молода по сравнению с Сарой, но ее ученице было уже лет тридцать пять.

Однако в этом и заключается прелесть искусства пекаря. В полной мере ты овладеваешь им только с возрастом, когда у тебя появляется больше терпения.

– Да, чтобы быть пекарем, человек определенно должен быть сумасшедшим, – согласилась Сара. – Если тебе понадобится помощь, ma belle, просто позови тетушку Сару.

С этими словами Сара отправилась проверять пироги в духовке.

Жаклин не смогла сдержать улыбку.

Сара, конечно, никакая ей не тетушка. Так уж повелось между старшей и младшей женщиной. Шутка, да не совсем. Обе обнаружили, что им нравится мысль, будто они семья.

Во время смеха, в это самое мгновение, темное существо исчезало. Но когда туман смеха рассеивался, существо возвращалось.

И ее мысли обратились к Антону.

Тетушка или нет, но, если она не научится печь багеты, Саре в конечном счете придется выставить ее за дверь. Заменить кем-нибудь, кому это дело окажется по уму.

И тогда она потеряет Антона.

Жаклин выкинула испорченное тесто и начала все сначала. Ее четвертая попытка сегодня, а ведь еще и полдень не наступил.

*** * ***

Арман и Рейн-Мари вернулись домой.

Она устроилась в гостиной перебирать коробку с архивными материалами.

Арман просканировал фотографию настоящего кобрадора и отправил ее по электронной почте Жану Ги. В ответ зять слегка грубовато спросил, не томится ли он в деревне от безделья и не выпил ли лишнего.

Гамаш взял телефонную трубку и позвонил. Ответила его дочь Анни, которая передала трубку Жану Ги.

– Что это за странная фотография, patron? – спросил тот.

Гамаш расслышал чмоканье и представил себе Жана Ги с огромным сэндвичем вроде дагвудовского.[11] Однако эта аллюзия прошла бы мимо его зятя.

Когда он объяснил происхождение фотографии, Жан Ги, к тому времени закончивший жевать, сказал:

– Я немедленно этим займусь.

И Гамаш знал, что его зять так и сделает.

Он познакомился с Жаном Ги задолго до того, как тот стал его зятем, забрав агента Бовуара из хранилища вещдоков, где тот занимался никчемной, нудной работой. Он взял к себе молодого человека, которого не хотел брать никто другой, и, ко всеобщему удивлению, сделал его инспектором отдела по расследованию убийств.

Но Гамашу это казалось естественным. Он даже не задумывался о своем решении.

Они стали шефом и агентом. Патроном и протеже. Головой и сердцем. Не зятем и тестем, а сыном и отцом.

Судьба столкнула их, и, очевидно, они были связаны как в этой жизни, так и во многих прошлых.

Как-то вечером за обедом у Клары они заговорили о жизни. И о смерти. И о жизни после смерти.

– Есть одна теория, – сказала Мирна. – Не помню, то ли буддистская, то ли таоистская, то ли еще какая. В ней говорится, что с определенными людьми мы встречаемся снова и снова в разных жизнях.

– По-моему, это нелепостизм, – вставила Рут.

– С одним и тем же десятком людей, – продолжила Мирна, перепрыгивая через словесную кочку, какую представляла собой старая поэтесса. – Но состоим с ними в разных отношениях. В этой жизни вы можете быть партнерами, – она посмотрела на Габри и Оливье, – а в другой – братьями, или мужем и женой, или отцом и сыном.

– Постой-ка, – сказал Габри. – Ты хочешь сказать, что Оливье, возможно, был моим отцом?

– Или матерью.

Оба скорчили гримасы.

– Роли меняются, но одно остается неизменным: любовь, – сказала Мирна. – Она абсолютна и бесконечна.

– Бред сивой кобылы, – проворчала Рут, поглаживая Розу.

«Фак-фак-фак», – согласилась утка.

Сходство Розы и Рут со временем увеличивалось. У обеих была тощая шея. Белая голова. Глаза-бусинки. На ходу они покачивались. И словарь во многом был общий.

Если бы не трость в руке Рут, они были бы вообще неразличимы.

Арман посмотрел через стол на Рейн-Мари, на ее лицо, освещенное пламенем камина. Она слушала, улыбалась. Запоминала.

Если слова Мирны верны, то он уже знал всех этих людей прежде. Этим объяснялась его тяга к ним почти с первого взгляда, тяга к деревне. Доверие и легкость, которые он чувствовал в их обществе. Даже в обществе старой безумной Рут. С ее двойником – уткой, которая в какой-то прошлой жизни, вероятно, была ее ребенком.

Или наоборот.

Но Рейн-Мари… Его дочь, или мать, или брат?

Non.

Она всегда была его женой. Он знал это с самой первой минуты, как увидел ее. Он узнал ее в первую же минуту.

Узнал века спустя. Спустя многие жизни. Все остальные отношения могут изменяться, перетекать, переформатироваться в нечто иное, но его отношения с Рейн-Мари были абсолютными и вечными.

Отношения с Жаном Ги – другой вопрос. Арман давно чувствовал, что и они уходят корнями в древность. Очень старая дружба. Узы, которые были не путами, а надежными скрепами. И Рейн-Мари тоже видела это. Вот почему она поставила только одно условие, когда он сказал ей, что собирается стать главным копом в Квебеке.

Жан Ги Бовуар должен быть рядом с ним. Как в прежние времена.

И теперь Арман, размышляя об этом, ждал реакции Жана Ги и смотрел в окно на нечто, тоже, казалось, принадлежащее древности.

И спрашивал себя: если любовь шла за ними через множество жизней, то не происходило ли то же самое и с ненавистью?

*** * ***

– Антон?

Никакого ответа.

– Антон!

Оливье выключил воду. Мыльная вода переливалась через край глубокой раковины на пол.

– Люди заказывают суп дня, – сказал Оливье. – И нам нужны чистые сковороды. Ты не заболел?

– Désolé,[12] patron. Я задумался.

Интересно, понимает ли Оливье или кто-то другой, что именно появилось на их распрекрасном деревенском лугу?

– Прошу тебя, – сказал Оливье и покрутил рукой, поторапливая Антона. – А когда закончишь, сможешь отнести две тарелки на третий столик?

– Oui.

Антон вымыл сковородки, быстро высушил, передал шефу, затем налил две тарелки супа с сельдереем и айвой, положил в него сметану и укроп и отнес на третий столик.

– Merci, – поблагодарила женщина.

– Un plaisir, madam,[13] – ответил Антон, вежливо посмотрев на нее, и перевел взгляд за окно.

У него возникло смутное впечатление, будто он знает эту женщину. Видел ее прежде. Она не местная. Приезжая. Но внимание Антона теперь было приковано к лугу.

На его глазах существо шевельнулось. Еле-еле заметно. Сдвинулось на дюйм. На миллиметр.

В его сторону.

* * *

– Кажется, оно только что сдвинулось? – спросила Рейн-Мари.

Она пришла в кабинет взять книгу и остановилась за креслом Армана, глядя в окно.

– Совсем чуть-чуть, – ответил Арман. – Но я тоже так думаю. Может быть, ветерок шевельнул на нем мантию.

Однако они оба знали: темное существо и в самом деле сдвинулось. Едва заметно. Почти неощутимо для всех, кроме тех, кто случайно посмотрел на него в это мгновение, и тех, кто следил за ним некоторое время.

Существо немного повернулось. В сторону бистро.

* * *

– Вы поняли тогда, – спросил прокурор, – на кого смотрело это существо?

– Non. Там было не меньше десятка людей. А то и больше.

– Но вероятно, это был кто-то из сидевших за столиком у окна, non?

– Возражаю. Наводящий вопрос свидетелю.

– Поддерживаю.

– Что происходило дальше? – спросил прокурор.

Глава шестая

– Кому еще вы рассказывали о вашей теории кобрадора? – спросил Арман у Матео.

День только начинался, и гости пригласили деревенских в гостиницу на чай. Гамаш отвел журналиста в угол, где они могли поговорить без помех.

– Никому. Хотел, чтобы вы узнали первым.

– Bon.[14] Пожалуйста, никому больше.

– Почему?

– Особых причин нет. Просто хочу получить подтверждение, прежде чем слухи выйдут из-под контроля.

– Все уже подтверждено, – с некоторым раздражением произнес Матео. – Я же говорил вам.

– К сожалению, месье, ваши слова, как и мои, нуждаются в проверке.

– И как вы это сделаете?

– Мой агент разбирается с вашей информацией. Я отправил ему фотографию. Скоро у нас будет подтверждение. И тогда мы сможем поговорить.

– Отлично.

– Merci.

– Поторопитесь, – сказала Рут с дивана. – Я просохла.

– Ты не просыхаешь с тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, – заметил Габри, наливая ей виски в чашку костяного фарфора.

– Выборы Никсона, – вспомнила Рут. – Действует очень отрезвляюще.

– Вы заметили, что вокруг этого существа повсюду птицы? – спросила Клара.

– Он похож на статую, – сказала Рейн-Мари.

– Надеюсь, они обгадят его, – заявил Матео.

Теперь, когда птицы стали садиться на голову и плечи человека в мантии, он должен был бы казаться комичным, но воробьи только усиливали ощущение чего-то жуткого. Он походил на черную мраморную статую на кладбище.

– С тобой все хорошо? – спросила Рейн-Мари.

Арман, как и все остальные, смотрел на фигуру на лугу. Он словно вошел в транс.

– У меня какое-то странное ощущение, – прошептал он. – На

мгновение я подумал: что, если мы все понимаем неправильно и он пришел сюда не со злом, а с добром?

– Вы не первый, кто приписывает кобрадорам героические качества, – сказал Матео. Он стоял рядом и слышал их разговор. – Этакий Робин Гуд. Восстанавливает справедливость. Но тут, – он наклонил голову к окну, – тут что-то другое. Почти ощущается запах гниения.

– Это запах навоза, – пояснил Габри, подливая Матео вина. – Месье Лего удобряет свои поля. – Он глубоко и удовлетворенно вдохнул и выдохнул. – А-а-а. Запах дерьма. Как вы его называете – кобрадор?

– Это всего лишь слово, – ответил Матео. – Прозвище.

Он поскорее отошел, прежде чем Габри начал задавать вопросы.

– Он дал этому существу прозвище? – спросил Габри у Гамашей.

Арман пожал плечами и посмотрел на Матео, болтающего с Кларой. И подумал, случайно ли Матео упомянул о кобрадоре именно в присутствии Габри. Как раз после того, как Гамаш попросил его не распространять слухи.

Случайная оговорка? Намеренная? Стратегическая?

– А где Кэти? – спросила Мирна.

– Несколько минут назад была здесь, – ответил Патрик, оглядываясь.

– Она сказала, что съездит в микропивоварню в Саттоне и привезет еще пива, – сообщила Леа, поднимая свой стакан. – Доказательство того, что Господь любит нас и хочет, чтобы мы были счастливы. Бенджамин Франклин.

Гамаш посмотрел на Леа Ру, думая, не настанет ли в недалеком будущем день, когда он будет работать на нее. На следующего премьер-министра Квебека.

Габри, следуя за Рут с бутылкой виски, словно преданный викторианский слуга, сказал:

– Ненавижу пиво. Никогда его у нас не будет. Оно плохо влияет на атмосферу.

– А утка – нет? – спросил Патрик, уставившись на Розу.

– Мы делаем исключения, – сказал Габри. – Утка и прибаутка – одна семья.

– Вообще-то, мы любим, когда Рут и Роза поблизости. На их фоне остальные не кажутся сумасшедшими, – добавила Клара.

– Что ж… – протянула Леа.

– Стеклянные дома, – сказала Рут, прижимая к себе Розу и недовольно глядя на Леа.

Она рассеянно положила руку с выступающими венами на крылья

Розы, крепко прижатые к спине. Как у очень маленького архангела. Роза и впрямь была настоящий архангел.

Леа вздохнула и улыбнулась:

– Вы совершенно правы. Мои извинения.

– Кстати, ты ошибаешься.

– В чем?

– Бенджамин Франклин не говорил этого о пиве, – сказала Рут.

– А кто это говорил? – спросила Мирна.

– Франклин, – ответила Рут.

– Но вы только что… – начал было Патрик.

– Он говорил это не о пиве, – пояснила Рут. – Он писал другу о вине. Цитату похитили люди, которые считали, будто интеллектуала и дипломата лучше подавать как человека из народа. Предпочитающего пиво вину. Такова политика, non? – Она снова повернулась к Леа. – Иллюзия.

– Вы правы, – сказала Леа и подняла стакан с пивом за пожилую женщину.

Но ее глаза больше не светились весельем.

«Да, – подумал Гамаш, держа в руке стакан виски, которое налил ему Габри, но не притрагиваясь к напитку, – здесь явно происходит нечто большее, чем заметно глазу».

– Он не выглядит знакомым? – спросила Рейн-Мари.

Никому не нужно было спрашивать, кого она имеет в виду.

– Ну, если учесть, что он стоит там уже больше суток, то да, кажется, – ответила Клара.

– Нет, взгляни еще раз.

Они молча уставились на фигуру в мантии, стоящую в одиночестве на деревенском лугу в хмурый ноябрьский день.

Тишина, казалось, простерлась за стены комнаты. За стены гостиницы. Проникла во всю деревню. Стеклянный купол словно увеличивался в размерах. Накрывал все больше и больше пространства Трех Сосен.

Два дня назад дети на лугу играли, смеялись и кричали. Теперь ничего этого не было. Ни потасовок. Ни беготни. Даже птицы на его плечах замерли, словно окаменели от соприкосновения с ним.

– Он похож на святого Франциска Ассизского, – заметила Клара.

– Я тоже так подумала, – кивнула Рейн-Мари. – Со всеми этими птицами.[15]

– Не обманывайте себя, – сказала Леа. – Это никакой не святой.

– Вы не спрашивали архангела Михаила о нашем госте? – спросил Гамаш.

Рейн-Мари повернулась к нему, удивленная вопросом. Но ей тоже было любопытно услышать ответ.

Никто из них не верил, что архангел Михаил действительно приходит к старой чокнутой поэтессе. Они даже не верили, что она сама в это верит. По-настоящему.

Но всем было любопытно.

– Спрашивала.

– И?..

На вершине холма появилась машина, едущая в деревню.

– Наверно, Кэти, – сказал Патрик. – Нет. Это не наше авто.

Машина остановилась напротив существа. Птицы взмыли в воздух, но фигура в мантии осталась стоять.

Наконец машина двинулась дальше.

Приехал Жан Ги с новостями.

*** * ***

– Что же выяснил инспектор Бовуар? – спросил прокурор.

Заседание подходило к концу, и он нажимал, поторапливал старшего суперинтенданта. Хотел, чтобы тот выдал еще крупицу информации, прежде чем судья прервет заседание до завтра.

Хотел, чтобы в голове у присяжных застряло то последнее, что они услышат сегодня, прежде чем разойдутся по уличным кафе или пивным выпить холодненького в этот жаркий день.

Прокурор кивнул секретарю:

– Еще раз вещественное доказательство «А», s’il vous plaît.[16]

И опять появилась деревня с темным пятном посредине. На этот раз вместо молчания или долгого вздоха среди зрителей пробежал шепоток узнавания, даже возбуждения.

Их потрясение обернулось привыканием, легким щекотанием нервов. Тревога прошла. Они чувствовали себя почти спокойно и были горды тем, что сумели так быстро приспособиться к столь странному зрелищу.

Конечно, то было всего лишь изображение. Ненастоящее.

И их бравада была обманчивой. Ненастоящей.

Гамаш знал (и подозревал, что они тоже знают), что это большая ошибка – чувствовать себя спокойно рядом с таким существом. Даже рядом с его фотографией.

– Итак? – поторопил его прокурор.

Хотя Гамаш согласился со стратегией спешки, но по своему многолетнему опыту дачи показаний в этом высоком суде он знал, что ни в коем случае нельзя из-за спешки оставлять вопросы без ответа. Оставлять лазейки для защиты, которые она попытается расширить и через которые виновный сможет уйти от наказания.

И теперь Арман Гамаш должен был проявить чудеса ловкости и проворства, подобно канатоходцу, выступающему под куполом цирка.

К тому же были кое-какие обстоятельства, которых не знал даже прокурор. И не должен был знать.

– Инспектор Бовуар всю субботу исследовал историю сборщика долгов во фраке. Когда он счел, что собрал достаточно информации, он приехал в Три Сосны.

– Но зачем ехать? Почему нельзя сообщить по телефону или отправить по электронной почте?

– Он хотел своими глазами увидеть это существо. Чтобы убедиться. До этого он опирался только на фотографию, которую я ему прислал. Ему нужно было увидеть это существо воочию.

Гамаш не сказал, что Жан Ги также чувствовал необходимость передать ему информацию при личной встрече. Чтобы видеть реакцию.

– И?..

* * *

– Что вам известно, patron? – спросил Бовуар.

Они сидели в гостиной дома Гамашей в Трех Соснах. Жан Ги, Рейн-Мари и сам Гамаш.

– Лишь то, что рассказал нам Биссонетт, а я переслал тебе, – ответил Арман. – Это сборщик долгов во фраке.

– Кобрадор, – кивнул Бовуар. – Oui. Но только не настоящий.

Он отставил в сторону чашку с горячим шоколадом и вытащил из сумки папку. Из папки извлек несколько листов, в основном фотографий, разложил их на кофейном столе и слегка перемешал, как наперсточник на улице.

Когда он закончил, на столе перед Гамашем лежал веер из фотографий.

– Вот это, – Бовуар взял фотографию, лежащую в стороне, – сборщик долгов во фраке.

Он показал знакомую уже фотографию человека в цилиндре и фраке. В белых перчатках. С портфелем. На котором крупными буквами было

написано «Cobrador del Frac».

– А вот то, что я хочу вам показать, – продолжил Жан Ги.

Он переместил первую фотографию из разложенных веером поближе к Гамашу.

– Тысяча восемьсот сорок первый год. Деревня в Пиренеях. Одна из первых сохранившихся фотографий. Дагеротип.

Изображение было серым, расплывчатым. Узкая, мощенная брусчаткой улица, петляющая между прочными каменными домами. Вдали можно было различить горы.

– Люди и животные не видны, – пояснил Бовуар. – Пленку нужно было экспонировать десять минут. Все находящееся в движении не проявлялось.

Арман надел очки и наклонился над фотографией. Если бы месье Дагер фотографировал его, то Арман бы точно проявился.

Наконец он посмотрел поверх очков на Жана Ги.

И тот кивнул.

– Это кобрадор, – сказал Жан Ги чуть ли не шепотом. – Фрак добавил гораздо позднее какой-то умный маркетолог. Но этот – настоящий. Подлинный.

Рейн-Мари наклонилась над фотографией. Она видела здания, улицы, ландшафт вдали. И больше ничего. Ее глаза быстро скользили по фотографии.

И только перестав шарить глазами по снимку, она увидела.

Оно возникало из снимка. Медленно. Обретало четкость. Становилось все яснее и яснее.

Темнее и темнее.

И наконец ошибиться стало невозможно.

У стены стоял человек. Стоял так неподвижно, что даже десятиминутная экспозиция зафиксировала его. И только его.

Все остальное, что было живым, – лошади, собаки, кошки, люди – исчезло, словно все покинули деревню. Осталось лишь существо в темной накидке и в капюшоне, с черным бесстрастным лицом.

Это напоминало одну из фотографий, снятых после атомной бомбардировки в Хиросиме, где от людей остались отпечатки на стене, а сами они были уничтожены. Вечная тень. И ничего живого.

Здесь, в этой испанской деревне, тень осталась. В ней не было ни гнева, ни печали, ни радости, ни жалости, ни торжества. Ни осуждения. Осуждение уже состоялось.

Коллектор. Пришел за долгом.

– Лишь недавно, когда в Париже готовили выставку работ Луи Дагера,

кто-то заметил этот снимок, – сказал Бовуар. – Вот этот, – он показал на следующую фотографию, немного четче, – сделан в тысяча девятьсот двадцатых годах, а этот, – он взял следующую, – в тысяча девятьсот сорок пятом. Через неделю после окончания войны в Европе.

На фотографии фигура в мантии стояла перед мужчиной средних лет, который отчаянно протестовал, а другие люди смотрели на них.

– Этого человека уволокли и повесили как коллаборациониста, – сказал Жан Ги. – Он доносил на друзей и соседей, предлагал укрытие евреям, а затем сдавал их, получая подачки от нацистов.

Глядя на этого человека – ужас на лице, впалые небритые щеки, умоляющий взгляд, растрепанные волосы, помятая одежда, – трудно было не проникнуться к нему сочувствием. Пока ты не начинал задумываться о его жертвах. Мужчинах и женщинах, мальчиках и девочках, которые погибли. Из-за него.

Кобрадор нашел его и преследовал. Как зверя. До самой смерти.

– Его повесил кобрадор? – спросила Рейн-Мари.

– Нет. Только указал на него пальцем, – ответил Жан Ги. – Остальное сделали другие.

Кривым пальцем, подумал Гамаш. Возможно, Рут была права.

– В первые послевоенные годы кобрадоров видели в Испании гораздо чаще, – сказал Жан Ги. – А потом долгое время – ничего.

– Матео говорил, что не смог найти никого, кто бы видел настоящего кобрадора, – припомнил Арман. – Кстати, эти фотографии он тоже не нашел.

– Или искал не слишком тщательно, – заметила Рейн-Мари. – По моему опыту работы в Национальном архиве я знаю, что журналисты-фрилансеры сосредоточены на конкретной теме и работают в плотном графике. Он писал статью о современных кобрадорах. Не о старых.

– Наверное, так и было, – согласился Арман.

– Но кобрадоров несколько раз видели в последнее время. Настоящих кобрадоров, – сказал Бовуар.

– Вроде нашего, – подхватила Рейн-Мари.

Кобрадор из Старого Света переместился в Новый. В их свет. И они почти чувствовали разложение. Гниение. Хотя Гамаш уже начинал сомневаться, от кобрадора ли исходит этот запах. Скорее, от кого-то другого. Поблизости. От того, за кем пришло существо.

– Значит, все это началось в девятнадцатом веке, – сказала Рейн-Мари, снова устремив взгляд на дагеротип. – Интересно почему.

– Non, – возразил Бовуар. – Non, non, non. Не в девятнадцатом, а в

четырнадцатом.

– Семьсот лет назад? – удивилась Рейн-Мари.

– Да. У вас где-то был атлас.

Арман подошел к одной из полок в гостиной и достал большой том.

– У побережья Испании, между Испанией и Марокко, есть остров, – сказал Бовуар, листая страницы, пока не нашел нужную. – Он назывался Кобрадор.

Гамаш склонился над атласом:

– Но тут нет такого названия.

– Верно, название изменили. Но в прежние времена его называли именно так. Сюда отправляли жертв чумы. А также прокаженных, сумасшедших, детей, родившихся с отклонениями. Инквизиция высылала сюда подозреваемых в колдовстве. Оказаться на острове Кобрадор считалось страшнее сожжения на костре. По крайней мере, на костре умирали через несколько минут. А этих людей церковь приговаривала к вечным мукам. И здесь, – Жан Ги ткнул пальцем в остров на карте, – был ад.

Гамаш нахмурил брови:

– Но?..

Жан Ги кивнул:

– Но не каждый читает мелкий шрифт. Как это ни прискорбно для некоторых, не все высланные на остров умирали. Церковь и власти считали, что их убьет болезнь либо они сами перебьют друг друга. Такое, конечно, тоже случалось. Но потом наступили перемены. Все началось с женщин. Некоторые из них начали заботиться о детях. Выхаживать их. Растить.

– Колдуньи совершали мицву,[17] – сказал Арман.

– Это должно было озлобить инквизицию, – заметила Рейн-Мари.

– Борьба между своими закончилась, они стали помогать друг другу, – продолжил Жан Ги. – Построили дома, стали сеять зерно. Вдали от грязных городов многие больные чумой выздоровели.

– Замечательно, – сказал Гамаш. – В самом деле красивая история. На свой манер. Но какое это имеет отношение к кобрадору?

Он показал рукой на окно.

Существо простояло там почти сорок восемь часов, и жители деревни, так и не сумев привыкнуть к нему, ощущали все большее напряжение. У некоторых начали сдавать нервы. Начались споры. В бистро вспыхивали перепалки между закадычными друзьями. Из-за пустяков.

Раздражение можно было объяснить тем, что уже несколько дней в

деревне не видели солнца. А казалось, будто несколько недель. Или даже целую вечность. Ноябрьское небо заволокли тучи. Время от времени шел дождь, снег с дождем. Влага проникала под одежду, под кожу, скапливалась в костях.

Но главная проблема была здесь – на увядающей траве деревенского луга.

Очень, очень далеко от испанского острова четырнадцатого века. Далеко от дома.

Стеклянный купол еще больше увеличился, мир кобрадора все рос, его территория увеличивалась, а их – словно ужималась.

– Некоторые из тех, что посильнее, вернулись на материк, – сказал Жан Ги. – Но они были искалечены болезнью, поэтому носили маски и перчатки. И длинные плащи с капюшонами.

– А зачем возвращаться? – спросила Рейн-Мари.

– Ради мести, – ответил Гамаш.

Месть – мощный мотиватор. Нередко берущий верх над здравым смыслом.

– Я тоже так подумал, – сказал Жан Ги, посмотрев на Гамаша. – Но нет. Они стали искать людей, которые изгнали их и прокляли. В основном священников, старших церковных чиновников. Магистратов. Даже принцев. Но как это ни невероятно, найдя их, они им не мстили. Просто преследовали. И это, конечно, не осталось безнаказанным.

– Что произошло? – спросил Гамаш.

– Я думаю, вы знаете. Я думаю, они знали, – ответил Бовуар. Ему не нужно было заглядывать в привезенные им распечатки. Он сомневался, что когда-нибудь сможет забыть прочитанное. – Первых забила до смерти толпа, принявшая этих людей за воплощение черной смерти. Но после гибели одного появлялся другой. Понемногу толпа стала замечать, что люди в черных мантиях и масках никому не приносят вреда. В них даже чувствовалось какое-то достоинство. Они не сопротивлялись. Они просто не сводили глаз с человека, которого преследовали, до тех пор, пока их не убивали.

Гамаш передвинулся в кресле и оглянулся через плечо на деревенский луг.

Такая преданность делу вызывала восхищение. Однако в ней чувствовалось какое-то безумие.

– Священники и власти не могли допустить, чтобы это продолжалось, – добавил Бовуар. – Они догадались, кто эти люди и откуда они появились. На остров Кобрадор отправили солдат, которые убили всех,

кого там нашли.

Гамаш сделал резкий вдох. Даже через такое пространство и время он чувствовал их гнев и боль.

– Когда население узнало об этом, обрушился настоящий шквал дерьма, – сказал Бовуар.

Гамаш посмотрел на распечатки, совершенно уверенный, что там это описывается как-то по-другому.

– Фигуры в мантиях стали частью мифологии, – сказал Жан Ги. – Их назвали кобрадорами по названию острова. Но на фоне всего того безобразия, какое тогда творилось в Европе, история с кобрадорами была лишь интермедией. О них вскоре забыли.

– Однако полностью они не исчезли, – заметила Рейн-Мари.

– Non. Похоже, не все выходцы с Кобрадора были убиты. Некоторые избежали смерти. Говорят, что им помогли солдаты, которые не смогли заставить себя подчиниться приказу. Время от времени кобрадоры попадались на глаза людям, в основном в горных деревнях.

– И продолжали преследовать тех, кто совершил что-то ужасное, но остался безнаказанным? – спросил Гамаш.

– Похоже на то.

– И таким образом кобрадоры стали сборщиками долгов.

– Нет, это только современная интерпретация. «Кобрадор» буквально означает «коллектор». Этим они и занимаются. Взысканием долгов. Однако в деревнях они считаются чем-то иным. Воплощенной Совестью.

* * *

Часы в зале суда показывали начало шестого.

Все другие слушания этого дня уже закончились. Из коридора доносились звуки шагов, гул голосов, иногда окрики. Адвокаты, которые только что вели словесные баталии друг с другом, теперь приглашали коллегу выпить за уличным столиком в ближайшей пивной.

Атмосфера в зале, где вела процесс судья Корриво, была тяжелая. Удушающая. Все жаждали поскорее оказаться на свежем воздухе и под солнцем. Вырваться из этих стен, забыть об истории, которая становилась все более пугающей.

Оставалось только задать последний вопрос и выслушать ответ.

– Старший суперинтендант Гамаш, – сказал прокурор. На сей раз в его голосе не слышалось ни напыщенности, ни помпезности. Впервые за весь

день он не хорохорился и не актерствовал. Голос его звучал тихо, мрачно. – Вы пришли к какому-нибудь заключению на основании тех данных, которые вам предоставил о кобрадорах инспектор Бовуар?

– Пришел.

– К какому конкретно?

– Кто-то в деревне совершил нечто столь ужасное, что пришлось взывать к совести.

Глава седьмая

– Ты сегодня не вернешься? – спросила Рейн-Мари, когда Арман позвонил ей вечером.

– Боюсь, что да. Переночую в монреальской квартире. Тут много дел, а заседание завтра начнется рано.

– Хочешь, чтобы я приехала? Могу привезти что-нибудь из бистро.

– Нет, спасибо. Боюсь, из меня сегодня плохой собеседник. И мне нужно поработать.

– По процессу?

– Oui.

– Дела идут так, как тебе нужно?

Он потер лоб, взвешивая ответ:

– Трудно сказать. Столько всего должно сойтись. Похоже, между «все идет как надо» и «все идет наперекосяк» очень тонкая грань.

Рейн-Мари и прежде видела, как беспокоится Гамаш по поводу судебных слушаний, в особенности о показаниях некоторых свидетелей. Но в данном случае он был пока единственным свидетелем. Что же обеспокоило его так скоро?

– Ты добьешься приговора?

– Да.

Но ответ был слишком поспешным, слишком уверенным для человека, обычно весьма неторопливого и вдумчивого.

– А как у тебя с обедом? – спросила она.

– Перехвачу что-нибудь здесь, на работе.

– Один?

Арман через приоткрытую дверь заглянул в конференц-зал, где, склонившись над картами Квебека, сидели Жан-Ги, Изабель и другие офицеры. Кружки кофе и тарелки с сэндвичами из кафе по соседству стояли на длинном столе между графинами с водой, ноутбуками и бумагами. А за всем этим виднелись огни Монреаля.

– Oui.

* * *

Старший суперинтендант Гамаш вернулся к своей команде и, надев

очки, склонился над большой картой Квебека.

На карте лежали прозрачные пленки. Каждая со своим рисунком, со своими красками.

Яркие всплески. Красного. Синего. Зеленого. Черного.

Сами по себе яркие линии, проведенные фломастерами на прозрачных пленках, не имели никакого смысла. Но если наложить их друг на друга, а потом на карту Квебека, линии соединялись. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что это схема метро. Очень большой сети метро и чрезвычайно загруженной.

И он был бы недалек от истины.

По сути, это была карта подземного мира. Карта организованной преступности.

Одни линии проходили вдоль реки Святого Лаврентия. Другие шли с севера. Многие – из Монреаля и Квебек-Сити. Но все они устремлялись к границе с Соединенными Штатами.

Суперинтендант Туссен, недавно возглавившая отдел по расследованию особо тяжких преступлений, взяла синий фломастер из чашечки на столе.

Для некоторых более молодых членов внутреннего круга Квебекской полиции это было все равно что взять молоток и долото, настолько примитивным был подобный метод картографии. Они привыкли к компьютерам и более точным, более мощным инструментам.

Но карта и прозрачные пленки имели большое преимущество перед компьютером, который можно взломать. А когда они хранились по отдельности, никто не мог разгадать их скрытый смысл.

И это было крайне важно.

– Вот последняя информация, – сказала Мадлен Туссен. – Наш информатор с островов Мадлен сообщает, что груз прибыл два дня назад на борту судна из Китая.

– Два дня назад? – переспросил один из агентов. – Почему потребовалось столько времени на получение информации?

– Еще хорошо, что мы ее вообще получили, – отрезала Туссен. – Мы все знаем, что случится, если они найдут нашего информатора. И он тоже знает.

Она провела фломастером синюю линию от островов Мадлен к заливу Святого Лаврентия.

– Нам известно сколько? – спросил Бовуар.

– Восемьдесят килограммов.

Они молча посмотрели на нее.

– Это фентанил? – спросила Изабель Лакост.
– Oui.
Туссен подняла фломастер. Синий для фентанила.
Все переглянулись. Восемьдесят килограммов.
Самая крупная поставка в Северной Америке. Почти в два раза больше обычного. Определенно самая крупная из тех, о которых им известно.
Картели наглели с каждым днем.
А почему нет? Ведь им никто особо и не мешал.
Все находившиеся в зале повернулись к старшему суперинтенданту Гамашу, который смотрел на крохотную группу островов. Они словно покачивались в морской воде между Гаспе и Ньюфаундлендом. Красивее места не найдешь. Или идеальнее места для наркотрафика.
Земля, обдуваемая ветрами, изолированная, почти необитаемая. И в то же время на торговом пути грузовых судов со всего мира.
Это были ворота Квебека. Канады. Что-то вроде задней двери. Вращающейся двери. Обделенной вниманием властей, которые наблюдали за главными портами, воздушными и морскими.
Но маленькие, невыразимо прекрасные острова Мадлен были оптимальным вариантом.
А оттуда?
Гамаш охватил взглядом четкие линии, проведенные фломастерами разного цвета. Они начинались в разных концах Квебека, но шли в одном направлении.
К границе. La frontière.
К Соединенным Штатам.
Почти все линии, все цвета сливались и проходили через маленькую деревню, даже не отмеченную на карте. Гамашу пришлось обозначить ее.
Три Сосны.
Теперь она исчезла под цветными линиями, идущими к границе.
Наркотики текли в Штаты через эту дыру в границе, а назад через нее текли деньги.
Тонны кокаина, метамфетаминов, героина пересекали здесь границу. На протяжении многих лет.
Когда Гамаш встал во главе Квебекской полиции и оценил масштабы проблемы с наркотиками в самом Квебеке и за его пределами, он понял кое-что еще. Только часть грузов могла перемещаться по традиционным маршрутам.
Как же проходило остальное?
Арман Гамаш, новый старший суперинтендант Квебекской полиции,

собрал несколько команд, чтобы выявить наркотики, изготовляемые в самом Квебеке и импортируемые, потребляемые здесь или предназначенные для более емкого рынка.

Он организовал ряд команд. В них вошли ученые, хакеры, бывшие преступники, информаторы, морские и авиационные эксперты, люди, внедренные в банды байкеров, докеры, представители профсоюзов, упаковщики и даже маркетологи. Большинство понятия не имели о конечной цели или даже о том, на кого они работают. Каждому поручались маленький сектор и решение одной задачи.

Если наркотики сходились в одной точке, то и информация тоже.

Она поступала к старшему суперинтенданту Гамашу.

Готовился решительный удар. Не серия мелких уколов, а сильный, быстрый, эффективный удар. В самое сердце.

По прошествии почти года тщательных расследований появились линии на прозрачных пленках. Они пересекались. Переплетались. Так была выявлена система.

Но старший суперинтендант Гамаш бездействовал.

Невзирая на уговоры старших офицеров, Арман Гамаш выжидал. Терпел удары критики от отдельных людей, профессионалов, политиков, общества и коллег, которые видели только рост преступности и бездействие со стороны Квебекской полиции.

Наконец команда нашла то, что искала. Человека, стоявшего во главе всего этого.

Прорыв произошел благодаря сотрудничеству, разведке, мужеству агентов, работавших под прикрытием, и информаторов.

И появлению темной фигуры на исхлестанном дождем деревенском лугу.

Хотя немногие знали, что это и есть поворотный момент, а Гамаш делал все возможное, чтобы сохранить это в тайне.

Офицеры смотрели на старшего суперинтенданта Гамаша. Ждали, когда он скажет что-нибудь. Скажет, что делать.

Суперинтендант Туссен опустила ярко-синий фломастер и провела на пленке линию от гавани на островах Мадлен через кривую полуострова Гаспе. Фломастер скрипел, неторопливо двигаясь вдоль реки Святого Лаврентия. Наконец повернул вглубь континента. И вниз, вниз.

Пока синяя линия не уперлась в границу.

Здесь Туссен остановилась.

Она взглянула на Гамаша, который глядел на карту. На эту линию.

Потом он поднял голову и посмотрел поверх очков. На стену. И на

схему, висевшую на ней.

Это была карта другого рода. На ней были показаны не потоки наркотиков, денег и насилия, а распределение власти.

К схеме прилагались фотографии. Полицейские фотографии анфас и в профиль, большинство – снимки, сделанные с большим увеличением.

На них были изображены мужчины и женщины, занятые своими делами. Внешне вполне нормальные. Но только внешне. Кожа, натянутая на пустой барабан.

А наверху, где сходились все линии, оставался темный силуэт. Без фотографии.

Без лица. Без выражения. Не совсем человек.

Арман Гамаш знал, кто это. Мог поместить туда фотографию. Но предпочитал не делать этого. На всякий случай. Он несколько мгновений смотрел на темное пустое изображение, потом перевел взгляд на суперинтенданта Туссен. И кивнул.

Она помедлила, возможно давая ему время передумать.

В зале стояла абсолютная тишина.

– Это невозможно, – тихо произнесла Туссен. – Восемьдесят килограммов. Скорее всего, груз уже в пути. Наш информатор пока не ответил. По крайней мере, давайте расставим людей по местам.

Старший суперинтендант Гамаш взял фломастер из ее руки и без колебаний провел последнюю линию.

Черту, пересекающую границу, место, где наркотики из Квебека попадали в Соединенные Штаты.

Арман Гамаш со звучным щелчком надел колпачок на фломастер, обвел взглядом своих доверенных офицеров и увидел на их лицах одинаковое выражение.

Они были потрясены.

– Вы должны остановить это, – сказала Туссен. У нее сорвался голос, но она овладела собой. – Вы не можете позволить грузу пересечь границу. Восемьдесят килограммов, – повторила она, еле сдерживая ярость. – Если вы не…

Гамаш выпрямился:

– Продолжайте.

Но она замолчала.

Он обвел взглядом остальных, и ему не потребовалось спрашивать, кто с ней согласен. Очевидно, таково было мнение большинства.

Однако большинство не всегда право.

– Мы держимся избранного курса, – сказал Гамаш. – Когда мы

приступали к данной операции почти год назад, я ясно дал это понять. У нас есть план, и мы должны придерживаться его.

– Независимо от последствий? – спросил один из офицеров. – Да, у нас есть план, но мы должны проявлять гибкость. Обстоятельства меняются. Это безумие – придерживаться плана только потому, что он у нас есть.

Гамаш поднял брови, но ничего не сказал.

– Прошу прощения, patron, – добавил офицер. – Я не хотел сказать, что это безумие.

– Я знаю, что вы имели в виду, – хмыкнул Гамаш. – План был составлен до того, как у нас появилась вся имеющаяся теперь информация.

Офицер кивнул.

– План был составлен разумно, логично, в спокойной обстановке.

Новые кивки.

Другой офицер показал на карту:

– Зачем мы рискуем жизнью людей, которые собирают информацию, если не планируем действовать на основании полученных сведений?

– Мы действуем, – возразил Гамаш. – Только не так, как ждет от нас картель. Поверьте мне, я хочу остановить эту поставку. Но вся наша операция составлена с дальним прицелом. Мы не сворачиваем с пути. D’accord?[18]

Он обвел их взглядом, останавливаясь на каждом. Увидел, как они поднимают руки. Не потому, что он сломил их волю, а потому, что они были умные, опытные, находчивые и изобретательные. И достаточно мужественные, чтобы высказывать свое мнение.

И они высказались. А теперь настала его очередь.

Прежде чем заговорить, Гамаш обдумал свои доводы.

– Когда мы проводим облаву, когда вокруг свистят пули и хаос грозит сорвать операцию, что мы делаем?

Он снова обвел их взглядом – им всем была знакома такая ситуация. Как и Гамашу.

– Мы не теряем голову и не поддаемся панике. И контролируем ситуацию. Сосредоточиваемся. Не реагируем на отвлекающие факторы.

– Отвлекающие факторы? – переспросила Туссен. – Это ведь не какое-нибудь жужжание мухи.

– Я не преуменьшаю важности этой поставки, этого решения и его последствий, суперинтендант.

Он быстро взглянул на схему на стене. Задержался на темном силуэте.

– Никогда не теряйте из виду цель, – сказал он, снова переводя взгляд

на подчиненных. – Никогда. – Он помолчал для вящей убедительности. – Никогда.

Они задвигались, плечи их чуть распрямились.

– Любой другой офицер на вашем месте отказался бы от выбранной стратегии, – продолжил Гамаш. – Заглотил бы наживку. Не из слабости, а потому, что последствия чересчур серьезны. Он ощущал бы настоятельную потребность действовать. И она действительно есть. – Он ткнул пальцем в свежую линию. – Восемьдесят килограммов фентанила. Мы должны арестовать груз.

Они закивали.

– Но мы не можем.

Он сделал протяжный, глубокий вдох и на какое-то время устремил взгляд в окно, на огни города. И еще дальше – на горы. На долину. На деревню.

И на цель.

Потом он снова оглядел конференц-зал.

– Мы наблюдаем за ситуацией, – сказал старший суперинтендант Гамаш оживленным голосом. – На расстоянии. Мы не вмешиваемся. Мы не приостанавливаем поставку. D’accord?

Последовала короткая пауза, после чего кто-то один, а за ним и все остальные ответили:

– D’accord.

Согласны. Пусть и неохотно, но они согласились с боссом.

Гамаш повернулся к суперинтенданту Туссен, которая хранила молчание. Она смотрела на карту. С карты перевела взгляд на схему на стене, затем на шефа:

– D’accord, patron.

Гамаш коротко кивнул и посмотрел на Бовуара:

– Можно тебя на пару слов?

Когда они вернулись в его кабинет, Гамаш плотно закрыл дверь и повернулся к Бовуару.

– Сэр? – вопросительно произнес тот.

– Ты согласен с суперинтендантом Туссен.

Это была констатация факта.

– Я думаю, – ответил Бовуар, – должен быть способ заблокировать поставку так, чтобы они не поняли, что мы их раскусили.

– Возможно, такой способ есть, – согласился Гамаш.

– Мы захватывали более мелкие грузы, – сказал Бовуар, пытаясь использовать то, что показалось ему слабым местом в позиции босса.

– Это верно. Но те грузы шли обычными путями, пересекали границу в предсказуемом месте. Если бы мы приостановили все изъятия, картели сразу поняли бы: что-то готовится. Сейчас речь идет об огромной поставке, почти наверняка направленной в такое место, о котором, по их мнению, нам неизвестно. Если они уверены в маршруте и переправляют такое количество фентанила, это значит, что они чувствуют себя в безопасности, Жан Ги. Но это сработает лишь в том случае, если мы позволим им поверить.

– Только не говорите, что это хорошая новость.

– Мы надеялись на нечто подобное. Ты сам знаешь. Послушай, я понимаю, для тебя это особенно нелегко…

– Ну почему мы всегда приходим к этому? – возмутился Бовуар.

– Потому что не можем отделить личный опыт от профессиональных интересов, – ответил Гамаш. – Если думаем, будто можем, значит мы обманываем себя. Мы должны это признать, разобраться в собственной мотивации и только тогда принять разумное решение.

– Вы думаете, я мыслю неразумно? Это вы всегда обвиняете меня в том, что я не доверяю своим инстинктам. Знаете, о чем они мне сейчас говорят? Не только мои инстинкты, но и – да! – мой личный опыт?

Бовуар почти кричал.

– Мы совершаем огромную ошибку, – сказал Бовуар, немного понижая голос. – Пропуская столько фентанила в Штаты, мы можем погубить жизнь целого поколения. Вы хотите знать о моей личной ставке? Вот она. Вы никогда не были наркоманом. Вы понятия не имеете, что это такое! А опиоиды? Синтетические наркотики? Они просто впиваются в вас. Изменяют вас. Превращают в нечто ужасное. Вот тут все повторяют: «восемьдесят килограммов». – Он махнул в сторону двери и конференц-зала по другую сторону коридора. – То, что направляется к границе, нельзя взвесить и сосчитать. Невозможно измерить то несчастье, которое принесет этот груз. Медленную, мучительную смерть. И не только для наркоманов, которые появятся по вашей вине. Подумайте обо всех других жизнях, которые будут разрушены. Сколько людей, сегодня еще живых и здоровых, умрут или будут убиты, сэр? И все из-за вашего «рационального» решения?

– Ты прав, – сказал Гамаш. – Абсолютно прав.

Он показал на кресла. Немного поколебавшись, словно чуя ловушку, Жан Ги занял свое обычное место, но сел на самом краешке.

Гамаш откинулся на спинку кресла, пытаясь устроиться поудобнее. Оставив эту затею, он тоже сел прямо.

– Есть теория, что Уинстон Черчилль знал о намеченной немцами

бомбежке Ковентри, – сказал он. – И ничего не сделал, чтобы предотвратить ее. В результате бомбардировки погибли сотни мужчин, женщин и детей.

Напряженное выражение на лице Бовуара чуть смягчилось. Но он ничего не сказал.

– Британцы взломали код немцев, – объяснил Гамаш. – Однако активным противодействием они бы сообщили противнику о раскрытии кода. Ковентри был бы спасен. Сотни жизней были бы спасены. Но немцы изменили бы код, и союзники лишились бы огромного преимущества.

– И сколько человек было спасено благодаря этому решению? – спросил Бовуар.

Это были ужасные расчеты.

Гамаш открыл рот, потом закрыл его. Опустил взгляд на руки:

– Не знаю. – Он посмотрел в немигающие глаза Бовуара. – Есть предположение, что англичане так никогда и не воспользовались своим знанием из страха потерять преимущество.

– Вы шутите?

Но он, конечно, не шутил.

– Какой толк в преимуществе, если ты им не пользуешься? – спросил Бовуар. Скорее удивленно, чем сердито. – И если они допустили бомбежку этого города…

– Ковентри.

– …то что еще они допустили?

Гамаш покачал головой:

– Хороший вопрос. Когда ты тратишь все свои запасы? Когда ты мыслишь стратегически и, как скаред, накапливаешь их? Чем дольше ты их копишь, тем труднее с ними расставаться. Если у тебя есть только один выстрел, Жан Ги, когда ты его сделаешь? И как ты узнаешь, что пора?

– А может быть, когда я наконец сделаю свой выстрел, будет уже поздно. Я выжидал слишком долго, – сказал Бовуар. – Нанесенный ущерб перевешивает добро, которое я мог сделать.

Всю ярость Бовуара как рукой сняло, когда он посмотрел на старшего суперинтенданта Гамаша, мучительно пытавшегося найти ответ.

– Когда фентанил попадет на улицы, люди будут умирать, Жан Ги. Молодые люди. Люди постарше. Возможно, и дети. Это будет огненный смерч.

Гамаш вспомнил, как они с Рейн-Мари приехали в Ковентри много лет спустя после бомбардировки. Город отстроили, но собор так и остался разрушенным. Он стал мемориалом.

Они с Рейн-Мари долго стояли перед алтарем уничтоженного собора.

Через несколько дней после бомбардировки кто-то нацарапал на одной из стен: «Отец, прости».

Но кого простить? Люфтваффе? Геринга, который руководил бомбардировками, или Черчилля, который решил не принимать мер по их предотвращению?

Что это было – проявление мужества или страшная ошибка со стороны британских лидеров, находившихся в безопасности – в своих домах, кабинетах, бункерах за сотни миль от Ковентри?

Так и он, Гамаш, находился в безопасности, высоко над улицами Монреаля. Далеко от неминуемой катастрофы. Святой Михаил, вспомнил он. Собор в Ковентри носил имя архангела. Того самого, который приходит за душами умерших.

Гамаш посмотрел на свой указательный палец и с удивлением увидел на нем синюю линию. Как будто восемьдесят килограммов фентанила провезут прямо перед его носом на улицы городов.

Арман Гамаш контролировал маршрут с островов Мадлен до границы со Штатами. Контролировал линию, которая проходила через незначительную деревеньку в долине.

У него еще оставалась возможность и власть остановить это.

Гамаш знал: всю оставшуюся жизнь ему придется носить на своих плечах груз принятого этим вечером решения.

– И вы ничего не можете сделать? – тихо спросил Жан Ги.

Гамаш хранил молчание.

– Может, связаться потихоньку с Управлением по борьбе с наркотиками? Предупредить их? – предложил Жан Ги.

Но он понимал, что этого не случится.

Гамаш плотно сжал челюсти и проглотил комок в горле, но ничего не сказал. Он не сводил взгляда темно-карих глаз со своего заместителя. Со своего зятя.

– Сколько, по-твоему, уйдет времени на доставку фентанила до границы? – спросил Гамаш.

– Если его отправят немедленно? Он пересечет границу завтра вечером. Или даже раньше. Возможно, он уже в пути.

Гамаш кивнул.

– Но время для перехвата, вероятно, еще есть, – сказал Бовуар, хотя на самом деле он хотел сказать, что у Гамаша еще есть время передумать.

Однако он знал, что Гамаш не передумает. И в глубине души Жан Ги Бовуар понимал, что и не должен передумать.

Фентанил должен пересечь границу. Их тайна должна быть сохранена.

Чтобы открыть ее позднее. При нанесении coup de grâce.[19]

Арман Гамаш кивнул, поднялся и направился к двери. И подумал: когда он покинет сегодня офис, чтобы вернуться в небольшую квартиру, которую они с Рейн-Мари держали в Монреале, не выйдет ли из тени темная фигура и не последует ли за ним?

Не придет ли взыскать долг, который старший суперинтендант Гамаш никогда не сможет отдать?

Единственное, на что он мог надеяться, – это прощение.

Глава восьмая

– Мне казалось, ты говорила, что процесс закончится быстро, – сказала Джоан, партнер судьи Корриво. – У нас получится уехать на уик-энд?

Морин Корриво застонала:

– Не знаю. Можно ли отменить бронирование, если что?

– Я позвоню в гостиницу и выясню. Не переживай, мы всегда сможем уехать в другой уик-энд. Вермонт никуда не денется.

Морин схватила кусок тоста, поцеловала Джоан и прошептала:

– Спасибо.

– Поезжай и будь доброй девочкой, – напутствовала ее Джоан.

– Это моя песочница. Мне не обязательно быть доброй.

Морин выглянула в окно. Еще не было и семи утра, а солнце уже свирепствовало.

Она села в машину, вскрикнула и подняла пятую точку с обжигающе горячего сиденья.

– Черт, черт, – пробормотала она, включила кондиционер и медленно опустилась обратно.

Она заметила, как воздух над капотом сгущается от жары, и подумала о том, какой будет атмосфера в зале суда.

Впрочем, судья Корриво догадывалась, что и без тепловой волны там будет несладко.

* * *

– Всем встать, суд идет, – услышала она.

Охранник открыл дверь, и судья Корриво перешагнула через порог.

В зале раздался шумок, когда все вставали. А потом – когда сели вслед за ней.

Все выглядели слегка потрепанными. Уже.

Она кивнула прокурору, и тот вызвал своего вчерашнего свидетеля.

Старший суперинтендант Гамаш прошел на свидетельское место, и судья Корриво заметила, что он кажется собранным и на нем сшитый на заказ костюм, который к концу дня, вероятно, будет выглядеть не столь хорошо.

Кондиционер уже выключили и зал закрыли.

Когда Гамаш занимал свое место, она почувствовала едва ощутимый запах сандалового дерева.

Тонкий аромат окутал ее на мгновение и рассеялся. Тогда судья Корриво обратила внимание на обвиняемого и увидела глаза, смотревшие на Гамаша сосредоточенно и с мольбой.

Взгляд был пристальный. И только два человека в зале заседаний видели его: она сама и старший суперинтендант.

Но о чем молил этот взгляд? О милосердии? Нет, милосердие было вне компетенции Гамаша.

Этот взгляд отчаянно молил о чем-то Гамаша.

О прощении? Но этого Гамаш тоже не мог дать.

Что в данный момент старший суперинтендант мог предложить человеку на скамье подсудимых, которого он сам и арестовал?

Только одно, как догадывалась судья Корриво.

Молчание.

Он мог сохранить некую тайну.

Судья Корриво перевела взгляд на старшего суперинтенданта. И спросила себя, не заключено ли между ними соглашение. Что-то такое, о чем ей неизвестно.

На экран снова вывели фотографию кобрадора на деревенском лугу. Там она и будет оставаться на протяжении всего процесса.

Словно наблюдая за ними.

– Вы понимаете, что все еще под присягой, старший суперинтендант? – спросила судья Корриво.

– Понимаю, ваша честь.

– Bon, – сказал прокурор. – Вчера днем, в конце заседания, вы сказали нам, что пришли к следующему выводу: кто-то из жителей деревни Три Сосны совершил нечто столь ужасное, что пришлось вызывать это существо. – Прокурор показал на кобрадора. – Кто это был, по вашему мнению?

– Я правда не знал.

– Мне известно, что не знали, я спрашиваю, каково было ваше мнение. У вас возникли какие-нибудь подозрения?

– Возражаю, – сказал защитник.

Судья Корриво поддержала возражение, хотя и с сожалением. Ей бы хотелось услышать ответ.

* * *

– Совесть? – произнесла Рут. У нее за спиной в этот сумрачный ноябрьский вечер стучал по окну дождь со снегом – уже не осень, еще не зима. – Вот оно, значит, в чем дело. Интересно, за кем же он пришел.

Она оглядела всех со своего места в глубоком кресле в гостиной Гамашей. Усевшись, она уже не могла подняться без посторонней помощи. Ее соседей это очень даже устраивало. И удобно, и не без ограничений.

Роза сидела у нее на коленях, поворачивая голову к тому, кто говорил в данный момент. Словно бесноватая.

– Кто его сделал? – спросил Оливье, появившийся в дверях между кухней и гостиной. В руке он держал багет.

– Жаклин, – ответила Сара. – Прошу прощения. В пекарне больше ничего не оставалось. Что, она так и не научилась?

Оливье продемонстрировал хлебный нож с погнутыми зубцами, зажатый в другой руке. Он подошел к задней двери и швырнул багет на улицу – пусть найдет какой-нибудь бобер и поточит зубы. Хотя, скорее всего, багет так и останется там лежать, пока его не найдет какой-нибудь археолог из будущего. И он станет такой же загадкой, как Стоунхендж.

Мирна встала, подошла с бокалом красного вина к окну и поглядела в темноту.

– «Мир, что превыше всех земных блаженств, – процитировала она. Потом повернулась к собравшимся. – Спокойная, утихнувшая совесть!»[20]

– Шекспир, – сказала Рейн-Мари. – Только вот ощущение, что не очень спокойная.

– Потому что мы еще в неведении, – объяснила Мирна. – Это существо здесь, оттого что у кого-то в деревне совесть нечиста.

– Это просто человек в маскарадном костюме, – сказал Арман. – Он играет с кем-то в игры разума.

– Но не с нами, – сказал Габри.

– Правда? – спросила Рут. – Не с нами? У нас иммунитет? Твоя совесть такая уж чистая и незапятнанная?

Габри поморщился.

– Есть еще такие? – спросила Рут, обводя всех взглядом, пока не остановилась на Армане.

И в этот момент он обнаружил, что стоит у двери, которую всегда держал закрытой. Она вела в глубины памяти.

Он протянул руку. Правую. Она слегка дрожала.

И открыл дверь.

Она оказалась не заперта. Но он и не мог ее запереть, сколько ни пытался, помоги ему Господь. Иногда она распахивалась сама, открывая то, что внутри.

Нет, это не был какой-то жуткий, отвратительный позор.

За порогом стоял молодой человек, юноша. Улыбался. Полный надежд, веселья, честолюбивых устремлений, укрощенных добротой. Он был строен, даже худ, и униформа Квебекской полиции смотрелась на нем маскарадным костюмом.

«Ничего, он дорастет», – заверил старший инспектор Гамаш его мать на приеме в честь новых рекрутов.

Но он, конечно, не дорос.

И теперь юноша стоял и улыбался Арману. В ожидании приказов на день. Полностью доверяя ему.

«Я тебя найду. Все будет в порядке».

Но конечно, никакого порядка не получилось.

«Уходи. – Вот какие слова хотел бы сказать Арман. – Оставь меня с миром. Я очень переживаю из-за случившегося, но ничего не могу изменить».

Однако Арман Гамаш ни разу не произнес этих слов. И он знал, что если молодой человек исчезнет, то ему, Гамашу, будет его не хватать. Не той почти невыносимой боли, которую он всегда чувствовал, когда распахивалась эта дверь, а его общества.

Это был особенный молодой человек.

И Арман убил его.

Все произошло из-за случайной ошибки, говорил себе Гамаш. Из-за неверного решения, принятого в кризисной ситуации.

Непреднамеренно.

Но это была глупая ошибка, которой можно было избежать.

Если бы в тот ужасный момент он повернул направо, а не налево, молодой человек остался бы жив. Женился бы. Уже, наверное, растил бы детей.

«И пусть твои дни на земле будут долгими и счастливыми».

Но этого, конечно, не случилось.

И совесть Армана опять подала голос. Ничего особенного, говорила она, всего лишь тощий юноша, который никогда не обвинял его, только улыбался.

Арман поднес руку к виску и рассеянно провел пальцами по шраму. Словно это была печать Каина.

Рут наклонила голову, глядя на Армана. Как, вероятно, и все остальные, она знала, о чем он думает. О ком.

Старуха посмотрела на свой пустой стакан, потом на Розу, словно обвиняя утку в том, что та выпила ее виски.

Это случилось бы уже не в первый раз. Роза была пьяницей. Правда, с таким же успехом она могла быть и трезвой. Отличить пьяную утку от трезвой – дело нелегкое.

– А может, он здесь из-за меня, – сказала Рут. – Это ведь больше похоже на правду?

Она улыбнулась Арману. Точно так же ему улыбался и мальчик. В улыбке было столько нежности.

– Некоторые из моих деяний вам известны, – сказала Рут. – Я призналась в них и возместила убытки.

Клара посмотрела на Габри и одними губами произнесла: «Возместила?»

– Но есть одно…

– Вы не обязаны нам говорить, – сказала Рейн-Мари, коснувшись руки Рут.

– И чтобы это существо, – старуха подняла пустой стакан, указуя им в сторону деревенского луга, – преследовало меня до конца жизни? Нет уж, спасибо.

– Вы думаете, он здесь из-за вас?

– Возможно. Вам известно, почему мы переехали в Три Сосны, когда я была ребенком?

– Твой отец получил работу на лесопилке? – спросил Габри.

– Получил. Но знаешь, почему он вообще обратился туда? У него была хорошая работа в Монреале, в Канадской пароходной компании. Его все устраивало.

Рут погладила Розу, и та выгнула свою изящную шею то ли от удовольствия, то ли в пьяном ступоре.

Старая поэтесса перевела дыхание, как это делает ныряльщик со скалы перед прыжком:

– Я каталась на коньках на пруду в парке Мон-Руаяль. Был конец марта, и мать предупреждала меня, чтобы я не выходила на лед, но я не послушалась. Со мной был двоюродный брат. Он не хотел кататься, но я его заставила. Я по характеру лидер.

Друзья переглянулись, но промолчали.

– Мы опаздывали на ланч, и мать отправилась искать нас. Она увидела нас на пруду и закричала, и я покатила к берегу, чтобы первой добежать до

нее и во всем обвинить брата. Я могу немного привирать.

Брови слушателей опять поползли вверх, но никто ничего не сказал.

– Мой двоюродный брат ее еще не увидел, и, наверное, шапочка, натянутая на уши, помешала ему услышать ее крик. А может, у меня просто слух был настроен на ее голос. Я до сих пор его слышу.

Старуха наклонила голову. Прислушалась.

– Вы, наверное, догадались, что случилось, – сказала она.

– Он провалился под лед? – тихо спросила Рейн-Мари.

– Я провалилась. Лед начинает таять по краям, и когда ты думаешь, что уже в безопасности, в этот-то момент и жди беды. Лед треснул. Я до сих пор помню это мгновение. Я словно замерла в воздухе. Смотрела на мать, которая была все еще далеко от пруда. Я помню все цвета, все деревья, солнце на снегу. Выражение ее лица. И вдруг – я под водой.

– Господи боже, Рут, – прошептал Габри.

– Она была такая холодная, она обжигала, ну, вы знаете.

Рут огляделась. Все присутствующие знали, что такое сорокаградусный мороз, когда воет ветер и ледяной холод обжигает щеки.

Но оказаться целиком в ледяной воде?

– И что дальше? – прошептал Габри.

– Я умерла, – фыркнула Рут, возвращаясь к жизни. – Что, по-твоему, случилось, тупица?

– И что дальше, Рут? – спросила Рейн-Мари.

– Брат бросился ко мне на помощь и тоже провалился. Моя мать успела спасти только одного из нас.

– Тебя? – спросил Оливье, приготовившись к язвительному ответу.

Но ответа не было.

Старуха только кивнула, устремив взгляд вдаль.

Она глубоко вздохнула:

– Мать так меня и не простила. «Моя мать давно умерла и покоится в другом городе, / но со мной так еще и не покончила», – процитировала она собственное стихотворение. – Я и сама себя не простила.

– Увы, – произнес Арман.

Рут кивнула. И Роза кивнула.

– Нам пришлось переехать сюда, – сказала Рут. – От семьи и друзей, которые тоже обвиняли меня. Обвиняли ее. За то, что спасла не того.

Оливье, сидевший рядом, застонал и положил руку на костлявое плечо старухи.

Рут опустила голову. Она пыталась заставить себя сказать еще что-то. Последнее.

Но не могла говорить. Как не могла и забыть.

– Я бросил друга, когда он признался мне, что у него ВИЧ, – сказал Габри. – Я был молодым и испугался.

– Я выписала лекарство пациентке, – сказала Мирна. – Молодой матери. В депрессии. Из-за лекарства ее состояние ухудшилось. Она позвонила, и я велела ей утром сразу прийти ко мне. Но ночью она покончила с собой.

Клара взяла ее за руку.

– Я не послушалась вас, – сказала Клара, взглянув на Армана. – Я пошла искать вас и Питера в тот день в рыбацкой деревне. Вы мне говорили не делать этого, и если бы я…

Габри взял ее за руку.

– Я обманом выуживал у стариков старинные вещи, – сказал Оливье. – Давал им малую часть реальной стоимости. Я больше так не делаю. Но ведь делал.

Он говорил с удивлением, словно описывал какого-то незнакомого ему человека.

– Мы знали об этом, mon beau,[21] – сказала Рут, похлопав его по руке. – Ты говнюк.

Оливье хрюкнул от неожиданности.

Какой-то шум, поначалу приглушенный, донесся до них с деревенского луга. Громкие голоса, становящиеся все громче. И наконец перешедшие в крики.

Друзья удивленно переглянулись. Арман поднялся с кресла. Распахнув входную дверь, он увидел, что происходит.

На лугу собралась толпа. Видна была только макушка головы кобрадора.

Он стоял в окружении людей.

Арман выбежал из двери, и остальные последовали за ним, кроме Рут, которая никак не могла выбраться из кресла.

– Не оставляйте меня здесь!

Но они оставили ее.

И она снова увидела руку матери, погруженную в ледяную воду. Ищущую. Отчаявшуюся. Выбивающуюся из сил.

Пытающуюся найти ее двоюродного брата.

Но за ее руку ухватилась Рут и осталась жить. Ненужная.

> И тогда прощенные и прощающие встретятся снова,
> или, как всегда, будет слишком поздно?

– Увы, – пробормотала она.

– Идем, старая карга.

Клара вернулась и протянула ей руку. Рут несколько мгновений смотрела на эту руку, потом ухватилась за нее.

И была вытащена.

Они поспешили по дорожке на деревенский луг.

Глава девятая

– Ты, сукин сын! – орал крупный мужчина.

Он стоял в центре круга и держал в руке металлический стержень, собираясь нанести удар.

– Стойте! – прокричал Гамаш, протиснулся через толпу и остановился в нескольких футах от этого человека.

Он узнал в нем нового члена дорожной бригады Билли Уильямса, хотя имени новичка не помнил.

Человек либо не услышал Гамаша, либо не хотел слышать, настолько был поглощен своей мишенью. Кобрадором. Тот продолжал стоять. Не отступил ни на шаг. Не съежился в ожидании удара. Не приготовился к его отражению.

– Давай уже! – крикнул кто-то.

Толпа превратилась в банду.

Арман, выбежавший из дома без свитера и куртки, стоял в одной рубашке на холодном дожде. А окружали его – окружали кобрадора – молодые родители. Деды. Соседи, знакомые ему мужчины и женщины. Ни одного из них не назвал бы он бузотером. Но теперь они заразились страхом. И страх изменил их.

Гамаш подошел к дорожнику сбоку. Осторожно. Будто протиснулся под стеклянный купол.

Он не хотел, чтобы его появление стало неожиданным, чтобы тот среагировал. Набросился на кобрадора, находящегося совсем рядом.

– Убирайся отсюда в жопу! – прокричал дорожник кобрадору. – Или я размозжу тебе голову. Богом клянусь, я это сделаю!

Толпа подзуживала его, и он крепче обхватил свое оружие и поднял его еще выше – теперь Гамаш увидел, что это кочерга.

Вид у нее был жутковатый, ею ворочали поленья в печи. Убить таким инструментом было очень даже просто.

– Не надо, не надо, – ровным, спокойным голосом проговорил Гамаш, приближаясь. – Не делайте этого.

А потом заметил движение. Из толпы вышел еще один человек.

Леа Ру. Она вмиг встала между кобрадором и дорожником с кочергой.

Тот, удивленный, замешкался.

Гамаш быстро шагнул вперед и замер рядом с Леа перед кобрадором.

Дорожник помахал перед ними кочергой:

– Не мешайте мне. Он здесь чужой.

– И что? – спросила Леа. – Он никому не приносит вреда.

– Вы шутите? – прокричал другой человек. – Да вы посмотрите на него!

– Он напугал моих детей, – крикнул кто-то еще. – Вот вам и вред.

– А чья это вина? – спросила Леа, поворачиваясь вокруг, чтобы увидеть всех. – Вы сами научили их бояться. Он ничего не сделал. Он стоит здесь два дня, и ничего плохого не случилось.

– А вы тоже не местная! – прокричал кто-то еще. – Здесь не ваш дом. Прочь с дороги!

– Чтобы вы размозжили ему голову? – Леа посмотрела на толпу. – Вы хотите, чтобы ваши дети играли на траве, залитой кровью?

– Пусть лучше его кровью, чем их! – выкрикнула женщина.

Но ее голос звучал уже не так громко, не так уверенно.

– Тогда им придется играть и на моей крови, – сказала Леа.

– И на моей, – сказал Арман.

– И на моей.

Из толпы вышел кто-то еще. Мойщик посуды Антон. Он выглядел испуганным, когда занял место рядом с Арманом и уставился на человека с кочергой.

К ним присоединились Клара, Мирна, Габри и Оливье. Рут передала Розу одному из зевак и тоже вышла вперед.

– А мы точно на правильной стороне? – прошептала она Кларе.

– Помолчи и больше решительности во взгляде.

Но лучшее, что могла изобразить старая поэтесса, – это сумасшедшинку в глазах.

Арман шагнул вперед и протянул руку к мужчине с кочергой. Тот снова поднял свое оружие.

За спиной у мужа Рейн-Мари прошептала:

– Арман.

Но он продолжал стоять с вытянутой рукой. Глядя на дорожника, который не сводил глаз с кобрадора. Наконец мужчина медленно опустил кочергу, и Гамаш отобрал ее у него.

– Если что-то случится, сами будете отвечать! – прокричал кто-то в толпе.

Однако люди уже вернулись в нормальное состояние и стали расходиться, хотя и недовольные, неудовлетворенные.

– Постойте, – сказал Гамаш, подхватив под руку собравшегося уходить главного бузотера. – Как вас зовут?

– Поль Маршан.

– Ну, месье Маршан, – Гамаш похлопал его по карманам в поисках другого оружия и увидел машину Квебекской полиции, спускающуюся с холма, – у вас неприятности.

Он вытащил из кармана Маршана маленький кошелек. В нем лежали две таблетки.

Гамаш узнал их.

– Откуда это у вас? – Он приподнял кошелек на ладони.

– Это лекарство.

– Это фентанил.

– Верно. От боли.

Агенты полиции остановили машину и теперь быстро шли по лугу.

К кобрадору.

– Сюда, – позвал их Гамаш. – Вот из-за кого вас вызвали.

– Минутку, сэр, – сказал агент, едва взглянув на дорожника в вымокшей под дождем рубашке.

Тут было так много людей со странным поведением, что агенты полиции даже не знали, с кого начать. А потому направились к человеку в мантии и маске.

– Нет, я говорю, сюда, – властно произнес Гамаш.

Уже почти совсем стемнело, и агенты повернулись, чтобы приглядеться к тому, кто с ними говорил. Они подошли ближе, и недовольство на их лицах сменилось удивлением.

– Черт, – пробормотал один из них.

– Извините, patron, – сказал агент постарше и отдал честь. – Я не знал, что это вы.

– Конечно, откуда вы могли знать? – Гамаш объяснил им ситуацию. – Задержите его на ночь. Наблюдайте за ним. Я не знаю, принимал ли он эти таблетки. – Он передал им кошелек. – Отправьте их в лабораторию.

Гамаш проводил взглядом агентов, уводящих Маршана. Что-то выбило этого человека из колеи, и Гамаш подумал, что днем таблеток в кошельке, вероятно, было больше.

Рут, которой отдали Розу, повернулась к кобрадору и прошептала:

– Ты можешь уже наконец оставить меня в покое?

Но, шагая к дому Гамаша вместе с остальными, она знала: не оставит.

Перед уходом Арман, дрожащий от холода, подошел к кобрадору и заговорил с ним.

* * *

– Что ты ему сказал? – спросила Рейн-Мари, когда Гамаш вернулся в тепло.

– Я сказал, что я знаю: он кобрадор, совесть. Я спросил, к кому он пришел.

– И что он ответил?

– Ничего.

– Тихая и спокойная совесть, – пробормотала она.

– Еще я попросил его покинуть Три Сосны. Сказал, что он зашел достаточно далеко. Слишком далеко. Те, кто пришел на луг, они хорошие люди, но они испуганы. А страх может даже хороших людей заставить совершать ужасные вещи. Я спросил, хочет ли он, чтобы это было на его совести.

– Он не уйдет, – сказала Рейн-Мари.

– Non, – согласился с ней муж. – Он еще не закончил.

Гамаш посмотрел в окно. В темноте кобрадор походил на еще одну сосну. Четвертое дерево. Он становился частью их жизни, чуть ли не традицией, которая норовила пустить глубокие корни в их маленьком сообществе.

Гамаш проследил за направлением взгляда кобрадора. Его глаз, которые не моргнули, даже когда ему угрожала опасность. А может, и смерть.

Там, за сводчатым окном, стоял человек – один из немногих, кто не вышел на луг. Ни чтобы защитить кобрадора, ни чтобы угрожать ему.

Потом Жаклин развернулась и снова взялась за свое тесто.

Глава десятая

– Вы попросили его покинуть деревню. Вероятно, вы предполагали, как будут развиваться события, – сказал прокурор. – Тут уже речь шла об угрозе жизни.

– Маршан пребывал в ярости, был спровоцирован, – ответил старший суперинтендант Гамаш. – В подобном состоянии люди говорят то, чего на самом деле не думают.

– И совершают поступки, о которых впоследствии жалеют, – заметил прокурор. – Когда они рассержены. Однако поступок уже совершен, и изменить ничего нельзя. Убийство может быть совершено непредумышленно или по неосторожности, но в любом случае человека уже не вернуть. Наверняка ваш опыт работы в отделе по расследованию убийств научил вас этому.

– Научил, – признал Гамаш.

– И все же вы бездействовали. Если не в тот момент, то когда? Чего вы ждали?

Гамаш посмотрел на прокурора, потом на людей, набившихся в душный зал заседаний. Он знал, как все это звучит, какие эмоции это вызвало бы у него.

Но он ничего не мог сделать, не нарушая закон. Ничего, что принесло бы результат.

События того ноябрьского вечера ясно показали: кобрадор твердо намерен добиться своего.

Старший суперинтендант Гамаш сомневался, что идея о нападении на кобрадора принадлежит Маршану. Поль Маршан недавно появился в деревне и до этого времени ни в чем противозаконном замечен не был. Казалось, кто-то его надоумил. Посоветовал прямо или косвенно пригрозить кобрадору.

Гамаш сомневался, что цель состояла в убийстве Совести. Скорее хотели напугать, отвадить кобрадора от деревни. В конце концов, кто не убежит, увидев перед собой психа с кочергой в руке?

Несмотря на бытующее мнение, мертвецы не молчат. Они рассказывают самые разные истории. Если бы кобрадора убили, им пришлось бы снять с него маску и выяснить, кто он такой. И возможно, они поняли бы, почему он здесь оказался.

Но если бы кобрадор убежал, то никто так бы и не узнал, кто он и

почему объявился в Трех Соснах.

И к кому приходил.

Впрочем, «почему» начало уже проясняться для Гамаша. Подсказкой послужила крохотная пластиковая упаковка.

Чума.

Однако план не удался. Совесть не уступила. Даже не моргнула. Готова была рисковать жизнью ради своего дела.

Совесть знала что-то о ком-то из жителей деревни. И у этого кого-то начали сдавать нервы.

Но ни о чем таком в суде не говорилось. Прокурор не спрашивал, а Гамаш не делился этими сведениями.

– Месье Залмановиц, – сказала судья, и прокурор подошел к ней. – Месье Гамаш не подсудимый. Имейте это в виду, задавая вопросы.

– Хорошо, ваша честь.

Но, судя по действиям прокурора, ему хотелось превратить Гамаша в еще одного обвиняемого, а не в свидетеля обвинения.

За спиной у Залмановица репортеры с бешеной скоростью делали записи.

Судья Корриво знала, что суды и судьи бывают разными и что есть много способов усадить человека на скамью подсудимых.

Старший суперинтендант Гамаш мог бы быть признан виновным.

Она снова сосредоточилась на прокуроре. На этом самонадеянном типе.

Судья Корриво больше даже не пыталась прогонять приходившие к ней мысли. Но она изо всех сил сдерживалась, чтобы не озвучить их случайно в публичном пространстве.

Не удержись она – и решение суда будет оспорено. И дело точно окажется в суде более высокой инстанции.

– Что вы подумали, когда увидели Леа Ру, вышедшую на защиту кобрадора? – спросил прокурор.

– Кто бы ни встал между человеком, размахивающим кочергой, и тем, кому он угрожает, я бы удивился.

– И тем не менее именно это вы и сделали, не так ли?

– Я подготовлен к такого рода испытаниям.

– О да, я все время забываю.

Эта реплика вызвала одобрительные смешки у публики и удар молотком судьи Корриво, которая с удовольствием нанесла бы его по голове прокурора.

– Я знал мадам Ру, – сказал Гамаш. – Следил за ее политическим

ростом. Политика – вещь жестокая, особенно в Квебеке.

– А вы не подумали, что это просто эффектный ход? Чтобы накопить политический капитал?

– Тогда ей нужно было бы встать на сторону толпы, вам не кажется? – парировал Гамаш. – Популист, разжигающий гнев и страх, имеет больше шансов быть избранным. Если бы она хотела этого, то встала бы на сторону человека с кочергой.

Эти слова заставили прокурора проглотить язык и вызвали смешки в зале вверху и слева.

– Я начал говорить, что знаю мадам Ру по отзывам. Мне по долгу службы приходится иметь дело с высокопоставленными чиновниками, избранными и назначенными. В коридорах Национального собрания Квебека перед началом заседаний комитетов можно услышать много интересных разговоров. Леа Ру имеет репутацию человека страстного, но принципиального. Это мощное сочетание. Она стала инициатором принятия многих прогрессивных законов в Национальном собрании. И часто против желаний главы партии.

– Значит, принципы для нее важнее карьеры? – спросил прокурор.

– Думаю, да.

Впрочем, опыт работы в отделе по расследованию убийств научил Гамаша кое-чему еще. Не стоит доверять внешнему облику.

* * *

– Вы поступили очень смело, – сказала Клара, когда они вернулись в дом Гамашей.

– И представляете, это сработало! – воскликнула Леа, широко раскрыв глаза.

Лицо ее раскраснелось, несмотря на холод.

Рейн-Мари пригласила Леа и Матео разделить с ними обед.

Леа пребывала в некой эйфории после противостояния толпе. Адреналин. Гамаш многое мог рассказать о таком состоянии.

Сердце колотится. Все усилия направлены на то, чтобы скрыть страх. Не сдать позицию. Тело напряжено. Мысли скачут.

А потом все кончается. Но адреналин остается в крови и, как наркотик, растекается по телу. Они все чувствовали подобное, но никто в такой степени, как Леа. Ведь она первая вышла против толпы.

– Жаль, что Патрик и Кэти не с нами, – сказала Рейн-Мари,

направляясь вместе с ними в кухню. – Я видела, как они сегодня уехали куда-то.

– Они решили пообедать в «Ле Реле» в Ноултоне, – объяснила Леа. – Вечер стейков с картошкой фри. Пропустили такую развлекуху.

– Хотя я не думаю, что от Патрика было бы много прока, как ты считаешь? – сказал Матео.

Вероятно, так оно и есть, подумал Гамаш, тоже обративший внимание на робость Патрика. Но говорить об этом не стоило, тем более другу.

Впрочем, возможно, Патрик вовсе не друг ему. С некоторых пор. В этот свой приезд они, похоже, проводили меньше времени в обществе друг друга.

– Выглядит великолепно, – сказала Рейн-Мари, раскладывая по тарелкам тушеную курицу, принесенную Оливье. – Merci.

– Не за что.

– Давай уж, поведай им правду, – сказал Габри, хватая теплую обеденную булочку, предложенную вместо багета. – Готовил не Оливье, это работа Антона.

– Мойщика посуды? – спросил Матео, с подозрением глядя на тушеное блюдо.

Куриное мясо было нежное, в меру приправленное. Сложное блюдо. Знакомое и вместе с тем экзотическое.

– Все это он нашел в лесу, – сказала Мирна. – Новоквебекская кухня. Вот что он хочет создать.

– Мойщик посуды? – повторил Матео.

– Нам всем приходится с чего-то начинать, – возразила Мирна.

– И давно он здесь? – спросила Леа. – Кажется, в наш прошлый приезд его не было.

– А он запоминается, – протянула Клара, представляя себе стройного молодого человека с длинными волосами и легкой улыбкой.

– Он приехал несколько месяцев назад, – ответил Габри. – Они с Жаклин вместе работали в каком-то доме и оба потеряли работу.

– Под домом вы подразумеваете что-то вроде дома престарелых?

– Нет, – ответил Оливье. – Я имею в виду частный дом. Она служила нянькой, кажется, а он – их личным шеф-поваром.

– Ничего себе дом, – заметил Матео.

– Вам нравится ваша новая работа, Арман? – спросила Леа.

– «Нравится» не очень подходящее слово, – ответил он. – Я просто пытаюсь справляться. Позвольте спросить у вас кое-что. Несколько лет назад, когда вас выбрали в первый раз, вы лоббировали один закон и,

насколько я помню, были совершенно уверены в его необходимости.

– Верно. Многие новоизбранные имеют свои законопроекты. Большинство из них не проходит.

– А ваш? – спросила Клара.

– И мой не прошел. Закон был призван покончить с переполненностью палат для больных, доставляемых по «скорой».

– Вообще-то, это был закон о борьбе с наркотиками, – напомнил Арман.

– Ах да, вы правы.

– Я внимательно читал ваш законопроект, – сказал Гамаш. – В то время я был главой отдела по расследованию убийств, и огромное число убийств в Квебеке так или иначе было связано с наркотиками.

– И каково ваше мнение?

– Мне показалось, что законопроект предлагал конструктивный подход к ситуации, которая выходила из-под контроля.

– Тогда почему ее законопроект провалили? – спросил Габри.

– По ряду причин, – ответил Гамаш.

Продажность старших офицеров Квебекской полиции. Коррупция в правительстве. Рост могущества наркокартелей, которые диктовали свои условия.

Но Гамаш не стал говорить им об этом. Хотя одну из причин он не прочь был затронуть.

– Это может показаться тривиальным, но одна из причин состояла в том, что вы назвали законопроект чьим-то именем. Не помню чьим.

– Эдуарда, – напомнила Леа. – И почему это помешало?

– Создавалось впечатление, будто это персональный крестовый поход одного из депутатов, который хочет заявить о себе, а не широкомасштабное решение проблемы, представляющей серьезную социальную угрозу.

– Другие законы тоже носят имена людей, – вмешалась Клара. – Таких много.

– Безусловно, но те законопроекты, которые были приняты, имели широкую общественную поддержку. Их лоббисты проделали немалую агитационную работу. Задействовали медиа, общество, нашли сторонников среди коллег-политиков. Вы, – сказал он, обращаясь к Леа, – этого не сделали.

– Верно. Если политика – искусство, то я рисовала пальцем.

– А кто такой этот Эдуард? – спросила Рейн-Мари.

– Он был нашим соседом по комнате в Монреальском университете, – ответил Матео.

– Мы все входили в одну компанию, – сказала Леа. – И Эдуард был одним из нас.

– Немного больше чем одним из нас, верно? – с ехидцей произнес Матео.

Даже в пламени свечей было видно, что Леа зарделась.

– Я была в него слегка влюблена, – сказала она. – Все его любили. Даже ты, я думаю.

Матео рассмеялся:

– Он был очень привлекателен.

– Что с ним случилось? – спросила Мирна.

– Нетрудно догадаться, – ответил Матео.

Разговор на несколько секунд прервался.

– Наверное, совсем молодой был, – заговорила наконец Клара.

– Ему и двадцати не стукнуло, – сказала Леа. – Спрыгнул с крыши пятнадцатиэтажного дома. В состоянии наркотического опьянения. Сколько лет прошло…

– Не так уж и много, – возразил Матео. – Мы все очень гордились, когда Леа после избрания стала первым делом проводить La loi Edouard.

Закон Эдуарда.

– Законопроект не прошел, – повторила Леа.

– Но вы, по крайней мере, попытались, – сказал Гамаш. – А теперь вы многое узнали о прохождении законопроектов. Вы не хотели бы вернуться к нему? Возможно, мы сумеем вместе сочинить эффективный закон.

– Я надеюсь на это.

Гамаш подождал продолжения, затем откинулся на спинку стула и задумался.

Леа Ру проявила вежливость, но, похоже, вовсе не стремилась к совместной работе с главой Квебекской полиции по пресечению наркотрафика.

Что же случилось? И почему она забыла о том, что ее первым законопроектом, ее приоритетным делом был закон Эдуарда?

Снова сплошная видимость. Как и у существа на деревенском лугу. Оба скрывают то, что у них внутри.

Глава одиннадцатая

Утром существа не оказалось на прежнем месте.

Арман вышел на веранду в куртке, шапке и перчатках, держа на поводке Анри и малютку Грейси. Хотя, с их точки зрения, на поводке был Гамаш.

Все трое уставились на пустой деревенский луг, окутанный утренним туманом.

Гамаш огляделся. Обвел взглядом дома, сады, ведущие в деревню и из нее пустынные грунтовые дороги, которые, словно стрелки компаса, показывали главные направления.

Нигде никакого движения. Хотя до его ушей донеслись птичьи трели и несколько голубых соек сидели на спинке скамьи, стоящей на лугу.

– Гулять, – сказал он, отстегивая собак.

Анри и Грейси побежали вниз по ступенькам, по тропинке, по тихой дорожке на деревенский луг и принялись гоняться друг за другом вокруг трех сосен.

Бег Грейси немного напоминал кроличий – она быстро прыгала.

«Не может же она быть?..» – подумал Арман, наблюдая за ней.

Задние ноги у нее были крупнее передних, это правда. И уши становились все длиннее.

Ясности с тем, кто такая Грейси, пока так и не появилось. Но одно оставалось неоспоримым.

Кем бы она ни оказалась, она принадлежит им.

Его внимание привлекло какое-то движение слева, и он перевел взгляд туда. Из верхнего окна дома на него смотрела крупная фигура в мантии.

Арман уставился на нее, впился взглядом, сосредоточился. Его тело напряглось.

Но когда фигура сделала шаг назад и на нее упал свет, он понял, что это Мирна.

Она помахала ему и минуту спустя вышла из дома в шерстяном пальто, ярко-розовой шапочке и с такой большой кружкой кофе, каких он и не видел. Скорее, с ведром.

– Наш друг исчез, – сказала она.

Ее резиновые сапоги производили хлюпающие звуки, когда она на каждом шагу вытаскивала их из грязи.

– Oui.

– Думаю, Поль Маршан все-таки его напугал.

– Пожалуй.

Арман испытывал облегчение. Но все же его одолевало любопытство, и, пока они медленно шли вокруг деревенского луга, он спрашивал себя, узнают ли они когда-нибудь, почему здесь появлялся кобрадор. И почему исчез.

Вся деревня вздохнула с облегчением, воспряла духом. Даже солнце пыталось пробиться сквозь промозглый туман.

Они почти привыкли к присутствию этой фигуры на лугу, как привыкли к запаху навоза, доносящемуся с полей. Навоз был необходим. Он приносил пользу. Но приятней от этого не становился.

И вот кобрадор, воплощенная Совесть, исчез. Великого обвинения, вокруг которого завертелась вся жизнь маленькой деревни, больше не было. Все стало по-прежнему.

Мирна набрала полную грудь воздуха и выдохнула. Теплое облачко в прохладном утреннем воздухе.

Арман улыбнулся. Он чувствовал то же самое. Впервые расслабился за последние дни.

– Вы думаете, он получил то, за чем приходил? – спросила Мирна.

– Вероятно, иначе зачем ему уходить? Если он был готов претерпеть побои от месье Маршана, то трудно представить, что могло бы вынудить его вдруг сдаться.

– Интересно, как выглядит успех с точки зрения кобрадора? – спросила Мирна.

– Я тоже думал об этом, – отозвался Арман. – Для современного, который в цилиндре, это знание того, что долг возвращен. Финансовая транзакция совершена. Но тут мы имеем дело с долгом совсем иного рода.

Мирна кивнула:

– Ладно, на самом деле мне хочется узнать, к кому он приходил и по какой причине. Вот, признаюсь.

– Ну что ж, это совершенно естественный интерес, – улыбнулся Арман.

– Вам тоже интересно?

– Может быть, немного любопытно.

Какое-то время они шли молча.

– Не просто любопытно, Арман. Тут что-то другое. Совесть ушла.

– А это означает, кто-то здесь остался без нее. Наверное.

Никто из них не стремился развивать эту мысль. Оба хотели насладиться мгновением. В особенности свежим ноябрьским утром с его

повисшим в воздухе дымком из печных труб. С неярким солнцем и прохладным туманом, несущим терпкий запах влажной земли и сладковатый запах сосен.

– «…И за яблоневою листвою, – произнесла Мирна, наблюдая за Анри и Грейси, играющими между соснами, – детей, которых не видно… Лишь слышно их, полуслышно в тиши…»[22]

– Мм, – промычал Арман. Ее чавкающие шаги рядом ничуть не раздражали, задавали ритм. Словно успокаивающий метроном. – Томас Стернз Элиот.

На луг возвращались все новые и новые птицы, и теперь Анри катал Грейси по мокрой траве, а она бешено мотала хвостом и делала вид, что отталкивает его своими короткими ножками.

– «Литтл Гиддинг»,[23] – сказала Мирна.

Он подумал, что она имеет в виду Грейси, у которой вот-вот начнется легкое головокружение, но потом понял, что Мирна называет поэму, строки из которой цитировала.

– А ведь я был там, – сообщил он.

– В Литтл Гиддинге? – переспросила Мирна. – Это реальное место? Я думала, Элиот его придумал.

– Нет, это деревня неподалеку от Кембриджа. Ха, – произнес он, улыбаясь.

– Что такое?

– Население Литтл Гиддинга – около двадцати пяти человек. Немного похоже на то, что мы имеем здесь.

Они прошли еще немного по тихому миру.

– «…И все разрешится, – процитировал он строки поэмы, – и сделается хорошо…»

– Вы в это верите? – спросила Мирна.

В поэме говорилось об обретении покоя и простоты.

– Верю, – ответил Арман.

– Это ведь Юлиана Норвичская первая сказала: «Все будет хорошо, и все, что ни будет, будет хорошо».

Резиновые сапоги продолжали хлюпать с успокоительным ритмом, отчего слова и мир сливались воедино.

– Я тоже верю в это, – сказала Мирна. – Трудно не верить в такой день.

– Самое важное верить в это в разгар бури.

И Мирна вспомнила, что, хотя поэма Элиота говорит об обретении мира, она появилась только после пожара. Страшного очищения.[24]

В «Литтл Гиддинг» рассказывалось и о гонимом короле. Мирна посмотрела на своего спутника и вспомнила их разговор предыдущим вечером. О совести.

У них был свой гонимый король. На самом деле они все были гонимы.

– Я думаю, все в этой деревне верят, что все будет хорошо, – сказал Арман. – Поэтому-то мы и здесь. Мы все потерпели неудачу. А потом все приехали сюда.

Он произнес это так, будто магические события были простым, разумным, логическим ходом вещей.

– «Пепел, пепел, – пропела вполголоса Мирна, – мы все падаем».[25]

Гамаш улыбнулся:

– Мои внучки пели это в прошлый приезд. Вот прямо там.

Он показал на деревенский луг. И на то самое место, где вчера стоял кобрадор.

Перед его мысленным взором предстали Флоранс и ее сестренка Зора, они танцевали, взявшись за руки с другими ребятишками, и пели старую народную песню. В этих старых стихах было что-то невинное, но в то же время тревожное.

Он видел смеющихся детей. Видел, как они падают на землю. Вытягиваются во весь рост. Замирают.

Ему это казалось забавным, но все же неприятно было видеть, как его любимые внучки лежат на лугу, словно мертвые. Рейн-Мари говорила, что этой народной песне несколько веков, она возникла во время эпидемии черной смерти. Чумы.

– Что случилось? – спросила Мирна, глядя на него.

– Просто задумался о кобрадоре.

Но это была только часть правды. Он думал о маленьком пластиковом пакетике в кармане Маршана.

Теперь, когда кобрадор исчез, Гамаш поедет на работу, позвонит в лабораторию и узнает, что было в этом пакетике. Впрочем, он и так знал ответ.

Фентанил. Чума.

«Пепел, пепел, – подумал он. – Мы все падаем».

– И все будет хорошо, – заверила его Мирна.

– Так-так, – проговорил у них за спиной знакомый голос.

Они повернулись и увидели Рут и Розу, которые вразвалочку спускались по склону холма из маленькой церквушки Святого Томаса.

– Вы сегодня рано, – сказал Арман, когда старая поэтесса присоединилась к ним.

– Не спится.

Арман и Мирна переглянулись. Насколько они знали Рут, та бо́льшую часть времени спала или пребывала в вырубленном состоянии под воздействием алкоголя. Потом просыпалась на часок-другой, чтобы оскорбить кого-нибудь, и снова засыпала. Деревенская кукушка. Часы.

– Ходила к святому Томасу за покоем и тишиной, – объяснила Рут.

И опять Арман и Мирна переглянулись, подумав о том, какой, видимо, кошмар творится в ее доме, а вернее, в ее голове, если она ищет спасения в церкви.

– Когда вы вышли, его уже не было? – спросил Арман.

– Кого?

– А как ты думаешь? – фыркнула Мирна.

– Вы о тореадоре?

– Да, – ответила Мирна, даже не озаботившись тем, чтобы поправить ее.

Рут наверняка прекрасно знала, что никакого быкоборца в их деревне не появлялось. Хотя, Господь свидетель, помощь в борьбе со всеми быками им бы не помешала.

– Он исчез, – сказала Рут. – Но Михаил был поблизости. Занудствовал.

– Архангел? – спросил Арман.

– А кто же еще? Слушай, ну этот ангел и разговорчив. Господь то, Господь се. И я, чтобы от него отделаться, ушла в церковь.

– Отделаться от Бога? – спросила Мирна, глядя на помятую старуху. – Что ты там делала?

– Я молилась.

– Злобилась, – одними губами сообщила Мирна Арману, изображая пальцами когти.

Арман сжал губы, чтобы не улыбнуться.

– О чем? – спросил он у старой поэтессы.

– Я начинаю молиться с пожелания страшного конца каждому, кто меня разозлил. Потом я молюсь о мире на земле. А потом я молюсь за Люцифера.

– Ты сказала, за Люцифера? – переспросила Мирна.

– А что тебя так удивляет? – спросила Рут, переводя взгляд с одного на другую. – Кто больше всех в этом нуждается?

– Мне приходят в голову несколько имен, которые заслуживают этого больше.

– А кто ты такая, чтобы судить? – возмутилась Рут, но не так чтобы совсем неприязненно. И Мирна заволновалась, что Рут включит и ее в свой

молитвенный список. – Величайший грешник. Самая потерянная душа. Ангел, который не только пал на землю, но при падении весь переломался.

– Ты молишься за Сатану? – снова спросила Мирна, которая никак не могла бросить эту тему и молча молила Армана о помощи.

Но он лишь пожал плечами, словно говоря: «Она вся ваша».

– Дурья башка, – пробормотала Мирна.

И тут ей кое-что пришло в голову.

– Ты молишься за него? Или ему?

– За него. За него. За него. Господи, и они еще говорят, что деменция у меня. Он был лучшим другом Михаила. Пока не попал в беду.

– А под бедой ты имеешь в виду войну в небесах, когда Люцифер пытался сбросить Бога? – спросила Мирна.

– А, так ты знаешь эту историю?

– Да, тут показывали фильм недели.

– Что ж, никто из нас не идеален, – согласилась Рут. – Мы все совершаем ошибки.

– Эта ошибка кажется крупнее всех остальных, – заметила Мирна. – Если учесть к тому же, что Люцифер не считал себя в чем-то виноватым.

– И это основание, чтобы его не прощать? – спросила Рут. Судя по всему, она была искренне озабочена данным вопросом. Даже на минуту забыла о себе. – Михаил говорит, что Люцифер был из них самым красивым, самым ярким. Его называли Сын Утра. Он был светоносным.

Рут обвела взглядом деревенские дома, сады, лес. Легкую дымку и пробивающееся сквозь нее солнце.

– Глупый, глупый ангел, – пробормотала она и повернулась к своим спутникам. – Обычно совесть принято считать хорошей вещью, но позвольте спросить: сколько страшных преступлений совершено во имя совести? Совесть – прекрасное извинение для ужасающих действий.

– Тебе это сказал твой друг Люцифер? – спросила Мирна.

– Нет, мне это сказал архангел Михаил, а потом попросил молиться за самого великого из всех грешников.

– У которого не было совести, – указала Мирна.

– Или она была покорежена. Совесть не обязательно хорошая вещь. Сколько геев избито, сколько женских клиник, где делали аборты, было разгромлено, сколько негров подверглось линчеванию, сколько евреев было убито людьми, которые слушали голос своей совести?

– И вы думаете, именно это у нас и происходит? – спросил Арман. – Пропала, заблудилась совесть?

– Откуда мне знать? Я сумасшедшая старуха, которая молится за

Сатану и держит в доме утку. Слушать меня может только чокнутый, верно? Идем, Роза, пора завтракать.

И они вдвоем похромали вразвалочку к дому Гамаша.

– Совесть руководит нашими действиями! – крикнула ей вслед Мирна. – Чтобы мы поступали правильно. Чтобы были смелыми. Бескорыстными и отважными. Чтобы противостояли тиранам, чего бы это ни стоило.

Рут остановилась и повернулась, чтобы взглянуть на них.

– Ты бы еще сказала, что она светоносная. – Она остановилась на ступеньках веранды. Впилась в них взглядом. – Иногда все не так хорошо.

Глава двенадцатая

Когда Совесть ушла, старший суперинтендант Гамаш почувствовал, что может без опасений вернуться в Монреаль, к своим обязанностям. Он проехал сквозь ноябрьский туман, стлавшийся над землей, и провел день за делами, наверстывая упущенное. Накопилось много бумажной работы, встречи были отложены до того времени, когда кобрадор покинет Три Сосны.

Гамаш пообедал в бистро в Старом Монреале с новым главой отдела по расследованию особо тяжких преступлений. За «дежурным» супом и сэндвичами, приготовленными на живом огне, они обсудили проблемы организованной преступности, картелей, наркотиков, отмывания денег, угроз терроризма, мотоциклетных банд.

Все эти проблемы только усугублялись.

Гамаш отодвинул в сторону свой сэндвич и заказал эспрессо, пока суперинтендант Туссен расправлялась с приготовленным на живом огне cubain.[26]

– Нам нужно больше ресурсов, patron, – сказала она.

– Non. Нам нужно эффективнее использовать имеющиеся у нас средства.

– Мы делаем все, что в наших силах, – возразила Туссен, подавшись над столом к старшему суперинтенданту. – Но мы на пределе.

– Вы недавно на этом посту…

– Я проработала в отделе пятнадцать лет.

– Но быть начальником – это другое дело, non?

Она положила сэндвич, вытерла руки и кивнула.

– Вам поручено дело огромной важности. Ответственность велика, и возможности немалые, – сказал Гамаш. – Вы должны по-новому выстроить работу в вашем отделе. Организуйте его, определите все обязанности, утвердите. Отбросьте старые методы, начните заново. Вы противились коррупции и заплатили за это немалую цену, вот почему я выбрал вас.

Мадлен Туссен кивнула. Она уже собиралась уходить из полиции, но Арман Гамаш вернул ее обратно.

Она не была так уж уверена, что должна быть благодарна ему.

За ней следило столько разных глаз.

Первая женщина во главе отдела по расследованию особо тяжких преступлений. Первая гаитянка, вообще возглавившая отдел в Квебекской

полиции.

Ее муж ясно сказал ей: миссия невыполнима. Пусть она представит себе, как корабль, груженный дерьмом, тонет в океане мочи.

А ее только-только повысили в звании до капитана.

– Тебя выбрали, потому что ты черная женщина, – сказал ей муж. – Расходный материал. Если у тебя ничего не получится, ну и прекрасно. Ты можешь проделать за них грязную работу, вычистить их дом, как это на протяжении десятилетий делали гаитянки. И знаешь, что ты получишь?

– Не знаю. Что? – спросила она, хотя и понимала, к чему он клонит.

– Еще больше дерьма. Ты будешь вся в их merde, ты станешь козлом отпущения, жертвенным агнцем…

– Это все сельскохозяйственные животные, Андре. Что ты хочешь мне сказать?

Он тогда обозлился. Впрочем, он вообще часто злился. Нет, не оскорблял ее, не бил. Но он был тридцатидевятилетним черным мужчиной. Он сбился со счета, сколько раз его останавливали копы. С тех пор как их сын научился ходить (теперь ему было четырнадцать лет), Мадлен и Андре постоянно занимались с ним, объясняя ему, как он должен себя вести, когда его остановит коп. Когда его будут унижать. Когда будут над ним издеваться. Толкать и провоцировать.

«Не реагируй. Иди медленно. Показывай руки. Будь вежливым, делай то, что тебе говорят. Не реагируй».

У Андре было право на злость, на цинизм.

Она тоже злилась, часто выходила из себя. Однако была готова рискнуть еще раз. И такой случай ей представился.

– Может, ты и прав, – сказала она. – Но я должна попробовать.

– Гамаш такой же, как и все остальные, – заявил Андре. – Вот подожди. Когда полетит говно, он отойдет в сторону и оно полетит в тебя. Поэтому он тебя и выбрал.

– Он меня выбрал, потому что я очень, очень хорошо умею делать то, что делаю, – вспылила Мадлен. – Если ты этого не понимаешь, тогда нам стоит поговорить о чем-нибудь другом.

Она сердито смотрела на него, ее злость усиливалась подозрением, что он прав.

И теперь она сидела со старшим суперинтендантом Гамашем за маленьким деревянным столом, в окружении смеющихся, болтающих людей, зашедших пообедать.

И он просил ее построить корабль посреди океана. Корабль с дерьмом плыл по океану мочи, и Гамаш хотел, чтобы она не только отремонтировала

его, но и на ходу изменила конструкцию.

Мадлен Туссен посмотрела через стол на его усталое лицо. Если бы она видела только это, то сказала бы, что он человек конченый, а те, кто идет за ним, обречены. Но она видела, что морщинки в уголках его глаз и рта появляются больше от улыбчивости, чем от усталости. А глаза, эти темно-карие глаза, не просто умные, но и задумчивые.

И добрые.

И решительные.

Перед ней был человек в расцвете сил. И это он протянул руку и вытащил ее из грязи. И наделил властью, о какой она даже помыслить не могла. И попросил встать подле него. Рядом с ним.

Возглавить отдел по расследованию особо тяжких преступлений.

– Если почувствуете, что вам невмоготу, приходите поговорить со мной, – сказал Гамаш. – Я понимаю, что это такое. Сам испытывал подобные ощущения.

– А к кому приходили поговорить вы, сэр?

Он улыбнулся, и морщинки на его лице обозначились резче.

– К моей жене. Я рассказываю ей все.

– Все?

– Ну, почти все. Знаете, Мадлен, очень важно не исключать людей из нашей жизни. Разобщенность не улучшает наши рабочие качества. Она ослабляет нас, делает более уязвимыми.

Она кивнула. Нужно будет подумать об этом.

– Мой муж говорит, что вы поставили меня капитаном тонущего корабля. И спасти ситуацию невозможно.

Гамаш задумчиво кивнул и сделал глубокий, протяжный вдох:

– Он прав. Отчасти. Ситуация на настоящий момент безвыходная, проигрышная. Как я говорил на совещании, война с наркотиками проиграна. И что мы должны делать?

Туссен непонимающе покачала головой.

– Подумайте, – настойчиво сказал он.

И она задумалась. Что делать, если ты находишься в проигрышной ситуации?

Ты либо сдаешься, либо…

– Мы должны измениться.

Он улыбнулся и кивнул:

– Мы должны измениться. Но не чуть-чуть. Мы должны измениться радикально, а это, к сожалению, не может быть осуществлено старой гвардией. Для этого нужны новые люди, смелые, инициативные. С

отважным сердцем.

– Но вы…

Она вовремя остановилась. А может, и не вовремя.

Старший суперинтендант Гамаш весело посмотрел на нее:

– Я стар?

– Э-э…

– Э-э? – переспросил он.

– Вы пожилой, – сказала она. – Désolé.

– Не извиняйтесь. Так оно и есть. Однако кто-то должен стоять во главе. Кто-то должен стать расходным материалом.

И в этот момент Мадлен Туссен поняла: ее муж, возможно, во многом прав, но в одном он ошибается. Она не козел отпущения, привязанный к дереву, чтобы отвлечь внимание хищников.

Эту роль взял на себя Гамаш.

– У нас есть неоспоримое преимущество, суперинтендант, – сказал Гамаш. Его голос снова стал четким, деловым. – И даже несколько. Наши предшественники бо́льшую часть своей энергии тратили на нарушение собственных законов и на прикрытие своих делишек. Еще они тратили немало времени на междоусобные войны. Стреляли друг в друга, иногда в буквальном смысле. Преступность вышла из-под контроля отчасти потому, что внимание высших офицеров полиции было занято проблемами собственного обогащения, а отчасти потому, что от картелей поступали немалые деньги за то, чтобы они кое на что закрывали глаза.

– Они ослепили себя ради денег и власти, – сказала Туссен.

– Да уж. Очень по-гречески.

Но сказано это было без улыбки. И она подумала: это шутка или он действительно воспринимает происходящее как древнегреческую трагедию, разыгрывающуюся на подмостках современного Квебека?

– А теперь? – спросила Туссен.

– Вы сами сказали. Мы меняем. Все. Причем делаем вид, будто все остается по-старому. – Он внимательно посмотрел на нее. – Единственная причина, почему мы отправляем полицейские функции так, как отправляем, состоит в том, что кто-то сто лет назад организовал нас подобным образом. Но то, что работало тогда, не работает теперь. Вы молоды. Используйте это как свое преимущество. Наши враги ждут от нас прежней тактики.

Он наклонился над столом и понизил голос, в котором по-прежнему звучала энергия, даже страсть.

– Перестраивайтесь, Мадлен. Создайте нечто новое, смелое. У нас есть

шанс. Пока никто не подозревает, что нам это по силам. Пока никто не смотрит. Ваш муж не одинок. Все считают, что Квебекская полиция понесла непоправимый ущерб. И дело не только в ее репутации: она гниет изнутри. Вся конструкция готова рухнуть. И знаете что? Они правы. Так что мы можем либо тратить время, силы и ресурсы, ставя подпорки умирающей структуре, либо начать все заново.

– И что мы должны делать? – спросила Туссен, захваченная его энтузиазмом.

Гамаш откинулся назад:

– Не знаю.

Она почувствовала, что сдувается, как воздушный шарик, но самую малость. В глубине души она радовалась услышанному. Это означало, что можно внести свой вклад в обновление, а не просто исполнять приказы.

– Мне нужны идеи, – сказал Гамаш. – От вас. От других. Я думал об этом.

Этой осенью он часто сидел по утрам и вечерам на скамье над Тремя Соснами, куда приходил вместе с Анри и Грейси. На скамье, на которой было написано: «Удивленные радостью», а над этой надписью другая: «Храбрый человек в храброй стране».

Гамаш смотрел на маленькую деревню, живущую своей жизнью, смотрел вдаль – на горы, лес, ленту золотой реки. И думал. Думал.

Он дважды отвергал предложение стать старшим суперинтендантом Квебекской полиции, главным копом. Отчасти потому, что не хотел стоять на капитанском мостике, когда корабль, которым он восхищался прежде, пойдет на дно. А Гамаш не видел способов его спасения.

Но когда ему сделали предложение в третий раз, он снова сел на скамью и стал думать. О коррупции. О понесенном ущербе.

Он думал о Полицейской академии и молодых рекрутах. Он думал о мирной жизни. О тишине. Здесь, в Трех Соснах. В деревне, которой нет ни на картах, ни на навигаторах.

В безопасности.

Часто к нему присоединялась Рейн-Мари. И они тихо сидели бок о бок. Но однажды вечером она заговорила.

– Я думала об Одиссее, – сказала она.

– Странно. – Он посмотрел на нее. – А я – нет.

Рейн-Мари рассмеялась:

– Я думала о его отставке.

– Одиссей ушел в отставку?

– Да. Он состарился, устал. От войны. Даже от моря устал. И тогда он

взял весло и ушел в лес. Он шел и шел, пока не встретил людей, которые не знали, что такое весло. И там, среди этого народа, он обустроил себе дом. Где никто не знал имени Одиссей. Где никто не слышал о Троянской войне. Где он мог жить неузнанным. Жить в мире.

Арман долго сидел совершенно неподвижно и молча, глядя на Три Сосны.

Потом он поднялся и пошел домой. И позвонил.

Одиссей закончил сражение. Выиграл свою войну.

Гамаш пока еще не выиграл. И не проиграл. Ему предстояла как минимум еще одна битва.

И вот он сидел в бистро в Старом Монреале с очень молодым суперинтендантом и разговаривал о кораблях.

– Мой муж был прав, когда говорил о корабле, который дал течь. Но в другом он ошибался. Я не одна.

– Да, не одна.

Туссен кивнула. Она слишком долго оставалась одна и даже не заметила, когда ситуация изменилась. Ее окружали коллеги. Люди, которые стояли не за ней, а рядом с ней.

– Мы должны все построить заново, – сказала она. – Сжечь корабли. Назад пути нет.

Гамаш пристально посмотрел на нее и откинулся на спинку стула.

– Patron? – встревожилась она, подумав, что с ним случился petit mal. Или даже grand mal,[27] судя по тому, сколько времени это тянется.

– Прошу прощения, – наконец проговорил Гамаш и подтянул к себе салфетку.

Он достал из кармана ручку, написал на салфетке несколько слов, поднял голову и посмотрел на Туссен с сияющей улыбкой. Потом сложил салфетку и сунул в карман. Наклонившись над столом, сказал:

– Именно это мы и сделаем. Мы не будем заделывать течь. Мы сожжем корабли.

И уверенно кивнул.

Суперинтендант Туссен вернулась в свой кабинет, заряженная новой энергией. Взбодрившаяся. Такой эффект произвели на нее слова Гамаша. И она пыталась не думать о сумасшедшинке, которая сквозила в тоне старшего суперинтенданта.

Мадлен Туссен, возможно, была первой, но, прежде чем все закончится, она будет далеко не последней, кто подумал, что новый глава Квебекской полиции сошел с ума.

Глава тринадцатая

В тот день прошло несколько совещаний, включая и короткое с инспектором Бовуаром, который хотел обсудить предложение о том, чтобы организовать в Квебекской полиции роту почетного караула.

– Как у военных, – сказал Бовуар. – Движение сомкнутым строем.

Старший суперинтендант Гамаш слушал без энтузиазма.

– И зачем нам это надо?

– В общем, идея не моя, мне ее подарил один из старших офицеров. Когда я отсмеялся, то начал ее обдумывать.

Он строго посмотрел на босса предупреждающим взглядом, призывая напрячь мозги. Гамаш поднял руки, сдаваясь.

– Можно было бы начать с тренировок в академии, – продолжил Бовуар. – Я думаю, это будет большим стимулом к объединению, но также мы можем перенести такую практику на места. Вы постоянно говорите, как нам важно вернуть доверие. Мы можем посещать школы и культурные центры, устраивать там показы. Возможно, привлекать средства на благотворительные цели для местных бесплатных столовых и центров реабилитации.

Теперь Гамаш слушал внимательно и кивал.

– А знаешь, прекрасная мысль.

Они еще несколько минут обсуждали это предложение.

Когда закончили, Гамаш поднялся. Ему не терпелось показать Жану Ги салфетку, оставшуюся после ланча. И слова, которые он на ней нацарапал.

Но он не стал спешить.

Время еще не пришло. Нужно посидеть в тишине, подумать.

– Я рад, что человек с луга ушел, – сказал Бовуар, направляясь к двери. – Но вы по-прежнему не знаете, зачем он приходил?

– Нет. Он и так отнял у меня много времени.

Жан Ги поправил очки. Он недавно стал их носить и обнаружил, что потребность в очках унизительна. Первые признаки старческой немощи.

Еще хуже было то, что шеф, на добрых двадцать лет старше его, пользовался очками только для чтения, тогда как ему, Жану Ги, приходилось носить их постоянно.

– Оноре схватил их вчера, когда его купали, – сказал Жан Ги, снимая очки и снова их разглядывая. – Утащил под воду. Сильный парнишка.

– Ты уверен, что это Оноре сунул их под воду? – спросил Арман.

Он забрал очки у Бовуара и быстро их поправил. У него за плечами лежал многолетний опыт по ремонту поврежденной и погнутой оправы.

Он вернул очки Жану Ги.

– Merci, patron. На что вы намекаете?

– Это саботаж, сэр, – мелодраматически произнес Гамаш. – И вам еще хватает наглости обвинять своего крошку-сына? Вы негодяй!

– Господи, Анни то же самое сказала. Вы с ней сговорились, что ли?

– Да. Нам больше делать нечего, как говорить о твоих очках.

И тут ноутбук Гамаша издал очень тихий звоночек.

Огромную часть поступающих к Гамашу писем по электронной почте сортировала и помечала по степени важности мадам Кларк. Писем было целое море, но Джина Кларк вполне справлялась с работой. И более того, точно так же она организовывала самого старшего суперинтенданта, словно он был одним из электронных писем, ждущих ответа, пересылки и отправки в корзину.

Жан Ги нередко сидел в кабинете шефа и наблюдал, как им командует эта молодая женщина с пирсингом в носу и розовыми волосами. Словно преобразившаяся фея Динь-Динь из «Питера Пэна».

Но это письмо было отправлено на его личный почтовый адрес.

Гамаш поднялся и подошел к столу:

– Подождешь минутку?

– Конечно, patron.

Жан Ги, стоя у двери, проверил собственную почту.

Гамаш кликнул по письму. Это было сообщение из лаборатории насчет анализа таблеток, найденных у Поля Маршана предыдущим вечером. Но его оторвал от письма звонок на сотовый.

– Oui, allô, – сказал он в трубку, с помрачневшим лицом читая письмо.

– Арман…

Звонила Рейн-Мари.

Что-то случилось.

*** * ***

– Значит, она позвонила вам первому, прежде чем набрать «девять-один-один»? – спросил прокурор.

– Да, – ответил Гамаш.

Неужели в зале суда стало еще жарче? Он чувствовал, что рубашка под пиджаком прилипла к коже.

– И что она вам сказала?

* * *

Быстро, инстинктивно протянув руку, словно к самой Рейн-Мари, Арман прикоснулся к кнопке громкой связи, и в тот же момент Жан Ги на другом конце кабинета повернулся к нему.

– С тобой все в порядке? – спросил Арман.

– Я нашла кобрадора.

Наступила короткая, секундная, пауза, в течение которой мир изменился. Ее слова повисли в воздухе, и эти двое мужчин на миг застыли.

– Говори, – сказал Гамаш, вставая и глядя на Жана Ги.

– Он в цокольном помещении церкви. Я спустилась в кладовку, чтобы достать вазы для свежих цветов, а он там.

– Он тебя ударил?

– Нет. Он мертв. Там кровь, Арман.

– Где ты?

– Дома. Я заперла дверь церкви и пришла сюда позвонить.

– Хорошо. Там и оставайся.

– Я еще не звонила в «девять-один-один»…

– Я сам позвоню.

Он посмотрел на Бовуара, который уже начал набирать номер.

– На тебе есть кровь?

– Да. На руках. Я наклонилась и дотронулась до его шеи. Маска все еще остается на нем, но он холодный. Наверно, не нужно было к нему прикасаться…

– Ты же должна была выяснить. Мне жаль…

– Это не твоя вина.

– Non, я говорю, мне жаль, что придется попросить тебя кое о чем. Пожалуйста, не мой пока руки.

Наступило молчание, пока до Рейн-Мари доходили его слова. Она хотела спросить почему. Хотела возразить. Даже попросить. На мгновение, на долю секунды она разозлилась на него. За то, что обращается с ней как с любым другим свидетелем.

Но это прошло. Рейн-Мари понимала, что она ничем не лучше любого другого свидетеля. А он был копом.

– Понимаю, – сказала Рейн-Мари. И это действительно было так. – Только поспеши.

Гамаш уже выходил за дверь. Бовуар шел следом.

– Я ухожу. Все мои встречи отменяются, – сказал он, торопливо шагая по приемной мимо мадам Кларк.

Она не стала задавать вопросов, не промедлила ни секунды:

– Да, сэр.

Гамаш и Бовуар быстро прошли по длинному коридору к лифту.

– Жан Ги вызвал «девять-один-один», агенты приедут через несколько минут. Позови Клару и Мирну, пусть побудут с тобой. Я выезжаю. Хочешь, чтобы я оставался на связи?

– Нет, я позвоню Кларе и Мирне. Поспеши, Арман.

– Я спешу. – Он отключился и велел Бовуару: – Вызывай Лакост.

– Уже. Она высылает бригаду.

Бовуар прибавил шагу, чтобы не отстать от Гамаша.

Они провели вместе бессчетное количество расследований. Были рядом во время арестов, допросов и перестрелок. Во время страшных событий и праздников.

На похоронах и на свадьбах.

Жан Ги видел его в радости и в скорби. Сердитым и озабоченным.

Но никогда не видел Армана Гамаша в отчаянии.

До этой минуты.

И еще в ярости.

Оттого, что руки Рейн-Мари в крови.

Они помчались в Три Сосны с сиреной, по дороге связавшись с местным отделением Квебекской полиции. Приказали не входить в церковь и охранять ее.

– И я хочу, чтобы агент стоял у моего дома, – сказал Гамаш, описав, как выглядит его дом.

Бовуар выключил сирену, когда они свернули на второстепенную дорогу, ведущую к узкой грунтовой. Здесь он поехал медленнее из-за выбоин и опасности появления на дороге оленей, которые нередко выскакивали прямо под колеса идущей машины.

– Быстрее, – велел Гамаш.

– Но, patron…

– Быстрее.

– Мадам Гамаш в порядке, – сказал Бовуар. – В безопасности. Никто не причинит ей вреда.

– Ты бы говорил то же самое, если бы речь шла об Анни, которая нашла труп и ждала тебя с кровью на руках? С кровью, которую ты попросил не смывать?

Жан Ги прибавил скорость, ощущая пустоту в животе и легкий удар очков по переносице, когда машина попадала в очередную выбоину.

* * *

– Итак, тело нашла ваша жена? – спросил прокурор.

– Oui.

– И она прикасалась к нему.

– Oui.

– Ваша жена определенно не похожа на мою, месье. Не могу представить, чтобы моя жена прикоснулась к мертвому телу, тем более к телу, залитому кровью. Ведь было ясно, что произошло убийство, не так ли?

В зале суда стало еще жарче, когда Гамаш почувствовал, как горячая волна поднимается из-под его воротника по шее, но в его голосе это никак не проявилось.

– Да, было ясно. И вы правы, мадам Гамаш женщина необычная. Она должна была проверить, нельзя ли чем-то помочь. И ушла, только когда поняла, что помощь уже не нужна. Я полагаю, ваша жена проявила бы такое же мужество и сострадание.

Прокурор продолжал смотреть на Гамаша. Судья смотрела на Гамаша. Все присутствующие смотрели на Гамаша. Репортеры что-то строчили.

– Вы попросили ее не мыть руки, верно?

– Да, попросил.

– Почему?

– Большинство из тех, кто находит жертву убийства, непроизвольно нарушают картину на месте преступления…

– Например, прикоснувшись к телу?

– Или переместив что-то. Или пытаясь навести порядок. После такого потрясения люди теряют контроль над собой. Обычно к тому времени, когда появляется полиция, место преступления уже не имеет первоначального вида.

– Как в данном случае.

– Non. Мадам Гамаш прикоснулась к телу, но ей хватило присутствия духа больше ничего не трогать и запереть дверь. Потом она позвонила мне.

– Не сняв с трупа маску, чтобы узнать, кто это?

– Да.

– Ее не одолевало любопытство?

– Сомневаюсь, что любопытство руководило ею в тот момент.

– И вы попросили ее не смывать кровь с рук и обуви.

– Чтобы мы могли взять образцы и понять, какие следы оставила она, а какие – кто-то другой.

– Великолепно, – сказал прокурор. – Ваша жена в таком ужасном положении, но вы все же ставите работу на первое место. Не только мадам Гамаш вызывает удивление, но и вы тоже.

Гамаш ничего не сказал, однако краска бросилась ему в лицо.

Прокурор и Гамаш пристально смотрели друг на друга. Их взаимная ненависть была совершенно очевидна.

– Я, конечно, вызову позже мадам Гамаш в качестве свидетеля, но вы абсолютно уверены, что она больше ни к чему не прикасалась? И помните, вы под присягой.

– Я это помню, – огрызнулся Гамаш, потом осадил себя. – Merci. И да, я уверен.

Адвокаты у скамьи подсудимых недоуменно переглянулись. Похоже, месье Залмановиц делал за них их работу. Уничтожал если не доверие к своему главному свидетелю, то уж точно его репутацию.

– А пока, – сказал прокурор, – может быть, вы расскажете нам, что обнаружили, приехав на место.

*** * ***

Они миновали полицейскую машину, припаркованную возле церкви, и увидели агента полиции у подножия лестницы, ведущей к двери.

Проезжая мимо бистро, Жан Ги заметил его хозяев, прилипших к окну.

Не успел Бовуар остановить машину, как Гамаш торопливо зашагал, то и дело срываясь на бег, по дорожке к двери своего дома, где тоже дежурил полицейский.

День, который начинался как туманный, но внушающий надежду, снова помрачнел. Тучи перекрыли робкое солнце. Сырость скатывалась с холма и захватывала деревню.

Рейн-Мари находилась в кухне вместе с Кларой и Мирной. Печка источала тепло. Перед женщинами стояли кружки с чаем.

– Извини, mon coeur,[28] – сказал Арман, когда Рейн-Мари встала и пошла к нему, и отступил на шаг, подняв обе руки, словно защищаясь. – Я не могу…

Она остановилась с руками, поднятыми для объятия. Потом медленно

их опустила.

Клара, стоявшая у нее за спиной, подумала, что никогда еще не видела такой боли в глазах мужчины.

Жан Ги, протиснувшись мимо Гамаша в пространство между мужем и женой, быстро взял образцы и сделал фотографии.

Никто не произнес ни слова, пока он не закончил и не отошел в сторону.

Тогда Арман шагнул к жене, обнял ее и крепко прижал к себе:

– Ты в порядке?

– Скоро буду, – ответила она.

– Полиция приехала с полчаса назад, – сообщила Клара. – До этого времени Мирна стояла на крыльце и следила, чтобы никто не подошел к церкви.

– Хорошо, – сказал Жан Ги. – А кто-нибудь пытался?

– Нет, – ответила Мирна.

Арман увел Рейн-Мари в туалетную комнату, и общими усилиями они смыли кровь с ее рук. Своими большими пальцами он мягко оттер успевшую засохнуть кровь.

Когда они закончили, Арман отвел ее наверх в спальню.

Пока Рейн-Мари раздевалась, он включил душ и отрегулировал, чтобы вода не была слишком горячей.

– Я скоро вернусь, ты и соскучиться не успеешь.

– Ты уходишь? О, прости, ну конечно. Ты должен идти.

Он обнял ее, потом отступил на шаг, взял ее руки и осмотрел. На обручальном кольце осталась капелька засохшей крови. Не увидеть в этом символику было трудно.

Вот что привнес он в их брак, в их совместную жизнь. Кровь. Она текла как река, которая иногда выходит из берегов. Пятная их. Оставляя на них след.

Как бы сложилась их жизнь, если бы он продолжил совершенствоваться в области юриспруденции и не пошел бы в Квебекскую полицию? Если бы остался в Кембридже? Возможно, стал бы профессором.

И тогда он уж точно не стоял бы сейчас здесь, пытаясь соскрести последнее пятнышко засохшей крови с руки жены.

– Прости, – тихо сказал он.

– Ты ни в чем не виноват, Арман. Ты здесь, чтобы помочь.

Он поцеловал ее и кивнул в сторону душа:

– Иди.

Рейн-Мари кивнула в сторону двери:

– Иди. Ой, тебе понадобится это.

Она вытащила из кармана свитера ключи от церкви. На ключах тоже была кровь.

Арман схватил салфетку и с ее помощью забрал у жены ключ.

Внизу Бовуар разговаривал с Кларой и Мирной.

– Кто еще знает?

– Рейн-Мари сказала нам, естественно. Про кобрадора, – ответила Клара. – А больше никому. Ясное дело, все понимают, что что-то случилось, в особенности после приезда полиции. Но что именно, никто не знает, а полицейские ничего не говорят.

– Потому что им ничего не известно, – ответил Бовуар.

Он знал, как важно сохранять информацию в тайне. Иногда даже от близких людей.

– Все собрались в бистро, – сказала Мирна. – Ждут новостей. Ждут вас. Некоторые приходили сюда, но полицейский их не пустил.

– Кто приходил?

– Габри, разумеется, – ответила Клара. – А если честно, почти все приходили.

Спустившись к ним, Гамаш спросил, побудут ли они с Рейн-Мари до его возвращения.

– Конечно, – сказала Клара.

Гамаш и Бовуар вышли из дома и ненадолго задержались, чтобы переговорить с агентом, дежурившим у двери:

– Пожалуйста, оставайтесь здесь.

– Oui, patron.

Именно этот агент приезжал в Три Сосны предыдущим вечером.

– Что вы сделали с месье Маршаном, которого задержали вчера вечером?

– Как вы и приказали, оставили его на ночь. К утру он успокоился. Потом отвезли его домой.

– Когда?

– В десять. Он отказался говорить, откуда у него таблетки в пакетике. Что там было?

Гамаш вспомнил о присланном по электронной почте отчете из лаборатории, который он читал, когда позвонила Рейн-Мари.

– Фентанил.

– Фф… – Полицейский в изумлении замолчал.

Старший суперинтендант Гамаш утвердительно кивнул и пошел

дальше по дорожке, увидев Габри, который направлялся к ним от бистро широкими шагами. Хотя и не бежал. Габри бегать не умел. Он сразу становился неуклюжим.

Все еще с кухонным полотенцем в руке, он успел перехватить Гамаша и Бовуара:

– Что случилось? Копы нам ничего не говорят.

Он смерил укоризненным взглядом полицейского у двери, который сделал вид, будто не слышит.

– Я тоже ничего не могу сказать, – ответил Гамаш.

– Что-то случилось с Рейн-Мари, – не отступал Габри. – С ней все в порядке?

– Да.

– Ну слава богу. Но кто-то… – Он махнул рукой в сторону церкви и еще одного агента полиции.

Гамаш покачал головой и заметил, что к ним направляются другие люди во главе с Леа Ру и Матео.

– Вы идите, я с ними разберусь, – сказал Габри.

Он повернулся и пошел им навстречу, давая Гамашу и Бовуару время сбежать.

Женщина-полицейский, охранявшая вход в церковь, ждала их. За ее спиной виднелась маленькая, обшитая вагонкой церквушка. Милая. Неопасная. Как и тысячи других в деревнях по всему Квебеку.

Только эта церковь хранила не мощи, не палец или зуб святого, а целое тело.

Мертвое существо из иного времени.

Глава четырнадцатая

Изабель Лакост, глава отдела по расследованию убийств, появилась в тот самый момент, когда Гамаш и Бовуар подошли к церкви. Ее машина, а с нею и фургон криминалистов, ехавший следом за машиной местной полиции, остановились неподалеку.

Криминалисты выгружали оборудование, пока Гамаш, Бовуар и Лакост проводили короткое совещание.

– Можешь снять отпечатки пальцев отсюда? – Гамаш протянул агенту ключ в салфетке.

– Расскажите, что вы знаете, – сказала Лакост, обращаясь к Гамашу.

Бовуар спрятал улыбку, подумав, отдают ли они себе отчет в том, что именно с этой фразой Гамаш обращался к агентам, когда возглавлял отдел.

– Мы туда еще не заходили, – ответил старший суперинтендант. – Мадам Гамаш нашла тело в церковной кладовке, после чего заперла церковь. Оказалось, это кобрадор.

– Кто? – спросила Лакост.

Гамаш, уже свыкшийся с этим существом, забыл, что Изабель Лакост ничего о нем не знает.

– Сама увидишь, – сказал он.

– Сделано. – Криминалист вернул большой ключ Гамашу, и тот передал его Лакост.

Поднявшись по лестнице, Гамаш отступил в сторону, а Лакост открыла дверь и вошла внутрь в сопровождении криминалистов. Пока они проходили мимо него, Гамаш повернулся и посмотрел на деревню и ее жителей.

Они выстроились полукругом у бистро. С того места, где он стоял, это было похоже на выражение общественного неодобрения.

Повалила снежная крупа, то ли снег, то ли ледяной дождь. Но они продолжали стоять там, глядя в сторону церкви. Темные фигуры вдали. Они не двигались. Смотрели на него.

Наконец он зашел в церковь. Туда, где предлагали мир, спокойствие и убежище даже старухе, которая молилась за Сына Утра.

Гамаш спустился по лестнице в темноту.

* * *

Цокольное помещение представляло собой довольно большое пространство с потертым, исцарапанным линолеумом на полу, звукоизолирующей плиткой на потолке, кое-где подпорченной водой, и обшивкой под дерево на стенах. У стен стояли стулья и длинные столы со сложенными ножками.

Изабель Лакост огляделась, острым взглядом отметив тот факт, что другого входа тут нет, а окна хотя и имеются, но на них такой слой грязи, что свету или незваному гостю проще пройти сквозь стену.

Но если не говорить об окнах, в остальном здесь было чисто. Не засорено. Даже не пахло плесенью.

В дальнем конце помещения располагалась кухня с оборудованием. Сбоку была открытая дверь.

Лакост повернулась, услышав знакомые шаги, и увидела спускающегося по лестнице Гамаша.

Он жестом пригласил ее пройти к открытой двери.

– Кладовка, – пояснил он, пока они шли. – Мадам Гамаш спустилась туда в поисках вазы. Там она его и нашла.

– Когда это было?

– Приблизительно без четверти два. Она заперла дверь и позвонила мне сразу же, как только вернулась домой, а инспектор Бовуар тут же позвонил тебе.

Они оба инстинктивно посмотрели на часы. Три пятнадцать. Прошло полтора часа.

Арману приходилось бывать в цокольном помещении церкви. Здесь устраивались похоронные приемы. Здесь готовились свадебные пиршества. Здесь собирались члены бридж-клуба, проходили различные занятия, проводилась распродажа домашней выпечки.

Это было уютное помещение, на которое не влияли ни время, ни мода.

В кладовку Гамаш никогда не заходил и даже не знал о ее существовании.

Старший суперинтендант Гамаш остановился на пороге, не входя внутрь. Там и для криминалистов-то не было места.

Горели лампы дневного света, не выключенные Рейн-Мари. Единственное освещение в маленьком пространстве. Окна отсутствовали. Пол был земляной, без покрытия.

Вдоль стен стояли грубо сколоченные деревянные полки, на которых виднелись несколько ваз, старые, покрытые ржавчиной жестяные банки и стеклянные банки с помутневшими консервированными овощами и фруктами.

Гамаш увидел и оценил все это, но его внимание привлекло то же, что привлекло и всех остальных, – черный неподвижный ком в углу, будто что-то появившееся из земли, выдавленное из нее.

Большая черная глыба.

Изабель Лакост повернулась к Гамашу, озадаченная:

– Это кобрадор?

– Oui.

Бовуар тоже стоял у дверей, дрожа от нетерпения. Он хотел войти, присоединиться к криминалистам. Но когда Гамаш сделал шаг назад, то же самое сделал и он.

Приехала коронер и, поздоровавшись с Гамашем, посмотрела на Бовуара:

– Миленькие очочки.

Потом доктор Шарон Харрис прошла мимо них в кладовку.

– Видишь, они ей понравились, – машинально сказал Гамаш. – Они нам всем нравятся.

Бовуар отошел в сторону. Ему было тяжело стоять без дела, и он начал ходить вдоль стен большого помещения, словно хищник в клетке. Хищник, почуявший кровь.

Когда произвели фото- и видеосъемку и взяли образцы, доктор Харрис опустилась на колени рядом с телом.

– На нем маска, – сказала она и оглядела стоявших вокруг.

Лакост тоже встала на колени, чтобы лучше видеть, агент с видеокамерой опустился рядом с ней.

* * *

– Я должен вас предупредить, – сказал прокурор. – Это тяжелое зрелище. Возможно, вы захотите отвернуться.

Все в зале суда подались вперед.

На видео (изображение немного подрагивало, но было четким) Изабель Лакост, ее заместитель и доктор Харрис склонялись над черным предметом.

Старший суперинтендант Гамаш шагнул вперед и опустился на колени рядом с Лакост. Виднелась тень еще одной фигуры – инспектора Бовуара.

Потом камера наехала на эту черную глыбу.

Какие-либо детали различить было трудно, пока камера не приблизилась еще больше и не сфокусировалась на маске.

Маска оказалась треснутой.
Некоторые из зрителей в зале суда опустили глаза.
– Я собираюсь снять маску, – сообщила старший инспектор Изабель Лакост.
Еще больше людей опустили взгляд на свои руки.
Снять маску оказалось делом непростым, и зрители видели мелькавшую под ней плоть.
Наконец маску сняли с лица, но никто из зрителей уже не смотрел на экран – только участники процесса и судейские.
Судья Корриво заставила себя посмотреть, скользнув взглядом по присяжным и посочувствовав этим беднягам. В начале процесса они пребывали в эйфории оттого, что стали участниками слушаний по делу об убийстве. А теперь получили психологическую травму. Или, хуже того, онемели от ужаса.
Прокурор, который несколько раз видел эти кадры, стоял у своего стола, сжав губы и стиснув кулаки.
Старший суперинтендант Гамаш прищурился. На видео все это воспринималось немного легче, чем в реальности.
Бовуар, сидевший в зале суда, надел собственную маску. Профессионального отстранения.
Один из адвокатов защиты стрельнул глазами в обвиняемого и отвел взгляд, надеясь, что никто из присяжных не заметил отвращения на его лице, когда он посмотрел на человека, которого, по идее, должен защищать.
Человека, который, по тайному подозрению адвоката, сделал это.
Камера приблизила изображение еще больше, давая безжалостный крупный план.
Тут даже Гамаш отвернулся, но потом заставил себя взглянуть на гигантское лицо, заполнившее весь большой экран.

* * *

Изабель Лакост передала маску криминалистам и повернулась к Гамашу:
– Вы удивлены?
Он кивнул.
Лицо было сильно повреждено, но жертву можно было узнать.
Это была женщина.
– Вы ее знаете? – спросила Лакост.

– Oui. Это Кэти Эванс. Она остановилась здесь, в гостинице.

Лакост поднялась, а следом за ней и Гамаш.

Изабель Лакост наметанным взглядом обвела кладовку и двинулась к двери.

– Я оставляю тело вам, – сказала она коронеру и своему заместителю.

У дверей Лакост остановилась:

– Насколько я понимаю, причина смерти очевидна.

Все посмотрели на окровавленную биту, словно случайно оставленную возле полки, на которой стояла банка с консервированными персиками.

– Я сообщу, если мы найдем что-нибудь, – сказала доктор Харрис. – А что делать с… – Она показала на костюм кобрадора.

– Думаю, я скоро это выясню, – ответила Лакост и вместе с Гамашем и Бовуаром вышла в соседнее помещение.

*** * ***

На громадном экране в зале суда камера проводила старших офицеров полиции, выходивших из кладовки. Перед тем как вернуться к телу, камера зафиксировала старшего суперинтенданта Гамаша, который остановился и еще раз оглядел кладовку.

На его лице застыло выражение крайнего недоумения.

Глава пятнадцатая

В центре цокольного помещения церкви поставили один из длинных столов, расположив его так, чтобы можно было видеть происходящее в кладовке.

– Кто такая Кэти Эванс? – спросила Лакост.

– Гостья, – ответил Гамаш. – Из Монреаля. Архитектор. Остановилась в гостинице с мужем и двумя друзьями.

Лакост не делала записей. Официальные показания они будут брать позже. Пока она только слушала. Очень внимательно.

– А что это за мантия и маска на ней? Вы сказали, это…

– Кобрадор, – напомнил Гамаш.

Они с Бовуаром переглянулись. Как ей объяснить?

– Это испанские дела. Что-то вроде сборщика долгов. Коллектора, – уточнил Гамаш.

– Тело найдено совсем недавно, – заметила Лакост. – Откуда вы это знаете?

– Кобрадор присутствовал здесь некоторое время, – ответил он.

– Некоторое время? Сколько же?

– Несколько дней.

– Ничего не понимаю, – сказала Лакост. – Кэти Эванс была коллектором? И носила этот костюм?

Гамаш и Бовуар опять переглянулись. Видимо, объяснить будет труднее, чем они думали. Ведь они и сами понятия не имели о том, что происходит.

– Нет. Она не была коллектором, – ответил Гамаш. – Она была архитектором.

– Тогда почему она в этом костюме?

Мужчины пожали плечами.

Лакост уставилась на них, слегка растерявшись:

– Хорошо, давайте с самого начала. Введите меня в курс дела.

– Кобрадор появился вечером после Хеллоуина, – заговорил Гамаш. – На ежегодной костюмированной вечеринке здесь, в Трех Соснах. Мы тогда и не догадывались, что это такое. Никто не знал, кто он и какой смысл в его действиях. Все испытывали какое-то беспокойство, но не более того. До следующего утра, когда мы проснулись и увидели его на лугу.

– Без сознания? – спросила Лакост. – Пьяного?

Гамаш отрицательно покачал головой и полез в карман за айфоном. Когда он его доставал, что-то выпало из кармана на пол.

Салфетка из бистро.

Они с Бовуаром оба наклонились за салфеткой, но Жан Ги оказался проворнее и протянул салфетку Гамашу. Однако успел заметить несколько слов, написанных четким почерком шефа.

– Merci, – сказал Гамаш.

Он тщательно сложил салфетку и убрал в карман. Потом принялся просматривать фотографии в айфоне.

– Я сделал эту фотографию утром в субботу и отправил Жану Ги. Попросил узнать, что удастся.

Он показал фото Лакост.

Она давно научилась не реагировать эмоционально на изображения, звуки, слова. Воспринимать увиденное и услышанное, но не показывать своего отношения. Большинство людей, наблюдая за ней, не увидели бы в Лакост никаких перемен, когда она разглядывала фото.

Но Гамаш заметил. Заметил и Бовуар, сидевший рядом.

Чуть-чуть расширились глаза. Чуть-чуть сильнее сжались губы.

Для следователя с ее опытом это было равносильно крику.

Лакост оторвала взгляд от айфона и посмотрела на Гамаша, затем на Бовуара.

– Это похоже на Смерть, – сказала она нейтральным, почти обыденным голосом.

– Oui, – подтвердил Гамаш. – Мы тоже так подумали.

Фигура на фотографии была мощная, угрожающая. Но в ней было и что-то величественное. Спокойная уверенность. Фатальность.

Резкий контраст с безжизненным комом в кладовке. Одно напоминало Смерть, другое являло собой ее воплощение.

– И что вы сделали? – спросила Лакост.

Гамаш чуть шевельнулся на жестком стуле. Тогда ему в первый раз пришлось официально ответить на этот вопрос, и он подозревал, что далеко не в последний. Он уже предчувствовал упреки: как получилось, что старший суперинтендант полиции ничего не сделал, чтобы предотвратить такой исход?

– Я говорил с ним. Спросил, кто он и чего хочет. Но он не отвечал. Продолжал стоять. Смотреть.

– На что?

– На магазины. Не могу сказать, на какой именно.

– А потом?

– Ничего. Оно просто стояло там.

– В течение двух дней, – добавил Бовуар.

– Pardon? – сказала Лакост.

– Оно простояло там два дня, – повторил Бовуар.

– В таком одеянии?

– Ну, не все время, – ответил Гамаш. – В первый вечер я долго не ложился спать, наблюдал. В какой-то момент оно исчезло, но было очень темно, и я даже не заметил его ухода. Я лег спать, а когда проснулся, оно уже вернулось.

Лакост глубоко вздохнула, потом оглянулась на бесформенную глыбу на полу в кладовке и на коронера, стоящего рядом на коленях. Рядом с этим существом.

Теперь оно выглядело жалким, потерявшим всю свою прежнюю жизненную силу, и больше никому не угрожало. Словно животное, свернувшееся в уголке, чтобы умереть.

Но смерть его не была естественной.

– Вы назвали его кобрадором, – сказала Лакост. – Я никогда о таком не слышала. Что-то испанское, вы говорите?

Гамаш рассказал ей о сборщике долгов во фраке. Об испанском коллекторе, который преследовал людей, пока стыд не заставлял их вернуть долг.

Лакост слушала и озабоченно хмурила брови.

Когда он закончил, она спросила:

– Значит, кобрадор пришел сюда, чтобы заставить кого-то отдать долг?

– Не совсем так, – ответил Гамаш. – Да, современные кобрадоры занимаются именно этим. Но здесь у нас появился кобрадор старого образца. Предшественник. Подлинный кобрадор.

– И что он собой представляет?

Гамаш посмотрел на Жана Ги, и тот продолжил историю. Рассказал Лакост о том, что ему удалось узнать. Об острове. О жертвах эпидемий, проказы, о детях, рождавшихся с физическими недостатками, о ведьмах. И о совести, сотворенной властями.

– Кобрадоров арестовывали, – сказал Гамаш. – Пытали, чтобы они рассказали, кто такие и откуда пришли. Но никто из них не заговорил. Тех, кто не умер от пыток, казнили. Однако на их место приходили другие. Наконец власти поняли, откуда они взялись, и отправили на остров солдат, которые убили всех.

– Всех? – переспросила Лакост.

Проблема людей, наделенных воображением, в том, что они живо

представляют себе подобные сцены. Мужчин. Женщин. Детей.

– Кое-кому удалось избежать общей участи, – ответил Гамаш. – Возможно, кому-то помогли сами солдаты, которым не нравился полученный приказ.

Муки совести, подумал он.

– То есть вы хотите мне сказать, что здесь у вас на деревенском лугу появился древний мститель, – сказала Лакост. – Из Средних веков.

– Ты не веришь? – спросил Гамаш и слегка улыбнулся, прежде чем Лакост успела среагировать. – Non. Я не об этом. Я говорю о том, что кто-то знал о древнем кобрадоре и решил использовать этот образ, чтобы получить желаемый результат.

– И этим кем-то оказалась Кэти Эванс, – подхватила Лакост.

– Нет, – возразил Гамаш. – Это не могла быть Кэти. Я видел ее в пекарне и книжном магазине, когда кобрадор стоял на лугу. А Рейн-Мари видела, как Кэти с мужем уезжала вчера вечером в Ноултон.

– Но если кобрадором была не Кэти Эванс, то кто?

Ответа на этот вопрос пока не было.

– И если не она изображала кобрадора, – продолжила Лакост, – то, возможно, она была его целью. Но почему на ней его костюм?

Мужчины опять пожали плечами.

– Кто бы это ни сделал, он давно покинул деревню, – заметил Бовуар.

– Боюсь, что так и есть, – сказал Гамаш. – Коронер добавит информации, но убийство, скорее всего, произошло вчера вечером. Утром, когда я выгуливал Анри и Грейси, кобрадора здесь уже не было.

– Это во сколько? – спросила Лакост.

– Сразу после семи.

– А когда вы видели его в последний раз?

Гамаш задумался:

– Вчера вечером, однако я не могу тебе сказать, когда он ушел.

– Но утром его не было, – проговорила Лакост. – Что же с ним произошло?

– Я подумал, что он ушел, потому что добился своего.

– То есть убил Кэти Эванс, – сказала Лакост.

– Получается, что так.

– Хотелось бы знать, что такого ужасного она совершила, – подумала вслух Лакост.

Гамаш уставился прямо перед собой. Не в кладовку, а в пространство.

– Что? – спросил его Жан Ги.

– Это не имеет смысла.

– В самом деле? – с усмешкой проговорил Бовуар. – Парень в черной мантии и маске не имеет смысла?

Гамаш строго посмотрел на зятя, потом обратился к Изабель Лакост:

– Современный кобрадор – сборщик долгов, но не киллер. А кобрадор во времена эпидемий олицетворял совесть. И не был убийцей. Даже когда его провоцировали, даже ради спасения собственной жизни он не отвечал насилием. Как и кобрадор вчера вечером.

Он рассказал им о разъяренной толпе.

– Так почему же этот кобрадор убил? – спросил Бовуар.

Ответом ему было молчание.

Глава шестнадцатая

Оливье стоял у окна бистро, наблюдая за тем, как офицеры полиции, только что вышедшие из церкви, идут по дороге.

Оливье был не один. Все жители деревни и фермеры округи собрались в бистро, которое становилось центром притяжения общества во все времена – и в хорошие, и в плохие.

И было совершенно ясно, какие сейчас времена.

Они молча смотрели, как Арман Гамаш, Жан Ги Бовуар и Изабель Лакост идут к ним сквозь холодную ноябрьскую изморось, которая время от времени превращалась в ледяной дождь, а потом снова в изморось.

Оливье и Габри подавали кофе и чай, соки и свежую теплую выпечку от Сары. Никакого алкоголя. Не стоило распалять и без того разогретые эмоции.

Изморось сопровождалась туманом, отчего казалось, будто Три Сосны – аэропорт, закрытый для взлетов и посадок.

В обоих каминах с двух сторон бистро весело потрескивали дрова – единственный (если не считать чьего-то затрудненного дыхания) звук, который сейчас раздавался в зале.

Здесь пахло дымком и крепким кофе. И мокрой шерстью от тех, кто появился позднее, спешил сквозь напитанный влагой день.

В любое другое время, при любых других обстоятельствах в бистро царила бы уютная, безопасная, домашняя атмосфера. Бистро было убежищем. Но не сегодня.

Все смотрели в окно на эту троицу. Казалось, вместе с ней из тумана появляются дурные новости.

Потом Оливье оглянулся.

Посмотрел на Патрика Эванса. Тот сидел – ноги больше не держали его. Рядом с ним сидела Леа, держа его за руку, и стоял Матео, положив руку ему на плечо.

Но кто-то отсутствовал. Одного человека не было.

Кэти.

Хотя у них уже не оставалось сомнений в том, где она.

В этот момент она еще оставалась жива.

Но как только появятся полицейские и начнут говорить, она умрет. Все понимали: что бы ни случилось и как бы оно ни случилось, ответ на вопрос «с кем» уже есть.

Патрик дышал часто, неглубоко. Руки у него были ледяными. Глаза расширились.

Он ждал.

* * *

– Когда вы вошли в ресторан, старший суперинтендант, у вас не создалось впечатления, что люди уже знают? – спросил прокурор.

– Создалось.

– Но откуда? Это мадам Гамаш сказала им?

– Нет.

– Тогда как они узнали? Они и видели-то всего лишь несколько патрульных машин. Почему у них сразу возникла мысль об убийстве?

«Он плохо знает Три Сосны», – подумал Гамаш.

– Когда приехали местные агенты Квебекской полиции и заняли посты возле церкви и моего дома, жители поняли: что-то происходит. К тому же им было известно, что мадам Эванс пропала. Когда появился я, а следом за мной инспектор Лакост, их страхи получили подтверждение.

– А, ну конечно. Как глупо с моей стороны, – сказал прокурор, снова обращаясь к присяжным и напуская на лицо смиренное выражение. – Я на миг забыл, насколько хорошо жители деревни осведомлены о вас, о вашей работе и ваших коллегах. Они знают, что старший инспектор Лакост теперь возглавляет отдел по расследованию убийств. Но если они знают вас, старший суперинтендант, то и вы знаете их. Хорошо знаете.

Он сказал это, стоя спиной к Гамашу, однако его посыл был ясен.

Нормальная, разумная, необходимая граница между полицейскими и подозреваемыми была размыта, если не полностью уничтожена. А это, намекал прокурор, в высшей степени непрофессионально и даже подозрительно.

– Это положительный момент, – заговорил Гамаш. – И, как выясняется, немалое преимущество. Убийство может быть хорошо просчитанным, но это не математические расчеты. Это не сумма улик. Что наводит преступника на мысль об убийстве?

Теперь Арман Гамаш обращался напрямую к присяжным, и они переключили внимание с прокурора на старшего суперинтенданта.

Месье Залмановиц почувствовал эту перемену, повернулся и сердито посмотрел на своего свидетеля.

– Человека толкают на убийство не возможности, которые ему

представились, а эмоции. – Гамаш говорил спокойно, даже мягко. Словно доверительно беседуя с добрым другом. – Один человек убивает другого. Иногда это вспышка неконтролируемой ярости. Иногда – хладнокровный поступок. Спланированный. Методичный. Но в обоих случаях есть кое-что общее – эмоции, вышедшие из-под контроля. Зачастую что-то долго копившееся. Скрытое. Оно прорывается наружу.

Присяжные кивали.

– У нас у всех есть подобные обиды, – сказал Гамаш. – И большинство из нас хотя бы раз в жизни чувствовали в себе готовность убить человека. Или хотя бы желали ему смерти. И что же останавливает нас?

– Совесть? – одними губами проговорила молодая женщина во втором ряду скамьи присяжных.

– Совесть, – сказал старший суперинтендант, глядя на нее и видя ее мимолетную улыбку. – А может быть, трусость. Некоторые считают, что это одно и то же. И что единственная вещь, которая не позволяет нам совершить что-либо ужасное, – это страх быть пойманным. Но как бы мы вели себя, если бы имели гарантию, что нам все сойдет с рук? Если бы знали, что никаких последствий не будет? Или если бы не думали о последствиях. Если бы мы были уверены, что убийство оправданно. Если бы мы верили, как верил Ганди, в более высокий суд, чем судебная палата.

– Возражаю, – сказал прокурор.

– На каком основании? – спросила судья Корриво.

– Несущественно и не имеет отношения к делу.

– Это ваш свидетель, месье Залмановиц, – напомнила ему судья. – Вы сами задали вопрос.

– Я не просил читать лекцию о природе убийства и совести.

– А может, стоило бы, – сказала судья и посмотрела на часы, встроенные в судейский стол. – Пожалуй, подошло время для перерыва. Прошу вернуться через час.

Она встала и под скрежет отодвигаемых стульев прошептала Гамашу:

– Я вам дала достаточную свободу действий. Теперь внимательнее.

Он слегка поклонился, чтобы показать, что ее слова услышаны, и поймал взгляд прокурора, который за своим столом раздраженно запихивал бумаги в портфель.

Когда судья ушла и присяжных начали выводить из зала, месье Залмановиц наконец не выдержал и быстро зашагал через зал к Гамашу, который спускался со свидетельского места.

– Что это была за хрень? – требовательно спросил прокурор. – Что, черт побери, вы делаете?

Гамаш кинул взгляд в сторону присяжных – последние выходили в дверь и явно слышали прокурора.

– Не здесь, – сказал он прокурору.

– Нет, именно здесь!

Гамаш развернулся и прошел мимо него, но прокурор ухватил его за руку:

– Нет, вы не уйдете!

Гамаш рывком высвободился и повернулся лицом к прокурору.

Журналисты, все еще остававшиеся в зале, уставились на них. Завсегдатаи суда никогда не видели ничего подобного.

– Вы почему саботируете мое дело? – спросил Залмановиц.

– Не здесь. Если хотите поговорить, идите со мной.

Он повернулся к Бовуару:

– Будь добр, найди…

– Я найду свободную комнату, patron, – сказал Бовуар и поспешил к дверям, а Гамаш пошел следом за ним, не дав себе труда проверить, идет ли за ним прокурор.

Месье Залмановиц сердито посмотрел ему в спину и пробормотал: «Придурок», достаточно громко, чтобы репортеры услышали его.

Потом он схватил свой портфель и поспешил за Гамашем.

* * *

Двое мужчин остались тет-а-тет в кабинете.

Главный прокурор и старший суперинтендант Квебекской полиции. Закон и бюрократическая система делали их союзниками. Но не их собственный характер и не личный выбор.

Когда дверь закрылась, Гамаш подошел и запер ее. Затем повернулся к Залмановицу:

– Ланч, Барри?

Он показал на поднос с сэндвичами и холодным лимонадом на кофейном столике.

Залмановиц удивленно поднял брови. Потом улыбнулся. Улыбка была не самая дружелюбная.

Он взял кусочек семги с укропом и сливочным сыром на рогалике от «Сен-Виатёр».

– Как вы узнали, что я начну драку? – спросил он.

– Я не знал, – ответил Гамаш, потянувшись за копченым мясом из

магазина деликатесов Шварца. – Но если бы ее не начали вы, то начал бы я.

Проголодавшийся за время заседания, он откусил большой кусок и обильно запил его холодным чаем.

– Ну хорошо, – сказал Залмановиц, прикончив половину рогалика. – Вы удивительно ловко проваливаете дело.

– Я думаю, вы делаете работу не хуже меня.

– Merci. Стараюсь как могу.

Гамаш натянуто улыбнулся и откинулся на спинку дивана. Положив ногу на ногу, он пристально посмотрел на прокурора:

– По-моему, судья Корриво начинает подозревать.

Залмановиц отер рот тонкой бумажной салфеткой и покачал головой:

– Она никогда не догадается. Ведь это не вписывается ни в какие рамки. Нам обоим повезло – мы получаем пенсии. Они нам понадобятся.

Он поднял свой запотевший стакан и чуть наклонил его в сторону старшего суперинтенданта:

– За более высокий суд.

Гамаш поднял свой стакан:

– За горящие корабли.

* * *

За ланчем в соседнем кафе, найдя столик в тенистом уголке на террасе, Морин Корриво доверительно сообщила своей партнерше:

– Я думаю, тут какие-то танцы.

– Танцы? – удивленно переспросила Джоан. – Типа джиги?

– Хотелось бы так, – ответила Морин. – Тогда я бы, по крайней мере, знала, к чему все идет.

Лицо Джоан помрачнело.

– Что ты имеешь в виду? Тебя что-то смущает? Дело слишком трудное?

– Не могу поверить, что ты спрашиваешь об этом, – с искренней обидой произнесла Морин. – Хочешь сказать, мне не по зубам дело об убийстве?

– Я так не считаю, это ты сама сказала, что не знаешь, чего ждать дальше. Ладно, давай начнем с начала. Что тебя беспокоит?

– Главный прокурор, который возглавляет прокуратуру всей провинции, избрал тактику нападок на старшего суперинтенданта Квебекской полиции, который дает свидетельские показания. Уходя на

перерыв, я слышала в дверях, как прокурор прилюдно оскорбил его.

– Своего собственного свидетеля? Но это бессмысленно.

– Хуже того, это может привести к признанию судебного разбирательства неправильным. Мне кажется, кое-кто из присяжных тоже слышал. Вот о чем я говорю. Эти двое достаточно опытные, чтобы знать, как действовать наилучшим образом, и достаточно зрелые, чтобы уметь сдерживать эмоции. В конце концов, прокурор и свидетель на одной стороне. Но я не могу понять, что они делают и почему. Тем более с учетом того, что дело обещало быть совсем простым. Сам глава Квебекской полиции практически был свидетелем преступления. Его жена нашла тело, только подумай.

Она покачала головой и отодвинула от себя салат.

– Может, они просто не любят друг друга, – сказала Джоан. – Такое бывает. Два упрямых быка. Два альфа-самца. Вероятно, уже бодались прежде. И не раз.

Морин рассеянно кивнула:

– До меня доходили слухи, что они не ладят. Копы и прокуроры часто не в ладах. Но тут что-то большее. Не могу объяснить. Они переходят черту. Хотя оба знают: черта есть. Я просто… – Она провела пальцами по запотевшему стакану с холодной водой.

– Что?

– Смешно, но, когда я вошла сюда, меня вдруг осенило: может быть, они делают это специально?

– Чтобы загубить дело? – спросила Джоан. – Они не только танцуют джигу, но еще и в сговоре?

Морин хохотнула:

– Ты настоящая язва.

– Извини, я не хотела зубоскалить. Но это очень странно, тебе не кажется? Зачем им так поступать? Если ты права, то они действительно пытаются развалить дело об убийстве. Гамаш производил арест подсудимого. Прокурор предъявлял обвинения. И теперь эти двое, которые к тому же не любят друг друга, намеренно заводят процесс в тупик?

Морин покачала головой, а потом кивнула:

– Я согласна. Это нелепо. Фантазия разыгралась.

Она погрузилась в размышления, а Джоан стала наблюдать за людьми, идущими по улице Сен-Поль.

Все они, без сомнения, начали день свежими и бодрыми, но теперь многих доконала жара. Судья Корриво чувствовала, как по шее катится струйка пота, да и подмышки у нее намокли.

Ее угнетала мысль о том, что сейчас придется вернуться, надеть судейскую мантию и провести весь день в этой духовке – зале суда. Хорошо хоть ее не зажарят.

– Месье Гамаш сегодня утром цитировал Ганди, – сказала она. – Что-то о высшем суде.

Джоан постучала по айфону:

– Нашла. «Есть более высокий суд, чем судебная палата, и это суд совести. Он выше всех других судов».

Морин Корриво судорожно вздохнула:

– У меня мурашки по коже.

– Почему?

– Глава Квебекской полиции объявляет свою совесть выше наших законов? Тебя это не пугает?

– Вряд ли он хотел сказать что-то подобное, – заметила Джоан, пытаясь успокоить свою партнершу. – Это скорее расхожее выражение, чем личное кредо.

– Представляешь такой заголовок в газете: «Глава Квебекской полиции действует, руководствуясь своей совестью, а не законами».

– Ну да, или такой: «Судья впадает в бешенство в зале заседаний».

Морин рассмеялась и встала:

– Мне пора. Спасибо за ланч.

Но, сделав несколько шагов, она вернулась:

– Ты в это веришь?

– Что чья-то личная совесть выше общественных законов? – спросила Джоан. – Разве наши законы не основаны на представлениях о совести? На заповедях?

– Например, запрет гомосексуальности?

– Нашла что вспоминать, – усмехнулась Джоан.

– Этот закон еще действует во многих странах. Он не имеет никакого отношения к совести.

– Значит, ты согласна с месье Гамашем? – спросила Джоан.

– Если я с кем и соглашусь, то скорее с Ганди, чем с Гамашем. Но может ли судья реально верить в суд совести? Который выше всех других? Это похоже на анархию.

– Это похоже на прогресс, – возразила Джоан.

– Это похоже на окончание многообещающей судейской карьеры, – с улыбкой сказала Морин. Она поцеловала Джоан, потом наклонилась и поцеловала еще раз, прошептав: – А этот – за Ганди.

Глава семнадцатая

Двое мужчин снова сошлись в единоборстве.

Зрители, и без того всегда внимательные, подались вперед, стараясь оказаться как можно ближе к огороженному квадрату в передней части помещения, напоминавшему боксерский ринг. Только здесь шло сражение по делу об убийстве.

В воздухе зала, где вела процесс судья Корриво, потрескивало электричество. Она этого не приветствовала. В зале и без того стояла жара. И по мнению судьи, электрические явления и правосудие были две вещи несовместные.

Она видела источник напряжения. Вражда между этими двумя действовала как генератор.

Упрямые быки – так назвала их Джоан.

Скорее дикие слоны, подумала судья Корриво. Изгадили ее первый серьезный процесс.

Но даже и это не вполне отвечало действительности.

Главный прокурор месье Залмановиц был изворотлив, двигался с грацией пантеры. Он мерил шагами свою территорию, изредка совершая набеги на скамью защиты, но не сводил глаз с человека в свидетельском кресле.

Хищник, оценивающий добычу.

А Гамаш? Сидит спокойно, словно у себя дома, словно все здесь принадлежит ему: кресло, свидетельское место, весь зал. Вежливый, внимательный, вдумчивый.

Его абсолютное спокойствие являло собой резкий контраст с возбуждением расхаживающего взад-вперед прокурора.

Этот человек был само терпение. Ему хватало здравого смысла сидеть и ждать, когда атакующий проявит какую-нибудь слабость.

Не слон. И не пантера.

Хищник, не имеющий себе равных. Вершина пищевой цепочки.

Судья Корриво наблюдала за месье Залмановицем, который сужал круги, и еле сдерживалась, чтобы жестом не отогнать прокурора от Гамаша.

Предупредить его, что такой сдержанностью и самоконтролем, какие демонстрирует старший суперинтендант, обладают только те, у кого в природе нет врагов. Было бы роковой ошибкой принимать его спокойствие за летаргию.

Не имеющий себе равных хищник, цитирующий Ганди? Делает ли это Гамаша более опасным или менее?

И не является ли он главным врагом самому себе?

Потом Морин Корриво вспомнила мимолетную фантазию, посетившую ее, когда она шла по мощеной улице на ланч с Джоан. О том, что на самом деле эти два врага являются союзниками и только притворяются, что готовы перегрызть друг другу глотки.

Но что могло сподвигнуть их на такое поведение?

Она, конечно, знала ответ. У них была всего одна причина действовать подобным образом.

Чтобы заманить в ловушку еще более крупного хищника.

Судья Корриво посмотрела на обвиняемое лицо.

Возможно ли, что человек, который выглядит таким слабым, таким разбитым, является кем-то совершенно иным?

– Перед нашим уходом на обед вы рассказывали, старший суперинтендант, как принесли известие об убийстве Кэти Эванс ее мужу, – напомнил прокурор. – Это было в ресторане.

– Да, в бистро, – сказал Гамаш и с удовлетворением отметил, как ощетинился прокурор, услышав эту маленькую поправку.

Барри Залмановиц, в свою очередь, взглянул на главу Квебекской полиции, удобно устроившегося в свидетельском кресле, что, по счастью, никак не затрудняло атаку на него.

Несмотря на обмен любезностями во время ланча, прокурору не требовалось притворяться в ненависти к Гамашу. Он его и в самом деле ненавидел. Сколько раз они спорили по поводу обвинения! Иногда прокурор отказывался предъявлять обвинения человеку, которого Гамаш считал убийцей. Залмановиц утверждал, что улик недостаточно или они недостаточно убедительны.

Это ваша вина, Гамаш, говорил тогда Залмановиц.

И старший инспектор Гамаш, возглавлявший тогда отдел по расследованию убийств, называл его трусом, который не рискует предъявлять обвинения, если они имеют хоть малейший шанс быть отвергнутыми судом.

И по иронии судьбы весь план строился на том, чтобы убедить всех в их ненависти друг к другу. А красота плана состояла в том, что они действительно не питали любви друг к другу.

Вышагивая по залу суда, Залмановиц наблюдал за спокойным человеком на свидетельском месте и не мог обнаружить никакой видимой неприязни со стороны Гамаша. Хотя настороженность чувствовалась.

Лишь нависшая над всеми серьезнейшая угроза вынудила Армана Гамаша обратиться к человеку, который ему не нравился и которому он не доверял, но который обладал уникальными возможностями для того, чтобы помочь.

Это была самая необычная встреча за всю карьеру Залмановица.

Гамаш прилетел в Монктон, а оттуда приехал в Галифакс на машине, тогда как Залмановиц прилетел в Галифакс напрямую.

Они обедали в столовой на берегу – в жалкой забегаловке даже по сомнительным стандартам докеров и рыбаков, окружавших их.

И там, в тени кораблей, отправляющихся в порты по всему миру, старший суперинтендант Квебекской полиции изложил свой план главному прокурору Квебека.

Закончив и чувствуя свою полную и абсолютную уязвимость, он замолчал в ожидании. Его напряжение выдавала лишь легкая дрожь правой руки.

Главный прокурор сидел пораженный. Ошеломленный гордыней этого человека. Масштабом его плана. Его глупостью, граничащей с гениальностью, когда он решил обратиться к последнему человеку на земле, у которого может возникнуть желание помочь. И просить не только о помощи.

– Вы просите меня положить конец моей карьере.

– Почти наверняка. А я покончу со своей.

– Ваша началась совсем недавно, – напомнил ему Залмановиц. – Вы только что вернулись из отставки. Вы пребываете в звании старшего суперинтенданта какие-то доли наносекунды. Сомневаюсь, что вы знаете, где на вашем этаже расположен туалет. А я тридцать лет в прокуратуре. Я возглавляю долбаную прокуратуру всего Квебека. А вы предлагаете не только пустить все это коту под хвост, но и рискнуть тюремным заключением? Как минимум оказаться в унизительной ситуации? Вы хотите, чтобы я разрушил всю мою карьеру и опозорил семью?

– Да, пожалуйста.

Гамаш выглядел таким искренним, когда произносил эти слова, но внезапно его лицо расплылось в улыбке. И все же Залмановиц несколько мгновений пребывал в убеждении, что это своего рода злокозненный план с целью избавиться от него. Привести его к саморазрушению. Вынудить его совершить нечто если не абсолютно противозаконное, то уж точно неэтичное.

Что повлечет за собой не только его увольнение, но и уничтожение.

Но, вглядевшись в эти глаза, в это лицо, Залмановиц понял, что

Гамаша можно обвинить в чем угодно, только не в жестокости. А то, о чем думал Залмановиц, иначе как жестокостью и не назовешь.

Арман Гамаш говорил серьезно.

– Мне нужно прогуляться, – сказал прокурор и, когда Гамаш сделал попытку подняться, положил сильную руку ему на плечо. – В одиночестве.

Он долго, очень долго ходил туда-сюда по пирсу. Мимо громадных контейнеровозов. Вдыхал запах водорослей, ржавчины, рыбы.

Долго ходил взад-вперед.

Если он согласится на это, то никому не сможет сказать. Даже своей жене. До тех пор, пока все не кончится.

И кто знает, может быть, люди поймут. Поймут, что «почему» важнее, чем «как».

Но, ввязываясь в это дело, он не мог не понимать последствий. Если он согласится, если он пойдет вместе с Гамашем, то его ждет скорый конец. Он окажется у позорного столба. И по заслугам.

Предложение Гамаша противоречило всем его убеждениям, всем принципам. А если уж говорить по справедливости, то и всем убеждениям Гамаша.

Угроза была настолько велика, что от них обоих требовалось пожертвовать своими самыми глубокими убеждениями.

Будет ли он сожалеть о союзе с Гамашем? Будет ли сожалеть об отказе заключить с ним союз?

Каковы шансы на успех? Он понимал, что невысоки. Но если он не попытается, то шансы станут равны нулю.

У Гамаша тоже не имелось других вариантов. Залмановиц понимал, что он именно тот человек, который нужен Гамашу. Из-за его должности. Из-за уважения, которое он завоевал среди профессионалов. Он перечеркнет все свои достижения одним поступком.

Залмановиц остановился, посмотрел на суда в гавани Галифакса, почувствовал соленые брызги на лице.

Шарлотте нравилось ездить в монреальский порт, смотреть на суда широко распахнутыми глазами. Она спрашивала отца, куда направляется каждое судно и откуда оно пришло. Барри, конечно, не знал, а потому придумывал ответы, выбирая самые экзотические места.

Занзибар.

Мадагаскар.

Северный полюс.

Аталантида.

Сант-Кекс-Бре-ке-ке-Фекс.

«Ты это выдумал», – говорила Шарлотта и смеялась до слез.

Что же, подумал он, если он мог сочинять истории для своей маленькой дочери, то и для всего Квебека тоже осилит.

– Ну, в путь, – прошептал он. – Нам предстоит путешествие.

Он вернулся в столовую, где его ждал Гамаш. Перед каждым из них стояла порция подрагивающего торта-суфле с лимонным безе.

Залмановиц сел.

Хотя Арман Гамаш и не упомянул о Шарлотте, Залмановиц подозревал, что тот знает. Поэтому он и ненавидел того, кто сидел напротив, за его просьбу и чуть ли не любил его за эту просьбу.

– Я согласен.

Гамаш кивнул, глядя ему в глаза:

– Мы должны действовать быстро.

И они стали действовать.

Это было несколько месяцев назад, в ноябре.

Обвинения были выдвинуты, предварительные слушания проведены.

Теперь стоял июль, шел второй день процесса об убийстве.

Сказать, пошли ли дела по их сценарию, они пока не могли. Результаты ожидались не скоро, а они сделали только первые шаги. План мог еще провалиться. Земля могла уйти из-под ног.

И в этом случае они оба рухнули бы вниз. Но утешением для Залмановица служило то, что, по крайней мере, когда они ударятся о дно, его руки будут на горле Гамаша.

– Как Патрик Эванс отнесся к известию о смерти жены? – спросил он у старшего суперинтенданта.

Глава восемнадцатая

– Скажите мне здесь, – проговорил Патрик Эванс, когда его друзья встали плечом к плечу с ним.

Гамаш подумал, что точно так же они встали накануне вечером, защищая кобрадора.

– Non, monsieur, – вежливо, но твердо сказала старший инспектор Лакост. – Прошу вас пройти с нами.

Она показала на дверь в комнату, отведенную для приватных мероприятий. Дней рождения. И полицейских расследований.

– Нам можно? – спросила Леа.

– Да, конечно, – ответила Лакост, позволяя Матео и Леа оставаться с другом.

Они прошли в отдельную комнату, и Бовуар закрыл дверь.

Здесь не было камина, распространяющего тепло и радость. Окна от пола до потолка выходили на мрачный сад и полноводную сейчас речушку Белла-Белла.

Воздух за окнами сгустился, образуя тяжелый туман, за которым почти не было видно леса.

Бовуар включил освещение, а затем обогреватель, чтобы прогнать прохладу из комнаты.

Лакост посмотрела на Патрика Эванса и увидела, что он собирается с духом. Как и Матео Биссонетт. Как и Леа Ру. Словно она, Лакост, расстрельный взвод, а они приговоренные.

Без всяких предисловий она сообщила им новость. Тихо, мягко, с сочувствием, но и с полной ясностью.

– Мне очень жаль, сэр, но ваша жена мертва.

Изабель Лакост давно уже поняла, что простота в таких случаях – оптимальное средство. Короткое, резкое изложение факта. Чтобы не осталось никаких сомнений, никакой приоткрытой двери, через которую они могут проникнуть.

Не существовало щадящего способа сообщать такие известия. Разбивать сердца. А долго готовить людей к подобной новости – лишь усугублять травму.

Матео шагнул ближе к другу, взял его за локоть и сжал пальцы.

Хотя Патрик Эванс должен был уже предполагать, что его жена мертва, это известие сразило его наповал.

У него отвисла челюсть, и он медленно опустился на стул.

Раздался стук в дверь, и Бовуар открыл ее. Вошел Оливье с бутылкой виски и стаканами. И коробкой салфеток.

– Merci, – прошептал Жан Ги и, взяв поднос, закрыл дверь.

Лакост подвинула стул и села напротив Патрика, так что их колени почти соприкасались.

Его темные короткие волосы были подстрижены не по возрасту – так стригутся люди гораздо старше. Чисто выбритый и привлекательный на вид, Патрик не отличался силой характера. Некоторые люди даже в скорби умеют оставаться уверенными. Или хотя бы сохранять видимость. Но этот человек не мог ни того ни другого. Он выглядел бледно во всех смыслах этого слова.

– Ее нашли в церкви, – сказала Лакост, глядя в его голубые глаза, не уверенная, слышит ли он ее.

– Как?.. – спросил он.

– Коронер будет заниматься этим, но, похоже, ее избили до смерти.

– О боже…

Патрик опустил глаза. Потом с трудом поднял, но взгляд его скользнул в сторону от Лакост.

– Как это могло случиться? – спросил он у Матео.

– Не знаю. – Биссонетт покачал головой с непонимающим видом.

Леа, сидевшая рядом, казалась больной. Ей было физически плохо.

Губы Патрика шевельнулись, но либо слова переполняли его настолько, что одно мешало другому, либо он вообще не находил слов.

В душе этого и без того опустошенного человека будто образовалась пропасть.

– Когда вы видели жену в последний раз? – спросила старший инспектор Лакост.

– Прошлым вечером, – ответил он. – На улице.

– Она была на улице? – спросила Лакост. – Не пришла спать?

– Я думал, она пришла. Сам я уснул и думал, что она вернулась.

– Однако она не вернулась, – сказала Лакост, и Патрик кивнул. – Что же она там делала? – спросила Лакост.

– Кэти любила прогуляться вечером, – вставила Леа.

– Когда вы вернулись с обеда? – спросила Лакост.

– Не знаю, – ответил Патрик.

– Они вернулись, приблизительно когда мы ушли от вас, – сказал Матео Гамашу. – Около десяти, если не ошибаюсь?

Гамаш кивнул.

– Вы видели, как она пошла на прогулку? – спросила Лакост.

Матео и Леа отрицательно покачали головой.

– Кобрадор стоял на своем месте, когда вы шли в гостиницу?

– Кобрадор… – Патрик внезапно оживился. – Боже мой, это ведь все из-за кобрадора, да?

Он посмотрел на Матео, потом на Леа. Глаза его от страха расширились.

– Не знаю, – сказала Леа.

Она неловко обняла его. Патрик не ответил на объятие.

– Как такое могло случиться? – пробормотал он приглушенно, оттого что крупная Леа прижимала его к себе. – Не понимаю.

Но теперь его взгляд был устремлен на Изабель Лакост.

А она подумала, что здесь есть много чего непонятного. Но прежде чем все это закончится, у нее будут ответы.

Она посмотрела на Бовуара, который наблюдал за Патриком Эвансом своими проницательными глазами, потом перевела взгляд на месье Гамаша.

Он стоял, сцепив руки за спиной, и смотрел в окно. Поверхностный наблюдатель мог бы подумать, будто он потерял интерес к происходящему. Однако Лакост, даже глядя на Гамаша в профиль, чувствовала его абсолютную сосредоточенность. Он не пропускал ни единого слова, ни малейшей интонации.

Гамаш нередко говорил, что слова говорят о мыслях человека, а интонация – о его чувствах.

И то и другое крайне важно.

Да, факты были необходимы. Но если откровенно, любого можно научить находить кровавые пятна или волоски. Или любовный роман. Или банковский баланс, вовсе не сбалансированный.

Но чувства? Лишь самые храбрые отваживались заходить в это огненное царство.

И именно там проводил свои разыскания Гамаш. В области ускользающих, летучих, непредсказуемых, а порой и опасных чувств. Там он искал ту обнаженную буйную эмоцию, которая привела к убийству.

И он научил Лакост делать то же самое.

Гамаш перевел вдумчивый взгляд с густого леса на Патрика, Матео и Леа.

Его карие глаза блеснули. Он смотрел не на Патрика Эванса, а на Матео Биссонетта.

– Где вы обедали вчера вечером?

Тот пожал плечами, словно последние силы оставили его:

– В каком-то заведении в Ноултоне. «Ле Реле». Верно?

Но Патрик не прореагировал.

– Вы заволновались, когда не увидели жену утром? – спросила Лакост.

Патрик распрямился:

– Не очень. Я думал, она с ней.

Он показал на Леа.

С ней.

Он говорил, еле ворочая языком.

– А мы думали, она с Патриком, – сказал Матео.

– И только когда приехала полиция, мы поняли, что никто целый день не видел Кэти, – добавила Леа.

Лакост подалась к Патрику:

– Как по-вашему, кто мог сделать это с вашей женой?

– Не знаю. – Он посмотрел на нее с детским недоумением.

– Дайте ему немного прийти в себя, – вмешалась Леа. – Разве вы не видите, что он потрясен?

Она налила ему виски, и он выпил залпом.

Лакост внимательно присмотрелась к Патрику. С ним определенно что-то случилось. Он словно завернулся в ватный кокон. Реальность доходила до него дальним эхом. Возможно, он переживал потрясение, с которым не мог справиться из-за природной слабости характера.

Но, судя по его зрачкам, дело этим не ограничивалось.

– Что вы можете рассказать о кобрадоре? – спросила она.

Патрик уставился на нее.

– Это совесть. Верно?

Он посмотрел на Матео, но его взгляд оставался мутным, и он начал покачиваться.

Бовуар наклонился и заглянул ему в глаза. Патрик ответил на его взгляд, чуть приоткрыв рот. Его мягкие губы поблескивали от слюны.

– Вы ничего не принимали? – спросил Бовуар медленно и четко, но ответом ему был лишь пустой взгляд.

– Это он сделал, – невнятно проговорил Патрик. – Мы все знаем, кто это сделал.

– Кто? – спросил Бовуар.

– Он, конечно, имеет в виду кобрадора, – сказал Матео, наклоняясь к Патрику. – Верно? Кого же еще?

– Месье Эванс, посмотрите на меня, – произнесла Лакост громким, ясным голосом. – Что ваша жена делала в церкви?

– Никто не ходит в церковь, – пробормотал он совсем уж

неразборчиво.

Бовуар посмотрел на агента, делавшего записи:

– Позови доктора Харрис, коронера. Быстро.

Не успел он сказать это, как Патрик начал заваливаться набок, и Бовуар подхватил его, удержал и с помощью Лакост опустил на пол возле стула.

– Какие лекарства он принимает? – спросил Бовуар, проверяя жизненные показатели Патрика.

Гамаш снял куртку, скатал и подложил под голову Патрика.

– Я дала ему лоразепам, – ответила Леа. – Что с ним?

– Когда? – спросил Бовуар.

– Перед вашим приходом. Он начал задыхаться, был близок к панике. Я хотела его успокоить.

– Одну таблетку? – спросил Бовуар, переводя взгляд с потерявшего сознание Патрика на его друзей.

– Одну.

Леа принялась рыться в сумке, которую бросила на пол, и вытащила пузырек с таблетками.

– А еще вы дали ему виски, – напомнила Лакост.

– О, проклятье, – простонала Леа. – Черт, черт, черт. Я не подумала.

Появилась Шарон Харрис и заняла освобожденное Бовуаром место рядом с Патриком.

Все отступили в стороны, пока она осматривала его.

– Кто он? – спросила она, не прекращая проверку.

– Муж Кэти Эванс, Патрик, – сказала Лакост, и доктор Харрис ответила ей коротким взглядом. – Мы думаем, это лоразепам в сочетании с виски.

Это сообщение не прошло мимо ушей доктора или других полицейских.

– У вас есть пузырек?

Леа протянула ей пузырек. Доктор осмотрела его, сняла крышку, высыпала на ладонь несколько таблеток. Потом бросила их обратно в пузырек и протянула Леа. Без комментариев.

– Он просто потерял сознание. Возможно, нет привычки к транквилизаторам. Да и виски на пользу не пошел. Его нужно уложить в постель. Месье Эванс! – Доктор Харрис наклонилась к его уху. – Патрик, поднимайтесь, мы уложим вас в постель.

Она ущипнула его за ухо, и его веки открылись, хотя взгляд оставался рассеянным.

– Мы можем поставить его на ноги?

Бовуар и Матео подняли его с пола и поддержали. Патрик был как пьяный. Голова его моталась, глаза моргали. Судя по всему, он пытался всплыть из омута на поверхность, но это ему не удавалось.

Доктор Харрис направилась через бистро к выходу, следом за ней ковылял Патрик, поддерживаемый Бовуаром и Матео.

Леа хотела было последовать за ними, но Гамаш остановил ее.

– Он что-то принимает? – спросил Гамаш, пристально глядя на нее.

– Нет.

– Самое время сказать нам.

– Я и говорю. Патрик из всех нас самый правильный. Он даже почти не пьет. – Она покачала головой. – Это моя вина. Глупо, зря я дала ему лекарство.

И виски, подумал Гамаш, разглядывая женщину. Она казалась искренне расстроенной.

– Все в порядке? – спросил Оливье, приоткрыв дверь и просунув в комнату озабоченное лицо.

– Oui. Месье Эванс пришел в себя, – сказал Гамаш. – Ему нужно отдохнуть.

– Если что, только позовите.

– Merci, patron, – сказал Гамаш.

Когда Оливье исчез, Гамаш показал Леа на стул. Она села, а Гамаш и Лакост устроились рядом.

– Вам не приходит в голову, кому могла помешать Кэти? – спросил Гамаш.

– Честно говоря, не приходит, – ответила она.

Лакост, не будучи циником, всегда настораживалась, слыша из чьих-то уст ответ «честно говоря» во время допроса. Но Леа Ру казалась искренней и была в самом деле потрясена.

Впрочем, напомнила себе Лакост, эта женщина – политик. А политика – это театр.

Теперь настала очередь Леа изучать их. Ее проницательные глаза были устремлены на старших чинов Квебекской полиции.

– Вы считаете, что Кэти убил кобрадор? – Она переводила взгляд с одного на другую.

– Так же считают месье Эванс и ваш муж. А вы – нет?

– Я не понимаю, зачем ему это понадобилось, – ответила Леа. – Получается, что кобрадор объявился здесь из-за Кэти. И все это время она была его целью.

– Возможно, – сказала Лакост. – Доподлинно нам пока известно, что человек в костюме исчез, а мадам Эванс убита. Для совпадения многовато, вам не кажется?

Леа Ру обдумала ее слова:

– Это не означает, что он с самого начала приходил за ней. Может быть, он впал в ярость, а тут подвернулась она. Во время вечерней прогулки.

– Но она была не на прогулке, верно? – сказала Лакост. – Она была в церкви. Зачем?

Леа откинулась на спинку. Задумалась.

– Во время наших путешествий Кэти часто заходила в церкви. Она архитектор, и церкви ее очаровывали. Аркбутаны и контрфорсы. – Она улыбнулась. – Боюсь, это единственное, что я запомнила.

Она вернулась из прошлого в настоящее.

– Но то были собор Парижской Богоматери, Шартр, Мон-Сен-Мишель. Не очень похоже на вашу деревенскую церквушку.

Гамаш положил ногу на ногу и кивнул. У Святого Томаса явно не имелось контрфорсов, хотя находиться в нем было приятнее, чем в соборе Парижской Богоматери. Впрочем, все зависело от того, что тебе нужно.

– Тогда почему она могла там оказаться? – спросил он, повторяя вопрос Лакост.

Леа отрицательно покачала головой:

– Может, захотела немного посидеть в тишине. Может, стало холодно и она зашла погреться. Откровенно говоря, не знаю.

Гамаш отметил, что Изабель не сказала ни о месте, где нашли Кэти, ни о костюме кобрадора, в котором ее нашли.

В высшей степени символическом костюме. Этот костюм говорил о грехе. О долге. О бессовестности и о плате. Он говорил о мести и стыде. Он был обвинением.

И его надели на мертвую женщину.

Не по ошибке, а с целью. Намеренно.

Да, подумал Гамаш, связь между мадам Эванс и кобрадором существует.

Вопрос состоял в том, знали ли ее друзья, что это за связь.

– Это я виновата, – сказала Леа. – Если бы я не защитила его вчера вечером, может, он испугался бы и убежал. Или его побили бы. Но по крайней мере, Кэти осталась бы жива. – Она посмотрела на Гамаша. – И вы тоже виноваты. Могли бы сделать что-нибудь. А вы только говорили с ним. Все повторяли, мол, он не делает ничего противозаконного. Вот теперь

сделал. Если бы вы вмешались, она бы осталась жива.

Гамаш ничего не сказал – говорить было нечего. Он уже много раз объяснял соседям, что ничего не может сделать. Хотя теперь, после случившегося, он знал, что мыслями будет возвращаться к этому снова и снова. Спрашивать себя, действительно ли не мог.

На самом деле ярость Леа была направлена на того, кто взял биту и убил ее подругу. Просто Гамаш подвернулся под руку.

Поэтому он позволил ей выпустить пар. Не сдавая позиций. Не защищаясь. И когда она закончила, он не сказал ни слова.

Дав волю гневу, Леа Ру расплакалась.

– О черт, – выдохнула она, пытаясь взять себя в руки, словно слезы по мертвой подруге были чем-то постыдным. – Что же мы сделали?

– Вы не сделали ничего плохого, – ответила Лакост. – Как и старший суперинтендант Гамаш. Виноват тот, кто ее убил.

Леа взяла салфетку, предложенную ей Лакост, поблагодарила, отерла лицо и высморкалась. Но плакать не перестала. Хотя слезы были уже не такими горькими. В них было больше печали. Меньше гнева.

– Не думаете же вы в самом деле, что кобрадор пришел за Кэти, – сказала Леа.

– У вас есть другая версия? – спросила Лакост.

– Нет, – признала Леа. – Может, кобрадор и сделал это, но не преднамеренно. Может, Кэти пошла за ним и увидела, кто он, вот он ее и убил.

Гамаш задумчиво кивнул. Ему эта мысль тоже приходила в голову.

Но зачем тогда надевать на нее костюм?

И вообще, зачем ее убивать? Ну хорошо, она увидела кобрадора, но убивать ее за это – какая-то крайность.

Однако это могло свидетельствовать о том, что она его опознала.

Гамаш перевел взгляд на туман за окном. Ничуть не гнетущее зрелище, даже утешительное. Туман обволакивает, но он не удушливый.

Было ли убийство Кэти Эванс предумышленным? Может быть, именно из-за нее и появился в Трех Соснах кобрадор? Или же это импульсивный поступок человека, выведенного на чистую воду? Загнанного в угол в церковной кладовке?

– Значит, вы не знаете никого, кто мог бы желать смерти вашей подруге? – спросила Лакост.

– Мне об этом ничего не известно. Она была архитектором. Строила дома.

– Никакой из ее объектов не провалился? Может, несчастный случай?

Обрушение?

– Нет, никогда.

– Ее брак с Патриком был счастливым? – спросил Гамаш.

– Думаю, да. Она хотела детей, а он – нет. Вы, вероятно, заметили, он и сам немного ребенок. Не то чтобы инфантильный, просто беспомощный. Ему требовался материнский уход, и Кэти давала ему это. И нам тоже. В ней было сильное материнское начало. Из нее бы получилась замечательная мать. Она крестная нашего старшего. Ни разу не забыла про день рождения.

Леа посмотрел на салфетку, превратившуюся в клочья в ее руках.

– Думаю, у них были хорошие отношения, – сказала она. – Самой мне трудно судить. Тем более когда…

Она посмотрела на Лакост, потом на Гамаша.

Они молча ждали, как она закончит предложение.

– Когда она могла бы выйти замуж за Эдуарда.

– Вашего друга по колледжу, – кивнул Гамаш. – Того, кто покончил с собой.

– Или просто упал, – сказала она. Ей хотелось верить в это. Она заставляла себя верить. Леа тяжело вздохнула. – Любовь. Что с этим поделаешь?

Гамаш кивнул. Что тут можно сделать?

Уложив Патрика в постель, вернулись Бовуар, Матео и доктор Харрис.

– С ним все хорошо, – сообщила Шарон Харрис. – Пусть поспит.

– Я вас провожу, – сказал Гамаш, надевая куртку.

Чтобы не проходить через переполненное бистро, они вышли во внутренний дворик и прошли задними дворами.

В пекарне по соседству они увидели за окном разговаривающих Антона и Жаклин.

– Подруга месье Эванса, – заговорила коронер, – это та самая Леа Ру, политик?

– Да.

– По ее словам, она дала ему лоразепам. Никогда не видела, чтобы на взрослого человека так подействовала одна таблетка.

– Вы думаете, она дала ему больше?

– Две как минимум. Наверное, ей неловко было признаться. А может, она дала ему пузырек и он взял, сколько счел нужным.

– Что-то я сомневаюсь. Возможно ли, что это не лоразепам, а что-то другое?

Доктор Харрис остановилась в задумчивости.

Гамаш чувствовал, как туман заползает ему за воротник, в рукава.

– Не исключено. Вы подразумеваете что-то фармацевтическое, опиоид? Без анализа крови я не могу сказать. У вас есть основания для таких подозрений?

– В общем-то, нет. Просто столько этой дряни сейчас.

– Вы даже не представляете, – вздохнула коронер, которая каждый день видела наркоманов на металлическом столе в морге.

Гамаш не стал возражать, но его представления о распространении чумы были гораздо полнее, чем у доктора Харрис.

Он проводил ее до машины. Прежде чем уехать, Шарон Харрис сказала:

– Месье Эванс все время твердил о больной совести. Это имеет какое-то значение, Арман?

– Костюм, в котором была жертва, имел некоторое отношение к совести, – ответил он, и она поняла, что больше он ничего не добавит.

Не было ни времени, ни необходимости рассказывать доктору Харрис о кобрадоре.

То, что могло прозвучать из уст Патрика Эванса как признание, почти наверняка было просто предупреждением. Тут действовала больная, очень больная совесть.

– Merci, – сказал Гамаш. – Ваш отчет?

– Как только смогу. Надеюсь завтра утром прислать вам что-нибудь.

Когда он вернулся в заднюю комнату бистро, напротив Лакост и Бовуара сидели Матео и Леа. Настроенные не то чтобы враждебно, но близко к тому.

Границы были обозначены.

Гамаш подсел к Лакост и Бовуару.

– Мы предполагали, что Кэти убил кобрадор, – начал Матео. – Но возможно, это не так.

– Продолжайте, – сказала старший инспектор Лакост.

– Кобрадор появился здесь из-за кого-то. Из-за человека, совершившего что-то ужасное. Может, этот человек и убил Кэти?

– Зачем? – спросила Лакост. – Скорее, он бы убил человека в костюме.

– Может, он его и убил, – сказала Леа. – А Кэти видела, как это случилось.

– Тогда где он, этот человек в костюме? – спросила Лакост. – Зачем оставлять тело Кэти, а другое прятать?

– Может, оно и не спрятано, – пробубнил Матео. – Может, вы его просто не нашли.

Лакост вскинула брови. На самом деле она на несколько шагов опережала их и уже приказала обыскать прилегающий к деревне лес.

– Что вы можете нам рассказать о мадам Эванс? – спросила Лакост.

– О ее детстве – почти ничего, – ответил Матео. – Она выросла в Монреале. У нее есть сестра. Ее родители… Господи… – Он вздохнул, осознав, что их нужно будет оповестить.

– У вас есть их адрес? – спросил Гамаш и записал его под диктовку Леа.

– Мы познакомились в университете, как и говорили вам вчера вечером, – сказал Матео Гамашу. – Мы слушали разные курсы, но жили в одном общежитии. Дикое место. Не могу поверить, что мы выжили.

Впрочем, выжили не все, подумал Гамаш.

– Впервые вдали от дома, – продолжал Матео. – Молодые. Без всяких правил. Без ограничений. Полная свобода, понимаете? Мы пустились во все тяжкие. Но Кэти сохраняла трезвую голову. Она всегда была готова угоститься, но умела себя контролировать. Это не ханжество, скорее здравый смысл. Остальные из нас словно слетели с катушек.

– Кэти была нашей безопасной гаванью, – добавила Леа.

Гамаш кивнул. Именно те качества, о которых они говорили, и привлекли его к Рейн-Мари.

Спокойное тепло, постоянство, но без консерватизма. Островок безопасности среди молодежного буйства. А иногда и буйства среднего возраста.

– Ух как нас иногда заносило, – сказал Матео, погрузившийся в воспоминания. – И никто нас не останавливал. Немного похоже на «Повелителя мух».

– Но кто из вас был Ральфом, а кто – Джеком? – спросил Гамаш.

– А кто – несчастным Хрюшей? – спросил Матео.

– Не понимаю, – пробормотала Леа.

– Прошу прощения, – сказал Гамаш. – Я уклонился от темы. Мои извинения.

Но Бовуар, который тоже не понял аллюзии, отлично понимал кое-что другое: месье Гамаш никогда случайно не отклонялся от темы.

Бовуар добавил «Повелителя мух» к тем вещам, о которых надо разузнать.

– И конечно, были наркотики, – сказал Гамаш.

– О да, наркотики, конечно, присутствовали. На каком-то этапе их было довольно много, но спустя некоторое время мы успокоились. Все как бы сошло на нет, иссякло, понимаете?

Гамаш понимал. Исходя из собственного опыта, а также благодаря своим детям. В особенности Даниелю, своему старшему.

В университете учились не только в аудиториях. Это было время экспериментов. Бери от жизни все. Хватай все подряд, как в первый раз в ресторане со шведским столом. А потом ты резко тормозишь, поскольку обожрался и тебя тошнит. А иногда не можешь заплатить по счету.

Они вывели из своей системы наркотики, алкоголь, случайный секс и вытекающие из этого последствия. И стали делать более осмысленный выбор.

Но некоторые так и не сумели отойти от шведского стола.

Какова вероятность того, что все четверо пустились во все тяжкие, а потом все четверо сумели вернуться в цивилизацию?

Возможно, один из них так до конца и не вернулся.

И тут Гамаш вспомнил. Один действительно не вернулся. Пятый.

– Расскажите нам об Эдуарде.

– Что? – спросил Матео. – Зачем?

– Это была трагедия, а последствия трагедий – как рябь, которая долго расходится кругами, – пояснил Гамаш.

– Но Кэти ни в чем не виновата, – возразила Леа. – Ее даже не было там, когда он упал. Они с Патриком ушли в его комнату. Если кто и виноват, так это дилер, который продал Эдуарду наркотик.

– И кто он? – спросила Лакост.

– Вы шутите? – удивился Матео. – Все случилось пятнадцать лет назад. Я с трудом припомню имена своих преподавателей. А тот тип исчез сразу после смерти Эдуарда. Как только копы начали задавать вопросы.

– Значит, имени его вы не знаете? – спросил Бовуар.

– Не знаем. Слушайте, Эдуард умер много лет назад. Его смерть не может иметь какого-либо отношения к смерти Кэти.

– Вы, наверное, удивитесь, – сказал Гамаш, – но многие убийства вырастают из далекого прошлого. У них есть время созреть, окрепнуть. Приобрести искаженные, карикатурные формы. Как в случае с теми мужчинами и женщинами, высаженными на остров неподалеку от Испании. Но они всегда возвращаются.

После его слов в комнате воцарилась тишина, единственным звуком было постукивание снежной крупы по оконному стеклу.

– Где вы были вчера вечером? – спросила Лакост.

– Обедали у Гамашей, – ответил Матео. – Потом пошли спать.

– Вы не слышали, как мадам Эванс уходила из гостиницы или возвращалась в нее?

– Non, я ничего не слышал, – ответил Матео, и Леа кивнула.
Полицейские проводили Леа и Матео до дверей.
Когда те ушли, Лакост и Бовуар повернулись к Гамашу.
– Вы думаете, убийцы давно здесь нет? – спросила Лакост.
– Non. Тот, кто убил Кэти Эванс, все еще здесь. И наблюдает за нами.

Глава девятнадцатая

– Что они делают теперь? – спросила Жаклин.

– Они все еще там.

Антон смотрел на церковь Святого Томаса через эркерное окно пекарни Сары, а Жаклин стояла за рабочим столом и месила тесто. Мяла его.

– Они ее забрали, – сказал Антон и отвернулся от окна. – «Скорая помощь» уехала.

Он пришел к ней с известием о найденном в церкви теле. Теле одной из приезжих – Кэти Эванс.

К тому времени они уже знали. Но все же подтверждение стало шоком.

Антон попытался сесть, но обнаружил, что ему никак не устроиться, и принялся ходить по маленькой пекарне, стараясь не уподобляться зверю в клетке.

Проснувшись сегодня утром и узнав об исчезновении кобрадора, он подумал, что все отлично. Им ни о чем не придется рассказывать Гамашу. Но теперь…

Убита женщина, и повсюду копы.

Хуже некуда.

– Нужно было им сказать, – проговорила Жаклин, очищая пальцы от клейкого теста.

– О том, что мы знали про кобрадора? Ты думаешь, это как-то связано со случившимся?

– Конечно, – отрезала Жаклин и, соскоблив тесто со столешницы, швырнула его обратно с такой силой, что оно расплющилось. Воздух, жизнь вышли из него. Теперь оно не поднимется. – Не настолько же ты глуп.

Антон посмотрел на нее так, будто это его она вымесила и швырнула на стол. Одним ударом вышибла из него воздух.

– Ну правда же, Антон. Нам рассказали про кобрадора в прошлом году. И вот он здесь! Тебе не приходило в голову, что он пришел по наши души?

– Но почему? – спросил он.

– Откуда я знаю! – огрызнулась Жаклин. – Может, потому, что мы работали на сумасшедшего?

– Так это он уехал, а не мы, – сказал Антон. – И потом, мы же ничего не знаем.

– Мы знаем достаточно. Может, он послал кобрадора как предупреждение. Чтобы мы держали рот на замке.

Но если кобрадор приходил по их душу, то почему мертва мадам Эванс?

Полиция пока не выдавала подробностей случившегося, но и без того было ясно. Мадам Эванс не просто умерла. Судя по суете у церкви, это не было естественной смертью или несчастным случаем.

– Ты думаешь, нам поздно что-то говорить? – спросил Антон.

– Может быть, и нет. – Жаклин ущипнула тесто. – Однако это будет странно выглядеть. Они зададутся вопросом, почему мы ничего не сказали им раньше.

– А почему мы не сказали?

Но он прекрасно знал почему.

Он вспомнил темную маску, повернутую к бистро. К нему. Маску, которая сверлила взглядом окна, стены, заглядывала в кухню, где он мыл посуду.

Воплощенная Совесть. Она угрожала всему, что выстроил Антон.

Да. Именно поэтому он не хотел ни о чем говорить Гамашу. Это ведь глава всей Квебекской полиции. Вдруг он сообразит. Поймет, кто такой этот Антон.

Даже Жаклин не знала.

Он посмотрел на нее. Эти длинные пальцы в тесте, прежде такие чувственные, стали похожими на когти, вонзающиеся в тесто, лишающие его жизни.

Антон знал, почему он предпочел помалкивать о кобрадоре. Но теперь начал задумываться: а почему молчала она?

Дверь между пекарней и бистро с силой распахнулась, шарахнув по стене, и Жаклин с Антоном подскочили на месте.

Вошла Леа Ру, а за ней – Матео.

– Нам нужно… – начала было Леа, но, увидев Антона, резко замолчала.

Они уставились друг на друга. Антон видел их раньше, но только мельком. Приезжие – вот все, что он о них знал. Однако теперь ему показалось, что он узнал их. По меньшей мере ее.

– Вот ты где.

Следом за ними вошел Оливье. Он сочувственно кивнул Леа и Матео. Свои соболезнования он уже принес им в бистро.

Теперь его внимание было обращено на мойщика посуды.

– Я тебя повсюду ищу. – Его голос звучал с надлежащей

церемонностью и вежливостью, но в нем слышались раздраженные нотки. – Ты мне нужен в кухне. Много клиентов.

Оливье натянуто улыбнулся, словно давая понять: если бы не присутствие других, он бы добавил к сказанному кое-что еще. Не столь вежливое.

– Виноват, – сказал Антон. Он поспешил к двери, но остановился, чтобы взглянуть на Жаклин. – Ты в порядке?

Она кивнула, и он посмотрел на Леа и Матео:

– Désolé. Это ужасно.

Жаклин явно только что плакала, глаза у нее были красные, опухшие от слез.

Антон проследовал за Оливье через переполненное бистро, гудящее разговорами об убийстве, в кухню, насыщенную запахами трав и сочных, вкусных соусов, а еще звуками – позвякиванием тарелок, кастрюль, сковородок, столовых приборов.

Для кого-то – какофония, для Антона – симфония. Даже некое подобие оперы. Звон и гром. Творчество, драма, напряжение. Соперничество примадонн. Конкуренция запахов, конкуренция поваров. Даже разбитое сердце – при падении суфле, при подгорании кастрюльки.

Но по большей части все эти звуки сливались в чудесное многоголосие. Этот шум был прекрасен. Он возбуждал и утешал.

Как-то раз в Италии Антон прослезился, попробовав идеальное мороженое. И второй раз – в Ранти, во Франции, попробовав багет. Булку такой воздушности, что люди проделывали сотни миль, чтобы купить ее.

Да. Для кого-то кухня – место, где готовят пищу. Там царит тяжкий труд. Для немногих понимающих этот особый мир, их мир. Суетливый, замечательный. Его мир. Его святилище. И он спешил вернуться в него. Спрятаться. И надеяться, что полиция не догадается, кто он такой.

– Идем, – сказал Оливье, придерживая распашную дверь в кухню. – Много работы. И не только здесь. Полицейским понадобятся сэндвичи и напитки.

– Будет сделано, – сказал Антон.

Оливье чуточку расслабился:

– Merci.

* * *

Вернувшись в церковь, Изабель Лакост отправила агента в Ноултон

поговорить с персоналом ресторана. Выяснить, помнит ли кто-нибудь Эвансов. Другой агент пошел по деревне со списком людей, которых нужно допросить.

Лакост пригласила старшего суперинтенданта поприсутствовать.

Он отказался:

– Если только я тебе нужен, Изабель.

Она задумчиво сказала:

– Понимаете, при вас они скорее выложат правду, поскольку вы их знаете и вам известно, чем они занимались в последние дни. Но, – она улыбнулась и пожала плечами, – если они решат лгать, пусть лгут.

Эти слова были не такими уж несправедливыми, как могло показаться.

– Я надеюсь, ты пообедаешь с нами и останешься на ночь, – сказал он. – И может быть, нам удастся сравнить наши впечатления.

В его присутствии во время допроса все будут на коротком поводке. Будут вынуждены говорить правду. Что, конечно, было важно при расследовании убийства.

Но возможно, не так важно, как ложь.

Ложь не обязательно свидетельствует о том, что лгущий – убийца. Но она ускоряет процесс отбора. Вот люди, которым нечего скрывать. А вот люди с секретом.

Ложь была светом. Тем, который превращался в луч прожектора, рано или поздно высвечивая человека с самой большой тайной. Человека, которому хотелось скрыть гораздо больше, чем всем остальным.

* * *

Жан Ги Бовуар удобно устроился в кабинете дома Гамашей и стал ждать соединения с Интернетом.

Не многие могли найти скрытую в долине деревню Три Сосны, включая и спутники, обеспечивавшие интернет-покрытие почти всей планеты. Деревня находилась на выселках цивилизации, информационный суперхайвей которой проходил поверху. А Три Сосны провалились в дорожную яму.

Но, будучи свидетелем неописуемой жестокости в городах и других крупных поселениях, Жан Ги пришел к убеждению, что достоинства «цивилизации», вероятно, преувеличиваются. Ну, если не считать доставку пиццы на дом.

А здесь можно было взять книгу в магазине Мирны, сесть в бистро

Оливье, почитать в тишине под café au lait[29] и мягчайший круассан из пекарни Сары.

Могло ли это заменить айфон и доставку пиццы?

«Non», – пробормотал он, нетерпеливо ерзая на стуле и страдая без беспроводного высокоскоростного и большой приправленной.

Примитивный, сводящий с ума, шумный и ненадежный Интернет с подключением к телефонной линии через модем достиг стадии визжания, словно боялся соединиться с внешним миром.

«И все же это лучше, чем то, что есть у нас в некоторых местах», – всегда напоминал Бовуару шеф, когда тот ворчал, включая медлительный модем.

Пока шло подключение, Бовуар поглядывал в окно. Он видел, как техническая группа выгружает оборудование из фургонов и затаскивает в церквушку. Везет же Лакост – иметь такой оперативный штаб прямо на месте убийства. Теплый, сухой, с водопроводом и холодильником. С туалетом.

– С кофеваркой, черт побери, – пробормотал он.

Лакост даже на улицу выходить не придется, а это, по мнению Бовуара, было большим преимуществом.

Как же это не походило на те места, где они – он и его тесть – вынуждены были работать, расследуя убийства по всему Квебеку.

Палатки, раскачивающиеся рыбацкие лодки, сараи, пещеры.

Однажды Бовуар рассказал Анни про дворовую уборную, где они оборудовали оперативный штаб, но она отказалась ему верить.

– Спроси у отца, – предложил он.

– И не подумаю, – рассмеялась она. – Ты пытаешься меня подставить. Это провокация, месье. Я выдвину против тебя обвинение.

– Ты меня накажешь? – спросил он с наигранной надеждой. – Я плохой, плохой мальчик.

– Нет, ты глупый, глупый мальчик. И, помоги нам Господь, ты теперь еще и отец. Я придумала для тебя вагон и маленькую тележку новых наказаний. Оноре впервые попробовал чернослив. Ему понравилось.

Но Бовуар говорил правду. Они с Гамашем, тогда старшим инспектором, расследовали убийство сурвивалиста в Сагенее. Тело нашли в сожженной хижине, и единственным сооружением, которое там имелось еще, была дворовая уборная.

«На два очка», – отметил Гамаш, словно это была какая-то роскошь.

«Я буду сидеть здесь», – сказал тогда Бовуар, подтаскивая камень к пеньку и раскрывая свою тетрадь.

В два часа ночи пошел дождь, и Бовуар постучал в дверь уборной.

«Кто там?» – вежливо спросил Гамаш.

Бовуар заглянул в полукруглое окошко хилой двери: «Впустите меня».

«Тут не заперто. Только сначала вытри ноги».

Они провели там полтора дня, собирая на пожарище вещественные доказательства. Допрашивали «соседей», разбросанных там и тут по лесу. Большинство из них были такими же сурвивалистами или охотниками. Следователи пытались найти хоть кого-нибудь, кто признался бы, что знаком с жертвой. Но эти люди едва ли признались бы даже в знакомстве с самими собой.

Там не было Интернета. Не было модемов. Не было телефонов. Не было ничего. Кроме, благодарение богу, туалетной бумаги. А еще спальных мешков, воды, пищевых пакетов и спичек – все это Гамаш и Бовуар принесли с собой.

Они воткнули в щели в стенах листки бумаги для заметок и нанесли на них схемы расположения подозреваемых. Стало почти уютно.

– А убийцу вы поймали? – спросила Анни.

Эта история ее захватила, и ее адвокатский ум неохотно согласился с тем, что Жан Ги говорит правду.

Она слушала восторженно. И он тоже восторженно слушал ее истории.

– Поймали. С помощью изобретательной, отточенной логики, звериного ин…

– Он сам сдался, да?

– Нет. – Жан Ги не сдержал улыбку, предаваясь воспоминаниям. – Он вернулся, чтобы забрать систему фильтрации воды, которая была у убитого. Видела бы ты его лицо, когда мы с твоим отцом вышли из уборной.

Анни так смеялась, что чуть не описалась.

Наконец компьютер подключился к Интернету, и Жан Ги развернулся и поднял руки над клавиатурой.

У него имелся список конкурирующих приоритетов. Но первый был очевиден.

Бовуар быстро отправил письмо Анни, сообщил ей о случившемся и о том, что как минимум эту ночь проведет у ее родителей.

Он писал и тосковал по ней. По Оноре. По их теплу, их запаху.

«Скучаю, – ответила Анни. – Надеюсь, это не на два очка».

Это словосочетание стало для них кодовым обозначением крупной передряги.

Потом Бовуар набрал «Повелитель мух» и нажал «ввод».

* * *

– Клара? – позвала Мирна.

Дом был погружен почти в полную темноту, если не считать единственной лампочки, горевшей в гостиной.

Мирна включила свет, и из тьмы возникла веселенькая кухня. Пустая.

Ей не хотелось беспокоить подругу, если та спала. Но Мирна подозревала, что после богатого событиями дня им всем нелегко будет уснуть.

Когда Арман вернулся домой, они с Кларой ушли, понимая, что эти двое хотят остаться одни.

– Господи, ты меня разбудила, ты, большая куча… одежды.

Едва не подпрыгнув от испуга, Мирна повернулась к дверному проему между кухней и гостиной. Там стояла старая, слабоумная, задрипанная поэтесса. И ее утка. Со взъерошенными перьями.

– Одежды?

– Ладно, я хотела сказать «дерьма», но Михаил попросил меня быть повежливее. Поэтому я буду тебе признательна, если ты будешь заменять все мои упоминания о дерьме на другие слова.

Мирна глубоко вдохнула через нос и с шумом выпустила воздух изо рта. И начала волноваться, как бы Рут и в самом деле не протиснулась на небеса с помощью выжившего из ума архангела. Ведь тогда…

– Где Клара?

– Откуда я могу знать, курица дерьмоголовая?

– Какое слово я должна поставить на замену?

– Мм, мне нужно подумать.

Клара могла находиться только в одном месте. Она неизменно уходила туда, когда ей было плохо.

– Вот ты где, – сказала Мирна, тихонько постучав в дверь мастерской.

Свет был включен. Не ярко. В достаточной мере, чтобы имитировать непрямые лучи утреннего солнца.

Клара повернулась на стуле, в руке у нее была тонкая кисть, а на мольберте перед ней стоял портрет.

Мирна видела только край картины. Остальное закрывала фигура Клары.

У стен студии стояли холсты. Не меньше дюжины портретов. Одни почти законченные. Другие едва начатые.

Словно в мастерской обосновались брошенные люди.

Мирна отвернулась, не в силах смотреть им в глаза. Опасаясь увидеть в них мольбу.

– Как идут дела? – спросила она, кивая на мольберт.

– Это ты мне скажи. – Клара слезла со стула и отошла в сторону.

Мирна уставилась на полотно.

Обычно Клара писала портреты. Необычные лица на холстах. Одни вызывали улыбку. Другие необъяснимым образом заставляли зрителя ощущать меланхолию, или неловкость, или веселье.

Некоторые портреты по непонятным причинам рождали сильное чувство тоски, словно Клара была кем-то вроде алхимика и могла переносить эмоции, даже воспоминания на холст. Они преобразовывались в краску, а потом с холста возвращались к человеку.

Но сейчас Мирна видела перед собой другую работу. Вовсе не портрет. И вообще даже не человека.

На холсте были изображены Лео, щенок Клары, и его сестренка Грейси, щенок (или кто она там) Гамашей.

Лео сидел спокойный, великолепный, красивый и уверенный. А Грейси, коротышка, стояла рядом, наклонив голову, как это у нее водилось. Недоумевающая. Щуплая. Страшненькая. Глядя не в глаза зрителя, а на что-то позади него.

Мирна чуть не оглянулась – узнать, куда это смотрит Грейси.

Ни одна из собак не выглядела пупсиком. Ни одна – сладенькой. В них ощущалось что-то дикое.

Клара сумела передать, какими могли бы быть эти домашние животные, если бы не были отловлены, приручены и цивилизованы. Она изобразила на холсте то, что почти наверняка спрятано в их ДНК.

Мирна поймала себя на том, что тянется к холсту, и тут же отдернула руку.

Она почти услышала рычание.

– Извини, – сказала она Кларе. – Не нужно было тебя беспокоить. Я пошла в бистро, но там все говорят об убийстве, и я поняла, что не могу там находиться, но и одной оставаться не хотелось.

– И мне тоже. Бедняжка Рейн-Мари, – сказала Клара, присоединяясь к Мирне на промятом диване, среди знакомых и успокаивающих запахов масляной краски и переспелых бананов.

– Я попыталась что-нибудь выкачать из Армана, – сказала Мирна. – Но он только посмотрел на меня и ушел.

Они все знали этот взгляд. Видели его прежде. Столько раз, даже представить трудно.

Здесь не было никакой цензуры. Никаких предупреждений, о чем они не должны его спрашивать. Он удивился бы, если бы они не спросили. А они удивились бы, если бы он ответил.

В этом взгляде более всего читалась решимость.

Но на этот раз еще и гнев. И потрясение. Хотя он пытался скрыть свои эмоции.

Мирну всегда поражало, что человек, который всю свою жизнь ловил убийц и теперь встал во главе полицейской службы Квебека, способен удивляться убийствам.

И тем не менее он удивлялся. Она это видела.

Он говорил с ней о своем решении не просто вернуться в полицию, но и занять там руководящую должность.

– Надеетесь что-нибудь изменить? – спросила она и увидела улыбку на его лице. Морщинки, разбегающиеся от глаз, от уголков рта.

– Вас что-то смущает, – констатировал он.

– Я всего лишь пытаюсь понять, почему вы это делаете.

– Вы думаете, из тщеславия? Из гордыни? – спросил он.

– Я думаю, Арман, что ваше решение занять этот высокий пост принято под воздействием вашего эго.

Это произошло во время одного из их неформальных сеансов, на котором отставной психотерапевт прослушивала отставного копа, прощупывала раны, не замечаемые другими людьми. Искала инфекцию.

– Любовь к власти, – сказала Мирна. – Как это звучит для вас? Знакомо?

Она говорила с едва заметной улыбкой, чтобы смягчить собственную прямолинейность.

– Я не люблю власть, – ответил Гамаш дружелюбно, но твердо. – Однако я не боюсь, когда мне ее предлагают. У всех у нас есть свои навыки, вещи, которые мы умеем делать хорошо. Вот я, например, неплохо нахожу преступников.

– Но для вас это нечто большее, Арман. Скорее защита невинных, чем поиск виновных. Хорошо, когда в жизни есть миссия, цель. Плохо, когда это одержимость.

Он тогда наклонился к ней, и она почувствовала силу, исходящую от него. Эта сила не была подавляющей или угрожающей. Скорее она оказывала невероятное успокаивающее действие.

– Это не хобби, не развлечение. Это даже не работа. Я приму должность старшего суперинтенданта Квебекской полиции только при условии, что у меня будут развязаны руки. В полиции огромные проблемы.

Колоссальные. Я должен верить, что смогу ликвидировать их, иначе зачем браться за дело?

Гамаш посмотрел на нее задумчиво. В его карих глазах не было безумия. Никакого воспаленного эго. Но там была сила. И уверенность.

На следующий день он дал согласие занять пост. И вот несколько месяцев спустя он снова расследует преступление. Убийство. На пороге собственного дома.

Мирна сидела бок о бок с Кларой на диване, словно в ожидании автобуса, и думала.

Да, для гнева Армана существовали причины. Мирна тоже злилась. Но, кроме того, она боялась и спрашивала себя, не боится ли и Арман.

Мирна опустила взгляд на пол, где Лео свернулся клубком на облезлом коврике со своей новой жевательной игрушкой. Трудно было найти более восхитительный образ.

Потом она посмотрела на Лео, изображенного Кларой. На Грейси. Дикость была у них в крови. Возможно. И Мирна поняла, что это не просто портрет двух щенков.

– Bonjour?

В мастерскую донесся незнакомый голос. Две женщины не без труда поднялись с низкого дивана и пошли в кухню, где увидели молодого человека в форме Квебекской полиции.

– У вас нет звонка, – сказал он, словно оправдываясь. – Я постучался.

– Ничего страшного, все заходят сюда просто так, – сказала Клара. – Вы здесь в связи с Кэти. Чем я могу помочь?

– Господи Исусе, неужели Гамаш начал принимать на работу эмбрионов?

Молодой человек повернулся и увидел в дверях высокую худую старуху. С уткой в руках.

– Старший инспектор Лакост приказала мне найти Рут Зардо, – сказал он, взглянув на влажный клочок бумаги, зажатый в руке. – Ни дома, ни в бистро я ее не нашел. Кто-то сообщил, что она может быть здесь. Мне сказали искать старую сумасшедшую.

Он оглядел всех трех. Из той дали, что разделяла его двадцать пять лет и их возраст, они все казались старухами. И малость чокнутыми. Но чего еще тут можно ждать, подумал он. Бедняги. Такая захолустная деревенька. Нужно пересчитать их пальцы и посмотреть, не лежат ли тут где-нибудь банджо.

«Фак, фак, фак», – проговорила утка, пока три женщины стояли рядом и смотрели так, будто чокнутым был он.

* * *

Жан Ги зашел в магазин Мирны и оставил записку с вопросом, нет ли у нее «Повелителя мух».

После чего вернулся к краткому содержанию книги в Интернете.

Он прочитал о школьниках, попавших на необитаемый остров. Прочитал о счастливых, здоровых, порядочных ребятах, живущих вдали от взрослых, с их правилами и властью, прочитал о том, как они медленно превращаются в дикарей.

И подумал о своем сыне Оноре, о том, как бы он стал себя вести в подобной ситуации.

Но в первую очередь Жан Ги вспоминал слова Матео Биссонетта. О том, что их первый год в Монреальском университете был похож на «Повелителя мух».

С жестоким охотником Джеком. Рациональным, дисциплинированным Ральфом. С «малышней», самыми маленькими, которых мучил страх перед несуществующим зверем.

И с Хрюшей, единственная ценность которого для группы состояла в его очках, с помощью которых добывался огонь.

Бовуар поправил очки на носу и продолжил читать. Все больше напрягаясь и внутренне сжимаясь по мере чтения.

Он читал о том, как у ребят росла уверенность в существовании некоего зверя на острове. Зверя, которого они должны найти и убить.

Жан Ги снял очки и потер глаза.

Матео Биссонетт сравнил университет с «Повелителем мух», но представил это как забавные, хоть и необузданные игры ребятишек.

Неужели эта компания из четырех человек (из пяти, считая несчастного Эдуарда) превратилась в дикарей? А потом, как на необитаемом острове, они напустились друг на друга?

А что такое Три Сосны? Тоже своего рода остров.

И вот одна из их компании убита. И виноват кто-то из них.

А Совести нигде поблизости не видать.

Бовуар глубоко вздохнул и посмеялся над своим буйным воображением.

Но он решил отложить чтение «Повелителя мух» на потом, а пока поискать кое-что другое. Он набрал слова, которые увидел сегодня утром на салфетке, оброненной Гамашем.

«Сжечь наши корабли».

* * *

– Позволишь присоединиться? – спросил Арман, показывая на опущенную крышку унитаза, словно это был шезлонг.

– Прошу, – сказала Рейн-Мари и взяла у него бокал красного вина, который он принес ей в ванную, где она лежала в душистой пене, так что, когда она подняла руку, с нее свисали сталактиты пузырьков. – А себе ничего не взял?

– К сожалению, я еще работаю, – сказал он и закинул ногу на ногу, устраиваясь поудобнее.

– Стало понятнее, что случилось?

– Изабель допрашивает свидетелей. Она будет обедать с нами. Я попросил ее и Жана Ги остаться на ночь.

– Нужно все подготовить, – всполошилась Рейн-Мари.

Она поставила бокал и уже хотела выбраться из ванны, но Арман остановил ее:

– Оливье принесет что-нибудь на обед. И я проверил: кровати уже готовы, полотенца лежат.

– Гостиница «Гамаш» готова к ведению бизнеса? – пошутила Рейн-Мари, опускаясь поглубже в воду. Поглубже в пену.

Запах роз, поднимавшийся от пенящейся воды, смешивался с паром, и у Армана возникло странное впечатление, будто туман снаружи проник в их дом. И так же, как когда он шел через туман, его охватило ощущение абсолютного удовлетворения.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Это помогает, – ответила Рейн-Мари.

Она, конечно, имела в виду скорее его компанию, чем пузырьки. Или даже вино.

– Хочешь поговорить об этом?

– Это было ужасно, Арман. Кровь повсюду.

Она старалась не заплакать, но слезы потекли по ее щекам, и он встал на колени рядом с ванной и держал жену за руки, пока она снова рассказывала о том, что увидела.

Ей нужно было выговориться. А ему – выслушать ее. Для утешения.

– Кто ее убил, Арман? Кобрадор?

Рейн-Мари знала, что у него нет ответа, но надеялась, что в интимной обстановке их ванной комнаты у него может появиться свежая мысль, которой он поделится с ней.

– Да, я думаю, он в эпицентре событий.

Она взглянула ему в глаза:

– Ты ничего не мог сделать.

– Именно это я и сделал. Ничего. Впрочем, я здесь не для того, чтобы говорить о себе. Поговорим о тебе.

Он погладил ее кожу большим пальцем.

– Кое-что ты все же сделал, – сказала она, игнорируя его слова. – Ты его предупредил. Ты не можешь арестовать человека за то, что он стоит на деревенском лугу. Слава богу.

– Слава богу, – пробормотал Арман.

Он знал, что Рейн-Мари права. Но не мог не чувствовать уколов своей больной совести. Обвинял себя в том, что следовал букве закона, а не его духу. И прошел мимо здравого смысла.

Кэти Эванс убита. Кобрадор пропал. А Рейн-Мари отмокает в ванной, и хотя кровь давно смыта, но пятно осталось.

– Закон иногда глуп, – сказал он, сжимая ее теплую руку.

– Ты так не думаешь.

– Думаю. Есть законы, которые никогда не следует претворять в жизнь.

– Но ты не вправе решать, – возразила она, садясь в ванне и глядя ему в глаза. – Ты глава полиции. Ты должен следовать законам, даже если это неудобно. – Она не сводила с него взгляда и говорила не спеша, четко. – Ты не можешь прогнать кого-либо из общественного места перед твоим домом только потому, что этот человек тебе не нравится, Арман.

Из ее уст это прозвучало так ясно, так рассудительно.

– Я только не могу понять, как убийца узнал о кладовке, – сказала Рейн-Мари. – Туда почти никто не заходит.

– А почему зашла ты?

– У меня было несколько цветков физалиса. С длинными стеблями. Я хотела поискать там подходящую вазу, пусть и со сколами. – Она задумалась на мгновение. – Ты думаешь, кобрадор по ночам уходил туда?

– Это вполне возможно. Очень вероятно. Криминалисты скажут нам больше, но в этом есть смысл. Там удобно прятаться. Там есть туалет, кухня. В маленькой кладовке нет окон.

– Вы нашли орудие убийства?

Он посмотрел на нее озадаченно:

– Что ты имеешь в виду?

Теперь настала ее очередь смотреть с недоумением:

– Ты знаешь, чем убили Кэти?

– Битой, конечно.

– Конечно?

Гамаш молча смотрел на нее, потом его глаза расширились.

– Опиши еще раз, что ты увидела, когда нашла тело.

Рейн-Мари еще больше выпрямилась в ванне, уловив, как изменилась интонация его голоса. Стала вспоминать:

– Когда я включила свет, мне бросилось в глаза что-то темное, словно тень в углу. Мне показалось, это груда темной одежды. А потом я увидела кровь.

Он сжал ее руку, фиксируя ее слова.

– Что еще ты увидела в кладовке? – Ему не нравилось делать это, но приходилось.

Рейн-Мари нахмурилась:

– Банки с консервами. Несколько ваз, в основном со сколами и щербинами. Несколько сломанных подсвечников. Такие вещи даже на блошином рынке не продашь.

– Что-нибудь еще? На земле?

Сильнее давить на нее он не мог. Она должна была сказать сама. Или не сказать.

Рейн-Мари снова обвела кладовку мысленным взором:

– Non. А что я должна была увидеть? Я что-то упустила?

– Non, но мы почти упустили. Ты не возражаешь? – Он поднялся.

– Конечно-конечно, иди.

Арман наклонился и поцеловал ее.

– Это не твоя вина, – прошептала она.

Уходя, он думал о том, сколько раз слышал эти слова от других.

«Это не моя вина». Хотя почти всегда тот, кто говорил это, был виноват.

Глава двадцатая

– Что ты ищешь? – поинтересовался Гамаш, остановившись в дверях своего кабинета.

– «Властелина Колец», – ответил Бовуар.

Он закрыл книгу.

– Не «Повелителя мух»? – спросил Гамаш.

– Верно, верно, «Повелителя мух». Я дошел до того места, когда Фродо и Ральф находят волшебное кольцо в голове свиньи. Но я не очень понимаю, почему на острове оказался римский папа.

– «Википедия», – пробормотал Гамаш, направляясь к входной двери. – Мне нужно еще раз взглянуть на церковную кладовку.

– Зачем? – спросил Бовуар, следуя за тестем.

– Рейн-Мари только что сообщила мне одну деталь.

– Какую?

Гамаш передал ему свой разговор с Рейн-Мари.

– Вы шутите, – сказал Жан Ги, хотя Гамаш, конечно, не шутил. – Я иду с вами.

– Сестра мадам Эванс и ее родители не знают о случившемся, и было бы полезно осмотреть дом Эвансов в Монреале.

Бовуар помолчал, потом коротко кивнул:

– Я поеду. Вам нужно оставаться здесь, с мадам Гамаш.

– Merci, Жан Ги. Для обыска дома нам, вероятно, понадобится судебный ордер. Я подозреваю, что мистер Эванс все еще спит.

– Вы имеете в виду, отключился? – уточнил Бовуар, когда они надевали куртки. – Он явно принял больше одной таблетки. Его просто снесло. Вырубило.

– По мнению доктора Харрис, он принял не меньше двух. И возможно, не лоразепам.

– Опиоид?

– Не знаю.

– Леа Ру намеренно дала ему слишком большую дозу? Или по ошибке? – подумал вслух Бовуар.

Это был интересный вопрос.

Они пошли по тропинке, подняв воротники, чтобы защититься от ледяного дождя.

– Оставьте мне что-нибудь на обед, – попросил Жан Ги.

По пути в Монреаль Жан Ги размышлял, почему он соврал Гамашу о том, что искал в Интернете.

Да, он читал о «Повелителе мух». Но читал немного раньше. Поиск, который он скрыл от Гамаша, касался слов, написанных его шефом на салфетке, выпавшей из его кармана.

«Сжечь наши корабли».

Теперь Бовуар знал, откуда эти слова. Но не знал, чем они так поразили старшего суперинтенданта, что он решил их записать. И сохранить.

Вероятно, запись была сделана после ланча. А кто был с шефом на ланче?

Туссен. Мадлен Туссен. Новый глава отдела по расследованию особо тяжких преступлений.

«Сжечь наши корабли».

* * *

Арман Гамаш шел сквозь вечернюю темноту. Туман, все еще висевший над деревней, приглушал свет в окнах домов. Создавалось впечатление, будто Три Сосны немного не в фокусе. Не вполне принадлежат этому миру.

Он слышал постукивание капель, стекавших с листьев на расположенные ниже ветки. По звуку это напоминало дождь, но только по звуку. Это был фальшивый дождь. Не вполне настоящий. Как и очень многое в этой деревне. Как и очень многое в этом убийстве. Кто-то одной ногой стоит здесь, а другой – в каком-то ином мире. Подобно бродячей Совести, убитой здесь.

В воздухе стоял запах земли, холод и сырость проникали под парусиновую куртку.

В церкви горел свет, и Гамаш видел подсвеченное витражное окно и деревенских юношей-пехотинцев, изображенных на нем. Они вечно двигались в сторону давно выигранного сражения. Или проигранного. Двигались вперед с решимостью, которая делала возвращение невозможным.

Так же двигался вперед Гамаш.

Войдя в церковь, он спустился в цокольное помещение.

В одном конце комнаты был установлен стол для совещаний, посредине стояли рабочие столы. Технические специалисты тащили провода телефонных линий, устанавливали компьютеры и прочее

оборудование.

Старший инспектор Лакост и один из агентов вели допрос за столом для совещаний. Гамаш поймал взгляд Лакост, и она едва заметно кивнула.

– Кто там? – спросила Рут и всем телом повернулась на стуле.

Старая поэтесса упускала очевидное, но улавливала неощутимое.

– А, это всего лишь ты.

Агент, который вел запись, встал, технари тоже бросили свои занятия и уставились на нового старшего суперинтенданта.

– Patron, – сказали несколько агентов постарше, кивая начальству.

Те, что помоложе, включая агента, который привел Рут в оперативный штаб, просто смотрели во все глаза.

Ветераны полиции знали Гамаша с тех дней, когда он возглавлял отдел по расследованию убийств. С того времени, когда выметал из полиции порчу, заплатив за это огромную цену.

А теперь он вернулся, чтобы возглавить Квебекскую полицию.

Когда он взялся за эту работу, все облегченно вздохнули.

Его видели в коридорах управления полиции, часто в окружении людей, засыпавших его вопросами в перерывах между совещаниями.

Это создавало атмосферу единодушия, целеустремленности, которая отсутствовала здесь на протяжении многих лет.

Но иногда старшего суперинтенданта Гамаша видели в холле, в кабине лифта, в кафетерии, где он сидел в одиночестве. Погруженный в изучение какой-нибудь папки. Похожий на профессора колледжа, который читает какой-то малоизвестный и очень увлекательный текст.

На мужчин и женщин, живущих в мире жестокости, носивших оружие с большей гордостью, чем полицейские значки, вид суперинтенданта действовал удивительно успокаивающе.

Они смотрели на человека не с пистолетом, а с книгой, на человека, которому не требовалось доказывать свою отвагу. Или впадать в ярость.

Отсутствие бахвальства стало считаться хорошим тоном. Хамское отношение к людям, прежде считавшееся нормой, уходило в прошлое.

Они снова могли быть людьми.

Шеф не прятался, не проводил политику «разделяй и властвуй». Старший суперинтендант Гамаш всегда был на виду, хотя никто из подчиненных не предполагал увидеть его в цокольном помещении церкви в безвестной деревушке.

Навигатор предупреждал, что они находятся в буквальном смысле неизвестно где, и женский голос по-матерински заботливым тоном советовал им заново проложить маршрут.

Гамаш кивнул агентам и легким взмахом руки призвал их продолжать работу. Он уже усвоил, что в случае появления босса нарушения рабочего процесса неизбежны.

– S’il vous plait. – Изабель Лакост показала ему на пустой стул. В ее голосе слышалась нотка отчаяния. – Присоединяйтесь. Вы очень вовремя.

– Привет, Клузо, – сказала Рут довольно громко, и ее слова разлетелись по всему помещению. – Я ей толкую, что не убивала эту женщину. – Она наклонилась к полицейским и, понизив голос, проговорила одной стороной рта, как гангстер: – Но за утку поручиться не могу.

Она откинулась на спинку стула и смерила их многозначительным взглядом. Роза переводила свои глаза-бусинки с одного лица на другое.

Все знали, что если Рут опустится до преступления, то Роза возьмет вину на себя. Вот только опускаться Рут было уже почти некуда.

– Насколько я понимаю, сегодня утром вы были в церкви, – сказала Лакост.

Рут кивнула.

– Вы спускались сюда?

– Нет.

– Не заметили в церкви чего-нибудь необычного? – спросила Лакост.

Рут задумалась, потом медленно покачала головой:

– Нет, не заметила. Церковь, как всегда, была не заперта. Я включила свет и села на скамью возле мальчиков.

Всем было известно, о каких ярких, хрупких мальчиках она говорит.

– Никаких странных звуков? – спросила Лакост и приготовилась к едкому, саркастическому ответу.

«Типа убийства, происходящего внизу?»

Но ничего такого не последовало. Старуха подумала еще немного и снова покачала головой:

– Все было тихо, как всегда.

Она поставила локти на стол, уперлась подбородком в ладони и посмотрела в глаза Лакост:

– Она уже лежала здесь, да? Мертвая?

Лакост кивнула:

– Мы так считаем. Вам известно про кладовку?

– Конечно. Я была церковным старостой. Кладовкой пользовались контрабандисты, которые возили ром. Ну, вы знаете, во время «сухого закона». Переправляли выпивку через границу.

Гамашу эта страница из истории церкви была незнакома, но теперь он понимал, почему Рут относилась к церкви с таким священным трепетом.

Старая поэтесса кинула взгляд в сторону маленького помещения с земляным полом, с полицейской лентой в дверном проеме.

– Страшное дело – забрать чью-то жизнь. И почему-то еще страшнее сделать это в церкви. Не пойму почему.

Ее глаза на морщинистом лице смотрели с искренним недоумением.

– Потому что здесь мы чувствуем себя в безопасности, – ответила Лакост. – В храме нас защищает Бог, а может, наша добропорядочность.

– Наверное, ты права, – сказала Рут. – Возможно, Он так и сделал.

– Он не защитил Кэти Эванс, – возразила Лакост.

– Да. Но возможно, Он защитил нас от нее.

– О чем вы говорите? – спросила Лакост.

– Слушай, я ее не знаю, но этот, который Совесть, не случайно сюда пришел.

– Вы имеете в виду кобрадора? Вы думаете, его целью была мадам Эванс?

– Думаю. И ты тоже так думаешь.

Она посмотрела на Гамаша. Старший суперинтендант выдержал этот пронзительный взгляд не кивая. Даже не сделав намека на кивок.

– По-вашему, человек в костюме убил ее за какие-то дела? – спросила Лакост.

– Смешно думать иначе. Он исчез, а она мертва. И это может означать, что она совершила нечто ужасное, за что ей пришлось расплатиться своей жизнью. А он пришел сюда, чтобы взыскать должок. Но действительно ли она совершила что-то столь ужасное, или просто этот парень был чокнутым – это уже другой вопрос. Я склонна думать, что человек, который надевает такой костюм, не вполне в своем уме.

Огромным усилием воли Лакост сдержалась и не стала указывать, что Рут не самый объективный судья, когда речь заходит о «не в своем уме».

– Если мадам Эванс должна была стать жертвой, то почему просто не убить ее? – спросила Лакост. – К чему этот маскарад?

– Ты что, никогда не видела фильмы ужасов? – удивилась Рут. – «Хеллоуин», например?

– А вы видели?

– Нет не видела, – призналась Рут. – После смерти Винсента Прайса[30] смотреть их стало неинтересно. Но мне понятно, что они собой представляют.

– Я много лет занимаюсь расследованием убийств, – сказала Изабель Лакост. – Но я не знаю ни одного случая в реальной жизни, когда убийца надел бы маскарадный костюм, привлек к себе внимание, а потом

совершил убийство. А вы?

Она посмотрела на Гамаша, и тот отрицательно покачал головой.

– Может, поначалу он не собирался ее убивать, – сказала Рут. – В чем смысл подобного наряда? Каково его назначение?

– Опозорить, – ответила Лакост.

Рут помотала головой:

– Нет, ты говоришь о современном кобрадоре. О сборщике долгов. Он позорит. А старый? Настоящий кобрадор? Он что делал?

Лакост стала вспоминать, что ей рассказывали о темных людях из темных времен. О людях, которые преследовали своих мучителей.

– Он наводил ужас, – ответила она.

Рут кивнула.

Террор. Нагнетание страха.

Полицейские, а также поэтесса и даже, вероятно, утка знали, что террор – это не действие, это угроза. Запугивание.

Запертая дверь. Шум в ночи. Неясная фигура, промелькнувшая за окном.

Реальные акты террора порождали ужас, боль, скорбь, ярость, жажду мести. Но сам по себе страх происходил из ожидания того, что случится дальше.

Смотреть, ждать, размышлять. Предчувствовать. Воображать. И всегда худшее.

Угрозы приносят террористам больше пользы, чем реальные деяния. В качестве оружия они выбирают страх. Иногда они – одинокие волки, иногда – организованные группы. Иногда людей запугивали власти.

И Совесть была такой же. Ее усилия вкупе с воображением жертвы рождали страх. И если преследователям сопутствовал успех, то они поднимались на одну ступеньку к террору.

– Убить ее было недостаточно, – тихо произнесла Рут. – Он хотел сначала помучить ее. Дать ей понять, что он все знает. Что он пришел за ней.

– И она никому не могла сказать. Не могла попросить о помощи, – подхватила Лакост. – Если то, что вы говорите, верно, то она хранила свою тайну долгие годы.

– Тайну, которая вернулась, чтобы терзать ее, – проговорила Рут.

Гамаш слушал их и с легким удивлением понимал, что Лакост относится к Рут, как относилась бы к коллеге. Словно слабоумная старая поэтесса заменяла ей Бовуара.

Но вообще-то, Жан Ги и Рут во многом были похожи, хотя Гамаш

никогда, ни при каких обстоятельствах не сказал бы зятю, что тот напоминает ему старую пьяницу.

Несмотря на явный антагонизм, между Жаном Ги и Рут существовало взаимопонимание. Привязанность. Может быть, даже любовь. Определенно какое-то странное и старое сродство, которого ни тот ни другая не могли ни признать, ни отрицать.

Гамаш подумал, не было ли между ними той самой связи, проходящей через века, через поколения. Связи матери и сына. Отца и дочери.

Связи птиц, летящих клином.

Изабель Лакост встала (Гамаш тоже поднялся) и поблагодарила Рут, явно расстроенную тем, что ее выставляют отсюда. Прижимая Розу к своему свалявшемуся свитеру, старая поэтесса прошла по цокольному помещению между полицейскими, молодыми и бывалыми, расступавшимися перед ней.

Лакост и Гамаш снова сели. Молодого агента отправили за следующим свидетелем по списку, а они стали обсуждать услышанное.

– Если кобрадор пришел сюда за мадам Эванс, то почему она просто не уехала? – спросила Лакост.

– Наверное, думала, что отъезд привлечет к ней ненужное внимание, – ответил Гамаш. – Или понимала, что если Совесть нашла ее здесь, то найдет и в другом месте.

– Но как он нашел ее здесь?

– Вероятно, следил за нею.

– Скорее всего. – Лакост задумалась. – А как он заманил ее в церковь?

– Может, он никуда ее не заманивал, – возразил Гамаш. – Может, просто шел за нею следом.

– Продолжайте.

– Предположим, она искала в церкви успокоения, – сказал Гамаш. – Думала, что там будет в безопасности.

– Есть еще одна возможность. Еще одна причина, по которой Кэти Эванс могла приехать сюда.

– Oui?

Он ждал, пока Лакост, прищурившись, пыталась представить, зачем вчера вечером сюда пришла женщина, чьи нервы были напряжены до предела.

– Предположим, она договорилась встретиться с ним здесь, – сказала Лакост, представляя мысленным взором эту картину.

Испуганная женщина, уставшая и издерганная. Понимающая, что кому-то ее тайна стала известна.

– Она пригласила его сюда. В тихое место, где их никто не потревожит. Как там сказал месье Эванс? Теперь больше никто не ходит в церковь. Может быть, она хотела поговорить с ним. Убедить его оставить ее в покое, уехать.

– А на тот случай, если ей не удастся его убедить, – подхватил Гамаш, развивая ее мысль, – она заготовила план «Б».

Биту.

Лакост откинулась на спинку стула и постучала авторучкой по губам. Потом наклонилась над столом:

– Итак, по этому сценарию Кэти Эванс договаривается с ним о встрече вчера вечером здесь, в подвале церкви. Кэти рассчитывает дать кобрадору то, что ему надо. Полностью оправдаться. Затем он должен уехать. Но на случай, если ее план не сработает, она приносит биту. Он отбирает у нее биту и убивает ее. После этого скрывается.

– Зачем он надел на нее свой костюм? – спросил Гамаш.

Опять все вернулось к этому.

Костюм. Почему он сам надел его и на кой черт убийце понадобилось облачать в него жертву?

– Да, кстати, – сказал Гамаш. – Я ведь пришел сюда не для того, чтобы слушать твои допросы. Мадам Гамаш только что сообщила мне кое-что, и ты должна это знать.

– Что?

– Она говорит, что, когда нашла тело, никакой биты в кладовке не было.

Старший инспектор Лакост учла эту информацию и подозвала фотографа:

– Покажи нам фотографии и видео с места преступления.

– Oui, patron, – ответил агент и отправился за своим ноутбуком.

– Может, она не заметила? – спросила Лакост.

– Это возможно, – признал Гамаш.

– Но маловероятно?

– Если она опустилась на колени, чтобы убедиться, что Кэти мертва, я полагаю, она не могла не заметить окровавленную биту. Тебе так не кажется? Комнатушка-то небольшая.

– Вот, – сказал фотограф, возвращаясь с ноутбуком.

Фотографии были четкими.

Рейн-Мари Гамаш должна была заметить биту у стены. Бита напоминала окровавленный восклицательный знак.

И все же…

И все же мадам Гамаш не помнила никакой биты в кладовке.

– А это значит, – сделала вывод Лакост, – что биты, возможно, не было, когда она нашла тело.

Слово «возможно» не ускользнуло от внимания Гамаша, но он понимал ее неуверенность.

– Когда полтора часа спустя я пришел сюда с Жаном Ги, бита стояла у стены.

– Мадам Гамаш заперла церковь, – сказала Лакост. – Из здания только один выход. Через переднюю дверь. Вероятно, у кого-то есть ключ.

– Ключи от этой двери наверняка есть у многих, – сказал Гамаш. – Но никто не заходил в церковь и не выходил из нее. Мирна стояла на крыльце, чтобы до приезда местной полиции никто не вошел.

– Однако небольшое временно́е окошко все же было, – заметила Лакост. – Минут десять, да? Между тем моментом, когда мадам Гамаш ушла отсюда позвонить вам, и тем, когда на крыльце встала Мирна.

– Верно. Но это было при ярком дневном свете. Кому-то пришлось пройти по деревне с окровавленным орудием убийства, чтобы положить его на место. Для этого требуется…

– Большая смелость?

– И здоровенная бита, – сказал Гамаш.

Глава двадцать первая

Старший суперинтендант Гамаш провел на свидетельском месте целый день, и это было во всех смыслах нешуточное испытание.

Нужно быть сверхчеловеком, чтобы не потеть в удушающую июльскую жару в зале судебных заседаний Дворца правосудия. Гамаш обильно потел и запрещал себе доставать платок, чтобы отереть лицо. Увидев этот жест, присутствующие могли решить, что он нервничает. А этого нельзя было допустить, ведь приближался поворотный момент в его показаниях.

Он не мог позволить себе ни малейшего намека на слабость или уязвимость.

Но когда ручейки пота стали заливать ему глаза, у него не осталось выбора. Ты либо отираешь пот, либо зрители подумают, что у тебя текут слезы.

Гамаш слышал неподалеку жужжание небольшого вентилятора, но вентилятор стоял под столом судьи Корриво и был направлен прямо на нее. Она нуждалась в этом больше, чем Гамаш. Сейчас она должна была умирать от жары, разве что под судейской мантией на ней ничего не было надето.

И все же звук работающего вентилятора вызывал зависть, обещание ветерка, до которого не добраться.

Где-то рядом кружила одинокая муха, вялая в этом плотном воздухе.

Зрители обмахивались любыми клочками бумаги, какие только смогли найти. Хотя они жаждали ледяного пива в каком-нибудь заведении с кондиционером, покидать зал суда никто не собирался. Их приклеили к месту свидетельские показания и потная задница.

Никуда не ушли и измученные, но по-прежнему внимательные репортеры, со лба которых капал пот на планшеты, пока они делали заметки.

Шли минуты, температура росла, муха описывала круги, а допрос продолжался.

Охранникам разрешили сидеть у входа, а присяжным – снять все лишнее, оставив на себе ровно столько одежды, чтобы сохранять более или менее приличный вид.

Адвокаты защиты сидели неподвижно в своих длинных черных мантиях.

Главный прокурор Барри Залмановиц вытащил из-под мантии пиджак, но Гамаш полагал, что под мантией все равно сохраняется температура сауны.

Пиджак и галстук Гамаша оставались на своих местах.

Между старшим суперинтендантом и главным прокурором шло своеобразное соревнование: кто завянет первым. Зрители и присяжные зачарованно наблюдали, как эти двое мужчин готовы расплавиться в горниле, которое сами же и раскалили, но отказываются сдаваться.

Однако это было нечто большее, чем соревнование.

Гамаш вытер глаза и лоб и сделал глоток холодной воды, которую ему предложила немного раньше судья Корриво. Впрочем, вода уже успела стать теплой.

А допрос все продолжался.

Стоя перед Гамашем и слегка покачиваясь на ногах, прокурор отмахнулся от мухи и собрался с мыслями.

– Орудием убийства была бита, верно?

– Oui.

– Вот эта?

Прокурор взял биту со стола вещдоков и передал Гамашу, который несколько мгновений ее разглядывал.

– Oui.

– Я представляю этот предмет в качестве вещественного доказательства. – Залмановиц показал биту судье, затем адвокату защиты, а после вернул ее на стол.

Сидевший на галерее позади прокурора Жан Ги Бовуар напрягся. Он и так все время пребывал в напряжении, но теперь совсем окаменел, весь превратился в слух. Слушал и потел в зале судебных заседаний.

– Эта бита была найдена в кладовке, прислоненная к стене неподалеку от тела? – спросил прокурор.

– Да.

– Странная небрежность, вам не кажется?

Бовуар подумал, что его дыхание слышит весь зал. В его собственных ушах оно звучало, как кузнечные мехи. Быстрое, хриплое. Невольно раздувавшее угли его паники.

Но шум дыхания почти заглушался биением его сердца. Грохотом в его грудной клетке. В ушах.

Они приближались к моменту, которого Бовуар боялся. Он скосил глаза в одну сторону, в другую и подумал уже не в первый раз: как странно, что самые страшные события могут казаться вполне нормальными. Для

всех остальных людей.

Этот момент мог изменить все. Ход событий и жизни всех в этом зале и за его стенами.

Для кого-то – к лучшему. Для кого-то – к худшему.

А они даже не подозревали.

«Глубокий вдох, – скомандовал он себе. – Глубокий выдох».

Нужно было научиться медитации, сейчас ему очень пригодилась бы какая-нибудь мантра. Слова, которые повторяешь снова и снова. Пока не убаюкаешь себя.

«Дерьмо. Дерьмо. Чертово дерьмо», – мысленно повторял Бовуар. Не помогало.

У него начала кружиться голова.

– Убийца не попытался спрятать орудие убийства? – спросил прокурор.

– Очевидно, что нет.

– То есть оно стояло там на виду у всех?

Жан Ги Бовуар встал. У него скрутило живот, к горлу подступила тошнота. Он ухватился за деревянное ограждение, чтобы не потерять равновесия.

Сопровождаемый раздраженным шиканьем и взглядами, он быстро прошел вдоль ряда, наступая на ноги сидевшим.

– Pardon. Pardon. Désolé, – шептал он, оставляя позади себя гримасы и охи.

Оказавшись в проходе, он двинулся к большой двойной двери зала заседаний. Она была закрыта и, казалось, отступала все дальше, пока он спешил к ней.

– Старший суперинтендант, я задал вам вопрос.

Тишина за спиной Бовуара.

Ему хотелось остановиться. Повернуться. Встать на виду у всех посреди прохода. В середине котла, в который превратился зал. Чтобы старший суперинтендант, чтобы Арман Гамаш мог его видеть. И знать, что он не один. Знать, что его поддерживают.

Как бы он ни решил поступить. Но он решил ответить.

Они все понимали, что этот вопрос будет задан. Никто из остальных членов внутреннего круга Квебекской полиции не отважился спросить, как поведет себя старший суперинтендант, когда прозвучит этот вопрос.

Они предпочитали не знать того, что старший суперинтендант Гамаш предпочитал им не говорить. И конечно, он не искал у них совета. Так что, когда будет проводиться неизбежное судебное следствие, решение должен

будет принимать он, и только он.

Но Жан Ги спросил его об этом.

Спросил солнечным летним днем перед самым началом процесса, когда они вдвоем работали в саду за домом Гамашей в Трех Соснах.

Розы были в полном цвету, и в воздухе витал их аромат, смешанный с запахом лаванды, хотя Жан Ги и не смог бы его назвать. Но пахло приятно. Знакомо и при этом ненавязчиво. Запах вызывал в памяти беспечные деньки из детства. Недели, проведенные в доме бабушки и дедушки за городом. Вдали от назойливых родителей, и надоедливых братьев, и переменчивых сестер, и учителей, и контрольных, и домашних заданий.

Если у безопасности есть запах, то вот он.

Жан Ги стоял на коленях в траве, стараясь протолкнуть конец толстой веревки через отверстие в деревяшке. Они с тестем делали качели и собирались повесить их на ветвях дуба в дальнем конце сада.

Оноре был с ними, сидел на траве рядом с отцом. Время от времени дед подхватывал его на руки и баюкал, что-то нашептывая ему.

– Послушайте, – сказал Жан Ги, – вы вовсе не должны помогать.

– А я помогаю, – заявил Арман. – Помогаю? – спросил он у Оноре, которому было абсолютно все равно.

Гамаш принялся расхаживать взад-вперед, что-то шепча внуку.

– Что вы ему рассказываете? – спросил Жан Ги. – Господи, только не говорите, что стихи Рут.

– Non. А. А. Милна.

– О Винни Пухе?

Рейн-Мари, grand-maman,[31] каждый вечер читала Оноре перед сном рассказы о Кристофере Робине, Пухе, Пятачке и Стоакровом лесе.

– Вроде того. Это стихотворение Милна, – пояснил Арман. Он снова зашептал, обращаясь к ребенку: – «Когда мы были очень молоды».

Жан Ги прервал свои труды по проталкиванию слишком толстой веревки в слишком маленькое отверстие на одной стороне сиденья и посмотрел на тестя:

– Что вы собираетесь сказать, сидя на свидетельском месте?

– О чем?

– Вы знаете о чем.

Это дух лаванды заставил его спросить. Чрезмерное спокойствие. Удовлетворенность. Это они сделали его то ли смелым, то ли безрассудным.

Бовуар поднялся, отер рукавом лоб и взял со стола бутылку лимонада. Не дождавшись ответа, он бросил взгляд в сторону дома. На веранде

позади дома сидели его жена Анни и ее мать Рейн-Мари, пили лимонад, разговаривали.

Бовуар понизил голос, хотя знал, что они его не услышат:

– О кладовке. О бите. О том, что мы обнаружили.

Арман немного помолчал, потом передал Оноре на руки отцу.

– Я скажу им правду, – ответил он.

– Но это невозможно. Это погубит все. Не только шанс приговорить убийцу Кэти Эванс, но и всю операцию последних восьми месяцев. Мы всё поставили на это. Всё!

Он заметил, что Анни посмотрела в его сторону, и понял, что говорит громче, чем следует.

Снова понизив голос, он прохрипел:

– Если вы скажете правду, они поймут, что мы все знаем, и это будет конец. А мы уже близки к финишу. Все зависит от этого. Если вы скажете правду, вся наша работа пойдет коту под хвост.

Жан Ги понимал, что ему не нужно говорить это Гамашу, который, как ни крути, был автором плана.

Крохотная ручка Оноре ухватила его за футболку и сжалась в кулачок. Он ощутил запах детской присыпки. Почувствовал мягкость нежной кожи сына. Это опьяняло даже больше, чем лаванда.

И Жан Ги понял, почему Арман передал ребенка отцу. Чтобы младенца, его внука, не запятнала ложь, которую он вынужден был произнести.

– Все будет в порядке, Жан Ги, – сказал Арман, твердо глядя в глаза зятю, потом он перевел взгляд на Оноре, и выражение его лица смягчилось. Он наклонился к ребенку. – «Не могу найти ответа – помогите мне в беде! ГДЕ ЖЕ Я? Наверно, ГДЕ-ТО? Или ГДЕ-НИБУДЬ НИГДЕ?»[32]

– «Вот час настал, – раздался голос из-за ограды, а следом появилась голова. Седая голова с морщинистым лицом, хотя глаза на нем горели ярко. – И тьма накрыла свет».[33]

– Шутите, – сказал Бовуар и объяснил сыну: – Это Слонопотам.

– Больше похоже на Иа-Иа, тебе не кажется? – спросил Гамаш. – С некоторыми признаками Винни Пуха.

– Ну, это смотря на чей вкус, – ответил Жан Ги и увидел, как губы Рут слегка дрогнули в улыбке.

Было ясно, что она слышала их разговор. И теперь уставилась на них, как какая-нибудь старая колдунья из Стоакрового леса, собиравшая тайны, как горшочки с медом.

Их напускная веселость могла обмануть разве что Оноре. На самом деле такой поворот событий был из разряда «хуже не придумаешь». Рут принадлежала к тем немногим, кто способен из отдельных кусочков сложить цельную картину. Кто способен догадаться, что они нашли в цокольном помещении церкви. В конце концов, именно ее слова, сказанные во время первого допроса после убийства, направили их по нужному пути.

К счастью, даже если бы она догадалась, то все равно не могла бы понять, почему для них так важно сохранить все в тайне.

Она переводила взгляд с одного на другого, и наконец ее глаза остановились на ребенке, которого она называла Рей-Рей.

К напускному раздражению Жана Ги, а на самом деле к его облегчению, прозвище прилипло к ребенку, и большинство жителей Трех Сосен теперь называли его Рей-Рей. Имя Оноре было слишком официальным. Неподходящим для малыша.

Рей-Рей было самое то. Лучше и не придумаешь. Он и правда был лучом[34] яркого солнечного света в жизни каждого из них. Тот факт, что прозвище придумала мрачная, полоумная старая поэтесса, только добавлял ему совершенства.

– О чем вы тут говорили? – спросила она. – Что-то о Кэти Эванс. Процесс вот-вот начнется, не так ли?

– Да, – ответил Гамаш легким, дружелюбным тоном. – Жан Ги размышлял над некоторыми стратегическими вопросами.

– Ага, – сказала Рут. – Мне показалось, я слышала смех. И что тут обсуждать? Ты говоришь правду, да?

Она наклонила голову набок, и улыбка замерла на губах Гамаша.

– Но ты не думаешь, что он должен говорить правду, – повернулась она к Бовуару. – По-твоему, мы чего-то не должны знать? Дайте-ка подумать. – Она устремила взгляд к небесам, явно погрузившись в глубокие размышления. – Вы арестовали не того человека? Нет, вряд ли. С вас может статься, но мне кажется, вы взяли кого надо. У вас не хватает улик для приговора? Что, уже теплее?

– Он сказал, что не будет лгать, – напомнил ей Жан Ги.

– А я думаю, что это большое, жирное вранье, правда, Рей-Рей? – проговорила она детским голосом, наклоняясь к младенцу. – И что же может заставить твоего папочку защищать ложь, а твоего дедушку – лгать?

– Хватит, Рут, – сказал Гамаш.

Она перевела взгляд на Гамаша. Проницательный, острый. Способный видеть насквозь.

– Правда тебя освободит, разве не так? Или ты в это не веришь,

Арман? Нет, думаю, что веришь. – Ее острый взгляд проникал все глубже. – Правильно ли я понимаю? Именно свободы ты боишься? Не твоей, а свободы убийцы? Ты будешь лгать, чтобы добиться осуждения?

– Рут, – предостерегающе произнес Жан Ги, но он теперь находился за границами того мира, в котором были только Арман Гамаш и Рут Зардо.

– Ты нравишься мне все больше и больше, – сказала Рут, глядя на Гамаша. – Да. Это явное улучшение по сравнению со святым Арманом. Но когда ты упадешь на землю, на твоих крыльях будет грязь. Или говно?

Она втянула носом воздух.

– Рут! – воскликнул Бовуар.

– Пардон. Прошу прощения за мой французский, – сказала она Рей-Рею, потом снова посмотрела на Гамаша. – Получается, что ты между скалой и кучей merde.

– Рут, – повторил Жан Ги.

Ее имя приобрело оттенок проклятия. Оно замещало все ругательные слова, которые вертелись у него на языке.

На самом деле он больше не пытался остановить ее. Но дух противоречия всегда брал верх в старой поэтессе, и она замолчала. Задумалась на мгновение:

– Может, это и есть тьма. То говношоу, которое вы называете процессом.

– «И все будет хорошо», – процитировал Арман, и Рут улыбнулась:

– По крайней мере, ты хороший лжец. Это будет во благо.

Ее голова исчезла за забором, словно попрыгунчика засунули назад в коробочку.

– Когда мы закончим с этим, – Жан Ги показал на качели, – нужно сделать забор повыше.

– Важна не высота, – раздался голос из соседнего сада, – важна толщина.

Жан Ги поймал взгляд Армана и вскинул брови.

Никто не сказал ни слова – говорить было нечего. Зато было о чем поразмыслить.

Жан Ги передал Оноре обратно деду, вложив в этот жест особый смысл.

«Станет ли он лгать, когда придет время?» – спрашивал себя Бовуар, возвращаясь к работе над качелями.

«Под присягой?»

Если солжет, то совершит клятвопреступление. Но если старший суперинтендант Гамаш скажет правду, то все их расследование пойдет

насмарку. Это поставит под угрозу жизнь многих информаторов и агентов и уничтожит выпавший им великий шанс пресечь крупнейший квебекский наркотрафик. Фактически шанс победить наркоторговлю. Выиграть невыигрываемую войну.

Бовуар не сомневался в том, как поступит Гамаш.

В тот теплый день, когда они вместе работали на солнышке, делая качели, которые будут висеть на ветках дуба несколько поколений, качели, на которых Оноре в свое время будет качать собственных детей, Жан Ги поклялся присутствовать в зале суда, когда прозвучит этот вопрос. И ответ на него.

Чтобы все видели: он на стороне Гамаша, независимо от того, какой тот даст ответ. Чтобы Арман Гамаш видел: он не один.

Но вместо этого Жан Ги покидал зал. Нет, не просто покидал. Бежал из него.

Охранник встал и открыл ему дверь.

– Мы ждем вашего ответа, старший суперинтендант. Вопрос простой. Орудие убийства, бита, стояло у стены. У всех на виду.

Когда тяжелая дверь закрылась за Бовуаром, ему почудилось, будто вместе с ним из зала выскользнуло нечто. И пустилось вслед за ним по мраморному коридору.

Голос шефа.

Находилась ли там бита, спросил прокурор, на виду у всех?

– Oui.

Вот оно.

Старший суперинтендант Гамаш совершил клятвопреступление.

Пока этого не случилось, Жан Ги не верил, что шеф пойдет на это. Ложь под присягой. Профессиональное самоубийство. Хуже того, предательство всех прежних убеждений. Ради приговора.

Но с другой стороны, Бовуар никогда не верил, что оставит шефа и совершит этот акт предательства по отношению к нему.

Жан Ги прижался к стене, ощущая щекой прохладный мрамор. Закрыл глаза и взял себя в руки.

Он хотел вернуться. Но было уже слишком поздно.

Жан Ги глубоко вздохнул, расправил плечи и быстро пошел по коридору сквозь плотный воздух, отмахиваясь от мухи, которая вылетела за ним.

Он инстинктивно оглянулся. Не преследует ли его кто-то или что-то. Не повторяет ли его шаги. Но никого не увидел. Коридоры были на удивление пустыми. Ни души. Во всех залах шли заседания.

Выйдя на улицу, Бовуар остановился на ступенях Дворца правосудия под немилосердным солнцем и отер лицо, зарывшись на мгновение в платок.

Потом он поднял голову и глубоко вздохнул.

Что-то защекотало его руку, он хлопнул по ней и увидел падающую на землю муху. Ее крылья на солнце напоминали изящные оконные рамы с налипшей на них грязью.

– Прости, – прошептал Бовуар.

Он действовал эмоционально и совершил что-то такое, что уже невозможно было изменить.

Но теперь, когда он находился здесь, а Гамаш – там, он мог сделать кое-что другое. Позаботиться, чтобы ложь оправдала себя. Чтобы способствовала достижению того, на что все они надеялись.

Квебекская полиция во главе со старшим суперинтендантом Гамашем нанесет сильный, быстрый и решительный удар. Объект не заметит приближения этого удара, замаскированного ложью и мнимой некомпетентностью. И все это привязано к чудовищному убийству в маленькой приграничной деревне.

И кладовке с секретом.

Но, шагая по мощеным улицам Старого Монреаля к управлению Квебекской полиции, Жан Ги не мог отделаться от мысли, что они рискуют, поставив все на этот единственный маневр. На этот coup de grâce, который может не получиться.

Никакого запасного плана у них не было. Никакого альтернативного пути. Никакого плана «Б».

Ни для Гамаша. Ни для Бовуара. Ни для кого из них.

Старший суперинтендант Гамаш поджег свой корабль. Пути назад не было.

Глава двадцать вторая

Старший суперинтендант Гамаш посмотрел на закрытую дверь зала судебных заседаний, еще раз протер глаза и снова перевел взгляд на главного прокурора.

Он посмотрел на Залмановица и увидел на его лице выражение, показавшееся ему едва-едва заметным одобрением.

Они оба понимали, что сейчас совершил Гамаш. И чему способствовал Залмановиц.

Потенциально был сделан огромный шаг на их пути к цели. И почти наверняка к завершению карьеры обоих. Однако в зале заседаний по-прежнему обмахивались листами бумаги. Все так же гудел маленький вентилятор. Присяжные продолжали слушать вполуха, не осознавая, чему они сейчас стали свидетелями или что произошло.

На западном фронте без перемен, подумал Гамаш.

– Итак, обвиняемое лицо ответственно за то, что на Кэти Эванс оказался его маскарадный костюм?

– Да.

– Это был акт мести?

– Да.

– Как и ее убийство.

– Да.

– Почему?

– Почему что́?

– Почему все? Почему костюм? Почему кладовка? Почему травля и издевательства? И почему убийство? Вы ведь наверняка слышали о концепции мотивации. Вы искали мотив?

– Попрошу вас сбавить тон, – вмешалась судья Корриво.

Неужели она не ошиблась и эти двое действительно только что обменялись понимающими взглядами? А в голосе прокурора послышалось безошибочно узнаваемое подзуживание? Ее органы чувств получали противоречивые сигналы.

– Мои извинения.

Впрочем, раскаяния в голосе Залмановица не прозвучало.

– Искали, – ответил Гамаш. – Все, что вы перечислили, важно, но в то же время уводит в сторону. В расследовании убийства очень легко сбиться с правильного пути. Последовать за кричащими уликами и упустить более

тонкие, незаметные. То, что казалось устрашением и закончилось убийством мадам Эванс, только выглядело таинственным из-за нашего непонимания. Но когда нам все стало ясно, несущественное отпало. Все это оказалось отвлекающими обстоятельствами, тогда как убийство само по себе было простым. Как и большинство убийств. И совершило его человеческое существо. По человеческим причинам.

– Что же это за причины? И пожалуйста, не надо перечислять семь смертных грехов.

Гамаш улыбнулся, и ручейки пота потекли по канавкам морщинок на его лице.

– О, это как раз был один из них.

– Хорошо, – сказал Залмановиц, явно слишком уставший, чтобы продолжать спорить. – Какой именно? Алчность? Похоть? Гнев?

Гамаш поднял вверх указательный палец.

Вот оно.

Гнев. Превратившийся в привидение, которое поглотило своего хозяина и отправилось в мир. Чтобы убивать.

Все началось, как это и бывает в подобных делах, вполне естественно. Как стадии скорби.

Последней стадией должно было стать примирение, однако скорбящий изменил курс. Сошел с тропы и начал все глубже погружаться в печаль и ярость, подпитываемые чувством вины. И наконец эти чувства вывернулись наизнанку. А когда они совсем вышли из берегов, то нашли себе прибежище. В мести.

Утешительной, успокаивающей. Они подогревали себя на этом огне долгие годы.

Оправданная злость превратилась в ярость, стала гневом, потребовавшим мести. И тогда они совершили то, что не имеет оправданий. И оказались там, где находятся теперь: в огненном пекле зала заседаний, на процессе убийцы Кэти Эванс.

Но Гамаш знал, что этим дело не исчерпывалось. Знал это и изнывающий от жары прокурор.

Гамаш оглядел собравшихся. Он надеялся и молился, чтобы никто из присутствующих не догадался о том, что обнаружила полиция в цокольном помещении деревенской церкви.

И о том, что сделал только что старший суперинтендант Гамаш.

Впрочем, он знал, что кое-кто очень, очень внимательно слушает каждое слово. И докладывает обо всем.

* * *

– Нам нужно поговорить, – сказал инспектор Бовуар, появившись в дверях кабинета в управлении Квебекской полиции.

– Bon. – Суперинтендант Туссен поднялась с кресла. Все остальные тоже встали. – Совещание закончено.

– Но…

– Мы можем обсудить это позднее, Франсуа, – сказала она, кивком показывая на свой планшет и дружески прикасаясь к его руке.

– Вы обещаете? – спросил он, потом понизил голос. – Мы сделаем что-нибудь?

– Обещаю.

Она проводила своих агентов до дверей, а Бовуар отошел в сторону, пропуская их.

– Patron, – произносил каждый из них, проходя мимо и вглядываясь в его лицо в поисках хоть какого-то намека на то, почему он здесь. И почему их собственный босс тут же закончил совещание, чтобы поговорить с ним.

Они знали, что Бовуар – заместитель главы Квебекской полиции. Знали, что он и сам по себе очень успешный следователь, а не просто адъютант старшего суперинтенданта Гамаша.

Когда инспектор Бовуар занял новую должность, ему предложили повышение до старшего инспектора, но он отказался, заявив, что инспектор его вполне устраивает. Он был рад оставаться одним из бойцов.

Все агенты и инспекторы, услышав эти слова, преисполнились уважения и чуть ли не восхищения по отношению к нему. И он стал patron.

Хотя и не чувствовал себя таковым.

Эти мужчины и женщины, его коллеги, понятия не имели, что сделал он сейчас. И что не сумел сделать. Каждое вежливое «patron», сказанное ими на ходу, было для него как выстрел в живот.

– Patron, – произнес последний из инспекторов.

И Бовуар закрыл дверь.

– Судебное заседание уже закончилось? – спросила Туссен, посмотрев на часы.

Не было еще и четырех. Бовуар не ответил, и она показала ему на кресло:

– Как там дела?

Бовуар сел, но продолжал молчать.

– Настолько плохо? – спросила она и сделала глубокий вздох. Это был

вздох не печали, а скорее усталости. – Как он держится?

– Он делает то, что необходимо.

Туссен опустила глаза, чтобы не встречаться взглядом с Бовуаром.

Коротко кивнув, она постучала пальцами по планшету и повернула его к Бовуару:

– Сообщение о поставке, о которой мы говорили.

– О той, крупной?

– Да. Мой информатор говорит, что она пересекла границу со Штатами. Восемьдесят килограммов фентанила.

– Понятно. – Он почувствовал, как ставший уже постоянным узел в его желудке начал расти и уплотняться. – Там, где мы и ожидали?

– Да. – Ее голос звучал жестко, в нем слышалась горечь. – Точно там, где мы и ждали. Мы проследили за этим чертовым грузом. – Она в гневе широко раскрыла глаза. – Да, все как мы ждали. Вот только, неожиданно для всех, мы ничего не предприняли. Не знаю, кого это удивило сильнее. Перевозчиков, которые не рассчитывали на такую легкость, или нашего информатора, который не мог поверить, что мы беспрепятственно пропустили крупнейшую поставку фентанила. Хотя могли без труда ее перехватить. А мы просто, – она поморщилась и махнула рукой, – позволили грузу уйти в Штаты.

Даже произнося это, она не могла поверить, что так все и произошло.

Бовуар выдержал ее взгляд со спокойствием обреченного.

Это было именно то, на что они надеялись и чего страшились. Огромная партия наркотиков пересекла границу, а Квебекская полиция, судя по всему, ничего не заметила. Ведь если бы им было известно о поставке, груз наверняка был бы арестован.

Если квебекские полицейские при новом начальстве задумали устроить ловушку для картеля, просто притворяясь некомпетентными, то это должно было вывести их на чистую воду. Ни одна полиция в мире не способна игнорировать такую огромную партию опиоида.

Это была проверка.

И полиция под командованием полного благих намерений, но выдохшегося старшего суперинтенданта Гамаша провалила это дело.

Квебекский картель мог бы протащить контейнер с героином по улице Сент-Катрин в Монреале, а идиоты из полиции и глазом бы не моргнули.

Гамаш, Бовуар, Туссен и остальные члены внутреннего круга долго ждали этого момента. Но ощущения победы не было. Старшие офицеры ничего не праздновали. Им всем было плохо.

В этой комнате не было места радости.

– Вы его отслеживаете?

– Non. Старший суперинтендант запретил, ты же помнишь? – Она не сумела скрыть отвращение. – Мы просто отошли в сторону. Даже не предупредили американцев. О, я же тебе еще не сказала. Дилеры оказались такими щедрыми – оставили несколько килограммов для местного потребления. Их след мы тоже потеряли.

– Merde.

Бовуар произвел подсчет. Приказ на внутреннее расследование Квебекской полиции был отдан Гамашем в самом начале, так что все они участвовали в этом с ясным пониманием последствий: на каждый килограмм кокаина, попавшего на улицы, приходится шесть погибших. На килограмм героина – еще больше.

И гораздо больше в случае фентанила.

Своим бездействием они погубили сотни. Может, тысячи.

Еще больше бомб для Ковентри.

– Знаешь, по какому поводу у нас было совещание? – Она махнула в сторону пустых стульев вокруг стола. – Им неизвестно об этой поставке, но они знают, что уже почти год не было ни одного крупного ареста среди контрабандистов. Они раздражены, и мне не в чем их винить. К счастью, ты появился до того, как я предложила им хоть какое-то объяснение. Но я тебе говорю, Жан Ги, ходят слухи. Ты, вероятно, их слышал.

– Слышал.

– Они хотят верить Гамашу. Хотят не сомневаться в нем. Но он не облегчает им задачу. И дело не только в Гамаше – во всех нас. Каждому суперинтенданту, каждому старшему инспектору угрожает бунт. Мятеж. Тебе смешно? – спросила она, заметив выражение его лица.

– Это из-за слова «бунт». Я представил тебя с деревянной ногой и попугаем.

– С деревянной ногой как раз бунтовщики. А меня они высадили на плот в Тихом океане, и я пью собственную мочу и кусаю ногти на обед. – Она подняла руки, чтобы показать ему свои ногти, и в самом деле обкусанные. – В моем подразделении вот уже несколько месяцев не производилось ни одного существенного ареста. Ни од-но-го. Как будто никто больше не совершает тяжких преступлений. Большинство моих агентов откомандированы к муниципалам или работают по предотвращению…

– Все это тоже важно.

– Я согласна. Но не за счет игнорирования реальных преступлений. Это все равно что сказать докторам: раздавайте больным витамины и

забудьте о лечении рака. Мы с тобой понимаем, что делаем. Понимаем для чего. А рядовые сотрудники не понимают. На их взгляд, мы сидим на месте и ковыряем в зубах. И об этом говорят те, кто нас поддерживает. Если бы Гамаш знал хотя бы половину того, что думают агенты и инспекторы…

Бовуар хрипло рассмеялся:

– Ты думаешь, он не знает? Знает, конечно. Он прекрасно знает, о чем они говорят и почему. – Жан Ги наклонился к ней и понизил голос, вынуждая ее тоже податься вперед. – Он выражался предельно ясно. Предупреждал нас. И мы все запрыгнули на борт, радостные, предвкушая, как мы нанесем по крупнейшей в Квебеке системе наркотрафика удар, от которого она не оправится. Выиграем не какое-нибудь незначительное столкновение или даже сражение, а всю войну. Но он нас предупреждал. Предупреждал, что придется заплатить высокую цену. И вот, когда этот момент настал и счета выставлены, ты начинаешь жаловаться?

Туссен заерзала в кресле:

– Понимаешь, они не будут вечно идти за ним вслепую. У нас время на исходе.

– Они не будут или ты не будешь?

– Всему есть предел.

– Хочешь выйти из игры?

Они поедали друг друга глазами. Мадлен Туссен была старше Жана Ги Бовуара по званию. Но то было скорее следствие его осознанного выбора, чем уровень компетенции.

Приватно они общались друг с другом как равные. Каковыми и были.

– Как наши дела, Жан Ги? – спросила она, смягчая голос. – Все мои инстинкты, все мои навыки бунтуют. Как мы можем допустить смерть людей, если в наших силах их спасти?

– Понимаю, – ответил он. – Я чувствую то же самое. Но если нас ждет успех…

– Да-да, я все это знаю. Поэтому мы и решили поддержать его план. Но…

– Что будет, если наш план провалится? – продолжил ее мысль Бовуар, и она кивнула. – Значит, провалимся и мы. Но по крайней мере, мы попытались.

– Жан Ги, ты сейчас не войска готовишь к бою. Ты говоришь со мной. Я слишком много времени провела на передовой, чтобы меня успокаивать.

– Хорошо, я тебе скажу, что будет в случае провала. В столе у Гамаша есть тетрадка. И в ней он написал, что, по его мнению, произойдет, если план не удастся. Хочешь пойти взглянуть?

– Он сам нам сказал, – ответила она. – В первый день, на первом совещании. Риски и компенсации.

– Верно. И слова, сказанные им в то время, точно отвечали ситуации. Но то был прогноз. Обоснованные предположения. А сейчас, когда прошли недели и месяцы, кое-что прояснилось.

– Все хуже, чем мы думали? – Она не хотела задавать этот вопрос, но все же спросила.

– Поскольку мы выглядели слабыми, организованная преступность, банды, контрабандисты стали сильнее. Наглее.

– На это мы и рассчитывали.

– Oui. К тому же они стали гораздо беспечнее. Вот эту трещинку мы и искали.

– Если можно так выразиться, – сказала она и даже улыбнулась.

Бовуар не улыбнулся в ответ. Напротив, его красивое усталое лицо омрачилось.

– Если мы потерпим неудачу, Мадлен, все будет гораздо хуже, чем мы предполагали. Это станет второй катастрофой для Квебекской полиции, а заодно и для властей Квебека, которых ждет немедленный крах. Сначала коррупционный скандал, а теперь, похоже, полная некомпетентность…

– Граничащая с преступным поведением, – добавила суперинтендант Туссен.

Но только Бовуар знал, что граница уже позади. Старший суперинтендант Гамаш в зале суда пересек эту границу.

– Ты сравнивала это с борьбой против рака, – сказал Бовуар. – Справедливо. Точно. Опиаты подобны раку. Ты знаешь, что врачи делают с опухолью?

– Конечно знаю. Назначают химиотерапию.

– Да. Они отравляют пациента, часто приводят его на грань смерти, чтобы потом спасти. Иногда получается. Иногда нет. Хочешь знать, какими будут последствия нашего провала, по мнению месье Гамаша?

Лицо суперинтенданта Туссен стало напряженным, челюсти сжались.

– Не хочу, – сумела выдавить она.

Бовуар кивнул:

– Я тебя не виню. Но все же скажу тебе кое-что. Если мы провалим это дело, то лишь ускорим неизбежное. Война с наркотиками была проиграна несколько лет назад. Новые разновидности опиатов каждый день попадают на улицы. Этот план всегда был и остается нашей единственной надеждой. Нашим последним великим сражением. Но…

– Да?

– Старший суперинтендант в своей тетради написал и то, что нас ждет, если план сработает. – Он улыбнулся. – Мы почти у цели, Мадлен.

Туссен посмотрела на свой планшет, набрала что-то. Потом задумалась.

Как будто взвешивала варианты.

Бовуар заметил, что суперинтендант Туссен не спросила, солгал ли Гамаш на свидетельском месте, хотя все знали, что процесс подошел к роковой черте и это должно было почти наверняка случиться сегодня. И Бовуар понимал, почему Туссен не сделала этого.

В скором времени наверняка начнется следствие, и суперинтенданту Туссен будут задавать вопросы.

Знала ли она, что старший суперинтендант собирается солгать? А когда она поняла, что он совершил клятвопреступление, сообщила ли она об этом?

Не спрашивая ни о чем Бовуара, она вполне правдиво могла бы ответить «нет» на оба вопроса.

Уж лучше быть несведущей, чем виноватой.

Она дистанцировалась от старшего суперинтенданта. Но ведь и он сделал то же самое.

По крайней мере, она дистанцировалась фигурально. Бовуар же сделал это в буквальном смысле. Убежал из зала суда. Скрылся. Выскочил. Прочь от Гамаша. И от его лжи.

Он даже не мог объяснить, почему сделал это. Они стояли бок о бок, когда вокруг свистели пули. Они охотились на самых страшных преступников Квебека, не отступали перед ними. Опасность встречали вместе.

А теперь он убежал?

«Вот час настал, – подумал Бовуар. – И тьма накрыла свет».

Он не повернулся. Не было нужды. Он знал, *что* стоит там, в углу яркого, солнечного кабинета. Наблюдает, пялится на него. И когда Бовуар встанет, оно последует за ним. Будет следовать всегда, если нужно.

Тьма накрыла свет. Как демон на острове в «Повелителе мух», которого один из мальчиков сотворил из воздуха и страха.

Он сам и был этим демоном, этой тьмой.

Мадлен Туссен записала на клочке бумаги то, что прочла на экране планшета:

– Боюсь, дурная новость. Другая поставка.

Бовуар вздохнул. А чего еще он мог ожидать?

– Инспектор, который доставил мне эту информацию…

– Франсуа Гоген? Я видел, как он говорил тебе что-то, когда я пришел. Он хороший парень.

– Преданный парень. Преданный Квебекской полиции, – сказала Туссен.

– Но не обязательно ее руководству?

– Он просил меня никому больше это не показывать. Умолял позволить ему заняться этим. Произвести аресты. Я дала согласие.

Бовуар взглянул ей в глаза и кивнул. Такой уж сегодня был день. День, когда нарушались слова, обещания и присяга.

Хорошо бы не напрасно, подумал он.

– Это небольшая поставка, совсем маленькая по сравнению с той, которую мы отслеживали.

Туссен пододвинула к нему листок бумаги. Бумажка эта была важнее того, что на ней написано. Тревожный звонок. Предупреждение: если им не верят такие люди, как инспектор Гоген, то неприятности уже на пороге.

Очень похоже было на то, что старший суперинтендант Гамаш вместе с наркокартелем уничтожит и Квебекскую полицию.

Бовуар поправил очки и прочитал, что там было написано.

– Хлорокодид. Никогда о таком не слышал. Новый наркотик?

– Новый для нас.

Черт, подумал он. Еще один наркотик, еще одна чума. Еще одна бомба на несчастный Ковентри.

– Это производное кодеина, – сообщила Туссен. – Популярно в России. Поставка из Владивостока. Прибыла в Мирабель в контейнере с матрешками. Сейчас находится на складе. – Она подалась вперед и проговорила взволнованно: – Мы можем ее конфисковать. Нанести маленький ответный удар. Поставка крохотная. Дыру в картеле мы не пробьем, но сильно поднимем настроение в моем подразделении. И в других.

– Говоришь, она сейчас на складе? – спросил Бовуар.

– Oui. Можно я вызову Гогена и дам команду?

– Non, – твердо сказал он. – Ничего не делай.

– Ё-моё! Это ведь ничего не значит, просто позволь моим людям произвести аресты. Ну разреши им это, я тебя умоляю.

– Мадлен, как ты думаешь, почему партия лежит на складе? Большая она или маленькая, но разве они обычно не пытаются поскорее увезти товар? Чего они ждут?

Теперь она задумалась.

– Ты спрашиваешь, потому что знаешь ответ?

– Нет, но я начинаю прозревать.

– Ты о чем?

Бовуар замер, размышляя, только глаза его стреляли по сторонам и рот чуть приоткрылся.

– Расскажи-ка мне о хлорокодиде.

– Ну, насколько мне известно, это первая поставка в Квебек, а может, и в Канаду. Не уверена насчет Штатов, но если там он и есть, то в небольших количествах. Его уличное название «русское чудо». Известен также как «крокодил».

– Значит, это что-то вроде amuse-bouche?[35]

Туссен почти улыбнулась:

– Можно и так сказать. Этакая затравка. Чтобы разбудить аппетит. Они умные ребята, эти контрабандисты.

– И блестящие маркетологи, – заметил Бовуар. – Назвать товар «крокодил». Привлекательно для молодежи. Так современно. Оригинально.

– От него кожа покрывается чешуйками – вот одна из причин, почему он так называется. Как у крокодила.

– Господи боже, – вздохнул Бовуар.

Он лучше, чем Туссен, лучше, чем большинство из них, знал, что такое отчаяние наркомана. Насколько поведение наркоманов отличается от нормального. Они уже чувствуют и ведут себя как животные. Так почему бы и не выглядеть животным?

Им было все равно.

Но ему – нет.

– Так это и начинается, – сказал он, снял очки и постучал дужкой о бумагу, подсознательно подражая жесту Гамаша. – Они завозят небольшое количество для затравки. Создают спрос. Наркотик тем желаннее, чем труднее его достать.

Он знал, как это происходит.

Дилеры разбирались не только в наркотиках, но и в человеческой природе.

– Тогда зачем оставлять партию на складе в Мирабели? – спросил он. – Чего они ждут?

– Ждут, когда пройдет через границу крупная партия фентанила? – предположила Туссен.

– Да, почти наверняка. Но она уже пересекла границу. Что же останавливает их сейчас?

Они смотрели друг на друга в надежде, что сидящий напротив найдет ответ.

И тут Бовуар улыбнулся. Это была почти незаметная, мимолетная улыбка. Но она появилась.

– Они ждут развязки процесса, – сказал он.

Мадлен Туссен распахнула глаза в изумлении, и на ее лице тоже расцвела улыбка.

– Боже мой, я думаю, ты прав.

Бовуар встал и приподнял со стола листок бумаги:

– Ты позволишь?

Она тоже встала и, поколебавшись секунду-другую, кивнула.

Бовуар сложил бумажку, сунул ее в карман.

– Что ты собираешься делать? – спросила она, провожая его до двери.

– Хочу показать ее старшему суперинтенданту Гамашу, как только он выйдет из зала суда.

– А что будет делать он?

– Не знаю.

– Нажми на него, Жан Ги. Заставь его действовать, – потребовала она. – Он должен отдать команду.

– Слушай, никто так не рискует, как он, – сказал Бовуар.

– Это неправда. Его сын или дочь не рискуют стать наркоманами. В его дом уж точно не проникнет какой-нибудь одуревший от дозы наркоман, его не пристрелят на улице ради кошелька. А у тебя маленький сын.

– Oui. Оноре.

– У меня сын в школе и две дочери скоро туда поступят. Мы поставили на карту больше. Мы можем потерять все. Нам нельзя потерпеть неудачу, Жан Ги.

– Я знаю.

Он и в самом деле знал.

– Постой. – Она ухватила Бовуара под руку, затащила назад в кабинет и закрыла дверь. – Он сделал это?

– Что?

– Ты вынуждаешь меня сказать прямым текстом?

– Да.

– Совершил ли старший суперинтендант Гамаш клятвопреступление? Солгал ли он о бите и потайной двери в церкви?

– Да.

Туссен замерла, потом посмотрела на карман, куда Бовуар положил сложенный лист бумаги.

– Тогда у нас есть шанс. Но что мне сказать моим агентам?

– Придумай что-нибудь. Все это началось с тебя, Мадлен. Ты не

можешь теперь отойти в сторону, даже если захочешь.

– Ты не имеешь права осуждать меня за это, – сказала она, вновь пытаясь защищаться.

– Я тебя не обвиняю. Настанет день, и ты, возможно, получишь заслуженную награду. Ты помогла старшему суперинтенданту составить план. Знаешь, он ведь сохранил салфетку. С того ланча. Она лежит в его столе под тетрадью.

Туссен кивнула. Бовуар был прав. Все это началось несколько месяцев назад, за ланчем, когда она в разговоре обронила одну фразу. А старший суперинтендант Гамаш записал ее слова на том, что оказалось под рукой.

Та фраза была настолько распространенной, что она даже не подумала о ее истинном смысле. И уж конечно, не могла предвидеть, как ее слова будут восприняты Гамашем. И как он ими воспользуется.

– Сжечь наши корабли, – сказала она, вспоминая тот разговор в кафе, когда старший суперинтендант Гамаш посмотрел на нее и в его глазах вспыхнуло что-то. Искорка идеи.

– Сжечь наши корабли, – повторил Бовуар. – Ты знаешь, откуда это пришло?

Она кивнула. Когда после того ланча прошли дни и месяцы, а ситуация, вместо того чтобы улучшаться и улучшаться, только ухудшилась, Мадлен Туссен стала думать о том, что же она натворила, и вспомнила то выражение.

Фраза ничуть ее не утешила.

– Это сказал Кортес, – ответила Туссен. – Пятьсот лет назад. Когда испанцы высадились там, где сейчас Мексика.

Бовуар кивнул:

– Они стояли на берегу, и Кортес приказал своим людям сжечь их корабли.

– Чтобы у них и мысли не возникало об отступлении.

Два офицера полиции стояли у двери и пытались представить себе тот момент. Что могли сделать люди Кортеса? Спорили ли они? Просили? Стали плести заговор?

Или покорно исполнили приказ, настолько высока была их дисциплина?

Конкистадоры приплыли в Новый Свет, чтобы завоевать его. Они за несколько лет уничтожат великую цивилизацию ацтеков. А взамен получат невообразимое богатство. Вот только… Вот только…

Большинство из них так никогда и не покинет эту землю.

Что они чувствовали, стоя там на берегу? Перед ними находился

незнакомый континент. Далеко позади остались дом, семья и безопасность. А между – горящий корабль.

Ни Бовуару, ни Туссен не требовалось особого воображения, чтобы представить, что чувствовали конкистадоры.

Для полицейских пути назад тоже не было.

Они чувствовали запах горящего дерева.

– Я дам тебе знать, как идут дела, – сказал Бовуар и похлопал себя по карману, где лежал сложенный лист.

Он вышел, чувствуя, что темное существо последовало за ним под беспощадное солнце.

Мадлен Туссен закрыла дверь и вернулась к столу. Тяжело опустилась в кресло, нажала кнопку интеркома и попросила помощника вызвать к ней инспектора Гогена. Глядя в окно, она размышляла о том, как объяснит ему свой отказ.

Темное существо, подобное обгоревшим останкам, тихо стояло в углу и наблюдало.

* * *

– Обвиняемое лицо действительно явилось к вам, старший суперинтендант?

– Да. Я был дома в Трех Соснах со своей женой…

– Рейн-Мари Гамаш, – напомнил присяжным Залмановиц. – Именно она нашла тело Кэти Эванс немного ранее в тот день.

– Именно. У нас остались на ночь старший инспектор Лакост, глава отдела по расследованию убийств, и инспектор Бовуар, мой заместитель.

– Они сейчас в зале суда?

– Non.

Главный прокурор повернулся и посмотрел на галерею, потом снова на Гамаша. Явно удивленный. Они обменялись взглядами.

Это не укрылось от внимания судьи Корриво.

Во взгляде прокурора она увидела не только понимание, но и кое-что еще. Совершенно неожиданное.

Сочувствие.

Морин Корриво раздраженно прищурилась. Она подумала, что сегодня имеет смысл закончить заседание пораньше, пригласить обоих в свой кабинет и выбить из них правду.

Но она была терпеливой женщиной и знала, что, если дать им

пространство и время, они сами оставят для нее достаточно свидетельств того, что происходит на самом деле.

– Обвиняемое лицо пришло во время обеда?

– Вообще-то, после обеда. Довольно поздно.

– Вас удивило то, что вы услышали?

– Я был потрясен. Мы бы, конечно, так или иначе сами все выяснили. Лабораторные криминалистические исследования подтвердили признание. К тому времени мы уже не сомневались, что убийство мадам Эванс было предумышленным.

– Почему?

– Костюм кобрадора. Очевидно, человек, близкий к жертве, что-то знал. Знал тайну, которую она хранила.

– Однако костюм кобрадора, само присутствие кобрадора говорит о чем-то еще, – сказал Залмановиц. – Не о тайне, а о вине, настолько сильной, что она взывала к мести.

Гамаш отрицательно покачал головой:

– В этом-то вся и странность. Настоящие кобрадоры не имели намерений мстить. Они не совершали нападений на тех, за кем приходили. Их задача состояла в том, чтобы обвинить и предать гласности. Чтобы действовать в роли совести.

– И оставить наказание более высокому суду? – подхватил Залмановиц.

– Более высокому суду? – переспросила судья Корриво. – Уже второй раз в ходе процесса я слышу эту фразу. Что она должна означать?

У Барри Залмановица был вид человека, с которого упали брюки.

– Месье Залмановиц? – требовательно произнесла судья.

Она поняла, что поймала его, и почти наверняка схватила за уязвимое место. Ей вовсе этого не хотелось, но счастье свалилось прямо ей на колени.

– Это цитата, – раздался низкий, спокойный голос старшего суперинтенданта Гамаша.

Судья Корриво ждала. Она, конечно, знала эту цитату. Гамаш сам озвучил ее несколькими днями раньше. И Джоан отыскала ее. Но если ею воспользовался и прокурор, то это означало, что мысль далеко не случайная. Они, вероятно, обсуждали это вдвоем.

– Кому-нибудь из вас придется мне рассказать.

– Это слова Махатмы Ганди. – Гамаш повернулся на своем месте, и она увидела капельки пота на его лице.

– Продолжайте, – сказала она.

– «Есть более высокий суд, чем судебная палата, и это суд совести. Он выше всех других судов».

Она услышала исступленный стук клавиатур с той стороны, где сидела пресса.

– Вы цитируете? – спросила она. – Или проповедуете?

Потому что фраза прозвучала так, словно это были его собственные слова. Его мысли. Его убеждения.

И Морин Корриво поняла, что это не часть пазла. Это ключ к расшифровке всей происходящей чертовщины. Морин председательствовала в одном суде, а эти двое находились в совершенно ином. Более высоком.

Ее охватили злость и потрясение. И немалый испуг. Она испугалась своего открытия. И того, чего еще не знала. Например, что могло заставить двух высокопоставленных чиновников, поклявшихся защищать закон, помышлять о его нарушении.

А возможно, уже нарушить его.

– Цитирую, – сказал Гамаш.

В его глазах читалась не только мольба, но и предупреждение: лучше оставить эту тему.

Пока судья Корриво обдумывала услышанное и увиденное (а фактически она стала свидетелем признания) и решала, что ей делать дальше, Гамаш снова повернулся к прокурору.

– Итак, вы уже подозревали, что Кэти Эванс убил человек, знавший ее? – спросил Залмановиц.

Он успел взять себя в руки и ринулся вперед. В конце концов, пути назад у него не было.

– Oui. Это преступление планировалось давно, и убийца должен был знать ее много лет.

– Причем знать настолько хорошо, чтобы желать ей смерти. Это, вероятно, сужало круг подозреваемых.

– Да.

Глава двадцать третья

– У меня есть несколько вопросов, – спокойным, но деловым тоном произнес Жан Ги Бовуар.

Несмотря на непогоду, он поехал в Монреаль, чтобы сообщить известие о смерти Кэти сначала ее сестре Бет. Теперь ему нужно было, чтобы она сосредоточилась, а не погружалась глубже в скорбь. Скорбь можно отложить на потом. Сейчас он нуждался в ответах.

– Кэти когда-нибудь упоминала о кобрадоре?

Бет посмотрела на мужа, сидевшего рядом с ней на диване. Из подвала доносились голоса детей, спорящих из-за ноутбука.

– О ком? Нет.

– Она шила?

Они посмотрели на него как на сумасшедшего. Бовуар не мог их винить. Эти вопросы даже для него имели мало смысла.

– Шила? Как… что… – заикаясь, проговорила Бет.

– На ней было что-то вроде плаща, и мы подумали, не сама ли она его сшила.

– Нет, в этом она не сильна. Она прекрасно готовит, – сказала Бет с надеждой в голосе, словно это могло помочь.

Бовуар улыбнулся:

– Merci.

Делая запись, которая ему никогда не понадобится, он увидел, что Бет посмотрела на мужа и натянуто улыбнулась.

– Вы были близки с сестрой?

– Да. У нас разница всего в полтора года. Она моложе. Я ее всегда защищала, хотя ей и не требовалась моя защита. У нас это стало чем-то вроде шутки. Она живет в нескольких улицах отсюда, а мама и папа – в двух кварталах. Боже мой…

И снова Бет посмотрела на мужа, который обнял ее за плечи.

– Мама и папа…

– Я им сообщу, – сказал Бовуар. – Но лучше, если вы будете присутствовать.

– Да-да, конечно. О господи…

– Вы с Кэти все друг другу рассказывали? – спросил он.

– Думаю, да. Я ей рассказывала все.

Муж Бет немного приподнял брови. Немного, но достаточно, чтобы

выразить удивление. И некоторую неловкость.

– Я прошу прощения, но вы должны сказать мне, не было ли в ее откровениях чего-нибудь компрометирующего.

– Что вы имеете в виду?

– Не нарушала ли она когда-нибудь закон? Не совершала ли каких-то поступков, за которые ей было стыдно и в которых она никому не признавалась? Не мог ли кто-нибудь из-за этого ненавидеть ее?

– Нет, конечно.

– Пожалуйста, подумайте.

Она задумалась.

Он смотрел на ее бледное, покрывшееся пятнами лицо. Она застыла, стараясь справиться с болью. Пытаясь держаться.

– Кэти таскала деньги из маминого кошелька. Я тоже таскала. Думаю, мама знала. Брали помаленьку, четвертак или пятьдесят центов. Один раз Кэти на экзамене по географии списала у девчонки, сидевшей рядом. С географией у нее всегда было неважно.

– Еще что-нибудь?

Бет подумала, покачала головой:

– Нет.

– Она была счастлива в браке?

– Кажется, да. Они ведь и работали вместе – Кэти и Патрик.

И опять зашевелился ее муж, Ивон. Бовуар посмотрел на него.

Почувствовав на себе внимательный взгляд, Ивон сказал:

– Мы… я его никогда не любил. Я считал, что он использует ее.

– Каким образом?

– В их паре она явно была главной – тем, кто принимает решения. Но она всегда… как же это слово?..

– Заискивала? – подсказала Бет. – Не то чтобы она постоянно ему уступала, но, если Патрик чего-то хотел, он это получал.

– Он манипулятор, – подхватил Ивон. – С нами у него так не получалось.

– С большинством людей не получается, – сказала Бет. – Только с Кэти. Это было ее единственное слабое место. Мы ее любим, а его, вообще-то, нет. Но она с ним счастлива, и мы смирились.

Бовуар кивнул. Пары, в которых одна сторона доминирует, не были редкостью, хотя часто роли распределялись совсем не так, как казалось на первый взгляд. Со стороны можно было подумать, что в этой семье все решает Кэти, успешный архитектор, тогда как на самом деле всем заправлял Патрик.

– Тирания слабых, – сказал Ивон. – Где-то я об этом читал. Точно про Патрика.

«Тирания», – записал Бовуар. Сильное слово.

– Что-нибудь еще?

Они задумались.

Бет явно пыталась держать себя в руках после первоначального шока и слез. Она изо всех сил пыталась быть полезной.

Она нравилась Бовуару. Они оба нравились. Он подозревал, что ему и Кэти понравилась бы. Кроме, пожалуй, того, что ей приходилось скрывать какую-то тайну.

Тайны были у всех. Только одни пахли отвратительнее, чем другие.

– У меня судебный ордер на обыск дома Кэти. Вы пойдете со мной?

Ивон остался с детьми, а они вдвоем проехали несколько кварталов до дома Кэти и Патрика.

Когда они остались вдвоем, Бовуар спросил:

– И больше действительно ничего нет?

Бет молчала. Они сидели в машине, в темноте, под холодным дождем рядом с домом Кэти. Он был больше дома Бет, не такой скромный, но вряд ли элитный. Погруженный в темноту.

– Пожалуйста, не говорите никому.

– Этого я не могу обещать, – ответил Бовуар. – Но вы должны мне сказать.

– Кэти сделала аборт. Она забеременела в школе, и ей пришлось сделать аборт. Я ходила с ней.

– Она потом жалела? – спросил Бовуар. – Стыдилась этого?

– Нет. Конечно нет. В то время для нее это было правильное решение. Она сожалела, что так получилось, но о своем решении не жалела. Просто наши родители не поняли бы. Она не хотела причинять им боль.

– Вы удивитесь тому, как много могут понять родители, – сказал Бовуар. Он посмотрел на нее. – И?..

Он чувствовал, что она еще не все сказала.

– И мой муж не понял бы.

– Почему?

– Ребенок был от него. Они встречались несколько недель в школе, а потом разошлись. Думаю, он не знает, что мне известно об их романе. И он точно не знает о беременности Кэти и об аборте. Мы с ним стали встречаться гораздо позже, через несколько лет после окончания школы. К тому времени Кэти и Патрик уже поженились.

– И как бы он отреагировал, если бы узнал?

Бет задумалась.

– Не знаю. Наверное, слишком много времени прошло, чтобы его это теперь взволновало. И если откровенно, то тогда он бы пришел в ужас, если бы узнал, что его бывшая девушка беременна. Решение было правильное, и Кэти о нем не жалела. Но и не гордилась им. И уж конечно, не имела никакого желания кричать об этом направо и налево. Я думаю, она поэтому и уехала после школы в Питсбург. Хотела начать с чистого листа.

– Почему в Питсбург? – спросил Бовуар.

– Летом она прослушала курс изящных искусств в Университете Карнеги-Меллон, но быстро поняла, что хочет стать архитектором. Ей позволили перевестись, она подала документы в Монреальский университет и стала учиться по их программе.

– Как бы вы описали вашу сестру? Только теперь почестному. Это важно.

Бет отерла лицо, высморкалась и обдумала ответ.

– Она была доброй. С развитым материнским инстинктом. Может, поэтому она прилипла к Патрику. Если какой-то человек и нуждался в материнской опеке, так это он. Хотя я не уверена, что это шло ему на пользу. Мне кажется, ему давно пора повзрослеть.

– Почему у них с Патриком нет детей?

– Ну, время еще есть, – не задумываясь, ответила Бет.

В темной машине Бовуар слушал стук ледяных дробинок по стеклу, стонущую тишину. А потом рыдания.

Он подождал, пока она успокоится.

– Ее планы, ее надежды состояли в том, чтобы построить бизнес, а после начать рожать детей. Ей ведь еще нет… не было и тридцати пяти. Полно времени, – прошептала она.

Они вошли в дом, и Бет включила свет.

Бовуар был удивлен. Если снаружи дом казался таким же, как и соседние, ничем не примечательным, то внутри он претерпел полную переделку. Краски приглушенные, но не размытые. Успокаивающие, теплые. Оттенки почти пастельные, но не сказать, что исключительно женские.

Веселые – вот точное слово. Домашние. В книжных шкафах книги. В стенных шкафах органайзеры и полный порядок. В кухне запах трав и приправ, всевозможная утварь в кувшинах, кофемашина и чайник. Ни один из этих предметов не находился здесь только ради красоты.

Эта кухня была рабочим местом.

Из кухни открывалась дверь в гостиную с балочным потолком.

Это был семейный дом, и Бовуар легко и с удовольствием мог представить в нем свою семью.

На осмотр дома у него ушло полчаса. Он не нашел ни громких доказательств тайной или двойной жизни, ни даже намеков на это. Несколько эротических книжек. Несколько пачек сигарет. Он понюхал их, чтобы убедиться, что там табак. Ничего, кроме табачного запаха и затхлости.

С ночного столика в спальне он взял фотографию. Четыре знакомых лица. Пятое – незнакомое.

– Монреальский университет, – сказала Бет. – Первый курс. Друзья на всю жизнь. Трудно поверить, что она так давно познакомилась с Патриком. Такие молодые.

– Вы не возражаете, если я ее возьму? – спросил Бовуар.

Он выписал квитанцию. Ничего другого, кроме фотографии, брать не стал.

Они медленно поехали к родителям Кэти. Бовуар уже собирался сказать им, но тут Бет не выдержала и сама обрушила на них страшную новость. И когда все это закончилось для него, а для них только начиналось, он поехал домой. Обнять Анни и поцеловать Оноре, почитать ему перед сном, перед тем как вернуться в Три Сосны.

Глава двадцать четвертая

Патрик Эванс раскачивался взад-вперед на диване в гостинице.

Промозглый ноябрьский день перешел в холодный ноябрьский вечер.

– Я не понимаю, – снова и снова повторял Патрик. – Не понимаю.

Поначалу эти слова произносились как заявление, как призыв. Но поскольку никаких объяснений не поступало, а все попытки успокоить Патрика не давали результата, со временем эти слова и раскачивание превратились просто в некий ритуал. Примитивное бормотание.

Матео пытался утешить Патрика. Намерения были добрые, вот только умения не хватало.

– Отодвинься от него, – сказала ему Леа. – Его мучает скорбь, а не газы. А ты словно пробку из него хочешь выбить.

Матео похлопывал Патрика по спине и повторял:

– Все образуется.

– И кстати, – Леа наклонилась к мужу и понизила голос, – ничего не образуется.

Матео увидел, как его жена взяла Патрика за руку. Тот посмотрел на Леа, глаза его после таблеток и сна все еще оставались мутноватыми.

Матео почувствовал острый приступ старой ревности.

Какие качества Патрика пробуждали в женщинах материнские инстинкты? Да какие бы они ни были, у Матео они вызывали только ярость. Ему хотелось надавать Патрику по заднице.

Даже сейчас. Он знал, что это неразумно, даже жестоко, но ему хотелось накричать на Патрика, чтобы тот взял себя в руки. Сел прямо. Сделал что-нибудь, кроме раскачивания и нытья. Им нужно было поговорить. Выработать единую линию. А от Патрика, как всегда, не было никакого проку.

Матео встал, подошел к камину и принялся вымещать свое негодование на полене. Лупил по нему кочергой.

Все снова вернулось к первому курсу университета. Снова «Повелитель мух» во всей красе.

Когда их судьбы сплелись. Как оказалось, довольно прочно.

Тот первый год, когда они познакомились. Когда все началось. Когда произошли те события, которые привели их сюда, в этот ужас среди красот природы.

– Я подумал, вы захотите чего-нибудь, – сказал Габри, стоя в арке

между столовой и гостиной. В руках он держал поднос с чайником. – Скоро будет готов обед. Вряд ли вам захочется идти в бистро.

– Merci, – сказал Матео, взял у него поднос и поставил на кофейный столик рядом с шоколадными пирожными, которые они с Леа купили в пекарне.

Минуту спустя Габри принес еще один поднос – с выпивкой. Он поставил его на приставной столик рядом с потрескивающим камином.

Потом, наклонившись над скорбящим Патриком, прошептал:

– Я тоже не понимаю, но я знаю: они найдут того, кто это сделал.

Однако его слова не утешили Патрика. Он только еще больше ушел в себя.

– Вы так считаете? – пробормотал Патрик.

– Считаю.

Габри выпрямился и подумал: может быть, плач Патрика «не понимаю» – не только о его убитой жене?

И еще он с недоумением спросил себя, почему у него вдруг возникло желание отхлестать нытика по щекам.

Габри вернулся в кухню и налил себе красного вина в бокал в форме луковицы. Он сел на табуретку у стола, глядя в темноту сквозь маленькое окно.

Габри собирался приготовить пастуший пирог, утешительное блюдо к их обеду, но у него возникло подозрение, что его постояльцы найдут очень мало утешения в том, что обнаружит Гамаш. И вероятно, не найдут никакого утешения в еде.

Пока кухня наполнялась ароматами жареного чеснока и лука, мясной подливки и обжаренного фарша, он думал о четырех друзьях и об узах, которые тесно связали их. Это было очевидно с их первого приезда несколько лет назад.

Их дружба всегда казалась такой замечательной. Их товарищество. Их доверие друг к другу.

До нынешнего приезда.

С самого начала что-то пошло не так. И не только время, выбранное для этой их встречи. Конец октября вместо августа, что само по себе озадачивало. Зачем приезжать, когда холодно и серо, а мир собирается уснуть или умереть?

Почему сейчас?

Ноябрьская темнота и холод царили не только снаружи. Вслед за друзьями они прокрались и в гостиницу. Друзья радовались встрече. Но не так, как раньше. Они проводили меньше времени вместе и, несмотря на

приглашения, меньше времени с Габри, Оливье и другими завсегдатаями бистро.

Потом появился кобрадор, и холодок, казалось, просочился в каждую дверь деревни.

А теперь еще и убийство Кэти. Кто-то забрал ее жизнь.

– Умерла, – произнес Габри вслух, надеясь таким образом закрепить смысл этого слова в голове.

Но со смертью Кэти умерло что-то еще. Что-то важное. Он почувствовал это в гостиной. Безошибочно.

Они по-прежнему жили тесным кружком. Старым кружком, это очевидно. Если бы камни Стоунхенджа могли дышать, они тоже подружились бы. Но теперь Габри, слив воду с картошки, поймал себя на том, что размышляет, какие на самом деле отношения связывали их на протяжении долгих лет, на протяжении жизни.

Были ли они боевыми товарищами по оружию? Защищали ли друг друга? Братья и сестры? Возможно, из одних яслей? Жены, мужья, любовники? Вечные лучшие друзья?

Или что-то совершенно другое. Они, вероятно, на всю жизнь были связаны. Но теперь то, что прежде было спрятано, вышло на свет.

Габри представил себе огромные камни Стоунхенджа, наклонившиеся внутрь круга. Притягивающиеся друг к другу.

Но та самая сила, которая связывала их вместе, вызвала их падение.

И когда улеглась пыль, они все лежали на земле. Рухнули. То, что когда-то было могучим, созданным на века, пало.

– Умерло, – пробормотал Габри, поливая сметаной юконскую золотую картошку, над которой поднимался парок, и кидая на нее кружочки масла.

Потом он посмотрел на результат.

– Ах черт.

Он подошел к холодильнику, достал брикет грюйера, отрезал от него несколько ломтиков и посмотрел, как сыр тает в масле, сметане и картошке.

Потом Габри принялся толочь все это в пюре. Он покачивался в такт, нажимая всем своим немалым весом на толкушку.

– Не понимаю, – бормотал он, покачиваясь. Взад и вперед.

*** * ***

– Как это могло произойти? – шепотом спросил Матео у Леа, когда они стояли, греясь, у камина.

С самого начала идея была плохая. Но по крайней мере, не его идея. Он находил в этом некоторое утешение и опору.

Однако теперь он начал волноваться. Это можно было представить и как его идею. Легко.

Убедить Гамаша, что зачинщиком выступил именно он, Матео, не составит труда. А от этого всего один шаг до убийцы.

Матео вдруг подумал, а не планировалось ли это с самого начала. Иметь не только убедительные аргументы своей непричастности, но и человека, на которого можно фактически повесить все случившееся.

Но это означало бы, что операция готовилась очень давно. Началась раньше, чем он мог себе представить. И требовала участия других. Участия Леа.

Возможно ли такое?

Матео поставил стакан на каминную полку.

– Что с тобой? – спросила Леа, почувствовав его тревогу.

– Обвинить кого-нибудь из нас очень легко, – сказал он, опустив голову и понизив голос.

– В убийстве Кэти?

– Во всем. Ты об этом не думала?

Вообще-то, Леа и сама только что пришла к такому выводу. Тот, кто первым доберется до Гамаша, сможет обернуть обстоятельства в свою пользу. Подставить других.

По оконному стеклу что-то стучало. Не то дождь. Не то снег. Дождь со снегом.

Мир снаружи менялся. И не к лучшему.

Они заполонили все. Были повсюду, куда ни повернись. Полиция. Суетились. Принюхивались. Заглядывали в темные уголки. Открывали запертые двери. Вытаскивали на свет то, что прежде находилось в тени.

Пока Патрик спал, ее и Матео допрашивали. Они не знали, что сказать, а потому не сказали ничего.

– В конечном счете они до всего докопаются. – Леа кивнула в сторону Патрика. – Я была уверена, что он им все выложит, когда они сообщили ему новость.

– Я тоже так думал, но он был слишком ошеломлен. А тут еще лоразепам. Это была хорошая мысль.

– Одна таблетка, – сказала Леа.

– Конечно. Кто в здравом уме дал бы ему больше?

В его голосе послышалась угроза. Леа не боялась Матео. Не очень боялась. В нормальной ситуации. Но ничего из происходящего не казалось

нормальным.

– Так почему же ты дала? – спросил он.

– Я не давала.

– Я ведь не Гамаш. Я не коп, – сказал Матео. – Не надо мне лгать. Ты знаешь то же, что и я. – Он наклонился к ней. – Или ты знаешь больше?

– Только посмей, – прошептала она, а скорее прошипела.

Ростом она ему не уступала. И хотя не могла справиться с ним физически, зато всегда брала над ним верх в интеллектуальном плане. Не то чтобы Матео был глуп, но Леа была умнее. Сообразительнее. Они все это знали. Она это знала.

Ей всегда удавалось управлять им. Главным образом благодаря ее умению управлять собой, умению, которого был лишен Матео.

Впрочем, она чувствовала, что власть над ним ускользает от нее. Все ускользало из ее рук. Леа и Матео словно попали в сель, и их теперь несло вниз.

Они все лгали полиции. Говорили, что им ничего не известно, хотя знали всё.

– Мы в дерьме, – сказал Матео.

– Кэти мертва, – сказала Леа. – Ты тут один, что ли, в дерьме? Вытащи голову из собственной задницы. Прекрати думать о себе.

– О, а ты о себе не думаешь?

Леа выдержала его взгляд. Она старалась не показать ему, что он прав, не дать ему этого удовлетворения. В этот день Леа Ру узнала о себе кое-что новое.

Когда ее понес сель, она хотела только одного – спастись.

«Господи, помоги мне», – думала Леа. Она всегда надеялась, что будет такой, как оркестранты на «Титанике». Или как немка, прячущая евреев на чердаке.

Но теперь она поумнела. Когда произойдет столкновение с айсбергом, она выкинет детей из спасательной шлюпки.

Когда посреди ночи раздастся стук, она покажет на потайную дверь.

Да, думала она. В этот день умерла не только Кэти. Обнаружились также холодные останки той женщины, какой Леа себя считала, какой надеялась быть.

И все же, может, еще не поздно. Может, сердце еще бьется.

У нее оставалось немного времени, чтобы подумать.

В одном Матео прав. Кто придет первым, у того будет преимущество.

Леа посмотрела на бронзовые часы на каминной полке. Шел седьмой час. Из кухни доносился восхитительный запах.

– Я, пожалуй, прогуляюсь, – сказала Леа.

– Там снег, или дождь, или то и другое, – заметил Матео. – Или ты имеешь в виду очень короткую прогулку?

Он кивнул на дом Гамашей, стоящий прямо напротив гостиницы.

Услышав его тон, она ощутила вкус грязи.

– Ты никуда не пойдешь, – заявил Матео. – И я тоже. Мы будем держаться вместе.

Он пристально посмотрел на жену. У него не было иллюзий на ее счет. Он всегда знал, с первого дня их знакомства в университете.

Она была энергичной. Умной и здравомыслящей. И не только.

Леа Ру была безжалостной.

Но и он был не лучше. Безжалостность их и свела.

Глава двадцать пятая

– Только что звонила Мирна, – сказала Рейн-Мари. – Пригласила нас выпить и послушать информацию.

– У нее есть информация?

Арман, сидевший на диване, посмотрел на нее поверх очков. Вокруг него лежали папки. Каждая – отчет того или иного отдела.

– Не совсем так. У нее есть выпивка, а у тебя информация, mon beau.

– А-а-а-а, – произнес он с улыбкой.

– Она считает, что это был бы справедливый обмен, но я ей сказала, что мы не сможем. Мы ждем на обед Изабель и Жана Ги.

Арман взглянул на часы. Шел седьмой час, хотя казалось, что уже поздний вечер, потому что солнце с каждым днем садилось все раньше. Он переоделся в свободные брюки, рубашку и свитер и теперь, усевшись у огня, делал записи в тетради.

Гамаш снял очки и отложил тетрадь в сторону.

Записи, которые он делал, не относились к убийству Кэти. Этим занималась Изабель со своей командой. Они обойдутся без него.

Мысли его были совсем о другом.

На диване лежала помятая салфетка. Та салфетка, на которой он записал кое-что на память во время ланча с Туссен, когда они говорили о неспособности Квебекской полиции контролировать наркотрафик. Казалось, чем больше усилий они прикладывали для контроля, тем хуже становилась ситуация. Как узлы, которые затягиваются туже, когда ты пытаешься освободиться от пут.

Но предположим…

Гамаш уставился на огонь, зачарованный игрой пламени, как будто жидкого, текучего. Он отпустил мысли на свободу.

Но предположим, ты перестанешь бороться. Отдашься на волю обстоятельств. Что произойдет тогда?

Гамаш больше не видел языков пламени. По крайней мере, тех, которые плясали в камине.

Потом он снова посмотрел на салфетку.

Это было слишком нелепо. Невозможно.

Однако они уже проиграли войну. Он понимал это. И все-таки продолжали сражаться, потому что капитуляция была бы еще хуже. Это немыслимо.

Но теперь, подумал старший суперинтендант Гамаш…

Предположим…

Предположим.

Они пойдут на это. То есть сдадутся.

Он подумал про Оноре. Ему всего несколько месяцев. Если картели настолько сильны теперь, то какими они станут к его тринадцати годам? Когда он будет на школьном дворе. На улице. Гамашу к тому времени будет за семьдесят, он уже уйдет в отставку.

Он подумал о своих внучках в Париже. О маленьких Флоранс и Зоре. Одна уже подготовишка, другая в детском саду.

Словно анимацию на канале «Хистори», он увидел карту Европы, которая на глазах меняет цвет, по мере того как чума подбирается к ней. Ползет. Приближается. Смыкается вокруг его внучек.

Для нее не существовало преград. Она пересекала границы, не знала никаких границ. Ни границ стран, ни границ порядочности. Ничто не могло остановить движения опиоидов на рынок.

Ничто.

«Пепел, пепел, мы все падаем».

Наконец-то у Гамаша было достаточно власти, чтобы предпринять что-то. Он стал старшим суперинтендантом Квебекской полиции. Однако все оказалось напрасно. Они испробовали все, и ничто не помогало. Все их попытки пресечь трафик проваливались.

Разве что… Он еще раз посмотрел на огонь.

«Сжечь наши корабли».

Он надел очки и снова принялся писать. Он писал и писал.

Десять минут спустя он поднял голову и увидел Рейн-Мари, которая сидела рядом с ним, положив ладонь на открытую книгу у себя на коленях. Но она не читала, а смотрела перед собой. Гамаш знал, о чем она думает. Что чувствует. Что видит.

Ту темную глыбу в кладовке.

Он взял ее за руку, холодную на ощупь.

– Извини. Я не должен сейчас работать.

– Конечно должен. Со мной все в порядке.

– Даже ОТЛИЧНО?

Она рассмеялась:

– А это в особенности.

Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно.

Их соседка Рут так назвала свою последнюю книгу стихов: «У меня

все ОТЛИЧНО». Было продано около пятидесяти экземпляров, в основном друзьям, которые признали блестящий юмор и истинность ее слов.

Рут и в самом деле чувствовала себя ОТЛИЧНО. Как и они.

– Я позвоню Мирне, – сказал Гамаш, встал и пошел к телефону в своем кабинете. – Узнаю, действительно ли еще приглашение на обед. Нам пригодится ее выпивка и ее общество.

– А Жан Ги и Изабель?

– Мы оставим им записку.

Войдя в кабинет, Арман положил салфетку и тетрадь в ящик письменного стола и запер его. Не от Рейн-Мари, или Жана Ги, или Изабель. Он был осторожным человеком, который на собственной шкуре узнал, что случаются самые неожиданные вещи. Если кто-то, для чьих глаз не предназначены его записи, его мысли, прочтет их, то произойдет катастрофа.

Прежде чем закрыть ящик, он пару раз постучал по обложке тетради, словно осторожно вызывая что-то. Странную, а возможно, и нелепую идею. Будто постучал кого-то по плечу – не повернется ли к нему лицом. А если повернется, то кого он увидит?

Монстра? Спасителя? Того и другого?

Наконец он закрыл ящик, запер его и набрал номер Мирны.

– Договорился, – сказал Арман, снимая куртку жены с крючка у двери.

Густой туман перешел в бесконечный дождь, дождь – в ледяную крупу, а теперь повалил снег.

Мир постоянно меняется, подумал Гамаш. И ты должен либо приспосабливаться, либо умереть.

* * *

Жан Ги опустился на стул, снял очки и уставился на экран.

Вернувшись из Монреаля, он рассказал Лакост о разговоре с сестрой Кэти и обыске, проведенном им в доме Кэти.

– Ничего не нашел, но привез вот это.

Он показал ей фотографию.

– Этот пятый – Эдуард? – спросила Лакост. – Который погиб?

– Oui.

Он был невероятно молодой. Светловолосый. Улыбка во весь рот и яркие глаза. Его тонкая загорелая рука лежала на плече Кэти.

Остальные тоже улыбались. Молодые. Сильные. Но никто не сиял так

ярко, как Эдуард.

– Жаль, – тихо сказала Лакост. Потом помолчала, вглядываясь в фотографию. – Интересно, что чувствовал Патрик.

– Ты о чем?

– Кэти сохранила этот снимок. Он явно относится к тем временам, когда она была близка с Эдуардом.

Это не вызывало сомнений. Даже на старой фотографии их связь была очевидна.

– Что ж, Патрик победил, – заметил Бовуар. – Может, фотография напоминала ему о победе. Может, он сам ее и сохранил.

– Возможно.

Они сели за свои столы в оперативном штабе, и Бовуар набрал на клавиатуре еще одну поисковую команду.

Потом откинулся на спинку стула и стал ждать ответа.

Вокруг него агенты работали на компьютерах, разговаривали по телефону.

Изабель Лакост находилась на своем руководящем месте в центре оперативного штаба. Сидела, скрестив вытянутые ноги, и посасывала авторучку, читая протоколы допросов.

Агент, вернувшийся из Ноултона, доложил, что вчера в ресторане устроили вечер стейков с картошкой фри и официантка была очень загружена, она даже не заметила бы, приди пообедать ее собственная мать, уже не говоря о Патрике и Кэти.

Платежного терминала в ресторане не было, а значит если Патрик и Кэти там обедали, то расплачивались наличными. Любопытно, отметил Бовуар. Он не помнил, когда в последний раз расплачивался наличными за еду.

Он вернулся к компьютеру. Бовуар знал, что должен был спросить разрешения у Лакост, прежде чем занять один из столов. В конце концов, это не его расследование. Он должен привыкнуть к данному факту. Он больше не заместитель начальника отдела по расследованию убийств. Он теперь заместитель начальника всей Квебекской полиции.

Жан Ги воспринимал это так, что теперь он принадлежит не к одному конкретному отделу, а ко всем сразу. Будучи реалистом, он понимал, что такое его восприятие не разделяет больше никто в Квебекской полиции. Включая и Гамаша.

Но пока Лакост не выкинула его пинком под зад, он оставался. И помогал. Хотела этого Лакост или нет.

Так он застолбил для себя эту территорию и обосновался на ней.

В отсутствие вай-фая его ноутбук был подключен к Интернету напрямую. На шпиле церквушки закрепили спутниковую тарелку, и сигнал благодаря технарям Квебекской полиции проходил неплохо.

Не в состоянии больше сидеть и ждать, Бовуар положил очки на стол, встал и принялся расхаживать по комнате. Думать, думать.

Он ходил, сцепив руки за спиной. И с каждым шагом его голова чуть покачивалась. Медитация на ходу. Впрочем, Бовуар отверг бы такое описание, как бы точно оно ни передавало его состояние.

В убийстве Кэти Эванс было много непонятного. Кобрадор. Мотив. Исчезновение убийцы.

Убил ли ее кобрадор, или он тоже стал жертвой? Остается ли убийца все еще в деревне? Попивает пиво и горячий шоколад у весело потрескивающего огонька в камине. Сидит в тепле, совершив задуманное.

Таковы были главные вопросы, но, чтобы добраться до ответов, сначала предстояло раскидать гору вопросов более мелких.

Например, что случилось с битой?

Жан Ги до сих пор подозревал, что мадам Гамаш, пережив понятное потрясение, не заметила орудия убийства.

В кладовой было темно. А обнаруженное тело, вероятно, отвлекло внимание Рейн-Мари от всего остального.

Такое объяснение представлялось ему гораздо более убедительным, чем предположение, будто орудие убийство исчезло, а потом снова появилось, после того как тело было найдено.

Рациональный ум Бовуара, всегда контролирующий ситуацию, говорил ему, что это просто нелепо.

Но его чутье, которое росло и доставляло Жану Ги некоторое беспокойство, ставило перед ним вопросы.

По своему опыту он знал, что Рейн-Мари Гамаш, работавшая главным архивистом в библиотеке Национального архива Квебека, почти ничего не упускала из виду. Она отличалась спокойствием. Проницательностью. И была достаточно добра для того, чтобы держать при себе большую часть из того, что замечала.

Его чутье говорило ему, что, если бита находилась в кладовке, мадам Гамаш заметила бы ее.

Между его рациональностью и интуицией возник барьер. Ком в его горле.

Бовуар перестал кружить по комнате и подошел к кладовке. Остановился перед полицейской лентой и уставился в маленькое темное помещение.

Почему убийца, если он забрал биту с собой, просто не расколол ее и не сжег? В городе это ему вряд ли удалось бы. Но в деревне? Во всех домах камины. У большинства дровяные плиты. За считаные минуты орудие убийства превратилось бы в пепел.

Зачем возвращать его на место?

– О чем ты думаешь?

Жан Ги чуть не подскочил на месте.

– Черт побери, Изабель. – Он схватился за сердце и сердито нахмурился. – Ты меня чуть не убила.

– Я всегда тебе говорила, – сказала она, придвинувшись ближе к нему, чтобы никто не услышал, – что слова хуже пуль.

Бовуар, который не имел ни малейших намерений быть убитым словом, пусть даже самым доброжелательным, недовольно посмотрел на нее:

– Я спросил сестру мадам Эванс про кобрадора. Она впервые услышала это слово.

– Мне кажется, в эпицентре всех событий – Матео Биссонетт. Он единственный из приехавших сюда знал про кобрадора. Без Биссонетта этот человек так и остался бы шутом в старом костюме на Хеллоуин. Дарт Вейдер на деревенском лугу.

– И все же я не понимаю, – сказал Бовуар. – Какой убийца – про персонажей комиксов мы не говорим – станет напяливать на себя маскарадный костюм и расхаживать на виду у всех? У всех! – подчеркнул он. – Привлекать к себе внимание. Чтобы потом убить человека?

– Но именно это он и сделал, – сказала Лакост. – Разве что этот кобрадор не имеет никакого отношения к убийству.

– На что ты намекаешь?

– Что, если он появился здесь, чтобы помучить кого-то другого? Он ведь брал на себя роль совести, верно? Не убийцы. Однако кто-то увидел в этом шанс для убийства Кэти Эванс…

– И возможность списать вину на кобрадора, – подхватил Бовуар. – Но это означает, что человек, на котором был костюм, тоже мертв.

– Мертв или испугался и убежал, – сказала Лакост. – Понимая, что обвинят его.

– Или убьют. Когда будут известны лабораторные данные по костюму?

– Я поставила отметку срочности, но его привезли в лабораторию всего часа два назад.

Бовуар кивнул. Они взяли пробы ДНК у всех, с кем говорили, и никто не отказался. Эти сведения о многом могли рассказать. Или ни о чем. Но

Бовуара больше всего интересовало, кто носил костюм до того, как его надели на мадам Эванс. Хотя этот человек, возможно, давно исчез из деревни, а может, вообще с лица земли.

– Я просматривала протоколы допросов, проведенных нашими ребятами сегодня, – сказала Лакост. – Ничего полезного. Большинство жителей ее даже не знали, а те, кто знал, как Леа Ру и Матео Биссонетта, не знают ничего такого, что она могла бы скрывать.

– Они вполне могут лгать, – заметил Бовуар.

– Да что ты? – притворно изумилась Лакост. – Ее сестра рассказала тебе об аборте, но я не вижу, как это может быть связано с убийством. А ты?

– Сумасшедших много, – сказал Бовуар. – Но нет. Пока мы не нашли в ее прошлом никакого поступка, который мог бы привлечь кобрадора.

– Значит, он пришел не по ее душу, – повторила свою мысль Лакост. – Его целью был кто-то другой. В деревне есть новые люди. Антон Лебрен. Мойщик посуды в бистро. И Жаклин Марку.

– Работает в пекарне, – добавил Бовуар.

Изабель не удивилась тому, что человек с растущей «интуицией» знает женщину, которая печет эклеры.

– Насколько нам известно, перед приездом сюда они работали вместе. В семье.

– Как же они оказались один мойщиком посуды, а другая – помощницей пекаря? Их уволили?

– Семья переехала, – пояснила Лакост, просматривая записки. – Занятно то, что и Антон, и Жаклин отказались назвать своего прежнего нанимателя. Говорят, подписывали соглашение о конфиденциальности и не могут его нарушить. Опасаются судебного преследования. Мне пришлось надавить на них, сказать, что расследование убийства имеет приоритет над соглашением о конфиденциальности. И к тому же я у них не спрашиваю, из чего состоял обед их нанимателей и с кем они спали. Мне просто нужны их имена для подтверждения сказанного.

– Не хотели называть? – переспросил Бовуар. – Похоже, тут не столько опасение нарушить соглашение, сколько реальный страх. Их запугали. И что это за семья?

Лакост полистала страницы:

– Руис. Его имя Антонио, а ее – Мария Селеста.

Бовуар замер. Как охотник, услышавший треск ветки.

Антонио и Мария Селеста Руис.

– Ты говоришь, они уехали? Куда? – спросил Бовуар.

– Вернулись домой. В Испанию.

Он медленно открыл рот и произнес:

– Та-ак.

– В Барселону, – уточнила Лакост, видя его реакцию.

– Это, вероятно, совпадение, – сказал он. – Наверное. Я не вижу, как одно может быть связано с другим.

Но он продолжал стоять на месте и думать. Позволяя капризной мысли оформиться.

Испания. Родина кобрадоров. Там их больше всего. Современная версия – в цилиндре. Но в последнее время стала все чаще появляться оригинальная версия. Совесть.

– Они не признались, что знают про кобрадора? Руис когда-нибудь говорил им об этом?

– Я спросила у них про кобрадора, но оба ответили, что в первый раз слышат, – сказала Лакост.

– Этот Антонио Руис, что он делает? – спросил Бовуар.

– Они мне не сказали.

Бовуар рассердился:

– Да брось ты. Даже этого не сказали?

– Узнать нетрудно, – заметила Лакост. – Должно быть, он занимается каким-то бизнесом.

– Возможно, – согласился Бовуар. – Бизнесмены – основные жертвы испанских кобрадоров в цилиндрах. Он не мог о них не знать. Даже если сам не был в роли преследуемого, то наверняка знал кого-нибудь, кто попал в такую переделку. Или, по крайней мере, видел кобрадоров на улице.

– Или читал о них в газетах, – подхватила Лакост. – Он, вероятно, читает парламентские вести. Ты думаешь, он говорил на эту тему, а Антон и Жаклин подслушали?

– Не стал бы этого исключать, – ответил Бовуар. – Но конечно, связь с убийством мадам Эванс тут притянута за уши.

Лакост кивнула. Убийство часто поражало ее сходством с переходом Ганнибала через Альпы. Как человек попадает из одного места в другое? Как от расстройства, обиды, злости, даже жажды мести он переходит к убийству?

От семьи, обсуждающей за воскресным обедом некое странное явление у себя на родине, в Испании, – к скрюченному, искалеченному телу в церковной кладовке в Квебеке?

И все же такое случается. Переход через Альпы.

Но, как внушал своим агентам Гамаш, когда они приходили в его

отдел, убийство – событие всегда трагическое и почти всегда простое. Именно они, следователи, нередко усложняют его.

А убийцу это устраивает. Поскольку позволяет ему скрыться в тумане.

Так каков же простой ответ на это?

– Дай-ка я позвоню в Гуардия Сивил[36] в Испании, – сказал Бовуар. – Спрошу, есть ли у них что-нибудь на Антонио Руиса.

– Звони. – Лакост протянула руку к своему ноутбуку, но, увидев, что Бовуар остался стоять у двери в кладовку, подняла голову и посмотрела на него. – Что-то еще?

– Думаю, да.

Бовуар подошел к своему столу и сел за ноутбук.

– Вот это.

* * *

– Мы здесь, – донесся с чердака книжного магазина напевный голос Мирны.

Она услышала звон колокольчика над дверью магазина, а потом и шаги вверх по лестнице.

Клара уже наливала красное вино для Рейн-Мари и виски для Армана.

– Господи, ну и холодрыга, – поежилась Рейн-Мари, стряхивая ледяную крупу с куртки и кладя ее на перила. – Merci.

Она взяла бокал у Клары и последовала за ними в гостиную. Мирна махнула в сторону кресла, ближайшего к плите, а Клара села на диван.

– Ладно, – сказала Клара, кладя ноги на скамеечку. – Выпивку вы получили, давайте расплачивайтесь. Прошу информацию.

Арман отхлебнул виски и выдохнул.

– Изабель еще не закончила допрашивать свидетелей, – сказал он. – С вами уже поговорили, верно?

Обе женщины кивнули.

– Боюсь, от нас было мало проку, – сказала Клара. – По крайней мере, от меня. Я ничего не видела. Не видела, как Кэти вошла в церковь, не видела, как за ней поднялся кобрадор.

– Как вам показалась Кэти в этот приезд? – спросил Гамаш.

– Такая же, как обычно, – ответила Мирна. – Может, чуточку рассеянная, а может, это я уже придумываю с учетом случившегося.

– Да, ладно, Арман, – сказала Клара. – Расскажите нам что-нибудь. Мы ведь не из простого любопытства интересуемся. В деревне убийца, и я,

откровенно говоря, побаиваюсь.

– Да, я понимаю, – ответил Арман. – И это одна из причин, почему я здесь. Многого вам рассказать не могу, отчасти потому, что мы знаем пока очень мало. Но убийство Кэти Эванс, скорее всего, не было случайным.

– Что это значит? – спросила Мирна. – Она была целью с самого начала? Ее убил кобрадор? Ну да, кто же еще.

– Похоже, что так, – сказал Арман, спрашивая себя, заметили ли они, что он уклонился от однозначного ответа.

– Но зачем играть с ней? – спросила Клара. – Это просто жестоко.

– Вы рассказывали, что первые кобрадоры не проявляли жестокости, – сказала Мирна. – Они не предпринимали активных действий. Что-то вроде акта гражданского неповиновения.

– Это уже не первый пример того, как доброе и достойное начинание выворачивается наизнанку ради другой цели, – заметила Рейн-Мари.

– И все же, если посмотреть на поведение здешнего кобрадора, – начала Клара, – он ведь только стоял здесь. Два дня. Никого не трогал.

– Пока не убил Кэти, – отрезала Мирна. Но тут же покачала головой. – И все равно не складывается. Если ты хочешь запугать кого-то, то при чем тут какое-то непонятное испанское существо, о котором никто не знает? К тому же существо, известное своим неприятием насилия.

Арман кивал. Они вернулись к тому, с чего начали. Первые кобрадоры прославились именно своей чрезвычайной храбростью.

– Он не сделал ничего плохого, а мы его возненавидели, – сказала Клара.

– Вы защищали его, – напомнил Арман. – Когда ему угрожали.

– Мы не хотели, чтобы его убили, – сказала Мирна. – Но Клара права. Мы хотели, чтобы он исчез. И вы тоже, я думаю.

Арман задумчиво кивнул. Это было верно. Кобрадор вторгся в их жизнь – чужой, незваный-непрошеный. Он играл не по правилам цивилизованного общества.

Он поставил неудобные, неприятные вопросы. Может быть, открыл кое-какие истины.

– Вы правы, – признал Арман. – При всем при этом важно не романтизировать его фигуру. Очень велика вероятность того, что именно он убил мадам Эванс.

– Возможно… – начала Клара и замолчала.

– Продолжай, – сказала Мирна. – Говори же.

– Возможно, она заслужила такую судьбу. Прошу прощения. Ужасные слова. Никто не заслуживает такой судьбы.

– Никто, – кивнула Рейн-Мари. – Но мы тебя понимаем. Наверное, Кэти Эванс совершила какой-то поступок, который и привел к ее смерти.

– Скорее всего, – сказала Мирна. – Если то, что вы говорили, правда. Если кобрадор олицетворял совесть.

– Но совесть не убивает, – возразила Клара. – Или нет?

– Конечно убивает, – сказала Мирна. – Чтобы предотвратить еще большее зло. Да.

– Значит, убийство иногда оправданно? – спросила Рейн-Мари.

– Если не оправданно, то, по крайней мере, объяснимо, – сказала Мирна, заполняя паузу. – Как и жестокость. Объяснение может нам не нравиться, но мы не можем его отрицать. Вспомните Нюрнберг. Почему случился холокост?

– Потому что зарвавшимся, рвущимся к власти вождям требовался общий враг, – ответила Клара.

– Нет, – возразила Мирна. – Холокост стал следствием попустительства. Если бы достаточное число людей вовремя сказали «нет», ничего бы не случилось. А почему люди этого не сделали?

– Из страха? – спросила Клара.

– Да, отчасти. А отчасти свою роль сыграло зомбирование. Респектабельные немцы видели, как другие ведут себя жестоко по отношению к тем, кого они считают чужаками. К евреям, цыганам, геям. Это стало нормой, стало приемлемым. Никто не сказал им, что то, что происходит, неправильно. Им говорили прямо противоположное.

– Все боялись, – вставила Рейн-Мари.

– Мирна права, – сказал Арман, прерывая свое молчание. – Мы постоянно видим то, о чем она говорит. Я наблюдал это в академии. Я видел жестокость в самой Квебекской полиции. Мы видим такое, когда у власти тираны. Это становится частью культуры общественных институтов, семьи, этнической группы, страны. Становится не только приемлемым, но и ожидаемым. Этому даже аплодируют.

– То, что ты описываешь, – это извращение понятия совести, – заметила Рейн-Мари. – Нечто, кажущееся правильным, а на самом деле зло. Никто из тех, у кого есть настоящая совесть, не будет выступать за подобные вещи.

– Не знаю, правда ли это, – сказала Мирна. – Было одно знаменитое психологическое исследование, эксперимент на самом деле. Он задумывался как реакция на процессы над нацистскими преступниками и заявление их защиты о том, что у них совесть чиста. Мол, шла война, и они просто исполняли приказ. На этом строилась защита Эйхмана, когда его

поймали много лет спустя. Общественность пришла в ярость, говорили, что ни один нормальный человек не сделал бы того, что делали нацисты, и ни одно цивилизованное общество не стояло бы в стороне, позволяя совершать такие преступления. И тогда социологи во время процесса над Эйхманом провели эксперимент.

– Постой, – сказала Клара. – Прежде чем ты продолжишь, мне нужно добавить вина. Кому-нибудь еще?

Арман поднялся:

– Позвольте мне.

Они с Мирной отнесли стаканы в кухню и налили всем вина.

– А для вас? – спросила Мирна, показывая на бутылку «Гленфиддиха».

– Non, merci. Мне еще предстоит сегодня поработать. Это исследование – не эксперимент ли Милгрэма в Йеле?

– Да. – Она посмотрела на Рейн-Мари и Клару, болтающих у печки. – Они бы это сделали, как вы думаете?

– Вопрос теперь стоит по-другому: вы бы это сделали? Я бы это сделал?

– А ответ?

– Может, мы как раз сейчас это делаем и не отдаем себе в этом отчета, – сказал Арман и подумал о тетрадке, запертой в его тихом доме. И о том, что в ней содержалось. И о том, что он планировал сделать.

Но в отличие от нацистов он не будет просто подчиняться приказу. Он сам будет отдавать приказы.

И сотни, может быть, тысячи людей почти наверняка умрут.

Смог бы он оправдать это?

Глава двадцать шестая

Изабель Лакост склонилась над ноутбуком.

Лампы дневного света в цокольном помещении церкви немилосердно отсвечивали в экране компьютера. И без всякой жалости освещали лицо, которое в нем отражалось.

«Когда же я успела так постареть? – удивилась она. – И так устала от забот? И так позеленела?»

Фотография, загрузки которой ожидал Бовуар, наконец появилась, и он поднес свой ноутбук к столу Лакост. И сел рядом с ней.

Но не стал смотреть на экран. Он отлично знал, что на нем изображено.

Вместо этого он смотрел на Изабель Лакост.

Она облокотилась о столешницу и прикрыла рот рукой с наманикюренными ногтями.

Глядя на экран. На женщину.

– Это не мадам Эванс, – сказала она наконец.

– Нет. Фотография сделана полтора года назад в Питсбурге. Я провел кое-какое расследование по Кэти Эванс. Пока что она отвечает тому представлению, которое сложилось о ней у окружающих. Перспективный архитектор. Защитила диссертацию по стеклянным домам. По приспособлению их к нашему суровому климату. Насколько нам известно, она защитилась в Монреальском университете.

– Там, где все они и познакомились.

– Oui. Но она провела лето между школой и университетом, слушая курс в Карнеги-Меллоне…

– В Питсбурге, – подхватила Лакост, возвращаясь взглядом к экрану.

Фотография была и банальной, и ужасной. Изображение на девяносто процентов было обычным. А ужас умещался на самом краю.

– Месье Гамаш попросил меня собрать материал по кобрадору несколько дней назад, когда тот впервые здесь появился. Это обнаружилось среди того, что я нашел.

Лакост была права. С фотографии на них смотрела не Кэти Эванс, хотя и ее ровесница. Тридцати с небольшим лет. Хорошо одетая. Менеджер, которая идет на службу. Или домой.

Торопливо, как и все остальные.

Фотография зафиксировала обычный момент на многолюдной улице.

Но что-то привлекло внимание женщины. Она только-только начинала отдавать себе отчет в этом.

Изабель почувствовала, как кровь холодеет в ее жилах. Выражение лица женщины не отличалось от лиц тех, кто обгонял ее. Но ее глаза начали изменяться. Такие глаза бывают у лошади, когда она испугана и собирается лягнуть или понести.

И там, с краю фотографии. Почти за пределами периферийного зрения этой женщины. На самой его границе. Стоял кобрадор.

Деловые горожане, с опущенной головой спешащие по улице, уставившись в свои телефоны и планшеты, обтекали его со всех сторон, а призрак из давно ушедших времен стоял, словно черная скала в реке.

И смотрел.

И хотя женщина не знала, что это такое, она, кажется, начинала понимать, что этот человек пришел за ней.

– Кто она?

– Колин Симпсон. Владелица сети центров по уходу за детьми. Поступили сведения о злоупотреблениях с ее стороны, и ее судили. И оправдали.

Лакост кивнула. Конечно оправдали. Если бы не оправдали, откуда бы мог взяться кобрадор.

– Кто-то не поверил оправдательному приговору, – сказала Лакост.

– Ее оправдали по формальному признаку, – пояснил Бовуар. – Один из копов оплошал.

Этот страх преследовал всех следователей. Совершить ошибку, из-за которой хищник снова окажется среди жертв.

Лакост перевела взгляд на экран. Монстр изменился. Он больше не был кобрадором. Превратился в модно одетую женщину, очень похожую на всех остальных на улице.

Лакост посмотрела в сторону опустевшей кладовки.

– И ты думаешь, что Кэти Эванс могла знать эту женщину, – сказала она. – Что они могли встречаться в Карнеги-Меллоне.

– Это всего лишь догадка, но… – Он сделал движение рукой, означающее «стоит попробовать». – Если мадам Эванс знала эту женщину, то, возможно, кобрадор приходил за ними обеими. Сначала за одной, потом за другой.

– Посмотри, что еще удастся найти.

– Oui, patron.

Старший инспектор Изабель Лакост вернулась к своему ноутбуку и протоколам сегодняшних допросов. Она кликнула по следующему допросу

и тихонько застонала.

Рут Зардо.

Лакост убрала этот файл с экрана. Ей хватило и одного допроса чокнутой старой поэтессы. Читать все с самого начала было свыше сил даже главы отдела по расследованию убийств. И потом, там все равно не было ничего путного. Она перешла к следующему протоколу, взяла кружку с кофе и устроилась поудобнее.

– Ох, merde, – вздохнула она и, закрыв этот протокол, снова вызвала файл с Рут Зардо, слабо улыбнувшись при этом.

Рут определенно была каким-то потусторонним духом, которого нужно вызывать.

* * *

Клара и Рейн-Мари увлеченно разговаривали о чем-то, когда с вином и нарезанным багетом и сыром вернулись Арман и Мирна.

– О-о-о, merci, – сказала Рейн-Мари, хватая первым делом ломтик багета.

– О чем вы говорили? – спросила Мирна. – О нацистах?

– О Пиноккио, – ответила Клара.

– Ну конечно. – Мирна посмотрела на Гамаша. – Мы пришли как раз вовремя, чтобы поднять этот разговор выше детсадовского уровня.

– Рассуждениями о нацистах? – спросила Клара. – Тогда этот лифт опускается.

– Нет, рассказом об эксперименте, – ответила Мирна. – Защита Эйхмана строилась на том, что он всего лишь исполнял приказ, верно?

Женщины кивнули. Они все об этом слышали. Классическая защита того, кто не имеет оправдания.

– Обвинение и суд общественного мнения заявили, что это нелепость. Любой порядочный человек отказался бы принимать участие в холокосте. Эта проблема стала темой дня, о ней говорили у кулеров, на коктейлях. Отказался бы совестливый человек или нет? Вот для этого и провели эксперимент.

– Но как можно проверить такие вещи? – спросила Рейн-Мари.

– Я подзабыла некоторые детали, но суть эксперимента состояла в том, что испытуемый помещался в комнату с двумя другими людьми. Одного представляли как человека, ведущего эксперимент. Ученого. Человека очень высокопоставленного и уважаемого. Суть эксперимента, говорили

испытуемым, состоит в том, чтобы научить третьего человека в комнате лучше учиться. Испытуемого заверяли, что это ценный опыт не только для обучаемого, но и для всего общества.

Арман откинулся на спинку, положил ногу на ногу и уставился в огонь. Он слушал низкий, успокаивающий голос Мирны. Все равно что слушать сказку перед сном. Но он знал, что эта история скорее похожа на сказки братьев Гримм, чем на Милна.

– Далее обучаемого пристегивают к креслу, – продолжила Мирна.

– Пристегивают? – переспросила Рейн-Мари.

– Да. Испытуемому говорят, что некоторые обучаемые склонны убегать, когда становится трудно, поэтому их пристегивают. Вроде как ремни безопасности. Такой мягкий ограничитель. Им платят за участие в эксперименте, поэтому они обязаны пройти его до конца, объясняет ученый.

Мирна обвела всех взглядом, проверяя, следят ли они за ходом ее мысли. Рейн-Мари и Клара кивнули. Пока они не находили в рассказе ничего неразумного.

Соглашались со всем. Пока.

– Потом испытуемому говорят: за каждый неправильный ответ, данный обучаемым, испытуемый должен дать обучаемому слабый удар электротоком.

– Это как невидимый забор для собак, – сказала Клара. – Они получают слабый удар током и так узнают, где граница.

– Верно. Мы делаем это все время. Терапия отвращения, – сказала Мирна. – Но испытуемый не знает, что обучаемый и ученый в сговоре.

– Никакого электротока нет? – спросила Рейн-Мари.

– Нет. Обучаемый – актер. Он делает вид, что получает удар. При первом неправильном ответе удар слабенький и у испытуемого не возникает никаких затруднений. Однако с каждым неправильным ответом ток якобы усиливается. По мере продолжения эксперимента и увеличения числа неправильных ответов обучаемый все больше путается. Теперь электрические разряды вызывают у него сильную физическую боль. Он просит остановить эксперимент, но ученый говорит, что это невозможно, и приказывает испытуемому продолжать.

– А его это не беспокоит? – спросила Клара. – Испытуемого то есть.

– Вот это любопытный вопрос, – сказала Мирна. – Насколько мне помнится, он смущен и сомневается, но ученый заверяет его, что все остальные доводили эксперимент до конца и он тоже должен.

– И он продолжает? – спросила Клара.

– Да. В конечном счете обучаемый начинает плакать, молить, кричать, пытается вырваться. Ученый приказывает испытуемому дать еще удар. Испытуемый знает, что удар будет сокрушительный, возможно, даже смертельный. Ученый объясняет ему, что он не делает ничего плохого. И напоминает, что все остальные доводили эксперимент до конца.

В комнате воцарилась тишина, только огонь потрескивал в печке.

– И он посылает очередной удар, – тихо завершила рассказ Мирна.

Рейн-Мари и Клара уставились на нее. Они забыли о вине и сыре. Огонь погас. Веселый чердак в прелестной деревеньке превратился в лабораторию с ученым, обучаемым и испытуемым. И отвратительной правдой.

– Но это был исключительный случай? – спросила Клара.

– Нет, – ответила Мирна. – Эксперимент проводили на сотнях испытуемых. Не все из них доходили до конца, но большинство доходило. Гораздо больше людей, чем вы можете себе представить.

– Или надеяться, – добавила Рейн-Мари.

– Они всего лишь исполняли приказ, – сказала Клара. Потом обратилась к Рейн-Мари: – Ты бы включила ток в последний раз?

– Если бы ты спросила у меня пять минут назад, я бы с полной уверенностью ответила «нет». Но теперь? – Она вздохнула. – Я не уверена.

Арман кивнул. Это было страшное признание. Однако смелое. Первый шаг к тому, чтобы не выполнить приказ.

Не прятаться от монстра. Признать его существование. Понять, что речь идет не о какой-то горстке злобных людей. Не о «них». О нас.

То был один из ужасов Нюрнбергского процесса. Процесса над Эйхманом. То, о чем сегодня начисто забыли. Банальность зла.

Не брызгающий слюной безумец. А совестливые мы.

– «Всегда слушайся голоса совести»,[37] – тонким голосом пропела Клара, и ее слова растаяли над жаркой печкой. – Оказывается, это не так уж легко.

– Почему вы говорили о Пиноккио? – спросил Арман.

Он начал подозревать, что это был не просто рассказ Рейн-Мари о ежевечернем ритуале чтения для Оноре.

– Да глупости, – отмахнулась она. – В особенности теперь, после того, о чем мы только что говорили. Не бери в голову.

– Нет, серьезно, – настойчиво произнес он.

Рейн-Мари посмотрела на Клару, и та подняла брови.

– Давай же, – подстегнула ее Клара и получила «ну спасибо» во взгляде Рейн-Мари.

– Вы помните, почему Пиноккио не был настоящим мальчиком? – спросила Рейн-Мари у Мирны и Армана.

– Потому что его вырезали из дерева? – ответила вопросом Мирна.

– Да, и поэтому тоже, – согласилась Рейн-Мари. – Но по-настоящему ему мешало стать человеком отсутствие совести. В фильме роль учителя играет Сверчок Джимини. Он объясняет Пиноккио, что хорошо, а что плохо.

– Сверчок как кобрадор, – сказала Клара. – Поющий и танцующий, но тем не менее.

– Есть разница между слабой совестью, совестью, сбитой с толку, и отсутствием совести, – заметил Арман.

– А знаете, как психотерапевты называют случаи полного отсутствия совести у человека? – спросила Мирна.

– Диссоциальное расстройство личности? – предположила Рейн-Мари.

– Умница, – похвалила ее Мирна. – Да, все верно. Официально так. Но неофициально мы называем это психопатией.

– Ты хочешь сказать, что Пиноккио – психопат? – спросила Рейн-Мари, потом посмотрела на Армана. – Нам, пожалуй, придется пересмотреть вечернее чтение для Рей-Рея.

– Ну, эти сцены, конечно, не вошли в фильм, – сказала Клара. – Та часть, когда Пиноккио убивает жителей деревни. Интересно, что бы пел в этом случае Джимини.

– Понимаешь, в этом-то и проблема, – сказала Мирна. – Мы привыкли к кинематографической версии психопатов. К явным сумасшедшим. Однако большинство психопатов – умные люди. Им приходится приспосабливаться. Они умеют подражать поведению нормальных людей. Делать вид, будто их что-то волнует, хотя на самом деле они ничего не чувствуют, кроме разве что ярости и переполняющего их и почти непреходящего ощущения, что все перед ними в долгу. Что их обделили. Они получают то, что им нужно, главным образом с помощью манипуляций. Большинству из них не приходится прибегать к насилию.

– Мы все используем манипуляцию, – заметил Арман. – Может быть, порой мы этого не осознаем, но это так.

Он показал на вино – приманку, которую использовала Мирна, чтобы пригласить их. Мирна подняла бокал, признавая его правоту.

– Психопата трудно опознать, в отличие от большинства из нас, людей, склонных к откровенности, – продолжила она. – Психопат виртуозен. Люди ему верят. Он даже нравится окружающим. Это его большой талант – убеждать людей в том, что его точка зрения законна и правильна, зачастую

даже когда все свидетельствует об обратном. Как Яго. Это разновидность магии.

– Слушайте, я совсем запуталась, – сказала Клара. – Так кобрадор психопат? Или психопаткой была Кэти Эванс?

Они посмотрели на Армана, который поднял руки:

– Хотелось бы мне знать.

Он начинал думать, что это преступление не ограничивается участием кобрадора и Кэти Эванс. Возможно, был кто-то третий, кто манипулировал обоими.

А теперь манипулировал следователями.

А это означало, что в деревне находится некто похожий на человека, но не вполне человек.

Глава двадцать седьмая

Судейский молоток ударил с такой силой, что несколько зрителей подскочили на своих местах.

Некоторые дремали – их одолела вялость, вызванная невероятной жарой.

Но большинство боролись с дремотой, желая услышать, что скажет дальше старший суперинтендант Гамаш.

И что сделает дальше главный прокурор.

Зрителям казалось, будто они присутствуют на состязании умов. Атака. Парирование. Ответный удар. Выпад.

Но для судьи Корриво, которая сидела ближе и видела то, что оставалось незаметным для других, происходящее перестало быть состязанием и превратилось в эстафету. Они по очереди передавали друг другу груз, который им приходилось нести.

Судья Корриво знала, что они не питают любви друг к другу. Это было ясно с самого начала. Причем они не притворялись, нелюбовь была искренней. Таким образом, они заключили союз, который прекратил их вражду.

И у нее были основания опасаться, что из-за этого союза прекратится весь ее судебный процесс.

С нее было достаточно.

– Сегодняшнее заседание закончено, – объявила она. – Встречаемся завтра в восемь.

Зрители заворчали, недовольные столь ранним началом заседания.

– Пока воздух не раскалился, – пояснила судья Корриво.

В этом был определенный смысл, и когда поднялась она, поднялись и зрители, неохотно кивая в знак согласия.

– Джентльмены, – сказала она Гамашу и Залмановицу, – я бы хотела видеть вас в моем кабинете.

– Да, ваша честь, – ответили оба и слегка поклонились, когда она вышла.

– О господи, – сказал Залмановиц, усевшись наконец и отирая пот с лица. Он поднял голову и увидел, что Гамаш стоит рядом, ожидая его. – Прошу прощения. Я облажался.

– Возможно, это к лучшему, – сказал Гамаш.

– Верно. – Главный прокурор затолкал бумаги в портфель. – Несколько

лет в тюрьме – тот самый отдых, который мне требуется. Я подумывал о каком-нибудь городке для пенсионеров в Аризоне, но тут я еще и переподготовку получу. Интересно, в местах заключения есть курсы по изучению языков? Всегда хотел выучить итальянский. – Он посмотрел на Гамаша. – Вы не видите иронии в том, что мы можем оказаться в тюрьме из-за Ганди?

Старший суперинтендант улыбнулся. Но улыбка была едва заметная и натянутая.

– Вы не сделали ничего противозаконного, – сказал он. – Это я совершил клятвопреступление.

– А я вам позволил. Я знал правду и не поймал вас на лжи. Это делает меня виновным в равной мере. Мы оба это понимаем. И боюсь, она тоже понимает. Может, детали ей неизвестны, но что-то она унюхала.

Залмановиц засунул в портфель оставшиеся бумаги, потом поднял голову и увидел, что Гамаш оглядывает пустой зал.

Впрочем, один человек там остался.

Жан Ги Бовуар поднял руку и неуверенно помахал Гамашу.

Он примчался во Дворец правосудия с новостями от Туссен. Но теперь, оказавшись там, он не знал, как продолжать.

Между Бовуаром и Гамашем зияла пропасть. А прежде была целая жизнь, в которой было место доверию, близким отношениям, дружбе.

И все рухнуло в пустоту из-за одного поступка. Простого поступка. Ухода Бовуара из зала суда. Когда он понял, что не в силах видеть, не в силах наблюдать, как Арман Гамаш предает все, во что он верил.

Гамаш шел прямо к намеченной цели. А Бовуар убежал.

– И вот вам, пожалуйста, – пробормотал Залмановиц. – Отступник.

Гамаш рассерженно проговорил:

– Жан Ги Бовуар стоял бок о бок со мной в таких ситуациях, какие вы и представить себе не можете.

– Но не сегодня.

Залмановиц знал: жестоко поворачивать нож в ране. Но он говорил правду. Не время для того, чтобы замалчивать неприятные факты. К тому же он устал, ему жарко, да и головомойки избежать не удастся.

Барри Залмановиц пребывал не в лучшем настроении.

– Джентльмены. – В открывшейся двери стоял секретарь суда. – Судья Корриво ждет вас.

Главный прокурор вздохнул, взял свой набитый бумагами портфель, еще раз отер лицо, засунул мокрый платок в карман и направился к двери. Виновный в ожидании приговора.

Но старший суперинтендант Гамаш не шелохнулся. Его словно тянуло в разные стороны: к Бовуару и судье Корриво.

Гамаш помедлил, потом сказал секретарю:

– Я буду с вами через минуту.

– Сейчас, месье, – потребовал секретарь.

– Через минуту, – повторил Гамаш. – S’il vous plait.

Он повернулся спиной к двери и подошел к Бовуару.

Барри Залмановиц остановился на пути к двери. В ожидании. Пытаясь игнорировать раздраженное выражение на лице секретаря.

«Да какого черта, – подумал он, опуская портфель на пол. – Хуже уже все равно быть не может».

Обвинение в неуважении к суду вдобавок ко всему. Еще пару месяцев к приговору. Шанс выучить причастия прошедшего времени в итальянском.

– Parlato, – пробормотал он, глядя, как Гамаш подходит к Бовуару. – Amato.[38]

«Да, – подумал Залмановиц. – Мне еще многому предстоит научиться».

– Patron, – произнес Бовуар. Бесцеремонно. По-деловому. Как любой другой агент, докладывающий начальнику.

Ничего необычного, повторял себе Бовуар. Не случилось ничего необычного. Ничего не изменилось.

– Жан Ги, – сказал Гамаш.

Арман видел лицо, такое знакомое, но в то же время он видел стену, которую возвел Жан Ги. Не каменную. Не деревянную. А из гладкого листового металла. Без опоры. Без единой заклепки или трещинки. Неприступную.

Бовуар теперь редко пользовался этим сооружением. Гамаш не видел этой стены уже несколько лет.

Он достаточно хорошо знал зятя, чтобы не предпринимать попыток разрушить эту стену. Она была неприступной. Но при этом не являлась защитой. Он знал, что для Бовуара это тюрьма. И внутри скрывается отличный человек. Скрывается не от Гамаша, а от себя самого.

Жан Ги Бовуар запер врага внутри вместе с собой.

– Я только что говорил с суперинтендантом Туссен, – сказал Бовуар. – Для этого и уходил.

Гамаш пристально посмотрел на него, но ничего не сказал.

– Все как мы и думали, – продолжил Бовуар, слегка запинаясь под этим внимательным взглядом. Наконец он взял себя в руки и продолжил уверенным голосом: – Груз фентанила пересек границу.

– Там, где мы и предполагали?

– Именно там, – кивнул Бовуар. – Наши информаторы наблюдали за ним.

– А американское управление по борьбе с наркотиками?

– Ничего об этом не знаю. Мы потеряли груз из виду. Согласно вашим инструкциям.

Жан Ги понятия не имел, зачем он добавил последнее предложение, если не считать инфантильного желания причинить боль. Лишний раз подчеркнуть весь ужас того, что сделал этот человек, намекая, что это гораздо хуже всего содеянного им самим.

Бовуар считал, что вырос из детского возраста и детских вспышек ярости, но он ошибался. Эта его привычка никуда не делась, она глубоко укоренилась в нем, и ее власть была сильнее, чем когда-либо прежде. Он подготовился к контратаке, рассчитывая на жесткую реакцию. Это оправдало бы его собственную атаку.

Он ждал умного язвительного слова.

Но получил только молчание.

«Хотя бы взгляд, – подумал Бовуар. Взмолился Бовуар. – Самодовольный короткий убийственный взгляд. Что-нибудь. Что угодно». Но он не получил ничего. А эти глаза по-прежнему смотрели на него задумчиво, почти мягко.

– Мы этого ждали, – снова заговорил Бовуар. – Но есть кое-что неожиданное.

– Продолжай, – сказал Гамаш.

– Они взяли не все. Немного фентанила оставили. Для продажи здесь.

Теперь реакция последовала. Глаза старшего суперинтенданта расширились.

– Сколько?

– Не меньше десяти килограммов. Мы и их потеряли из виду.

«Не говори этого, – предупредил себя Бовуар. – Не стоит говорить это».

– Разумеется.

Он все же сказал это.

Гамаш напрягся и, когда второй удар достиг цели, сделал короткий вдох.

– Разумеется, – прошептал он. И медленно опустился на скамью для зрителей.

Он сидел и делал расчеты в уме. Согласно исследованию, которое он заказал, на килограмм фентанила приходилось не менее пятидесяти

смертей. Математика несложная.

Семьдесят килограммов теперь в Штатах.

Более трех тысяч смертей.

А в Квебеке? Пятьсот живых сегодня людей умрут. Потому что он решил так сделать. Или не сделать. А за этим может последовать еще много, много других смертей. Смертей, санкционированных Арманом Гамашем.

– Месье, – позвал секретарь.

Гамаш повернулся к нему, и выражение лица секретаря вмиг изменилось. Из официального стало испуганным. Его напугало то, что он увидел в лице старшего суперинтенданта.

Залмановиц тоже увидел это и догадался, какое сообщение принес Бовуар.

Он почувствовал одновременно тошноту и возбуждение. Облегчение и ужас. Что-то изменилось. Что-то произошло.

Неужели их план работает? Помоги им Господь.

– Merci. – Гамаш поднялся. – Я должен идти. Судья хочет поговорить со мной и месье Залмановицом. Это вряд за займет много времени.

Бовуар догадывался, о чем пойдет речь.

– Это еще не все, – сказал он.

– Oui?

– Небольшая партия нового наркотика лежит на складе в Мирабели. Доставлена два дня назад вместе с партией матрешек.

Он вытащил листок из кармана и протянул его Гамашу. Тот надел очки.

– Тот же самый картель? – спросил Гамаш, не поднимая глаз.

– Oui.

На шефе все еще был пиджак, и Бовуар видел, что рубашка под ним промокла от пота.

– Хлорокодид? – прочел Гамаш, поднял голову и встретился взглядом с Бовуаром.

– Производное кодеина. Популярен в России, но, насколько нам известно, здесь его еще нет. Это будет первая партия. Очень сильнодействующий наркотик, очень токсичный.

– И лежит на складе, ты говоришь? – спросил Гамаш. – Уже два дня?

– Oui.

– Два дня, – вполголоса произнес Гамаш и прищурил глаза, словно глядя на какую-то далекую цель. – Возможно ли такое?

Под взглядом Бовуара старший суперинтендант Гамаш закрыл глаза. Уронил голову. Ссутулился. От нового бремени? Или от облегчения?

Он протянул неуверенную руку к скамье перед ним, обретая еще одну точку опоры. На миг Жану Ги даже показалось, что шеф вот-вот потеряет сознание. От жары. От стресса. От вдыхания дыма.

Гамаш протяжно выдохнул, издав звук, похожий на «охххх».

Потом его рука сжалась в кулак, сминая бумажку. И наконец он посмотрел на Бовуара.

– Мне нужно к судье, – сказал он, снял очки и протер платком глаза.

«Чтобы промокнуть пот», – подумал Бовуар.

– Я пошлю тебе эсэмэску, когда закончу. Собери совещание в конференц-зале.

– Кого приглашать?

– Всех. – Гамаш вернул бумажку Бовуару, сделал шаг в сторону Залмановица и секретаря. Но остановился и несколько мгновений смотрел на Бовуара. – Ты знаешь, что это означает?

Он показал на бумажку в руке Бовуара.

– Это означает, что у нас есть шанс.

Бовуар почувствовал знакомый трепет в груди и приток адреналина.

Гамаш коротко кивнул:

– Скоро будем знать.

Он двинулся к двери, которую секретарь держал открытой.

– Patron, – сказал Бовуар.

Но сказал слишком тихо, а Гамаш успел отойти довольно далеко. И к тому же Жан Ги знал, что, вероятно, уже слишком поздно.

*** * ***

Судья Корриво откинулась на спинку кресла и посмотрела на двоих мужчин.

Последние несколько минут она провела в своем кабинете и, протерев подмышки холодной махровой салфеткой и плеснув водой в лицо, попыталась выработать стратегию.

Она решила, что останется в судейской мантии. Чтобы они не забыли, что перед ними не женщина. Даже не человек. А функция. Символ.

Правосудие.

К тому же мантия позволяла ей чувствовать себя сильной и защищенной. И скрыть пятна пота и воды, которая просочилась сквозь блузку.

Еще одна стратегия, которую она задействовала, в настоящий момент

работала против нее.

Судья Корриво не предложила им сесть.

В ее кабинете имелся вентилятор, который, поворачиваясь, гнал теплый воздух, отчего мантия вздувалась и опадала. Это несколько принижало величественный образ, который судья хотела явить им.

Кроме того, когда вентилятор поворачивался в ее сторону, волосы жесткими прядками падали ей на глаза и попадали в рот и она была вынуждена постоянно убирать их.

Двое мужчин стояли почти неподвижно, их волосы лишь слегка шевелились, когда ветерок попадал на них.

Судья Корриво встала, выключила вентилятор, сняла мантию, провела пятерней по волосам и показала на два стула перед своим столом:

– Садитесь.

Они сели.

– Хорошо, – сказала она. – Здесь только мы втроем. Насколько мне известно, жучков в кабинете нет.

Она посмотрела на них, вопросительно подняв брови.

Они переглянулись и расправили плечи. Если жучки и были, то не по их вине.

– Хорошо. – Она сделала паузу.

Все язвительные речи, которые она заготовила, все умные аргументы, весь праведный гнев, вложенный в многозначительные слова, – все полетело в мусорную корзину, когда Барри Залмановиц и Арман Гамаш предстали перед ней.

Эти двое мужчин служили правосудию гораздо дольше, чем она. Служили своему делу. Служили своей совести. Нередко рискуя жизнью и платя высокую цену.

– Что происходит? – спросила судья Корриво, спокойно глядя им в глаза. Никто не ответил, и она добавила: – Мне вы можете сказать.

Воздух в комнате был тяжелый. Влажный, липкий, назойливый. Время текло неторопливо.

Залмановиц открыл рот, попытался сформировать губами слова, предложения, связно выразить мысли. Потом он посмотрел направо, на Гамаша.

И пожалел, что посмотрел. Своим инстинктивным движением он выдал что-то очень важное. Что-то такое, чего не могла не заметить эта проницательная судья.

Что бы ни происходило сейчас, идея принадлежала старшему суперинтенданту Гамашу.

Гамаш взглянул на свои руки, сложенные на коленях, и постарался собраться с мыслями. Существовало много способов вконец все испортить и, наверное, ни одного, чтобы все исправить.

Он не осмеливался посмотреть на свои часы, даже кинуть взгляд на небольшие бронзовые часы на судейском столе.

Но он чувствовал, как идет время. Представлял, как собираются в конференц-зале Квебекской полиции офицеры. Перед его мысленным взором возникали матрешки в Мирабели и их содержимое.

Возможно, они уже покинули склад, эти смешные маленькие игрушки с гнусной начинкой.

Едва прочитав то, что было написано на листке бумаги, которую дал ему Жан Ги, Гамаш понял: это то, ради чего они работали.

Заманивали картель в ловушку, побуждали его совершить одну большую, роковую ошибку.

– Более пятнадцати тысяч человек погибает в Канаде от незаконных наркотиков, – заговорил Гамаш, снова встретившись взглядом с судьей. Его голос звучал спокойно и ровно. Словно в запасе у него была вечность. – За год. Это данные десятилетней давности, и других у нас нет. Сейчас это число гораздо выше. У нас нет более свежей статистики, мы пытаемся получить хотя бы приблизительные данные, но мы наверняка знаем, что потребление опиоидов взлетело, словно ракета. Как и число смертей. Героин. Кокаин. Фентанил. И другие. Ничто не препятствует попаданию этих наркотиков на улицы. Они убивают в основном молодых людей. Я уже не говорю обо всех преступлениях, связанных с наркотиками.

Он едва заметно подался вперед и понизил голос, словно приглашая судью к доверительной беседе:

– Мы проиграли войну с наркотиками много лет назад и сейчас просто плывем по течению, поскольку не знаем, что еще можно сделать.

Глаза судьи Корриво расширились, совсем чуть-чуть. Достаточно, чтобы показать, насколько она потрясена приведенными цифрами. Но не его сообщением.

Она знала, что он прав. Они проиграли. Она видела это ежедневно, день за днем. На своей прежней работе. И сейчас, в судейском кресле. В коридорах Дворца правосудия. Колонны потерянных молодых людей, обвиняемых. И им еще повезло. Они остались живы. Пока.

По большей части они же были и жертвами. А те, кто должен был сидеть на скамье подсудимых, оставались на свободе, ели в дорогих ресторанах, возвращались в свои роскошные дома в респектабельных районах.

То, что сказал Гамаш, было справедливо и потрясало. Но…

– Какое это имеет отношение к делу об убийстве?

– Мы знаем, что за наркоторговлей стоит организованная преступность, – начал Гамаш.

– Картели, – вставил Залмановиц, чувствуя, что должен внести свой вклад.

– Спасибо, месье Залмановиц, – сказала судья Корриво.

– По взаимному согласию они поделили Квебек на зоны влияния. Во всех районах действуют свои организации. Но теперь стало ясно, что одна организация доминирует над всеми остальными, – продолжал Залмановиц, игнорируя скептическое выражение на ее лице. – Мы пытались методически и постепенно расколоть и уничтожить ее по частям, но безрезультатно.

– Не то чтобы расколоть, – уточнил Гамаш. – Скорее наши действия напоминали комариные укусы, которых этот слон даже не замечал. Не способствовало нашему успеху и то, что многие из верхушки Квебекской полиции были на содержании у картелей.

Он сказал это без иронии. И никто не улыбнулся.

– Но сейчас во главе полиции стоите вы, – заметила Корриво.

А вот теперь он улыбнулся:

– Я польщен тем, что, по вашему мнению, это может сыграть какую-то роль. И я предпринимаю попытки. – Он выдержал ее взгляд. – Но, заняв должность почти год назад, я понял, что ничего не могу сделать.

– Ничего? – переспросила она. – Но по вашим словам, многие преступления в Квебеке происходят из-за наркомании. Не только бандитские нападения, но и кражи, вооруженные ограбления, избиения. Убийства. Сексуальные преступления. Домашнее насилие. Если вы не можете остановить приток наркотиков…

– Вопрос уже не в том, чтобы остановить, – прервал ее Гамаш. – Мы даже не можем хотя бы не допустить увеличения трафика. Он растет. Мы прошли критическую точку. Пока это не ощущается. Люди все еще могут жить нормальной жизнью. Но…

– Вы говорите, старший суперинтендант, не о вышедшем из-под контроля обороте наркотиков, а о скором ухудшении криминогенной ситуации.

– Все хуже и хуже, – вставил главный прокурор.

– Спасибо, месье Залмановиц. – Она снова обратилась к Гамашу: – Вы сказали, вам стало ясно, что вы ничего не в силах сделать. По крайней мере, ничего действенного. – Она пригляделась к нему внимательнее. –

Однако это не совсем так, верно? Что-то вы делаете, и это каким-то образом связано с нашим судебным процессом.

– Главный прокурор прав, – сказал Гамаш. – Один картель доминирует над всеми остальными. Долгое время мы этого не понимали. Мы думали, что между ними идет война, надеялись на это, предполагали, что они сделают за нас часть нашей работы. Но, присмотревшись, поняли: это обман. Все остальные были сателлитами, пустышками, создававшими видимость, чтобы под удар не попала главная организация.

– Крупнейший из картелей, – сказала судья.

– Non, в этом-то и состояла их блестящая задумка и наша ошибка, – возразил Гамаш. – И причина, по которой нам потребовалось столько времени, чтобы разобраться в ситуации. Нам казалось, что этот картель – один из многих, к тому же не очень успешный. Застойный, выдохшийся. Не растет и не диверсифицирует поставки, как другие. Такой маленький, что вроде и усилий наших не стоит. Мы искали то, что вы назвали, – жест рукой в ее сторону, – большой, мощной организацией. Я ошибался, думая, что чем картель крупнее, тем он сильнее.

Судья Корриво задумалась.

– Ядерная бомба, – сказала она наконец.

– Меньше машины, а может уничтожить город, – кивнул Гамаш.

– И уничтожила, – добавил главный прокурор.

– Спасибо, месье Залмановиц.

Она была меньше того и другого, однако ей по силам было уничтожить обоих.

– Но вы его обнаружили, верно? – сказала она, снова взглянув на Гамаша. – В конечном счете.

– Oui. Хотя не сразу. Мы знали, что у нас не хватает сил работать по всем картелям одновременно. По всем преступлениям. Мы должны были сосредоточиться, найти сердцевину. Однако мы искали не то и не в том месте. Мы искали огромный организованный преступный синдикат в Монреале.

Она кивнула. Резонное предположение.

– И где вы его нашли?

– Теперь это кажется таким очевидным, – сказал Гамаш, покачивая головой. – Куда стекаются в конечном счете почти все наркотики?

– В Монреаль, – ответила судья Корриво, хотя и с легкой вопросительной интонацией.

– Те, что предназначены для Квебека, – да, – согласился Гамаш. – Но эта провинция не является основным потребителем. Проблема для нас

достаточно велика и достаточно трагична, однако, по меркам картеля, Квебек – мелочовка. Мы просто трасса. Некоторые посылки выпадают из кузова и остаются здесь. Но, по существу, почти весь груз пересекает границу.

– Уходит в Штаты. – Судья Корриво задумалась на секунду. – Большой рынок.

– Сотни миллионов людей. Потребляется огромное количество опиоидов, вовлекаются огромные суммы денег, и как следствие – неисчислимые людские страдания и преступления.

– Но разве большая часть наркотиков поступает в Штаты не из Мексики? – спросила она.

– Прежде – да. А теперь все больше и больше приходит из Канады, – ответил Гамаш. – Поскольку все внимание сосредоточено на мексиканской границе и все усилия Управления по борьбе с наркотиками направлены на Мексику, руководство картеля увидело возможность здесь.

– Завозить наркотики сюда, где их никто не ищет, – тихо произнесла судья Корриво. Задумалась.

– Страна с самой протяженной незащищенной границей в мире, – сказал Гамаш. – Тысячи миль лесов и никакой охраны. Никаких свидетелей. Это знали бутлегеры во времена «сухого закона». В Канаде зарабатывались огромные деньги на ввозе в Штаты нелегального алкоголя.

Судья Корриво знала, что это правда. Состояния многих известных семей, которым хватало духу заниматься такими делами, сколачивались в те времена.

Сначала бароны-разбойники, потом бутлегеры.

Канада всегда имела репутацию страны, где властвуют закон и порядок, но стоило копнуть поглубже…

– И как вы все это обнаружили? – спросила она.

Он открыл было рот, но, прежде чем ответить, ему понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями.

– Причина, по которой этот небольшой картель доминирует над другими, состоит в том, что человек, возглавивший картель, сумел сделать его невидимым. А если его все же обнаруживают, то игнорируют как малозначительный. Так произошло и с нами, – признал он. – На создание этой структуры ушли годы. Просто. Гибко. Продуманно и практически прозрачно.

– Стеклянный дом, старший суперинтендант? – спросила судья.

Но он не улыбнулся:

– Да. Он есть, и вроде бы его нет. Он почти непобедим. Он лучше всех

умеет прятаться. Не за дымом сигар в какой-нибудь вонючей малине или доме-крепости, а у всех на виду. Только никто не видит его истинную суть.

– Дьявол среди нас, – вставил Залмановиц.

Судья посмотрела на него ядовитым взглядом и проигнорировала это романтическое, но пустое замечание. Однако потом она вспомнила фотографию, которую показывали во время слушаний в зале. Увеличенную в два раза относительно истинного размера.

Фотографию фигуры в мантии. В маске. Неподвижную. Смотрящую. На прелестном деревенском лугу.

Дьявол среди нас. Может быть, слова прокурора не так уж и нелепы, подумала она.

Несколько секунд судья Корриво размышляла, затем нахмурила брови и покачала головой:

– Но вы так и не сказали, как вам удалось это обнаружить. Картель и человека, который его возглавляет. И какое это имеет отношение к процессу. – Внезапно ее глаза широко раскрылись от удивления. – Обвиняемое лицо? Вы хотите сказать, это и есть глава наркокартеля? – Мысли ее метались. – Но обвинение – убийство, а не наркотрафик. Убийство Кэти Эванс. Этот человек знает, что вам известно все остальное? Постойте-ка…

Почему они на пару участвуют в этом, чем бы «это» ни было? Коп и прокурор?

Идея наверняка принадлежала старшему суперинтенданту Гамашу, это его план. Зачем ему понадобился прокурор? Зачем ему понадобился Барри Залмановиц?

И если обвиняемое лицо действительно глава картеля, почему старший суперинтендант Квебекской полиции скрывает этот факт? Ведь наверняка арест квебекского наркобарона был бы хорошим поводом для празднования. В особенности когда правительство, пресса, его собственная полицейская организация обвиняют Гамаша в некомпетентности.

Квебекская полиция стала национальным позором. Конфузом.

Конечно, это могло бы стать оправданием, событием, о котором нужно кричать на всех перекрестках. Великой победой.

Но вместо этого судья видела тихий заговор двух людей, которые даже испытывали неприязнь друг к другу.

Почему?

Потому что… потому что… Судья Корриво смирила свои мечущиеся мысли и прибегла к логике.

Старшему суперинтенданту Гамашу понадобилась помощь прокурора.

Его пособничество.

А прокурор мог принести в общий котел только одно.

Обвинения.

– Вы не хотите, чтобы обвиняемое лицо знало, что вы знаете, – сказала она. – И поэтому вы топчетесь на обвинении, затягиваете время. – Она недовольно посмотрела на Гамаша. – Вы намеренно арестовали не того человека за убийство Кэти Эванс, чтобы убрать его с улицы, пока вы собираете улики. – Потом она перевела взгляд на Залмановица. – А вы привлекаете за убийство человека, который никакого убийства не совершал. По крайней мере, этого убийства. – Она сердито смотрела на них. – А значит, настоящий убийца Кэти Эванс остается на свободе.

Она прищурилась, изучая этих двоих.

Перевела взгляд с Гамаша на Залмановица.

Прокурор, будучи успешным обвинителем, никогда не смог бы стать профессиональным игроком в покер.

Он моргнул.

И тогда она снова посмотрела на Гамаша, который мог бы заработать состояние на этой игре.

– Нет-нет, – пробормотала она. – Все не так, верно? Я что-то упустила. Тут что-то большее. Расскажите мне.

Гамаш хранил молчание.

– Вы пришли сюда, зная, что расскажете, старший суперинтендант. Хватит вранья. Мне жарко, я устала, а теперь мне еще и страшно. Не самое приятное сочетание. Для меня. Или для вас.

Гамаш решительно кивнул и посмотрел на графин с водой. Лед уже растаял на подносе на приставном столике.

– Вы не возражаете?

– Ничуть.

Он поднялся, налил им всем по высокому стакану, потом сел и залпом выпил свой. Его мучила жажда, но главное, этот маневр дал ему возможность незаметно взглянуть на часы.

Четверть пятого. Заседание суда закончилось рано. Он посмотрел в окно. Солнце еще стояло высоко.

А пока оно не село, новая партия наркотиков будет оставаться в Квебеке. Но когда солнце приблизится к горизонту, опиоид приблизится к границе.

Время у него еще оставалось. Пока.

– В тот день, когда в кладовке было обнаружено тело Кэти Эванс, мы с суперинтендантом Туссен сидели за ланчем в Монреале. Она возглавляет

отдел по расследованию особо тяжких преступлений.

– Я ее знаю, oui, – сказала судья.

– Я занял свою нынешнюю должность недавно. Она тоже, – продолжил Гамаш. – Мы просматривали наши записи, говорили о том хаосе, который получили в наследство. Уже тогда мы оба знали, что ситуация с наркотиками вышла из-под контроля. И, откровенно говоря, нам ее было не обуздать. Мы обменивались идеями относительно того, что делать дальше. Ни одна из них, если честно, не была продуктивной. Мы сошлись на том, что нужно попробовать что-то новое. Что-то смелое и неожиданное. И тут суперинтендант Туссен сказала кое-что, воспользовалась выражением. Клише. «Сжечь наши корабли».

Он посмотрел на судью Корриво – значат ли для нее что-нибудь эти слова.

Она внимательно слушала. Фраза была знакомой, но не особо популярной.

– Она означает «сделать что-то такое, после чего невозможно вернуться».

– Я это понимаю, месье Гамаш.

Но он позволил этой мысли проникнуть глубже. Все знали смысл фразы. Но понимали ли ее по-настоящему?

Нужно отдать судье должное: она задумалась. Попыталась найти за рамками клише, за смыслом слов истинное значение сказанного.

– Объясните мне, – попросила она.

– Расследовать сразу все преступления повсеместно бессмысленно, непродуктивно. Это очевидно. Если не работает это, то что?

Она сидела неподвижно. На такой вопрос у нее не было ответа, да он и не ждал от нее этого.

– Сфокусироваться, – сказал он. – Сосредоточиться. Я подумал о том, что нужно выбрать две-три области, где дела обстоят особенно плохо, и заняться ими. Однако это было бы полумерой. Как если бы мы сожгли половину кораблей. Мы должны были сжечь все.

– И это значит?..

– Мы… я выбрал одну область. Единственную точку приложения сил. Из которой, как вы сказали, происходят все остальные преступления. Первоисточник. Наркотики.

– И что вы сделали? – спросила она почти шепотом.

– Я приказал сосредоточить все усилия, все ресурсы на том, чтобы обнаружить источник и уничтожить его.

– Все ресурсы?

– По большому счету – да, – ответил Гамаш.

– Но это означало, что… – Мысли судьи Корриво снова заметались. – Остальные отделы перестали работать по своим направлениям. Стали практически неэффективны.

– Фактически да.

Она недоверчиво уставилась на него:

– И вы пошли на это? Зная, какую человеческую цену придется заплатить?

Гамаш не шелохнулся.

– А торговля наркотиками? Прекратилась?

– За последний год она выросла, – ответил он. – Я знал, что так будет. Она и не могла не вырасти. Мы позволили.

– Вы позволили? – почти закричала она, но тут же взяла себя в руки.

Сделав два глубоких вдоха, судья Корриво выставила перед собой руки, словно бастион против новой информации. Потом опустила их, крепко сцепив пальцы. И подалась вперед.

– Зачем? – спросила она, пытаясь контролировать голос.

– Чтобы картель уверился в нашей некомпетентности. Неэффективности. В том, что мы не представляем для них абсолютно никакой угрозы. Нам нужно было придать им храбрости. Невидимый картель, такой защищенный и укрытый, должен был понять со стопроцентной уверенностью, что он может показать себя. Мы хотели, чтобы он потерял осторожность. Только тогда он становился уязвимым.

– А для этого вы позволяли им творить, что их душа пожелает?

– Мы не сидели без дела, – возразил Гамаш. – Мы много работали – с информаторами, агентами под прикрытием, мониторили Интернет. Время шло, и они смелели все больше. Поставки росли и росли…

– Можно подумать, что вы говорите о цветах и фарфоре, – сказала она. – А речь ведь идет о партиях наркотиков, предположительно крупных.

– Oui.

– И вы их пропускали?

– Oui.

Эти ответы повисли в напряженной атмосфере кабинета.

Судья Корриво прищурилась, поджала губы. Костяшки пальцев побелели.

– Вы начали с того, что привели статистические сведения, месье Гамаш. Десятки тысяч в основном молодых людей погибают в год от наркотиков. Сколько этих смертей на вашей совести?

– Постойте… – начал было Барри Залмановиц, но ее взгляд заставил

его замолчать.

Она снова уставилась на Гамаша. Он смотрел на нее.

Потом кивнул задумчиво и подумал о тетради в своем столе и записях, которые он начал в тот вечер, когда нашли тело Кэти Эванс.

В тот ноябрьский вечер он грелся у веселого огонька в их доме в Трех Соснах. За окнами из туч летела снежная крупа. А рядом с ним сидела Рейн-Мари. На ковре лежали, свернувшись, Анри и Грейси.

Он писал о надвигающемся ужасе. О последствиях того, о чем он думал.

Время от времени он останавливался, подавляя желание приукрасить свой прогноз, сделать его менее ужасным. Если ему удастся осуществить задуманное. Если он и в самом деле привлечет все ресурсы Квебекской полиции, сосредоточится на одном преступлении. На одной битве, победа в которой гарантирует победу в войне.

– За тот год, что я возглавляю полицию Квебека, совершены тысячи преступлений и, да, были смерти, – сказал он судье Корриво. – На тысячи больше, чем погибает в какой-нибудь кровавой разборке. Это на моей, как вы сказали, совести. И речь идет не только о Квебеке, но и о смертях по ту сторону границы. О поставках, которые мы беспрепятственно пропустили.

– Я должна была бы немедленно арестовать вас прямо здесь, – сказала она и посмотрела на закрытую дверь, за которой сидел секретарь. И охрана суда. Они могли появиться по одному ее слову. И увести этого человека. А она предъявила бы ему обвинение в убийстве.

Поскольку все они знали, что именно это он и совершил.

Расчетливо. Умышленно.

– Если все сработает… – начал Залмановиц.

– А если нет? – спросила Корриво. – Вы взяли монстра, откормили, вынянчили его за год и отпустили на свободу. Ходячий кошмар.

– Non, – возразил Гамаш. – Он уже гулял на свободе, рос и опустошал все вокруг. И с каждым днем становился все опаснее. Он мог бы поглотить Квебек, а у нас не было сил его остановить. За этот год мы соорудили ловушку. И очень осторожно, очень мягко, очень тихо направляли монстра в ту сторону.

Он подался вперед.

– Вы можете меня арестовать. Наверное, даже обязаны это сделать. Но знайте: если вы это сделаете, то тем самым уничтожите наш единственный шанс.

Он поднял палец, указуя им в потолок. Потом опустил его и сжал пальцы в кулак.

Когда он заговорил снова, слова его звучали размеренно.

– Риск огромен. Я с вами согласен. У нас всего один шанс. Но знаете что? У нас не оставалось выбора. У меня не оставалось. Мы проиграли. И не думайте, что я не осознаю цену, которую заплатили за мое решение другие люди.

– Но если все сработает… – снова встрял Залмановиц, сделал паузу, давая судье возможность прервать его, и удивился, когда она позволила ему продолжать. – Если все сработает, картель будет уничтожен. Наркоторговля будет подорвана, если вообще не пресечена. Мы выиграем войну.

Судья Корриво посмотрела на главного прокурора. По существу, до этого момента она игнорировала его. Отстраняла его от участия в разговоре. Но теперь она увидела прокурора свежим взглядом.

Он был прав.

Более того. Судьба провинции – мужчин, женщин и детей, рожденных и нерожденных, – настолько беспокоила его, что он пожертвовал карьерой. И возможно, даже свободой.

А это гораздо больше всего, что сделала она.

Чем дольше она смотрела на него, тем более неловко чувствовал себя Залмановиц, слегка поеживаясь под ее неумолимым взглядом. Неожиданно в ее глазах появилось мягкое, доброе выражение.

Потом она повернулась к Гамашу, и перед ее мысленным взором побежали заголовки газет, один отвратительнее другого. Материалы Enquête[39] по телевидению. Вопросы, выкрикиваемые старшему суперинтенданту репортерами, окружившими его. Почуявшими кровь и потроха. Надеявшимися прыгнуть на него через ограждение и наброситься со своими острыми вопросами и двусмысленными намеками.

Они заявляли, что новый глава Квебекской полиции не на своем месте. Он некомпетентен. Может быть, он хороший человек, однако его лучшие годы позади. И может быть, начали поговаривать в последнее время, не такой уж он и хороший. При нем преступность расцвела пышным цветом. Может, он в доле, как и его предшественник.

Гамаш принимал все это и кое-что другое. Но именно на это он и надеялся. Он умышленно создавал образ Квебекской полиции, как и свой собственный. Картель должен был уверовать, что от него не исходит никакой угрозы.

Квебек превратился в Додж-Сити, а Маршал Диллон[40] дремал.

Но он не дремал. Он ждал. И ждал. И тихо копил силы.

Судья Корриво поняла кое-что еще: старший суперинтендант не

одинок в этом деле. Его план не мог осуществиться без участия по меньшей мере нескольких старших офицеров. Небольшой группы мужчин и женщин.

Маленькой. Но мощной.

– Вы знаете, кто глава картеля? – Судья Корриво уставилась на Гамаша. – Конечно знаете. Это обвиняемое лицо? – Она задумалась на секунду и покачала головой. – Какая-то бессмыслица. Обвиняемое лицо пришло к вам с признанием в убийстве, верно? Если только вы не лжете.

Она перевела взгляд с Гамаша на Залмановица.

– Нет-нет, именно обвиняемое лицо убило Кэти Эванс, – заверил ее Гамаш.

На сей раз Барри Залмановицу удалось убедительное выражение лица, свидетельствующее о его непричастности. Но он был удивлен.

Еще одна ложь, причем такая, которая теперь, вероятно, не имела значения. Столько дерьма летало вокруг. Так зачем лгать попусту? Он вспомнил тихий разговор Гамаша и его заместителя несколько минут назад.

Он вспомнил, как Гамаш осел на скамью и опустил голову.

Конец был не за горами. Он уже наступил. Дьявол находился среди нас.

И все зависело теперь от судьи Корриво. Она понимала, что ее обманывали. Не только в ее кабинете, но и в зале суда. Это было одно из самых тяжких преступлений. Клятвопреступление. Обман правосудия. Никто не знал этого лучше, чем трое людей в комнате. Нельзя было сбрасывать со счетов и ее угрозу арестовать Гамаша за убийство. Хотя все они понимали, что у этого обвинения в суде не будет шансов.

Его намерение, пусть и ошибочное, состояло в том, чтобы спасать жизни, а не губить.

Но клятвопреступление? У такого обвинения были все шансы.

Они сидели молча, пока Морин Корриво решала, как ей поступить. Арестовать их? Объявить процесс недействительным? Освободить обвиняемое лицо? Все это она должна была бы сделать. Никто не знал этого лучше, чем трое человек в комнате.

Она сидела абсолютно неподвижно, но они слышали ее дыхание. Дыхание человека, только что поднявшегося по крутой лестнице.

– Мне нужно время, – сказала она. – Чтобы обдумать то, что вы мне сказали.

Она встала, и они поднялись вслед за ней.

– Я вернусь к вам с моим решением до возобновления процесса завтра утром. В восемь. Думаю, вы знаете, каким, скорее всего, оно будет.

Приготовьтесь.

– Да, ваша честь, – сказал Гамаш. – Спасибо, что выслушали нас.

Она пожала ему руку, потом сказала, обращаясь одновременно к Гамашу и к главному прокурору:

– Я сожалею.

Когда дверь закрылась, Гамаш посмотрел на часы и поспешил по коридору. Залмановиц не отставал, делая широкие шаги.

– Это прозвучало не слишком обнадеживающе, – сказал он. – Она собирается нас арестовать, да?

– Я тоже так думаю, – ответил Гамаш. – У нее нет выбора. Мы сами это спровоцировали и просчитали последствия. Но мы не знали, что судья Корриво сделает то, что она сделала сейчас.

– Привлечет нас к ответу? – спросил Залмановиц.

– Нет, – ответил Гамаш и посмотрел на прокурора. – Отпустит нас. – Он протянул руку. – Здесь я вас покидаю.

– Можно мне с вами?

– Вы, месье, сделали более чем достаточно. Что бы ни случилось дальше, на вас обрушат горы презрения те самые люди, о которых вы заботились. Коллеги. Друзья. Может быть, семья. Я надеюсь, в душе вы знаете, что поступили правильно.

Барри Залмановиц постоял молча несколько мгновений, потом слабо улыбнулся:

– Знаю. Наверное, мне трудно будет отвечать им, но, по крайней мере, я смогу ответить моей большой вонючей совести.

Он протянул руку Гамашу и почувствовал слабое ответное пожатие.

– Сегодня вечером, да?

Гамаш не ответил, и тогда Залмановиц сжал его руку крепче и сказал:

– Удачи. – Потом добавил: – Merde.

– Спасибо, месье Залмановиц, – сказал Гамаш, удивительно точно подражая голосу судьи Корриво. И добавил своим голосом: – Merci.

*** * ***

Судья Морин Корриво откинулась на спинку кресла и уставилась перед собой. Она прекрасно понимала, что сейчас сделала.

То, в чем признались Гамаш и Залмановиц, не имело оправданий. Обман правосудия, да еще в самом Дворце правосудия. Но возможно, как говорил Ганди, есть суд более высокий.

Ганди не говорил о другом, хотя это и пошло бы на пользу: каким бы высоким ни был суд, высока была и цена, которую приходится платить. Пожалуй, слишком высока, чтобы помышлять об этом.

Она подумала о кобрадорах, которых сжигали на кострах за то, что они искали правосудия.

Как назвать кобрадора, появившегося в Трех Соснах, – некой пародией, насмешкой? Или воплощением храбрости?

Что представляют собой прокурор и коп – пародию или пример для подражания?

Да какое это имело значение? Ее работа состояла не в написании законов, а в их исполнении. И разве, делая это, она не сдерживала наступление самоуправства и хаоса? Или она просто исполняла приказы?

«Боже мой, – прошептала Морин Корриво. – Почему же это так трудно понять?»

– Вы закончили на сегодня, ваша честь? – спросил секретарь, постучав и просунув голову в дверь.

– Нет еще, – сказала она. – Вы можете идти. Что у вас на сегодня?

– Пиво и бургеры, и мы собираемся купить дождеватели для детей. Да, если вдруг услышите стук и ругательства, это рабочие ремонтируют кондиционеры.

– Прекрасно, – сказала она с улыбкой.

Прекрасно, подумала она, когда дверь захлопнулась.

Морин Корриво откинулась в кресле и попыталась осмыслить случившееся, то, что она узнала от старшего суперинтенданта и главного прокурора.

Ей казалось, будто ложь идет несметным войском, как гоблины. Атакует все привычное. Все обжитое.

Закон. Суды. Порядок. Правосудие.

Она посмотрела на старинные бронзовые часы на столе. Подарок от коллег-адвокатов, когда ей вручили судейскую мантию.

Тонкие стрелки показывали почти пять. Она дала Гамашу время до завтрашнего утра. Пятнадцать часов.

Достаточно ли этого? Или слишком много? Завтра к этому времени будут ли все арестованы? Будут ли еще живы?

Когда она отправится домой к Джоан сегодня вечером, не последует ли за ней кобрадор по длинному душному коридору? За то, что сделала слишком много? За то, что сделала слишком мало?

Наверное, не стоило приглашать их к себе в кабинет. Не стоило выдавливать из них всю правду и всю ложь. Ей бы хотелось укрыться в

счастливом неведении. Прийти домой на пиво и бургеры.

Единственный вопрос, на который не ответил старший суперинтендант: кем на самом деле является обвиняемое лицо? И как убийство Кэти Эванс связано с тем, что они ей рассказали.

Но она знала, что очень скоро все узнает.

Глава двадцать восьмая

Внизу, в книжном магазине Мирны, раздался неожиданный стук, и по лестнице поднялся Жан Ги, топая ногами, рыча и сбивая снег с ботинок и куртки.

За ним шла Изабель Лакост, качая головой. Каждый очередной ноябрь приходил к Бовуару неожиданно. Вот ведь тоже следователь!

– Там сплошной ужас, – сказал он, когда они с Лакост сняли куртки.

Мирна с улыбкой наблюдала за ними, зная, что, хотя у Армана было двое своих детей, Жан Ги и Изабель в равной мере стали для него сыном и дочерью. Всегда были. Всегда будут.

– Как все прошло в Монреале? – спросил Гамаш, вставая с дивана.

– Всюду успел, – сказал Бовуар, явно не желая говорить о посещении сестры и родителей Кэти. – Расскажу за обедом. Ведь обед будет, да?

– Я попросил Оливье приготовить тушеную говядину, – ответил Гамаш. – Знать бы только, когда она будет готова.

Бовуар засунул в рот ломтик багета с сыром бри и спелой грушей, пробормотал что-то вроде «Я пошел», схватил куртку и исчез.

Изабель налила красного вина в бокал и присела на диван между Мирной и Кларой.

– Длинный день? – спросила Мирна.

– И он еще не закончился. Я рада, что вы здесь, – сказала она Гамашам. – Я так или иначе собиралась сюда.

– Правда? – удивилась Клара. – Почему?

– Мне нужна информация от людей, которые знали мадам Эванс и ее друзей. Я перечитывала протоколы. На данном этапе трудно отличить важные вещи от второстепенных, но ничего очевидного мне в глаза пока не бросилось. У нас проблема, если единственные интересные сведения поступают к нам от Рут.

– Правда? – удивился Гамаш, который присутствовал при большинстве допросов и не мог вспомнить ничего полезного.

– Интересные, но не имеющие отношения к делу. – Лакост повернулась к Рейн-Мари. – Вы знали, что во время «сухого закона» церковь использовалась бутлегерами?

– Правда? – удивилась Рейн-Мари.

– Неужели? – удивилась Клара. – Это для меня новость.

– А я знала об этом, – сказала Мирна. – Мне Рут говорила.

– Да ладно, – сказала Клара. – Когда? Когда ты мыла ей посуду?

Всем было известно, что Рут до сих пор не знала имени Мирны или чем она занимается, кроме разве что периодически возникающего подозрения, будто Мирна заведует библиотекой и работает у кого-то горничной.

– Она мне об этом иносказательно поведала, – призналась Мирна.

Все недоверчиво посмотрели на нее, поскольку Рут не была замечена в подобных тонкостях.

Я молилась, чтобы быть доброй и сильной,
за хлеб мой насущный и за искупление
грехов моего детства, груза первородного
и вины неизбывной старое наследство.

– Это стихи Рут? – спросила Рейн-Мари, когда Мирна закончила цитировать. – Что-то новенькое.

– Неопубликованные, – пояснила Мирна. – Я прочла это в одной из ее тетрадей, когда…

И опять они уставились на нее.

– Когда что? – спросила Клара. – Когда ты рыскала у нее в доме?

– Хуже, – призналась Мирна. – Я каждую среду прихожу убирать в ее доме.

Это вызвало взрыв смеха, который постепенно сошел на нет, когда они увидели лицо Мирны. Оно выражало смущение и неловкость.

– Постой, – сказала Клара. – Ты говоришь правду? Ты каждую неделю ходишь к ней…

– Вообще-то, каждую вторую неделю.

– И делаешь уборку?

– Она старая одинокая женщина и нуждается в помощи, – сказала Мирна. – Мы тоже будем такими когда-нибудь.

– Да, но знаешь что? – сказала Клара. – Рут и тогда все еще будет жить. Она несокрушима. Я знаю. Пробовала. Она нас всех похоронит.

– Но это настоящий прорыв, верно? – спросила Рейн-Мари. – Даже для такой прыткой дамы, как ты, ma belle. Как тебе удалось от этих прекрасных поэтических строчек прийти к «сухому закону»?

– Я спросила у нее об этом стихотворении. О его значении для нее. Это было года два назад…

– И давно ты этим занимаешься? – спросила Клара, удивленная и

обиженная тем, что подруга не сказала ей раньше. Внезапно ее осенило. – Что ты натворила?

– Ты о чем?

– Наверное, ты совершила что-то ужасное в этой жизни или в прошлой, и тебе пришлось надеть такую власяницу.

– Нет, я не грешница. Мне кажется, в прошлой жизни я была святой. – Она уставилась вдаль с блаженным выражением на лице. – Святая Мирна…

– На Эклерах, – добавила Клара.

– А я бы пошла в такую церковь, – заявила Рейн-Мари.

– Так вы разговаривали? – Изабель вернула их на грешную землю. Хотя она и была согласна с Рейн-Мари.

– Странно, но именно об этом мы и говорили с Рут. О церкви. Она сказала, что ребенком ходила в Святого Томаса и молилась, чтобы стать нормальной. Чтобы не быть белой вороной.

– Иногда чудеса случаются, – заметила Клара.

Арман вспомнил признание Рут, сделанное прошлым вечером.

О льде. О двоюродном брате.

О старом наследстве неизбывной вины.

– Церковный староста стал опекать ее, рассказал ей об истории церкви, – продолжала Мирна.

– Так она и узнала про «сухой закон», – догадалась Изабель. – Вообще-то, я думала, что она из числа бутлегеров.

Мирна рассмеялась.

– Я хотела бы узнать побольше, – сказала Рейн-Мари. – Для исторического общества. Вряд ли это первая церковь у границы, использовавшаяся для таких целей. Храм – излюбленный перевалочный пункт у бутлегеров.

– И безопасное место, – добавила Клара. – Кто станет совершать налет на дом Бога?

– Мы думаем об этих днях так, будто в них было что-то романтическое, – сказала Рейн-Мари. – Подпольные бары и кистонские копы.[41] Но то были жестокие времена. Тогда зарабатывались состояния. Однако это удавалось только самым большим негодяям. Может быть, «сухой закон» и не создал мафию, но он способствовал ее укреплению и приходу к власти.

Гамаш слушал, осознавая ее правоту. Контрабанда наркотиков была сродни своему крестному отцу – бутлегерству, процветавшему сто лет назад.

– Ты интересовалась историей Святого Томаса, – сказал он. – Но ты нашла что-нибудь, что подтверждало бы слова Рут?

– Вряд ли церковь вела счет ящикам со спиртным, которые проходили через ее цокольное помещение, – ответила Рейн-Мари.

– Верно, – кивнул Гамаш и погрузился в размышления.

Он думал о бутылках. И битах. То исчезающих, то возвращающихся в церковь.

* * *

Бовуар подошел к полированной деревянной стойке, сел и помахал Оливье:

– Есть шанс получить тушеную говядину, которую заказал шеф?

– Проверю в кухне. Антон готовит.

– Мойщик посуды?

– Он самый.

Это не сулило ничего хорошего, но Жан Ги так проголодался, что съел бы и блюдо из старых мочалок и жира со стенок раковины.

– Пока я жду, можно горячего шоколада?

– Bien sûr,[42] – сказал Оливье и отправился в кухню.

Бовуар оглядел бистро. Оно, конечно, было полным-полно, и все разговоры шли об одном предмете. Обнаружении тела Кэти Эванс несколькими часами ранее.

Он поискал глазами мужа убитой женщины и ее друзей, но они явно уединились в гостинице.

Жан Ги нашел кресло в тихом уголке и устроился там.

Через пару минут ему принесли горячий шоколад со свежевзбитыми сливками и коктейльной вишенкой наверху.

– Я думал, это для ребенка, – сказал голос, сопровождавший руку, поставившую шоколад на стол.

Бовуар поднял глаза.

Он увидел Антона в голубом переднике с белыми завязками.

– Говядина сейчас будет готова. Я принесу вам ее минут через пять.

– Жду. – Бовуар взял вишенку из взбитого крема. – С моим коктейлем. Дайте мне знать, когда будет готово, – помогу принести.

– Спасибо. – Антон помедлил. Посмотрел на горячий шоколад. – И ничего покрепче?

– Non, – отказался Бовуар, кладя вишенку в рот.

Антон продолжал стоять, но, поняв, что Бовуар не горит желанием продолжить разговор, ушел.

Через несколько минут они вдвоем осторожно шли по деревенскому лугу, под их ногами хрустел свежевыпавший снег, сверху на них падал ледяной дождь. Они старались донести обед в целости. Бовуар двигался особенно осторожно, держа в руках драгоценный груз.

* * *

– Ну хорошо. – Изабель повернулась к Мирне, которая, даже сидя, возвышалась над ней. – Оставим «сухой закон» в прошлом. Я пришла узнать от вас о друзьях мадам Эванс. Ваших друзьях. Я просмотрела записи их допросов, но хотела бы поговорить с кем-нибудь, кто их хорошо знает.

– Я знакома с ними уже довольно давно, в особенности с Леа, – сообщила Мирна. – Но не могу сказать, что знаю их хорошо. Вижу раз в год. Как и все остальные.

Теперь Мирна чувствовала себя немного виноватой, она словно отдалялась от них, дистанцировалась. Но так все и было на самом деле. Она плохо их знала. И не исключалась вероятность того, что по меньшей мере одного из них она не знала вовсе.

– Но вы знаете Леа Ру с четырех лет.

– Да. И теперь вы думаете, что она может быть убийцей?

– Непохоже, чтобы тебя в чем-то обвиняли, – заметила Клара.

– Даже убийцы когда-то были детьми, – сказала Изабель.

– Даже Эйхман, – сказала Клара.

– Эйхман? – переспросила Изабель.

– Нацистский военный преступник, – пояснила Клара.

Изабель несколько секунд смотрела на нее, не понимая, почему Клара вдруг упомянула нацистского военного преступника.

– Да, даже Эйхман был ребенком, – согласилась Изабель, озадаченная, но поклявшаяся, что больше не позволит сбить себя с пути. – Давайте начнем с легкого вопроса, – обратилась она к Мирне. – Обычно они приезжают летом. Вы не знаете, почему они изменили время своей ежегодной встречи?

– Я спросила у Леа, и она ответила, что трудно согласовать расписания всех четверых. Свободными все оказались только сейчас.

– Это решение они приняли в последнюю минуту? – спросила Лакост.

Мирна задумалась, потом покачала головой:

– Нет. Леа еще в мае писала мне, что приедут на Хеллоуин.

Изабель кивнула:

– Она когда-нибудь говорила с вами о Кэти?

Мирна неловко поерзала на диване. Никто не чувствует себя хорошо, когда приходится пересказывать личную беседу. Но она понимала: это не сплетни, это расследование убийства.

– Она говорила обо всех, не выделяя Кэти.

– Она любила Кэти?

– Мм, не с самого начала. Поначалу никто ее не любил. Как мы слышали вчера вечером, я думаю, они защищали память того, кто умер. Эдуарда.

– Они винили Кэти в его гибели? – спросила Изабель.

– Наверное, немного, в начале. Кэти бросила Эдуарда ради Патрика, и Эдуард вскоре после этого покончил с собой. Они все хотят думать, что это был просто несчастный случай. Парень потерял равновесие и упал с крыши, но Леа говорит, никто из них по-настоящему в такую версию не верит. Они думают, он прыгнул. Под воздействием наркотика. – Она покачала головой. – Я не думаю, что он и в самом деле хотел покончить с собой. Может, что-то мимолетное нахлынуло. А наркотик отключил тормоза. Проклятые наркотики.

Гамаш, сидевший чуть в стороне у огня, глубоко вздохнул – Рейн-Мари даже посмотрела на него. Так дышит человек, готовящийся с головой нырнуть в ледяную воду.

– Единственный, кого они всерьез обвиняли, – это торговец наркотиками, но он пропал после смерти Эдуарда, – сказала Мирна. – Сбежал.

– Леа сказала нам вчера, что семья пыталась его найти, – добавила Клара. – Даже частного детектива наняли. Но тот тип исчез с концами.

Лакост посмотрела на Гамаша:

– Вам это не кажется странным?

– Что именно?

– Ну, считается, что исчезнуть очень легко, – пояснила она. – Но мы оба знаем, что это не так. И хороший детектив должен был найти его следы.

Гамаш кивнул. Изабель знала, о чем говорит.

– Может быть, он не был таким уж хорошим детективом, – предположила Мирна.

– И может быть, – сказала Рейн-Мари, – наркотики тут ни при чем и то, что с ним случилось, не несчастный случай. – Она посмотрела на

Армана. – Может, его столкнули. Ты ведь думал об этом вчера, правда?

– Я всегда об этом думаю, – с улыбкой ответил он.

Но это ее не обмануло.

Он действительно постоянно размышлял об этом.

Да, крайне легко вообразить, как расстроенный и чувствительный парень под воздействием наркотика прыгает вниз в разгар вечеринки на крыше.

Но в равной мере легко вообразить, что кто-то в в толпе танцующих подвыпивших людей чуть-чуть подталкивает его.

– Нам нужно связаться с семьей этого молодого человека, – сказала Лакост. – Как его звали? Эдуард? А фамилия?

– Валькур, – ответил Гамаш. – И мне кажется, это хорошая мысль.

– Но это не объясняет убийства Кэти Эванс, – сказала Рейн-Мари.

– Non, – согласилась Изабель. Она снова обратилась к Мирне: – Кто-нибудь из них говорил что-нибудь о Кэти? О каких-нибудь ее поступках, которые объясняли бы…

– Ее убийство? – спросила Мирна.

– И появление кобрадора. Если он приходил к ней, то тому должна быть причина. Пусть и давняя.

– Может, он приходил не к ней. Вы об этом не думали? – спросила Клара. – Мы связываем их по одной причине: по причине ее смерти.

– Довольно веская причина, – заметила Мирна.

Она посмотрела на Армана, но он ничем не выразил своего отношения.

Он никак не мог отделаться от ощущения, что все случившееся гораздо проще, чем кажется, и ненужные подробности только мутят воду.

Что-то случилось, возможно, случилось очень давно и создало мотив. Подвигло кого-то на убийство Кэти Эванс.

«Старое наследство».

*** * ***

– Брысь, зверюга, – сказал Жан Ги, пытаясь перешагнуть порог дома Гамашей, яростно охраняемый крохотной Грейси.

– Это кто? – шепотом спросил Антон, чтобы не обидеть странное существо. – Я видел, как месье и мадам Гамаш выгуливают двоих. – Он посмотрел на Анри, который стоял поодаль и с такой силой махал хвостом, что все его тело покачивалось. – Это овчарка, я знаю. – И все равно Антон

несколько секунд изучал Анри. Судя по длине ушей, в собаке где-то имелась спутниковая тарелка. Потом Антон посмотрел на Грейси и еще больше понизил голос. – Это поросенок?

– Мы понятия не имеем, кто она такая. Щен, хрен, бушмен. Росомаха. Хотя мы абсолютно уверены, что это девочка, – сказал Жан Ги.

Они занесли еду в кухню.

– Что ж, прогресс, а не совершенство, – сказал Антон, и Жан Ги, собиравшийся включить духовку, на секунду замер.

Распаковывая обед, Антон огляделся вокруг; отметил видавшую виды столешницу для разделки мяса, открытые полки с тарелками и бокалами.

В дальнем конце кухни у окна, выходившего на деревенский луг, два кресла по сторонам дровяной печи. Книги, журналы, газеты на приставном столике. Никакого беспорядка, но и чрезмерной образцовости нет.

Комната была уютная, спокойная. Как и гостиная, через которую они прошли.

Бовуар, подбросив полешко в печку, чтобы снова заплясал огонек, присоединился к Антону.

– Вы только что произнесли фразу, – сказал Бовуар, вытаскивая салфетки и стараясь не наступить на Грейси, все еще вертящуюся под ногами.

– Правда?

Антон следовал за ним вокруг соснового стола и изящно складывал салфетки.

– Прогресс, а не совершенство.[43] Я с этим согласен. – Он остановился и посмотрел на Антона. – Вы не друг Билла?

– Я про вас то же самое подумал, – с улыбкой сказал Антон. – Горячий шоколад в бистро? Когда все вокруг пьют вино или виски. Шесть лет трезвости. А вы?

– Два года и три месяца.

– Молодцом. Пьянство?

– И наркотики, – сказал Бовуар. – Болеутоляющее.

Он говорил об этом только с другими членами общества или с близкими. Например, с Анни и Гамашами.

Слова «друг Билла» были чем-то вроде пароля. Для членов Общества анонимных алкоголиков. И этот Антон явно состоял в обществе. Жан Ги словно неожиданно встретил своего соплеменника.

Они стояли на теплой кухне, ледяной дождь лупил в окна, а они думали, что хотя ничего не знают друг о друге, но в то же время знают друг друга лучше, чем почти всех в этом мире.

– У меня тоже была проблема с наркотиками, – сказал Антон. – Фармацевтическими. Они меня чуть на тот свет не отправили. Я одной ногой стоял в могиле, а другой – на банановой кожуре, как говорят. Лечился, сумел избавиться от наркозависимости, но начал пить. Казалось, что это разумное решение.

Жан Ги рассмеялся. Поведение абсолютно логично для наркомана.

– Наконец и от этого избавился, – сказал Антон, ставя кастрюльку в духовку, чтобы не остыла.

– Есть минутка? – спросил Бовуар, показывая на кресла у печки.

Одна из проблем при ведении следствия состояла в том, что ты вдали от кураторов и не участвуешь во встречах. А потому было полезно поговорить с другим членом общества. С человеком, которому знакома эта территория.

– Ты когда начал? – спросил Бовуар, усевшись. Он посадил Грейси к себе на колени и завернул в свой свитер, чтобы ей было теплее.

– Употреблять? Немного в школе, но из берегов вышел в университете. Не уверен, что высшее образование для меня, а наркота только ускорила неизбежное.

– Выгнали?

– Не успели – сам ушел. – Антон покачал головой. – Знаешь, некоторые ребята справлялись, а для некоторых вроде меня это как взрывчатку в кровь закачать.

– А продажей занимался? – спросил Бовуар.

Антон поднес руку ко рту и, грызя ноготь, уставился на Бовуара.

– Не бойся, я тебя не арестую, – улыбнулся Жан Ги. – К тому же дело давнее.

– Не такое уж и давнее, – возразил Антон, потом улыбнулся. – Да, продавал, но не так чтобы много. В конечном счете я сам стал все использовать. Большая ошибка. Просто вразнос пошел. – Антон покачал головой при этом воспоминании. – Мой уход из университета – еще мелочь. Ты знаешь, что делает поставщик с дилером, который стал наркоманом?

– Видел.

– И я тоже. Вот поэтому-то я и ушел из университета. Убежал и спрятался. Зарылся как в песок и голову в задницу засунул. Надеялся, никто меня не найдет.

– И как же тебе удалось вылечиться?

– Семья отправила на лечение. У них сил больше не было терпеть.

Он посмотрел на огонь и положил ноги в носках на скамеечку,

предварительно подняв с нее маленькую книжку.

Открыл, полистал, потом, удивленно фыркнув, задержался на одной из страниц и посмотрел на Бовуара:

– Ты это читал?

Жан Ги вздохнул:

– Читал.

– Не нравится?

– Если только между нами. – Он подался к Антону. – Нравится. Но никому не говори.

Антон вернулся к книге и прочитал вслух:

> Из школы домой в семейный ад – путь невеселый подростка.
> Куда его велосипед свернет, доехав до перекрестка?

Бовуар улыбнулся. Он знал эти строки. И знал, что с перекрестка можно уйти не на ту дорогу.

– Рут Зардо, – сказал он, баюкая Грейси, как баюкал бы Оноре.

Ощущение маленького тела, биение маленького сердца рядом с тобой успокаивало.

– Oui. Мадам Зардо, – сказал Антон. Он закрыл книгу и посмотрел на обложку. Фото автора напомнило ему те видения, которые посещали его, когда он прятался, засунув голову в задницу. – Кто бы мог подумать, что восьмидесятилетняя чокнутая старуха так хорошо знает сердце мальчишки.

– Боль – вещь универсальная, – возразил Бовуар.

Антон кивнул:

– Это то, что она знает.

– Это то, что она причиняет, – откликнулся Жан Ги, и Антон рассмеялся с искренним удивлением.

– Значит, семья отправила тебя лечиться? – спросил Бовуар.

Антон положил книгу обратно на скамеечку.

– Да. Я их за это долго ненавидел, но независимо от их мотивов они сделали для меня благое дело. В конечном счете я очистился и протрезвел, и тут случилось кое-что еще. После лечения я пошел в реабилитационный центр. Мы там должны были по очереди выполнять всякую работу. Когда я попал в кухню, то обнаружил, что мне это нравится. А я даже не догадывался. В университете ел только полуфабрикаты и сыр. С удивлением открыл в себе эту страсть. К тому же вполне легальную.

Он усмехнулся.

По кухне распространялся запах, подтверждающий, что страсть Антона находила выход. Тонкие ароматы тушеной говядины, которую он приготовил для Гамашей: чеснок, лук, травы, слегка терпкий запах грибов и мяса. К этому примешивался дымок от кленовых поленьев в печке.

«Если Гамаши и Изабель не появятся в скором времени, то я начну без них», – подумал Бовуар.

– Вот так ты и стал шеф-поваром?

– Oui. В ресторане работу получить не смог, но в тот дом меня приняли.

– Их не волновала твоя история? – спросил Бовуар.

– Я им об этом не говорил, – сказал Антон. – Если ты предоставляешь хорошие услуги и работаешь за наличные, то тебе не задают вопросов.

– Ну и как это было – работать на Руисов?

– Неплохо. Он был чудаковатый. Весь в себе, словно владел государственными секретами.

– А он владел?

Антон пренебрежительно захохотал:

– Я тебя умоляю. Его работа состояла в том, чтобы присматривать за растениями, из которых делают дешевые игрушки. Может, даже пиратские подделки.

Он замолчал и посмотрел на Бовуара:

– Я не должен был тебе говорить. Подписал с ними соглашение конфиденциальности.

– Игрушки и готовка еды? Тебе об этом нельзя говорить? Там ты и познакомился с Жаклин, верно?

– Да.

– Подружились?

– Типа того. Никого больше не было.

– Больше чем дружба? – поинтересовался Жан Ги.

Антон рассмеялся:

– Ну почему все так думают? Нет, она скорее сестра, чем кто-либо другой. Отличный пекарь. Ты не пробовал ее шоколадные пирожные? Это что-то.

Бедная Жаклин, подумал Бовуар. И подумал, понимает ли она, что он любит только ее пирожные. Хотя эта любовь и казалась довольно сильной.

– Когда месье Руис отсутствовал, было неплохо. Свободнее.

– Он много ездил? – спросил Бовуар.

– К счастью, да. Его зоной ответственности была вся Северная Америка и часть Центральной. Я думаю, он получил эту работу благодаря

своему испанскому. Вряд ли за свои личностные качества.

– Он испанец?

– Да.

Бовуар задумчиво посмотрел на собеседника. Потрескивал огонек в печке, чугунная поверхность мягко распространяла тепло, давая им обоим ощущение благополучия. Безопасности. Их собственного маленького мирка.

Бовуар баюкал Грейси, которая похрапывала в сгибе его локтя. Ожидая, когда его собеседник заговорит, Бовуар постукивал пальцами, отсчитывая про себя. Два, три…

Семь, восемь. Наконец он решил, что Антону требуется помощь. Толчок.

– Ты знал, что это было, не так ли? – сказал он. – На деревенском лугу. Узнал, работая у Руисов. Ты знал про кобрадора.

Антон сжал губы.

– Я обещал Жаклин молчать. Она сама хотела рассказать. Но мы оба боимся. – Он понизил голос, и это могло бы показаться смешным, если бы не отчаяние в глазах. – Ты и представить себе не можешь, какой это человек.

– Руис? Ты его боишься? Он ведь вернулся в Испанию.

– Да, но…

– Кто он такой?

Антон огляделся.

– Руиса здесь нет, – заверил его Бовуар.

– Я не его искал, а компьютер. У месье Гамаша наверняка есть.

– Есть. В кабинете.

Он осторожно положил Грейси поближе к животу Анри, который, свернувшись, спал перед печкой.

– Идем со мной.

Через кухню они прошли в гостиную, а оттуда в кабинет.

Пока Антон стоял в дверях, Жан Ги включил компьютер и проверил, нет ли чего-то личного или секретного на экране.

Только вызвав поисковик, он подозвал Антона.

Антон сел, набрал слова для поиска, нажал на одну, на другую ссылку. Замер в ожидании.

Наконец он отодвинулся от экрана, чтобы Бовуару было удобнее смотреть.

На экране был репортаж испанской новостной программы. Толкотня вокруг человека на ступенях здания, похожего на здание суда.

– Это Антонио Руис? – спросил Бовуар.
– Нет, это его адвокат. Сеньор Руис на заднем плане. Вот.
Он показал на изящного человека в хорошо сшитом костюме. На вид человеку было около пятидесяти. Он выглядел довольным и уверенным.
– О чем идет речь?
– Не знаю, но могу догадаться. Сеньора Руиса арестовали за отмывание денег. Вся компания была под следствием, но потом их оправдали.
– Им удалось сорваться с крючка?
– После вердикта последовало публичное извинение. – Он уставился на экран. – Кто-то кого-то подмазал.
Бовуар вытянул губы. Грязные деньги всегда шли рядом с организованной преступностью. А где создавались синдикаты, там появлялись наркотики. Много наркотиков.
Интересно, знает ли об этом Антон.
Репортаж продолжался. Адвокат отвечал на вопросы, наконец, отделавшись от репортеров, он взял Руиса за руку и провел через толпу.
На этом репортаж закончился.
– Видел? – спросил Антон.
– Что?
Антон запустил репортаж сначала и в какой-то момент нажал кнопку «пауза».
Изображение стало расплываться, экран начал темнеть, и тут оно появилось.
На верхних ступеньках здания суда.
– Кобрадор, – сказал Бовуар.
И никакого цилиндра и фрака, ничего похожего на Фреда Астера.
– Как ты это нашел? – спросил Бовуар.
– На обед приехал какой-то испанец, – сказал Антон. – Коллега сеньора Руиса. Я обслуживал стол, и человек произнес слово «кобрадор», но Руис сразу заткнул ему рот. Человек так побледнел, что я решил проверить, в чем дело. И вот нашел.
– И сказал Жаклин?
– Да.
– А Руис? Он с семьей вернулся в Испанию?
– Они сказали, что возвращаются, но на самом деле я не знаю, и мне, вообще-то, все равно. – Он вздохнул. – Я тебе скажу: когда кобрадор появился здесь, я подумал, что намочу штаны. У меня душа ушла в пятки.
– Ты подумал, что он пришел за тобой?

Антон открыл рот, потом закрыл и покачал головой:

– Я подумал, что его прислал Руис, чтобы напугать нас. А то и чего похуже.

– Зачем ему вас пугать? Вы что-то про него знаете?

– Нет.

– А про убийство Кэти Эванс? Если ты что-нибудь знаешь, Антон, скажи мне.

– Ничего не знаю. Клянусь тебе.

– Но есть ведь что-то, правда? – настаивал Жан Ги. – Ты должен сказать мне.

– Только между нами?

– Ты и сам догадываешься, от чего это зависит. Это как-то связано с Антонио Руисом?

– Обещай никому не говорить.

– Не могу обещать. Брось, Антон. Скажи мне. Я знаю, ты хочешь сказать.

* * *

Мирна покачала головой:

– Хотела бы я знать Кэти получше и чем-нибудь помочь. Но я знаю только, что ее друзья и в самом деле переживают друг за друга. Они не притворяются. Не могу себе представить, чтобы кто-то из них замыслил ее убийство. Кэти была светлой и доброй. Мать-наседка для всех. Не дикарка, какой была в детстве. Мы все растем.

Не все, подумал Гамаш. Некоторые, как Эдуард, падают. И никогда не поднимаются. Никогда не вырастают.

Мысленно он покинул теплый чердак, где стоял гул разговора, и перенесся через холодный деревенский луг, над снегом и льдом, в свой дом. К тетради в столе. И к записям черными чернилами. Словно углем.

К его дневнику распространения чумы.

«Пепел, пепел, мы все падаем».[44]

– А кобрадор? – Голос Клары прорвался сквозь блуждающие мысли Гамаша, и он вернулся к действительности. – Он кто такой, черт побери? Он тут с какой стороны?

– Он явно не из их круга, – сказала Изабель. – И даже не из деревни. В деревне никто не пропал.

– Тогда кто? – спросила Рейн-Мари.

– Есть и другие возможности, – сказала Лакост. – Он мог проследовать в деревню за мадам Эванс, подгоняемый старой ненавистью. Или же его нанял кто-то из местных. Кто-то, кому было известно, что Матео Биссонетт писал о кобрадорах и узнает его.

– Есть, конечно, и более простой ответ, – намекнула Рейн-Мари.

– Матео Биссонетт сам нанял кобрадора, – подхватила Изабель. – А потом рассказал про него всем, включая и мадам Эванс. Да, мы думали об этом. Чтобы это сработало, она должна была знать про кобрадора. Хотя остается неясным, зачем Матео или кому-то другому это могло понадобиться.

Они посмотрели на Мирну.

– Ума не приложу. Леа не приходила ко мне сказать, что Матео планирует убить Кэти. Во всяком случае, я ничего такого не помню.

– Может, он и не собирался, – внезапно заговорил Арман. – Может, кобрадор пришел сюда, просто чтобы пристыдить ее. Убийство никогда не было частью этого плана. Но кто-то увидел такую возможность и воспользовался ею. Вы правы, – сказал он, обращаясь к Кларе. – Вероятно, целью кобрадора был кто-то совсем другой. Вы меня извините?

Он встал и повернулся к Рейн-Мари, которая тоже начала подниматься, несколько удивленная его внезапным желанием покинуть общество.

– Пожалуйста, скажи Жану Ги, чтобы пришел к нам в оперативный штаб. Изабель, ты можешь пойти со мной?

Они попрощались с Мирной и Кларой.

– Господи боже, – сказала Клара, глядя на них в окно. – Его будто кто-то из штанов выдернул. Неужели мы наконец сказали что-то полезное?

– Если и сказали, я не могу представить что.

– Может, у нас сыр кончился? – Клара посмотрела, но сыра еще оставалось много.

Потом две женщины наблюдали с теплого чердака, как Арман, Рейн-Мари и Изабель остановились на деревенском лугу, неподалеку от того места, где стоял кобрадор.

К вечеру погода еще ухудшилась – снег, снежная крупа, ледяной дождь. Полный набор.

Наконец Изабель двинулась в гостиницу. Арман, пригнув голову, пошел навстречу ветру и снегу, а Рейн-Мари отправилась домой, который был едва виден за снежными вихрями.

– Я иду к себе в мастерскую, – сказала Клара.

– Заканчивать картину? – спросила Мирна.

– Она закончена. Я хочу начать новую.

– Клара, – заговорила Мирна, – твоя выставка на носу. Я… – Она замерла с открытым ртом, потом закрыла его.

– Ты хороший друг, – сказала Клара. – И я знаю, ты желаешь мне добра. Но ты меня только расстраиваешь. Пожалуйста, – она взяла большие руки Мирны в свои, – не говори больше ничего. Верь в меня. Я знаю, когда картина готова, а когда нет.

Мирна проводила ее на лестницу и услышала, как звякнул колокольчик, когда Клара вышла.

Что, если ее подруга права? Некоторые вещи выглядят законченными, созданными. А на самом деле им далеко до завершения.

* * *

Старший суперинтендант Гамаш остановился на ступеньках церкви.

Вместо того чтобы поспешить внутрь, он зашел за угол.

Оказавшись позади церкви, он включил фонарик в своем телефоне и осмотрел землю.

Снег в свете телефона был девственно-чистым. Никаких следов. Да и откуда им взяться? Свежий снег должен был замести все следы, оставленные предыдущим вечером. И бригада Лакост должна была уже обшарить территорию вокруг церкви.

Но они не нашли бы то, что искал он.

Гамаш пошарил лучом по задней стене церкви, по обветренной, побелевшей вагонке.

Он подошел поближе, потом сделал шаг назад. Прищурил один глаз – снег летел в лицо сбоку, – повернулся и посмотрел в сторону темного леса.

* * *

Постояльцы гостиницы усаживались за обед, когда появилась Изабель Лакост.

– Извините, что прерываю, – сказала она, хотя было непохоже, чтобы она прервала что-то.

На всех тарелках лежал практически нетронутый пастуший пирог, издававший соблазнительный аромат.

– Не хотите к нам присоединиться? – спросил Матео. – У нас много.

Изабель восприняла его слова правильно – как совершенно

неискреннее приглашение – и подумала, в каком неловком положении она оказалась бы, если бы приняла его.

Это был ужасный день. По крайней мере, для большинства из них.

Они смотрели на нее, а старший инспектор Лакост – на них, подозревая, что один из них – убийца. Только она не знала, кто именно.

– Merci. Но у меня маленький вопрос. Мы должны выяснить кое-что, чтобы поставить на этом точку. – Она обратилась к Патрику: – Насколько я понимаю, вы не теряли контакта с семьей Эдуарда Валькура. Это так?

– Да.

– Я бы хотела с ними поговорить, и мне нужен их адрес или номера телефона – все, что у вас есть.

– Но зачем? – спросила Леа.

Лакост улыбнулась ей:

– Я забыла, вы ведь пытались провести закон его имени, верно? Должно быть, вы тоже не теряли связь с его семьей. У вас есть какие-нибудь контакты?

– Безусловно, – ответила Леа. – При мне их, конечно, нет, но я могу связаться со своим помощником в Национальном собрании и попросить его найти для вас эту информацию. Ваш электронный адрес у меня вроде бы есть.

По окончании допроса Лакост раздала всем им свои визитки.

– Merci. Я бы хотела попытаться связаться с ними еще сегодня. – Она снова посмотрела на Патрика. – У вас есть при себе их контактные данные?

– Кажется, я их стер, когда делал апгрейд, – пробормотал он.

– Зачем они вам понадобились? – снова спросила Леа. – Вы же не думаете, что они каким-то образом причастны к убийству Кэти?

– Нет, – заверила ее Лакост. – Не думаю, но у нас есть вопросы о прошлой жизни мадам Эванс, и один из таких неясных вопросов связан со смертью вашего друга Эдуарда.

– Там нет ничего не ясного, – сказал Матео. – Он накачался наркотиками и упал с крыши. Кэти не имела к этому никакого отношения. Ее там даже не было. Как и Патрика. – Он посмотрел на него.

Но Патрик только сидел, молча уставившись перед собой.

Матео подавил в себе сильное желание отвесить ему подзатыльник, чтобы стряхнуть это идиотское щенячье выражение с его лица.

– У меня нет никаких возражений – я могу вам дать их контактные данные, но только утром. Это вас устроит?

– Если раньше не получится – да.

Лакост оставила их заканчивать обед, а сама снова вышла в снегопад.

Она ушла, не получив контактных данных Валькуров, но зато у нее теперь имелось кое-что другое. Уверенность в том, что Леа Ру так или иначе находилась в центре событий. Она несла ответственность.

И Лакост вспомнила совет, который получают агенты Моссада. Совет, который вызывал у нее ужас и неприятие, совет, против которого восставало все ее существо. Пока ей не объяснили.

Израильских агентов инструктировали: если они сталкиваются с сопротивлением во время атаки, сначала нужно убивать женщин.

Потому что, если женщина доведена до такого состояния, что взяла в руки оружие, она будет драться до последнего и вряд ли сдастся.

Сначала убивать женщин.

У Лакост до сих пор вызывал неприятие этот совет. Его простота. Откровенность. Но ее возмущало и то, что психология, лежащая в его основе, верна.

* * *

Гамаш сделал несколько шагов по снегу в лес. Недалеко.

Потом повернулся к задней стене церкви, и в этот момент загорелся фонарь, осветив площадку вокруг него. Снежинки засверкали, как кристаллы.

Он остановился на мгновение, запоминая яркую картину, затем развернулся и посмотрел в сторону мрачного леса.

Бросив последний озадаченный взгляд на заднюю стену, Гамаш прошел по своим следам в теплую церковь, где Жан Ги отряхивал перчатки о куртку.

– Мадам Гамаш сказала, что вы хотите видеть меня здесь. – У него заурчало в желудке, и он положил руку на живот, с возмущением глядя на Гамаша. Сейчас они могли бы наслаждаться едой, а не стоять в прохладной церкви. – Что вы делали снаружи? Что-то искали?

– Бутлегеров.

– Они скрылись в том направлении. – Бовуар указал в сторону кладбища.

Гамаш повернулся к кладбищу, наморщил лоб и задумался. Снег таял, словно расплавленный мыслительными усилиями. Струйки стекали по голове, лицу, затылку. Ручеек пробрался за воротник и потек вдоль позвоночника, заставляя Гамаша поеживаться, пока он спускался по ступеням в оперативный штаб.

Глава двадцать девятая

Тонкая струйка пота просачивалась сзади за воротник старшего суперинтенданта Гамаша.

В управлении Квебекской полиции, оборудованном мощными кондиционерами, он чувствовал, как его пропитанная влагой рубашка начинает прилипать к телу.

Жаль, что у него не было времени принять по-быстрому душ и переодеться, но это может подождать до конца совещания.

Офицеры встали, когда Гамаш вошел в конференц-зал, но он взмахом руки усадил их обратно и занял свое место во главе стола.

Гамаш обвел их взглядом – мужчин и женщин разного возраста, разных званий. Тех, кто вот уже почти год по меньшей мере раз в неделю сидел здесь на одних и тех же местах.

Он помнил приватные собеседования, которые провел, отбирая людей для этого узкого круга. Из тысяч полицейских он выбрал этих немногих за их ум и решительность. За их способность к командной работе. За умение как руководить, так и подчиняться. Выбрал за их храбрость и отвагу. За их преданность.

Не Гамашу. И не Квебекской полиции. И даже не Квебеку. А квебекцам. С целью защитить их. Возможно, заплатив за это немалую цену.

Он выбрал самых многообещающих и попросил их – возможно, вероятно, почти наверняка – погубить свою карьеру. И они согласились.

Нужно признать, не все согласились без сопротивления, поскольку дальняя перспектива заслонялась неотложными делами, которые молили, взывали, кричали о себе. А также мешали профессиональная подготовка и нравственные принципы. Отойти в сторону, ничего не делать, когда на твоих глазах совершаются преступления, – это уничтожало душу.

Но они все это время держались вместе. Гамаш их убедил.

И вот теперь они сидели здесь.

В течение почти целого года они понемногу реализовывали план. Какой бы продуманной, целенаправленной, скрытой ни была деятельность картеля, они пытались его разрушить.

Стеклянный дом, сказала про картель судья Корриво. Прозрачный.

Таким он и был. Такими стали и они. Теперь.

Гамаш знал, что хороший охотник учится у своей жертвы. И он научился у картеля быть рациональным. Целеустремленным. Невидимым.

Казаться слабым, но на самом деле накапливать силы.

Однако теперь пришло время открыть карты. Для обеих сторон. К концу этого дня один из них должен одержать победу. А другой – быть повержен.

Взяв салфетку, он отер потное лицо, не думая о том, как это может выглядеть со стороны.

– Расскажите мне, что вы знаете.

Он прошелся взглядом по присутствующим, и наконец его глаза остановились на суперинтенданте Туссен, у которой был обеспокоенный вид.

– Кажется, мы ошибались, patron.

– Вот как? В чем же?

Он знал, насколько важно сохранять спокойствие и контроль, хотя его сердце начало колотиться.

– Это насчет матрешек. Мы теперь узнали, что было сделано две поставки. Одна с хлорокодидом, другая – без.

– Понятно. И?..

– Та, которая с наркотиком, покинула Мирабель вчера вечером. Как только огромная партия фентанила пересекла границу.

– Хлорокодид тоже пересек границу? – спросил Гамаш.

Голос его оставался спокойным, хотя вся операция теперь зависела от ответа на его вопрос.

Собравшиеся чувствовали, что балансируют на краю пропасти.

– Мы так не думаем. Мы думаем, что он на промежуточном складе.

– Вы думаете? – спросил Бовуар, пытаясь – с меньшим успехом, чем старший суперинтендант, – сохранять спокойствие.

– Да, – резко сказала Туссен. – Думаем. – Она снова обратилась к Гамашу: – Насколько это известно нашему информатору, груз все еще в Квебеке. У нас есть и другие сведения, подтверждающие его правоту.

– Это тот самый информатор, который сегодня, немного ранее, сообщил нам, что это дерьмо, «крокодил», все еще на складе? – сказал Бовуар.

– Тот самый. Он ошибся, – ледяным голосом проговорила суперинтендант Туссен. – Вы знаете, что ошибки случаются. Но он, рискуя жизнью, вернулся проверить. После чего связался со мной.

Туссен и Бовуар уставились друг на друга.

– У нас нет возможности выяснить это наверняка? – спросил Гамаш.

– Не обнаружив себя – нет, – ответила Туссен.

– Таким образом, мы не знаем точно, где находится наркотик, – сказал

Бовуар. – Известно только, что на складе его нет.

– Верно.

– Но кажется, у вас есть и другая подтверждающая информация, – сказал Гамаш. – Какая?

– Глава синдиката Восточного побережья находится в Берлингтоне, штат Вермонт.

Офицеры переглянулись, потом посмотрели на Гамаша.

– Он мог приехать туда по разным причинам, – сказала Туссен. – Мы не знаем наверняка…

– Оттуда до границы рукой подать, – перебил ее Бовуар, чье охотничье возбуждение брало верх над раздражением. – Одной из таких причин может быть встреча груза.

– И не только груза, – сказала Туссен. Она посмотрела на Гамаша. – Это может означать, что они заглотили наживку. Заглотили так глубоко, как мы и не рассчитывали.

– Продолжайте, – сказал Гамаш.

Он думал о том же, но Туссен имела больше времени, чтобы обдумать информацию, и ему хотелось выслушать ее соображения.

– Полагаю, глава синдиката Восточного побережья приехал в Вермонт не для того, чтобы съесть порцию «Бен энд Джерри».[45] И даже по причинам более веским, чем поставка «крокодила».

Гамаш задумчиво кивнул. Он осмысливал услышанное. Старался подавить переполнявшие его радостные эмоции, чтобы они не застили глаза. Старался не спешить делать вывод, которого так жаждало все его существо.

Бовуару выпало сказать то, о чем думал Гамаш. О чем думали все они.

– Организована встреча. Когда обмен совершится, – проговорил он тихо, почти шепотом, – главы квебекского картеля и картеля Восточного побережья встретятся. Будут находиться в одной точке.

– Черт побери, – прореагировали несколько офицеров.

– Но по какую сторону границы? – спросил один. – Неужели он приедет в Квебек? Осмелится?

– А что его может остановить? – спросил другой. – Ведь не Квебекская же полиция, это ясно.

Его слова вызвали взрыв смеха, чуть ли не истерического.

Старший интендант Гамаш тоже испытал облегчение, но оставался настороже. Вот в такие моменты и совершаются ошибки.

Он думает, что заманил их в ловушку, но, возможно, в ловушку заманили его. Если им что-то и удалось узнать про картель, так это про

исключительную хитрость его руководства. Картель мог оставаться невидимым, но сам прекрасно видел происходящее вокруг.

Однако Гамаш не стал портить праздник своим подчиненным. У них было так мало причин для радости в последнее время. Пусть они насладятся моментом. Постепенно возбуждение спало.

– Расскажите, как вы пришли к этому выводу, Мадлен, – предложил Гамаш.

– Это первая партия хлорокодида через границу. Похоже, они планируют сделать его одним из главных наркотиков на рынке, заработать на нем громадные деньги. Он прост в производстве, его легко сбывать потребителю, который всегда ищет что-то новенькое, посильнее.

– От него кожа покрывается чешуйками, – сказал один из полицейских, читая краткое описание наркотика.

– Верно. А еще мозги всмятку и смерть в юности, – сказала Туссен. – Но разве это когда-нибудь останавливало наркомана? Это вам не разумные люди, делающие рациональный выбор. – Она снова обратилась к Гамашу: – Хотите знать, что я думаю? Я думаю, они встречаются, чтобы обсудить территориальные вопросы. Границы существуют для политиков, но не для наркодилеров. А еще я думаю, они хотят оценить друг друга. Это указывает на то, какую мощь обрел квебекский картель. Вряд ли что-то другое могло бы привести главу крупнейшего синдиката из Штатов в вермонтский лес.

– Он чувствует угрозу? – спросил Бовуар.

– Возможно.

– Вы полагаете, он приехал, чтобы убить главу квебекского картеля? – спросил другой полицейский.

Туссен задумалась.

– Нет. Наверное, он может быть готов к этому, но все же они деловые люди. Убийство поставщика – плохой бизнес. Это делают в крайнем случае, когда ничего другого не остается. Я считаю, они хотят договориться.

– Глава квебекского картеля достаточно умен, он вполне может сам просчитать все это.

– Oui, безусловно, – ответила Туссен. – И достаточно умен, чтобы быть готовым нанести удар первым.

– Ни хрена себе тет-а-тет намечается, – заметил один из полицейских.

– Я думаю, пора поставить в известность Управление по борьбе с наркотиками, – сказала Туссен. – Эта встреча может очень быстро выйти из-под контроля, и тогда нам понадобится помощь.

– Когда, по-вашему, состоится встреча? – спросил Гамаш.

– Наверняка сегодня. Может быть, сразу после наступления темноты. Но до полуночи. Им нужно побыстрее завершить дело.

– И ты считаешь, что встречаться они будут на границе? – спросил Бовуар.

– Да. Самое безопасное место. Мы доказали им, что совершенно не в курсе, что они используют это место. «Крокодил» будет передан американскому синдикату. Деньги получит квебекский картель. И главы обеих организаций по меньшей мере заложат основы нового соглашения.

Все, кроме Гамаша, посматривали на настенные часы. Гамаш остро чувствовал время, но также знал, как опасно поспешно принимать решения под воздействием паники.

– Мы не будем оповещать Управление по борьбе с наркотиками, – сказал он.

Все заговорили разом, в зале стало шумно. Его слова сразу вызвали возражение. Он позволил волнению улечься, а когда воцарилась тишина, заговорил:

– Если мы сообщим им, что главы двух крупнейших синдикатов Северной Америки выходят из тени и у них сегодня по завершении крупной сделки состоится встреча, то какие, по-вашему, действия предпримут американцы?

Он дал им время подумать.

– Они мобилизуют силы, – ответил он на свой вопрос. – Им придется это сделать. Да они и сами в этом заинтересованы. Но даже если они отдадут нам инициативу, шум поднимется такой, что синдикаты не смогут не заметить. Нет. Риски есть в обоих случаях, но мое решение остается в силе. Мы придерживаемся плана, который привел нас к сегодняшним событиям.

– А если встреча состоится по ту сторону границы, сэр? Вне нашей юрисдикции?

– Тогда мы можем потерять их обоих, – вставил еще кто-то.

– Предоставьте это мне, – сказал Гамаш. – Сосредоточьтесь сегодня на своих заданиях, а я займусь своим делом.

«Он не допустит, чтобы это произошло», – понял Жан Ги. Так или иначе, но глава одного или главы обоих картелей предстанут перед судом, даже если Арману Гамашу придется тащить их через границу за волосы.

– Старший инспектор Лакост на месте? – спросил Гамаш.

– Она следит за перемещениями главы квебекского картеля и будет сообщать нам обо всех изменениях, – ответила Туссен.

– Bon. Инспектор Бовуар, тактические планы у вас?

– Да.

Он показал на подробные карты с указанием местонахождения каждого участника операции и его задания. Планы, с которыми были знакомы все находящиеся в комнате.

Их жизнь и жизнь их товарищей зависела от того, насколько точно они знают, что предстоит всем им делать. Каковы будут цели и объекты каждого. Как первичные, так и вторичные.

Работать они будут малыми силами, а потому для каждого должно быть выбрано оптимальное место. Точно расписаны действия каждого, каждое движение.

Группа захвата была предупреждена, введена в курс дела несколько недель назад, однако о целях операции им не сообщили.

У Квебекской полиции имелось два больших преимущества. После долгих месяцев наблюдений они точно знали, где наркотики пересекут границу. Кроме того, Квебекской полиции удалось убедить синдикаты, что полиция совершенно беспомощна.

У полиции имелось и другое важнейшее преимущество. Хотя и не столь очевидное. Мотивация. Даже отчаяние. Отступать им было некуда – они оказались прижаты к стене. Позади был океан. Это не могло не сработать.

Но теперь добавилось кое-что неожиданное, хотя и не неприятное.

Появление главы синдиката, действующего на Восточном побережье Штатов. Он, несомненно, прибудет с собственной маленькой армией.

В тщательно проработанный план внедрился ряд неизвестных пунктов.

Ставки выросли, а результат мог превзойти все ожидания. Но и опасность увеличилась.

– Возможно, детали уже не соответствуют новой ситуации, – сказал Бовуар, показывая на карты.

– Американец может изменить пункт передачи, – добавила Туссен. – Предпочтет встретиться где-то еще.

Гамаш ощущал, как растет напряжение. Он чувствовал, какие гигантские усилия предпринимает каждый из них, чтобы скрыть волнение, держать себя в руках.

– Может быть, а может, и нет. Мы не знаем. Мы можем только действовать на основании известных нам фактов и быть готовыми к изменению планов. D’accord?

– D’accord, patron, – одновременно ответили все.

Гамаш еще раз сделал мысленный обзор стратегии, заложенной в

планы, потом обратился к Бовуару:

– Ты считаешь, что есть какой-то другой способ проведения операции, лучше разработанного?

Бовуар тоже мысленно в очередной раз перепроверил планы, прочно отпечатавшиеся в его памяти.

– Мне потребуется внести некоторые изменения, – ответил он. – Если приезжает глава синдиката, то будет больше охраны. И они будут более внимательны. Но, – он взвесил ситуацию еще раз, – план по существу остается в силе. Если только не возникнет чего-нибудь новенького.

– Ваш информатор с ними? – спросил Гамаш у Туссен.

Она кивнула.

– Bon, – сказал Гамаш, вставая. Все остальные тоже поднялись. – Если по ходу дела будут происходить какие-то изменения, что ж, нам к этому не привыкать, верно?

Его замечание вызвало смех и кивки. Хотя ветераны, входившие в команду, смеялись тише прочих.

– Если я кому-то понадоблюсь, я у себя в кабинете.

Как только старший суперинтендант вышел, Бовуар склонился над планами, которые разрабатывал дома в течение нескольких месяцев, надеясь, что этот день наступит.

Если Оноре просыпался ночью, Бовуар кормил и убаюкивал его, пока Анни спала. Тихонько покачивал сына, размышляя над картой, шепотом проговаривая план действий при атаке.

Ведь придется преследовать, арестовать, а если будет необходимо, то и убить врага.

Это тебе не Винни Пух. И не Пиноккио. Не сказка перед сном для его сыночка. Но если они одержат победу, это увеличит шансы Рей-Рея на то, чтобы вырасти здоровым в безопасном мире. Чтобы никогда не узнать, что происходит, когда на перекрестке выбираешь не ту дорогу.

– Хорошо, – сказал Бовуар, привлекая к себе внимание всех собравшихся. – За дело.

Он посмотрел на большие настенные часы.

Двадцать минут шестого.

Потом посмотрел на закрытую дверь. Он должен поговорить с Гамашем, прежде чем то, что должно произойти этой ночью, произойдет. Нельзя, чтобы между ними оставалось что-то недосказанное.

* * *

Арман Гамаш ослабил галстук и вытащил влажную рубашку из брюк. Подойдя к столу, протянул руку к ящику, где лежали свежие рубашки.

Но, поколебавшись, он изменил свои намерения, вытащил из кармана ключи и открыл верхний ящик. Выдвинув его, он увидел тетрадь и салфетку.

Он не заглядывал в этот ящик уже несколько месяцев.

Много жизней, много судеб назад написал он эти слова на помятой салфетке.

Сколько человек умерло с тех пор? Из-за него? Он не закрывал глаза на наркотики и насилие. Он ясно видел происходящее. Он каждый день просил предоставлять ему отчеты. Он знал цену погубленных жизней, потерянных жизней. Знал, что несет за все это ответственность.

И тем не менее он бездействовал.

Но сегодня его время пришло.

Отложив салфетку в сторону, Арман открыл тетрадь и заставил себя прочесть то, что написал, что начал тем холодным ноябрьским вечером, когда Анри и Грейси лежали, свернувшись, у огня, а Рейн-Мари сидела рядом на диване.

Он подумал, не делал ли то же самое испанский конкистадор Кортес на своем долгом пути в Новый Свет. Когда эта мысль впервые пришла ему в голову. Взвешивал ли он последствия, когда обдумывал свои роковые приказы? *Сжечь корабли*. Знал ли он, какие кровавые схватки предстоят его воинам и морякам? И ацтекам, чья цивилизация будет стерта с лица земли?

И еще Гамаш подумал: когда нога завоевателей ступила на берег и дым заполнил воздух, не сошло ли на землю еще одно существо?

Не заметили ли конкистадоры идущую за ними темную фигуру? Страшного свидетеля страшных деяний.

Но конечно, их деяния еще несколько веков не будут считаться страшными. Кортес стал героем для всех, кроме ацтеков.

Позднее, наедине с самим собой, по мере приближения смерти, размышлял ли Кортес о том, что сделал? Закрадывались ли сомнения в его голову? Стоял ли бессмертный кобрадор у изножья его постели?

А Черчилль? Не разбудило ли его сомнение в ту ночь, когда бомбили Ковентри? Или в ту ночь, когда союзники бомбардировками стерли с лица земли великий город Дрезден в отместку за преступление, в котором город был неповинен?

Гамаш взял ручку, открыл чистую страницу и начал писать.

Он написал о громадной поставке наркотиков, которую пропустил

через границу предыдущим вечером. Хотя мог ее остановить.

Он написал о жизнях, которые будут погублены из-за его решения. О его Ковентри. Его Дрездене.

Он написал о месье Залмановице, о его поставленной на карту карьере. О судье Корриво и об осуждении, которому она подвергнется за то, что отпустила, а не арестовала их, как должна была поступить по закону.

Он написал о мужчинах, женщинах и детях, которые пострадали, когда он отдал приказ свести аресты преступников к минимуму. Сосредоточить все ресурсы на главном, одновременно создавая иллюзию полной и окончательной некомпетентности.

Обо всем этом написал Арман Гамаш. Ничего не упустил. А когда закончил писать о событиях прошлых, продолжил далее. Он написал о том, что должно произойти в ближайшее время. Сегодня вечером.

Наконец Гамаш остановился, положил ручку и закрыл тетрадь. Аккуратно положил на нее салфетку.

Потом ушел в ванную и принял душ, смывая грязь и пот, от которого солонела вода. И что-то еще катилось по его щекам.

* * *

– Patron?

Бовуар заглянул в кабинет шефа. Там было пусто. Но в ванной слышался шум воды.

Жан Ги замер, не зная, что ему делать. Войти? Ретироваться?

Он не хотел увидеть, как его босс, его тесть выходит из ванны, завернутый в полотенце. Или вообще без него.

Но и уйти, не сказав то, что необходимо было сказать, он тоже не мог.

И он вошел в комнату, закрыл дверь и уже хотел сесть, когда увидел тетрадь на столе.

Снедаемый любопытством, он подошел ближе. Душ все еще был включен, и Бовуар, набравшись смелости, открыл тетрадь и начал читать. Услышав, что душ выключился, он быстро закрыл тетрадь, положил на нее салфетку и сел на стул по другую сторону стола.

Шеф вышел в свежем белье, вытирая волосы полотенцем.

Он мгновенно остановился, увидев Бовуара, который вскочил со своего места.

– Жан Ги.

– Patron. – Бовуар стоял неподвижно, расправив худые плечи. – Я

жалею, что ушел сегодня из зала суда. – Его голос звучал официально, словно он делал доклад или повторял заученные слова. – Это непростительный поступок.

Отбросив официальный тон, он расслабился и заговорил, как обычно:

– Я даже не знаю, почему так поступил. Мы видали вещи и похуже. Но я просто…

Арман стоял и слушал, не спеша помочь Бовуару закончить предложение. Не укорял его, но и не говорил, что все в порядке.

Он давал Жану Ги возможность высказать все, что тот считает необходимым. Своими словами, не торопясь.

– Я испугался.

Вот оно. Взрослый мужчина, старший офицер Квебекской полиции, признается в трусости. Для этого требуется немалое мужество.

– Чего же ты испугался? – спросил Гамаш.

– Я испугался, что закричу: «Не надо!» До этого момента у нас еще был путь к отступлению. Черта, которую мы обозначили, но пока не пересекли. Ваша ложь в суде, клятвопреступление – после этого назад не вернуться. Я знал, что выбора нет, но не мог видеть, как вы переходите черту.

Гамаш кивнул и подумал, прежде чем заговорить:

– Я думаю, здесь есть кое-что еще.

– Может быть, – признал Бовуар, чувствуя себя крайне неловко под взглядом шефа.

– Я думаю, сегодня твое уважение ко мне поубавилось. Ты до самого конца не верил, что я пойду на это. Ложь под присягой, как ни посмотри. Это нарушает все законы, в которые мы с тобой верим. Делает меня лицемером.

«Так ли это? – спросил себя Бовуар. – В этом ли кроется объяснение?» Ведь по правде говоря, он так и не смог понять свой поступок до конца. Он не лгал, ему действительно невыносимо было видеть, как Гамаш губит свою карьеру, однако это не оправдывало его ухода. Старший суперинтендант никогда не ставил карьеру во главу угла.

Так в чем же причина?

И тут он понял: Гамаш прав. Он убежал, потому что не мог видеть падение шефа. Не мог видеть, как вымажет себя грязью тот, кто всегда был для него примером, наставником. Кто не поступался принципами, не нарушал закон, в то время как другие ради собственной выгоды обходились с законом как с дышлом.

Но сегодня то же самое сделал и Гамаш. Причем он позволил себе

даже не произвольное толкование закона, а его прямое нарушение.

Бовуар никогда до конца не верил, что из всех людей на земле вот этот человек будет лгать под присягой. В зале суда. Какова бы ни была причина. Жан Ги надеялся, что, когда дойдет до этого, будет найдено другое решение. Чудесным образом появится конная полиция – и все кончится хорошо.

Однако ничего этого не произошло, и Арман Гамаш совершил клятвопреступление в адской бездне зала суда.

Глядя на Жана Ги, Гамаш понял, что попал в цель. Он не хотел этого, надеялся, что ошибается. Но теперь увидел перед собой еще одну жертву, еще одно искалеченное тело.

Погибло уважение, которое питал к нему Жан Ги… Не худший из трупов, да, но отрицать боль, которую чувствовал сейчас Гамаш, было невозможно. В глазах Жана Ги он пал. Как и многие другие офицеры Квебекской полиции, которые присягали закону, но нарушили его.

Тот факт, что другие делали это ради денег, а Гамаш – чтобы поставить на колени наркоторговлю, в сущности, не имел значения. Гамаш доказал, что ничем не отличается от других.

Порча начинается с малого и часто бывает оправданна. Белая ложь. Малое нарушение закона для большего блага. А потом порча, как вирус, начинает распространяться.

– Мне не хочется говорить тебе об этом, Жан Ги, но я пересек черту в первый раз, когда отдал приказ отступить и не производить аресты. Мне платят деньги за то, чтобы я охранял закон. Я присягал делать это, мне доверили эту обязанность. Но я избрал другой путь. Сегодня в суде я просто подтвердил свое прегрешение.

– Судья Корриво знает? Она поэтому вызывала вас к себе?

– Она подозревает. Спросила, на свободе ли еще настоящий убийца.

– И вы ответили?

– Я заверил ее, что обвиняемое лицо и есть настоящий убийца, но вряд ли она поверила. Она взяла время до завтрашнего утра, чтобы подумать и решить, как поступить с месье Залмановицом и со мной.

– Однако она вас отпустила, – сказал Бовуар, сразу ухватив главное.

Нахмурив брови, он размышлял над словами шефа, ощущая тяжесть в груди. Внезапно его осенило.

– Если вы пересекли эту черту, когда издали приказ, то я пересек ее, когда подчинился.

Гамаш, разумеется, понимал, что так оно и есть, но предпочел промолчать. Ночь впереди была долгая, трудная, не стоило нагружать Жана

Ги лишними заботами.

Однако его зять пришел к собственному заключению. И случилось нечто неожиданное. Бовуар не согнулся еще больше под тяжестью этой мысли, напротив, ему явно стало легче.

– Значит, я виноват в той же мере, – сказал Жан Ги, и беспокойство исчезло с его лица, уступив место облегчению.

И Арман понял: проблема состояла не столько в том, что он пал в глазах Бовуара, а в образовавшейся между ними пропасти. Теперь они, по крайней мере, были вместе. В сортире. На два очка.

– Мы оба в говне по шею, – сказал Жан Ги, чуть ли не сияя от радости.

– Вот посюда. – Гамаш поднял руку выше головы и пошел в ванную причесаться. Потом он вернулся, завязал галстук. – Все готово?

– Oui. Изабель еще не звонила, но нам уже пора. Остальные собирают все необходимое. Я принес ваш бронежилет.

– Merci. – Гамаш подошел к столу, отпер еще один ящик, достал кобуру с пистолетом, закрепил на поясе, надел пиджак. Помятый, но хотя бы сухой.

Фургон с группой захвата поедет отдельно, а когда опустится темнота, агенты займут определенные им места.

И станут ждать.

Гамаш подумал, не убрать ли ему тетрадь и салфетку в ящик, не запереть ли замок, но потом понял, что это не имеет значения. Если что-то случится, если все пойдет насмарку, тетрадь поможет следователям если не разделить его позицию, то хотя бы понять произошедшее.

Они прошли по длинному коридору к лифтам. Пистолет на боку старшего суперинтенданта доставлял ему неудобство, как что-то чуждое, постороннее. Гамаш ненавидел оружие, единственное назначение которого состояло в том, чтобы убивать людей. А он видел достаточно смертей, много оборвавшихся жизней.

– Я должен был остаться с вами в зале суда, – сказал Жан Ги, нажимая кнопку «Вниз». Потом он посмотрел на Гамаша. – Мы в порядке?

– Мы всегда были в порядке, Жан Ги.

Лифт остановился, и они вошли в кабину. Вдвоем.

– Я тебе рассказывал о своем первом боевом столкновении?

– Что-то не припомню. Вы написали об этом стихотворение?

– Эпическую поэму, – сказал Гамаш, прочищая горло. Потом улыбнулся. – Non. Все гораздо прозаичнее. Я был агентом, и не совсем чтобы желторотым. Прослужил в Квебекской полиции года два. Мы брали уличную банду. Хорошо вооруженную. Провели полномасштабную осаду

их бункера.

Он говорил, сцепив руки за спиной, и смотрел на сменяющиеся номера этажей на табло.

– Я вырубился.

– Pardon?

– Как только прогремели первые выстрелы. Очнулся оттого, что санитар бил меня по щекам.

– Pardon? – повторил Бовуар и уставился на Гамаша, который продолжал считать этажи.

– Я списал это на тепловой удар. Тяжелое снаряжение, ожидание, жаркое солнце. Но дело было совсем в другом. В страхе. Я был так испуган, что потерял сознание. – Он помолчал. – Хотя «вырубился» звучит немного лучше.

Он повернулся к Жану Ги, который смотрел на него, не веря своим ушам.

– Только Рейн-Мари знает эту историю. Знает правду.

Жан Ги продолжал смотреть на шефа с открытым ртом.

– Этот случай заставил меня пристальнее приглядеться к себе, – сказал Гамаш. – Готов ли я к службе, или же мои страхи всегда будут брать надо мной верх, ставя под угрозу жизнь моих товарищей. Но мне нравилась работа, и я верил в нее. И я понял, что могу не бояться и делать то, что необходимо. И так я стал работать над собой.

– Страх прошел?

– Думаю, ты знаешь ответ.

И Жан Ги действительно знал.

Страх никогда не уходил полностью. Даже у старшего суперинтенданта.

Кабинка опустилась на нижний этаж, и Бовуар вспомнил предсказания в тетради и салфетку, так аккуратно положенную сверху.

Название ресторана было напечатано веселенькими красными буквами наверху.

«Sans Souci». «Без забот».

А ниже черным фломастером: «Сжечь наши корабли».

Он вышел из кабины следом за Гамашем.

Дело было не в том, что страх пропал. А в том, что прибавилось мужества.

Глава тридцатая

В помещении бистро в Трех Соснах Изабель Лакост было прохладнее и спокойнее, чем в удушающей жаре на террасе, где клиенты расслаблялись, попивая лимонад и пиво.

Она сняла солнцезащитные очки и подождала, когда привыкнут глаза. Находиться внутри для нее было предпочтительнее по целому ряду причин.

– Мне бы чего-нибудь с градусами, – сказала Изабель, направляясь через бистро к деревянной стойке бара, за которой стоял Оливье. – Пожалуй, джин с тоником. О, и сделайте двойной. Я не на работе.

– Долгий день? – спросил Оливье, наливая джин «Танкерей» на кубики льда.

Изабель подошла к бару и кивнула, сняла крышку с одной из вазочек и взяла лакричную трубочку. Сначала откусила красные засахаренные угольки, как ее научили делать ее дети, наученные месье Гамашем.

– Как продвигается суд? – спросил он.

– Comme ci, comme ça.[46]

Оливье покачал головой, отрезая дольку лимона. Запах свежести моментально ударил им в ноздри.

– Как это грустно, – сказал он, показывая фруктовым ножом в сторону церкви. – Но по крайней мере, для Кэти правосудие восторжествует.

Изабель повернулась и посмотрела в окно, минуя взглядом клиентов на раскаленной, как сковорода, террасе, попивающих охлажденные напитки. Глядя мимо детей, играющих на зеленом деревенском лугу, бегающих вокруг трех огромных сосен, словно те участвуют в их игре. Мимо коттеджей, облицованных плитняком или обшитых вагонкой, с их многолетними клумбами голубоватых дельфиниумов, старых садовых роз, мальвы и лаванды. И садов, посаженных прапрадедами и заботливо ухоженных.

Взгляд Лакост прошелся по старой деревне и остановился на расположенной на холме небольшой белой церкви. Свидетельнице убийства Кэти Эванс и много еще чего.

Всего, что шло к развязке этим вечером.

Правосудие, подумала она. Несколько месяцев назад она точно знала смысл этого слова. Теперь сомневалась.

– Кто они? – спросила она Оливье.

Два человека тихо сидели за столиком у камина, наслаждаясь едой.

Антон разговаривал с ними, возможно, описывал приготовленное им блюдо.

Они посмотрели на нее, и она улыбнулась и подняла бокал, приветствуя Антона, который помахал ей в ответ.

– Не знаю, – ответил Оливье. – Проездом, наверное. В гостиницу они не просились. К тому же вы знаете Габри – одной партии гостей более чем достаточно.

– То есть в гостинице уже кто-то есть? – спросила Изабель, вдыхая освежающий запах тоника, джина и лимона.

– Oui. Леа и Матео приехали.

– Правда? Не сказали зачем?

Она старалась говорить обыденным тоном, чтобы Оливье не заметил ее смятения.

– Я не спрашивал, но, возможно, это как-то связано с процессом. Мы тут читаем сообщения в газетах. Похоже, у Армана сейчас тяжелое время. Леа и Матео, наверно, хотят переговорить с ним. Они выглядят очень напряженными.

Да, подумала Лакост. Это одно из объяснений.

Вокруг стоял гул разговоров. Многие клиенты тоже сочли, что на террасе слишком жарко, и отступили в прохладу помещения. Они разговаривали, но смеха почти не было слышно. Процесс, идущий так далеко, остро воспринимался в деревне. Некоторые жители еще будут вызваны как свидетели. К счастью, полиции удалось уговорить прокурора не приглашать на процесс Рут Зардо.

Сама Лакост должна была давать показания на следующий день, хотя она и знала, что дело до этого не дойдет. После сегодняшней ночи.

Старший инспектор Лакост не приезжала в суд в этот день и не слышала показаний Гамаша. Но сведения о процессе до нее определенно доходили – от коллег, из новостей.

Она слышала о нарастающей враждебности между главным прокурором и старшим суперинтендантом. Их взаимоотношения обострились до неприличия, и судье пришлось пригласить их обоих к себе в кабинет.

И что там произошло? Что сказал Гамаш?

Сообщил ли он судье Корриво о том, что на самом деле случилось в тот ноябрьский день, когда он вернулся в цокольное помещение церкви Святого Томаса?

Сообщил ли он судье о тайне, которую они так отчаянно скрывали? Пошел ли он на клятвопреступление?

Началось это с брошенного невзначай замечания старой свихнувшейся поэтессы, на чердаке Мирны за выпивкой переросло в подозрение, а оно, в свою очередь, перешло в действие.

* * *

В цокольном помещении церкви Гамаш снял куртку, усыпанную снегом, и повесил ее на стул. Потом повел Бовуара к кладовке.

– Принеси, пожалуйста, криминалистический комплект и две пары перчаток.

Пока Жан Ги отсутствовал, Гамаш включил прожектор, установленный сегодня технической группой, и остановился на пороге кладовки.

Места преступлений всегда навевали торжественномрачное настроение, что нередко вступало в противоречие с реальной обстановкой. Жестокое убийство в какой-нибудь веселой гостиной казалось особенно ужасным.

Эта маленькая комната без окон, с земляным полом, полками, провисающими под забытыми консервами, и паутиной, свитой давно исчезнувшими пауками, никогда не выглядела привлекательно. Кладовка строилась специально для того, чтобы сохранять прохладу, но после убийства Кэти Эванс мороз подирал по коже любого, кто входил сюда.

Ни один бывалый следователь не пожелал бы долго оставаться в таком месте.

Гамаш посмотрел на то место на полу, где лежало скрюченное тело Кэти Эванс в накидке кобрадора. Бывший глава отдела по расследованию убийств никогда не забывал: поиск убийцы – задача особая. Головоломка. Упражнение на логическое мышление и интеллект.

Здесь простилась с жизнью молодая женщина. Ее тело лежало на земле в темноте холодной кладовки. Она умерла не в постели, окруженная близкими, в возрасте девяноста лет, на что вполне могла рассчитывать.

– Мадам Гамаш не видела биту, когда нашла тело Кэти Эванс. Но когда приехала Лакост, бита была. Это означало, что ее поставили туда незаметно. Вот тут задняя стена церкви. – Гамаш подошел к ней. – Значит, это должно быть здесь.

– Что «это»?

Гамаш повернулся к Бовуару:

– Во времена «сухого закона» церковь была перевалочным пунктом для бутлегеров. При этом они не пользовались для своих операций главной

дверью.

Глаза Бовуара широко распахнулись, когда до него дошел смысл этих слов.

– Черт!

Они вдвоем принялись тщательно осматривать полки.

– Есть, – сказал Жан Ги.

– Постой, – остановил его Гамаш.

Он взял камеру криминалистов и снял тот момент, когда инспектор Бовуар откинул одну из полок, затем надавил на нее.

Открылась низкая дверь в стене.

Бовуар опустился на колени, и порыв ветра бросил ему в лицо снежные хлопья. Он прищурился и разглядел лес в нескольких шагах.

До границы с Америкой рукой подать. Мечта контрабандиста.

– Вот, значит, как бейсбольная бита сначала исчезла, а потом появилась, – сказал Бовуар.

Гамаш выключил видеокамеру и протянул ее Жану Ги, который принялся снимать их находку.

– Идеально, – вполголоса произнес Гамаш, оглядывая помещение без окон.

Идеально для кобрадора и для убийства.

– Patron? – раздался голос Лакост из оперативного штаба.

– Мы здесь, – откликнулся Жан Ги.

– Сейчас буду с вами. Только запущу компьютер, чтобы загрузилась почта, – сказала она.

Гамаш повернулся и увидел, как маленькая дверь закрылась, а полка аккуратно, беззвучно встала на свое место.

Лакост сняла куртку, кликнула по иконке почты, затем, услышав звук, посмотрела в сторону лестницы.

В тишине церкви звук шагов по лестнице производил жутковатое впечатление.

Бух-бух. Бух-бух. Словно сердцебиение. Все громче и громче.

И наконец появился Бовуар.

У Изабель расширились глаза, и она отпрянула назад с таким комическим видом, что Жан Ги рассмеялся.

– Désolé, – сказал он.

Лакост посмотрела на Гамаша, который стоял в дверях кладовки. Он чуть-чуть приподнял руки, словно показывая, что он тут ни при чем.

– Он был здесь, – сказал Гамаш.

– А теперь я здесь, – заявил Бовуар.

Лакост перевела взгляд с Гамаша на Бовуара, потом встала и подошла к Жану Ги:

– Расскажи мне, как ты это сделал.

– Я тебе покажу. – Жан Ги повел ее в кладовку. – Это шеф догадался.

– Но к этому… – Гамаш потыкал пальцем в сторону Бовуара, – я не имею никакого отношения.

Ее совсем не убедили заверения Гамаша. Эти двое были настоящими заговорщиками.

– Так, – сказала она, когда ей показали потайную дверь. – Так-так. Вы взяли образцы?

Бовуар махнул на сумку криминалиста и кивнул.

Она молча вернулась в помещение оперативного штаба, Гамаш и Бовуар последовали за ней. Дойдя до своего места, она сказала:

– Вероятно, работа тех самых бутлегеров, о которых говорила Мирна.

– Однозначно, – ответил Гамаш.

– И этой дверью воспользовался убийца.

– И кобрадор, – добавил Гамаш.

– Видимо, это одно лицо, – сказала Лакост. – Но откуда он узнал про потайную дверь? Даже вы не знали. Никто не знал, кроме Рут и Мирны.

– Они тоже не знали про дверь, – заметил Гамаш. – Только про случаи времен «сухого закона». Воспринимали это как интересный момент истории, не больше.

– Мирна или Рут рассказали кому-то еще, – предположила Лакост. – И этот человек, поразмыслив, пришел к выводу, что там должна быть дверь. Но зачем кому-то искать потайную дверь в церковной кладовке?

Гамаш и себе задавал тот же вопрос.

Иногда люди находят что-то случайно. Как те, кто открыл для себя деревню Три Сосны.

Но по большей части находки становились результатом целенаправленного поиска, а поиск был следствием потребностей. Так необходимость становилась причиной открытий.

И Гамаш постепенно начинал понимать, что же это за необходимость.

Когда «сухой закон» отменили, тайные комнаты оказались заброшенными. Забытыми. Те, кто устраивал эти помещения, давно умерли, хотя их состояния, как и комнаты, остались.

На границе. В ожидании. Когда снова возникнет необходимость.

Граница была проницаемой. Всегда. И теперь через нее провозили нечто гораздо крепче и доходнее алкоголя.

Бовуар подошел к своему столу и загрузил почту.

– Антонио Руис вернулся в Испанию, – сообщил он. – Это подтверждает Гуардия Сивил.

Он сел рядом с Гамашем и Изабель за стол для совещаний и показал фотографию из дома Кэти Эванс.

Гамаш вгляделся в снимок. Улыбающиеся лица. Конечно знакомые. Но моложе. Счастливее.

Его взгляд задержался на лице Эдуарда – того призрака, расторопной тени, что преследовала друзей.

Жан Ги рассказал им о разговоре с сестрой Кэти.

– По-прежнему ничего, что объясняло бы появление кобрадора, – сказал Гамаш. Его глаза снова изучали фотографию. Теперь он смотрел не на лицо Эдуарда, а на его руку, лежащую на плече Кэти. – Занятно, почему она хранила эту фотографию. Они словно все еще вместе.

– А я не могу понять, почему Патрик ничуть не возражал, – вставил Жан Ги. – Наверное, есть и другие их общие фотографии. Не такие…

– Интимные? – Гамаш кивнул.

«Почему именно эта фотография?» – спросил он себя.

– Я сейчас говорил с Антоном, мойщиком посуды, – сказал Бовуар. – Когда он принес обед. Он признался, что знал про кобрадора.

– Откуда? – спросила Лакост.

– В Испании кобрадор преследовал Антонио Руиса.

Бовуар рассказал им про видео и передал рассказ Антона.

– Отмывание денег? – переспросил Гамаш.

Это почти наверняка свидетельствовало об организованной преступности. Рэкете. Азартных играх. Наркотиках.

– Жаклин тоже знала? – спросила Лакост.

– Oui. Она заставила Антона пообещать, что он будет помалкивать, а иначе люди начнут задавать вопросы, захотят узнать, откуда им это стало известно, и тогда им придется рассказать о Руисе, – сказал Бовуар. – Они, кажется, боятся его. И не только из-за того, что дали расписку о неразглашении.

– Если он связан с организованной преступностью, у них есть все основания бояться, – заметил Гамаш.

– Антон сказал мне кое-что еще, – продолжил Бовуар. – Он думал, кобрадор пришел по его душу.

– Ну, это не совсем новость. Каждый человек в деревне думал, что Совесть пришла по его душу, – сказал Гамаш. – Включая и меня.

– Однако у Антона были на то основания. – Бовуар наклонился над столом, чтобы быть поближе к собеседникам. – Он знал Кэти Эванс.

– Откуда? – спросила Лакост.

– Давняя история, – ответил Бовуар. – Он знал их всех. Поначалу он сомневался. Видел их только издалека, к тому же столько времени прошло, но, когда услышал их разговоры о Монреальском университете, все сомнения отпали. Он учился там одновременно с ними. И когда здесь появился кобрадор, Антон решил, что его дела плохи. Он подумал, что кобрадора подослала к нему эта четверка. Чтобы взыскать долг.

– Какой долг? – спросила Лакост, но тут же подняла руку. – Постой. Не говори.

Она задумалась на секунду, потом положила локти на стол. Глаза у нее засверкали.

– Это он продал наркотик Эдуарду!

Бовуар кивнул:

– Когда Эдуард погиб и началось следствие, Антон скрылся. В конечном счете он оказался в лечебнице.

– А мадам Эванс и другие узнали его? – спросил Гамаш.

– Если и узнали, то никак не дали ему это понять, – ответил Бовуар.

– Или нам, – сказала Лакост. – Почему они решили сохранить это в тайне?

– Может быть, не поняли, кто он, – предположил Бовуар.

– Подозрительное совпадение, а? – сказал Гамаш. – Мы находимся в маленькой деревеньке, о существовании которой почти никто не знает, и именно сюда приезжают единственные четыре человека, которые могут связать Антона со смертью их друга.

Лакост и Бовуар кивнули. Совпадения были вполне обычным делом при расследовании убийств. Случались они и в жизни. Было бы глупо придавать им слишком большое значение. Но в равной мере было бы глупо вообще не обращать на них внимания.

– Мы должны вернуться в гостиницу и выяснить, узнали ли они Антона.

– Это не сделает их ответственными за появление кобрадора, – возразил Гамаш. – Кобрадор появился не с бухты-барахты. Для того чтобы он здесь оказался, потребовался не один месяц подготовки. А может, и больше. А мадам Эванс и другие только в последние несколько дней могли узнать Антона.

– И как с этим связано убийство Кэти Эванс? – спросила Лакост.

Кобрадор, Совесть, заставил Антона поделиться своей тайной о его роли в смерти Эдуарда пятнадцатью годами ранее. Но возможно, кто-то хранил еще более гнусную тайну.

Лакост посмотрела в сторону кладовки:

– Мы должны запереть эту дверь, чтобы никто не мог ею воспользоваться.

Гамаш, погрузившись в размышления, следил за тем, как они направляются к кладовке.

– Постойте, – сказал он и поднялся. – Я думаю, дверь следует оставить как есть.

– Но тот, кто ею пользовался, может вернуться, – сказала Лакост.

– И что он сделает? – спросил Гамаш, подходя к двери в кладовку.

– Мм… – промычала она, инстинктивно чувствуя, что такой человек способен нанести вред, но, когда она задумалась о том, в чем этот вред может состоять, ей ничего не пришло в голову. По крайней мере, ничего серьезного.

У них были все образцы, они сделали все фотографии.

– Наши компьютеры, – вспомнил Бовуар.

– Они запаролены, – ответил Гамаш. – К тому же если убийца вернется, то не для того, чтобы забрать что-нибудь. Он не станет рисковать, похищая ноутбуки, принадлежащие полиции.

Он сталкивался с убийцами, которые были настолько глупы, но, к сожалению, такие встречались очень редко.

– Тогда давайте хотя бы заберем наши записи и сотрем то, что на доске, – предложила Лакост, показывая на доску с графиками, именами подозреваемых и версиями.

– Нет, это тоже оставь.

– Тогда он будет знать наши планы, – возразил Бовуар.

– И обнаружит, что мы в тупике, – сказал Гамаш.

– Мы не в тупике.

– Верно, но он ничего такого не узнает, если прочтет ваши записки или посмотрит сюда. – Гамаш показал на доску.

– Не узнает, – согласилась Лакост.

– Следует кое-что сказать о видимости тупика, – проговорил Гамаш словно самому себе. – Об иллюзии некомпетентности. И даже полного отказа от сопротивления. У преступников создается ложное впечатление, и они расслабляются. Теряют осторожность. Становятся слишком уверенными в себе. – Он посмотрел на них с изумлением. – И тогда они совершают ошибки.

– Вы не предлагаете нам сдаться, patron? – сказала Лакост.

– Напротив, – рассеянно сказал он. – Я думаю.

Он и в самом деле задумался. Крепко.

Бовуар недоуменно взглянул в глаза Лакост.

– Я думаю, – сказал Гамаш, поворачиваясь к ним лицом, – что мы никому не должны говорить о нашей находке. Собственно говоря, я даже уверен в этом. Мы никому не расскажем о потайной двери. Даже другим членам команды.

– Pardon? – одновременно произнесли Лакост и Бовуар.

Это было беспрецедентно – утаивать важную информацию от коллег, участвующих в следствии.

– Временно, – объяснил Гамаш. – Дайте мне сегодняшний вечер. Мне нужно время.

– Я повешу камеру в углу, – сказал Бовуар. – Если кто-то войдет, мы, по крайней мере, будем знать кто.

Пока он возился с камерой, Лакост проверила почту:

– Из лаборатории сообщают, что результаты по костюму кобрадора будут только завтра утром. На нем множественные следы ДНК.

– Возможно, его взяли напрокат, – раздался из кладовки голос Бовуара. – Господь знает, когда его стирали в последний раз.

В его голосе слышалось отвращение человека, который привык выглядеть ухоженным.

– Но по бите у нас уже есть результаты, – сказала Лакост, читая дальше.

Гамаш, стоявший за ее спиной, опытным взглядом выхватил нужные строки, погребенные среди научного жаргона.

Лакост развернулась на стуле и посмотрела на него:

– Что вы об этом думаете?

– А что там? – спросил Жан Ги, широкими шагами направляясь к ним.

Он молча прочел важную строку и сдвинул брови.

– Этого недостаточно, чтобы произвести арест, – сказала Лакост. – Пока еще рано. Но мы хотя бы знаем, кто держал в руках орудие убийства и – почти наверняка – кто убил Кэти Эванс.

– А что делать с этим? – спросил Гамаш, показывая на другую строку отчета.

– Ну, это только след, – ответила Лакост. – Лаборатория пишет, что, вероятно, случайный.

– Это немного больше, чем след, – подчеркнул Гамаш.

Хотя и вправду немного. И Лакост была права: специалисты из лаборатории, эксперты в своем деле, пришли к выводу, что след ДНК, возможно, оставлен заказчиком, но убийце не принадлежит.

Два других результата были ясны: один образец ДНК принадлежал

Кэти Эванс, другой – убийце.

И все же.

– Почему биту унесли с места преступления? – спросил Гамаш. – А потом вернули? С немалым риском.

Этот вопрос не давал им покоя.

Убийца мог сделать это по нескольким причинам. Он ударился в панику. Или что-то его отвлекло. Такое случается: люди иногда выходят из магазина с неоплаченным товаром в руках. По ошибке.

А когда убийца понял, какую оплошность совершил и насколько его изобличает бита, он решил вернуть ее на место преступления.

Эта причина казалась самой вероятной.

Но все же почему не сжечь ее? Зачем рисковать, возвращая в кладовку?

И тут возникала другая аргументация. Убийца хотел, чтобы биту обнаружили.

– Чтобы манипулировать результатами, – сказал Бовуар. – Подсунуть липовый образец ДНК.

– Может быть, – согласился Гамаш. – Но если так, то нам придется сделать вид, будто ему удалось нас одурачить.

– Усилим впечатление некомпетентности, шеф? – сказал Бовуар и улыбнулся.

И все же его не отпускала мысль, что они не только притворяются некомпетентными, но таковыми и являются. А эти решения уведут их в ложном направлении, и убийца останется на свободе.

– Нам нужно больше улик, – сказал он.

Гамаш кивнул. Найти убийцу Кэти Эванс было недостаточно. Нужно было еще доказать его вину.

– Нелегкий был день, – сказал он. – Нам нужно поесть.

С этим никто не стал спорить.

*** * ***

Антон не обманывал, когда рассказывал о своем поварском искусстве.

Тушеная говядина с ароматными травами, чесноком и грибами, собранными им осенью и высушенными, – такого они еще не ели.

– Оливье хоть понимает, кого он имеет в лице Антона? – спросила Рейн-Мари.

Она пыталась сохранять хорошую мину при плохой игре, но было

видно, что события этого дня выжали ее как лимон.

– Не думаю, – сказал Арман, убирая со стола, пока Жан Ги доставал десерт.

– Паннакотта с малиновым пюре, – прочел Бовуар на бумажке, привязанной к порционному горшочку. – Антон рассказал мне, что научился готовить, проходя курс реабилитации. А вот я явно попал не в ту реабилитационную программу.

– Не выдумывай, – возразил Гамаш. – Нам очень нравятся наши макраме в виде растений.

– Это хорошо, потому что Рождество уже скоро.

– Ну-ка, – сказал Арман жене, у которой появились круги под глазами, а сил совсем не осталось. – Тебе пора спать. Твою порцию десерта никто не тронет.

– Да все нормально, – сказала она.

– Я вижу.

Он помог ей подняться и, когда Изабель и Жан Ги пожелали ей спокойной ночи, проводил ее наверх, но сначала отвел Жана Ги и Изабель в сторону:

– Поговорите с Мирной и Рут. Узнайте, кому еще они рассказывали истории про «сухой закон». И посмотрите, что можно найти про Антона.

Повар и мойщик посуды в одном лице признал много чего, включая свое знакомство с кобрадором и жертвой. Но следователи и сами бы узнали об этом рано или поздно.

Были ли его признания словами невинного человека или же упреждающим ходом убийцы?

– Когда я спущусь, мы сходим в гостиницу.

– Oui, patron.

Он уложил Рейн-Мари в кровать, и несколько минут спустя она уже спала мертвым сном. Подсунув бутылку с горячей водой ей под одеяло, он нежно, чтобы не разбудить, поцеловал жену и оставил на прикроватном столике кружку с чаем. Он знал, что запах ромашки успокаивает.

Спустившись, он услышал, как Жан Ги разговаривает по телефону:

– Послушайте, вы, старая карга, это простой вопрос.

Он также услышал ядовитый ответ Рут:

– Ты звонишь посреди ночи, недоумок, и спрашиваешь о «сухом законе»? Не поздновато ли во всех смыслах?

– Сейчас половина десятого, и мне нужно знать.

– Сейчас две тысячи семнадцатый год, и «сухой закон» давно отменили, или ты не слышал об этом, придурок?

– Я звоню не для того, чтобы услышать лекцию по истории…

Этот разговор все еще продолжался, когда Гамаш зашел к себе в кабинет и увидел Лакост за его компьютером – она вводила имя Антона в поисковую систему Квебекской полиции.

– На это уйдет какое-то время. Я пока выгуляю Анри и Грейси. Не хочешь подышать свежим воздухом? – спросил он, услышав новые потоки брани из соседней комнаты.

– Хорошая мысль.

Выйдя на улицу, они посмотрели в сторону гостиницы. Свет там все еще горел.

Они шли, наклонив голову от ветра, а собаки играли и справляли свои дела, не замечая непогоды.

– Patron, что касается цокольного помещения церкви. Почему вы не хотите, чтобы мы… – начала было Лакост, но Гамаш остановил ее, подняв руку в знак предупреждения.

– Но мы тут одни, – прокричала она, сражаясь с порывом ветра.

Гамаш без слов показал ей на магазины.

На чердаке над книжным магазином Мирны зажегся свет. Видимо, Жан Ги добрался до второго человека из своего списка. Ему, несомненно, предстоял более приятный разговор.

Но Гамаш указывал не на чердак.

Сквозь сводчатое окно бистро можно было разглядеть клиентов внутри, они разговаривали, поглощали десерты, пили кофе у камина, перед тем как отправиться домой.

Мимо окна прошла фигура, темная против света. Закутанная так, что невозможно различить, мужчина это или женщина.

Гамаш и Лакост увидели, как фигура направилась прямо к гостинице.

Но не остановилась, а прошествовала дальше.

К дому Гамашей.

Арман подхватил Грейси и быстро зашагал в том же направлении. Анри побежал следом, прямо к темной фигуре, которая уже поднялась на веранду дома.

При виде немецкой овчарки человек замер. Либо не замечая, что пес вовсю размахивает хвостом, либо не желая рисковать.

Появившийся через несколько секунд Гамаш взял гостя за руку и развернул лицом к свету.

Через мгновение он сказал:

– Вы хотите нам что-то сообщить?

– Да, – сказала Жаклин. – Я пришла признаться.

* * *

Изабель Лакост отвернулась от Оливье, который за стойкой бара смешивал в кувшине сангрию, и посмотрела в окно.

Леа Ру в легком платье и сандалиях и Матео Биссонетт в свободных брюках и летней рубашке спускались по широким ступенькам веранды гостиницы и направлялись в сторону бистро.

– Вы их ждали? – спросила она.

– Non. Они позвонили сегодня во второй половине дня и только что приехали.

Два гостя у камина – один пожилой, другой помоложе – снова посмотрели в их сторону. Антон, вероятно, сказал им, что Изабель возглавляет отдел по расследованию убийств Квебекской полиции. После этого на нее обычно начинали глазеть.

Она снова приветственно подняла бокал, а когда они подняли свои, сделала глоток, надеясь, что издалека они не заметят: жидкость в бокале едва коснулась ее губ. Пить Изабель не стала.

Однако Оливье заметил это. И нахмурился. Но ничего не сказал.

Лакост отвернулась от него и облокотилась о стойку. Словно невзначай посмотрела через сводчатое окно на прелестный сад в полном цвету.

Ее лицо выражало спокойствие, даже некоторую скуку, но мысли метались.

Когда Оливье понес сангрию к столику, Лакост перегнулась через стойку и вытащила из вазочки еще одну лакричную трубочку. Старший из двух гостей, увидев это, поднял брови.

Лакост усмехнулась и приложила палец к губам. Он улыбнулся и кивнул.

Потом она направилась в туалет, старательно пряча телефонную трубку, которую взяла за стойкой.

Глава тридцать первая

Гамаш и Бовуар проделали половину пути до места назначения, но никаких известий от Лакост так пока и не поступило.

А от суперинтенданта Туссен пришла эсэмэска.

Оборудование собрано, фургон загружен. Группа захвата готова.

«Если не получим других инструкций, – писала Туссен, – то уедем из Монреаля через десять минут и прибудем на место еще до сумерек».

«Merde», – написал в ответ Гамаш. Квебекский эквивалент пожелания удачи и внутренний сигнал Квебекской полиции о том, что все идет по плану.

«Merde», – ответила она, и связь оборвалась.

Теперь они увидят друг друга, только когда все начнется.

Гамаш посмотрел на часы на приборном щитке. Шесть тридцать. В восемь тридцать будет уже темно. Суперинтендант Туссен рассчитала точно.

– Что ее задерживает? – спросил Жан Ги, сидевший за рулем.

Было ясно, кого он имеет в виду.

– Не знаю.

Гамаш достал свой айфон и позвонил домой. Телефон звонил долго. Наконец раздался записанный на автоответчик голос Рейн-Мари.

Гамаш оставил веселое сообщение о том, что он уже едет и Жан Ги с ним.

– Не ответила? – спросил Жан Ги. – Наверное, она у Клары или Мирны.

– Наверное.

* * *

Войдя в туалет, Лакост заперла дверь и нажала зеленую кнопку на трубке. Надеясь, очень надеясь, что радиосигнал старого аппарата покроет это расстояние.

Услышав гудок, она быстро набрала номер.

– Шеф? – прошептала она, когда ей почти сразу ответили.

– Изабель, где ты была?

– Только сейчас удалось вырваться. Я в бистро. Он здесь.

– Кто?

– Глава картеля. Он в Трех Соснах.

– Мы знаем, – раздался издалека голос Бовуара. – Поэтому ты там и находишься, верно? Для наблюдения.

– Нет. Я говорю про американский картель.

Гамаш и Бовуар переглянулись.

– Ты уверена? – спросил Гамаш.

Задай этот вопрос кто-нибудь другой, Лакост разозлилась бы, но она понимала: шефу требуется абсолютная уверенность.

– Да. Американский картель, – произнесла она с такой настойчивостью, что ее голос превратился в шипение.

– Черт, – сказал Бовуар. – Он тебя узнал?

– Не знаю. Человек с ним, его охранник или советник, не сводил с меня глаз. Я думаю, Антон сказал им, кто я.

– Зашибись, – вырвалось у Бовуара.

– Но я, конечно, заказала выпивку и даже помахала ему.

– Помахала? Ты помахала рукой главе наркокартеля? – спросил Бовуар.

– Ну не пистолетом же, – ответила она. – Хотела, чтобы он усвоил, что я его видела и не имею ни малейшего представления о том, кто он такой. Просто небольшой дружелюбный жест. Может, ты слышал про такие.

Гамаш задумчиво кивнул. Немногим хватило бы присутствия духа, самообладания Лакост. Именно так и следовало поступить. И если у американского картеля оставались сомнения в некомпетентности Квебекской полиции, Изабель развеяла их. Старший офицер полиции не узнаёт одного из самых опасных преступников Северной Америки.

– Что нам делать? – прошептала она.

Кто-то подергал ручку. Кому-то приспичило.

– Минуточку, – пропела она.

Дергать ручку прекратили.

– Сколько их там? – спросил Гамаш.

– Американцев? Снаружи я ни одного не заметила. Только двоих в бистро. – Лакост еще больше понизила голос. – Глава картеля и человек постарше. Он с меня глаз не сводит.

Да, подумал Гамаш. И в Канаде то же самое. С появлением новых опиоидов, новой теневой экономики и новых технологий появилось и новое руководство. Иногда оно переступало через кровь, как в Штатах, иногда происходила смена поколений, словно передача эстафетной палочки, как в Канаде.

В игру вступили молодые. А Гамаш из собственного опыта знал: никто

не бывает так опасен, как молодые мужчины. Или женщины. Они еще не устали, не почувствовали отвращения к кровопролитию. Да что говорить, они словно наслаждались кровью. Им нравилось своей властью отдавать кровавые приказы и исполнять их. Похищать, пытать и возвращать своих врагов в расчлененном виде.

Это была их собственная извращенная зависимость.

Никто не мог чувствовать себя в безопасности. Полицейские, судьи, прокуроры. Дети, матери, отцы. Все становились материалом для мясников.

Не знавшие мук совести, они были всемогущими. Бессмертными. Не крестными отцами, а крестоносцами.

Если план Квебекской полиции этой ночью провалится, страну ждет хаос. И платить придется кровью. Их кровью. Кровью их семей.

Гамаш не питал иллюзий насчет того, какими могут быть последствия провала.

– Как только вы приедете, мы сможем их арестовать, – сказала Лакост. – Я уверена. Вы еще далеко?

– Будем через двадцать минут, – пообещал Бовуар и нажал педаль газа. – Через пятнадцать.

– Что я должна делать?

Гамаш взвесил различные варианты.

Он предполагал задержать их ближе к ночи, и в лесу, а не в бистро.

Но в некотором отношении второй вариант был даже лучше. Все говорило о том, что Туссен права и картели полностью заглотили их наживку. Уверились в том, что Квебекская полиция не представляет для них никакой угрозы, и даже перестали скрываться.

Чтобы глава синдиката оказался на месте совершения каких-либо криминальных действий – такое было почти неслыханно. Они отправляли на подобные дела своих шестерок.

А получить не одного, а сразу двух глав синдикатов было вообще невообразимой удачей.

Да, это было гораздо лучше, чем они смели надеяться.

И в то же время хуже.

Их план строился на предположении, что встреча состоится в лесу, а не в бистро, среди друзей и членов семей.

– Мы пока не можем их арестовать, – сказал Гамаш спокойным, уверенным голосом. – У нас нет улик против них. Вот в чем проблема. Да, там их боевики, но сами они остаются чистенькими. Мы должны взять их при совершении каких-то противозаконных действий. И сидение в бистро к

таковым не относится.

– Фак, фак, фак, – вполголоса проговорил Бовуар.

В очередной раз эта мантра не помогла ему.

Шеф был прав.

Успех операции зависел от того, удастся ли захватить преступников на месте преступления. То есть на том месте и тогда, когда «крокодил» пересечет границу. До этого момента у полиции не было неопровержимых улик против глав картелей.

Если обмен произойдет в лесу, пока наркобароны будут вести приятную беседу в бистро, значит операция провалилась. Они их потеряют. Они проиграют.

Бовуар вопросительно посмотрел на Гамаша широко раскрытыми глазами.

Лакост ждала на телефоне. Они слышали ее дыхание. Потом снова кто-то принялся дергать ручку.

– Эй, там, – раздался мужской голос, говоривший по-английски.

– Tabernac,[47] – сказала Лакост. – Кажется, это телохранитель. Я почти закончила, – весело пропела она.

Гамаш знал: когда Лакост повесит трубку, он больше не сможет связаться с ней. Его приказ должен быть четким, недвусмысленным. И отдан быстро.

В двух словах.

– Еще одно. – Голос Лакост звучал так тихо, что они ее почти не слышали. – Здесь мадам Гамаш. С Анни и Оноре.

Кровь отхлынула от лица Гамаша. Он посмотрел на Бовуара, который вцепился в баранку и еще сильнее нажал на педаль газа.

– Им нужно уходить оттуда, – пробормотал Жан Ги.

– Нет, подожди, – сказал Гамаш. – Подожди.

Прошла секунда.

– Мы приедем через пятнадцать минут…

– Через десять, – поправил его Бовуар.

– Пусть остаются там, и пригласи еще Рут.

– Вы шутите! – почти закричал Бовуар.

Лакост спустила воду, чтобы телохранитель не услышал громкий голос Бовуара на линии.

– Оноре, – неистово проговорил Жан Ги, словно Гамаш не понял слов Лакост. Потом тише: – Оноре.

Весь мир Жана Ги сузился до одного слова.

– Анни, – прошептал он.

До двух слов.

«Рейн-Мари», – подумал Гамаш.

– Они должны оставаться там. Это безопасно. Эти люди пришли туда поговорить, а не устраивать перестрелку.

– Откуда мы знаем? – спросил Бовуар неестественно высоким голосом. – Переговоры нередко оборачиваются кровавой баней.

– Non. Если бы один или оба имели такие намерения, то встречались бы в лесу вместе со своими боевиками. А не в бистро. Они жестокие, но не глупые.

Он говорил твердо, хотя не чувствовал уверенности. Старший суперинтендант Гамаш понимал, что руководитель не может позволить себе демонстрировать эмоции. Он не может требовать мужества от других, когда сам дрожит от страха.

– Если мы не предвидели этого, – сказал Бовуар, – то, возможно, упустили что-то еще. Что, если они собираются провести обмен прямо там, в бистро? На глазах у всех. Мы сами убедили их в безопасности. Мы это сделали.

– Он прав, – сказала Лакост, пустив воду, чтобы заглушить их разговор. – Так что мне делать? Арестовать их? Или хотя бы попытаться? В зале, где полно людей?

«Оноре, – думал Гамаш. – Анни. Рейн-Мари».

Не чужие люди.

Бовуар еще сильнее нажал на педаль газа. Машина неслась со скоростью сто сорок километров в час и продолжала прибавлять скорость. Они свернули с хайвея на второстепенную дорогу. Не предназначенную для высоких скоростей. Машина подпрыгивала на колдобинах, перелетала через выбоины, грохалась на асфальт.

Но Гамаш не просил Жана Ги сбросить скорость. Напротив, он еле сдерживался, чтобы не крикнуть ему: «Прибавь газа. Давай скорей!»

– Вызови Рут в бистро, – приказал Гамаш тихим голосом. – А пока присоединяйся к Рейн-Мари и Анни. Глава американского картеля, вероятно, не знает, кто они, а канадцы знают. Они ни за что не поверят, что мы подвергаем их опасности.

Тишина.

Они тоже не могли в это поверить. В особенности Гамаш.

Но выбора не оставалось. Если попросить Изабель увести Рейн-Мари, Анни и Оноре, это почти наверняка насторожит наркобаронов, а они и без того внимательно следят, не происходит ли чего-то необычного.

Даже будучи уверены в собственной безопасности, они не теряют

бдительности. Это звериный инстинкт. А эти люди и есть звери.

– Вы уверены?

При любых других обстоятельствах и если бы кто-то другой стал ставить под сомнение его приказ, это вызвало бы у Гамаша раздражение. Но он понимал, что Лакост нужна абсолютная ясность.

– Oui.

– Хорошо, – сказала она. Прежде чем она отключилась, он услышал ее последнее слово: – Merde.

Merde, согласился он.

Но на сей раз это было не сигнальное слово, говорящее, что все идет по плану, а просто merde.

Лакост сунула трубку в карман и отперла дверь.

– Désolé, – сказала она старшему из двух мужчин, который смотрел на нее изучающим взглядом. – Извините. Критические дни.

Она положила руку на низ живота, и он тут же отпрянул, вряд ли желая услышать подробности. Но она для вящей убедительности добавила:

– Спазмы.

* * *

Как только Лакост отключилась, Гамаш позвонил Туссен и сообщил последние новости. Он закончил, но она ответила не сразу.

– Bon, – раздался наконец ее ломкий голос. Но без всяких признаков паники. – Что нам делать? Вы хотите, чтобы мы приехали в деревню?

– Нет. Езжайте на границу. Действуем по плану. Независимо ни от чего, хлорокодид направляется в Штаты, и единственное, что мы знаем наверняка, – это место, где он пересечет границу. Ваш информатор ведет наблюдение за церковью?

– Да. Мы, по крайней мере, будем знать, когда наркотик начнет движение. А если они изберут другой маршрут? – спросила Туссен.

– Тогда просто поторчите в лесу, а Бовуар, Лакост и я обо всем позаботимся.

Он произнес это так спокойно, словно речь шла о ремонте забора.

Опять последовало молчание.

– Во всех планах приходится рассчитывать на долю удачи, – напомнил он ей. – К тому же мы все в деле. А это большое преимущество.

– У нас за спиной океан. Да, patron. Все получится, потому что иначе и быть не может. – Туссен тихонько рассмеялась и загадала, чтобы все так и

случилось. – Удачи, – сказала она, либо забыв добавить словечко merde, либо не желая, чтобы в случае чего это слово оказалось последним, сказанным между ними.

– Oui. И вам удачи, Мадлен.

* * *

Когда Лакост вернулась, Матео и Леа сидели за столиком в дальнем углу зала. Вдали от остальных. Но рядом с американцами.

Лакост осторожно, чтобы никто не заметил, положила телефон на место и отправилась в кухню поздороваться с Антоном и предупредить его.

– Bonjour, – сказал он. – А я думал, вы будете в городе.

– Была, но решила уехать на несколько часов. Слишком уж жарко. И я не одна такая.

– Кто бы сомневался, – сказал он, возвращаясь к работе.

Не услышав ее ответа, он поднял голову.

– Здесь Матео и Леа, – сказала Изабель. – Может, еще и Патрик. Хотя его я не видела.

Антон положил нож и взглянул ей в глаза:

– Зачем?

– Не знаю. Но подумала, что стоит вас предупредить.

Она говорила абсолютную правду. Изабель Лакост прекрасно знала, почему Матео и Леа находятся в бистро, и не хотела впутывать в это дело Антона.

– Merci. – Вид у него был мрачный. Он глубоко вздохнул. – Через несколько дней я должен буду давать показания. Я боялся этого. Слышал, они там поклевывают месье Гамаша.

– Обычное дело.

– Даже главный прокурор и судья? Разве они не на одной стороне?

– Судебные процессы – вещь непредсказуемая, – сказала она, делая вид, что все происходящее в зале суда совершенно нормально. – Завтра моя очередь.

– Где они сидят? – спросил Антон. – Чтобы не попадаться им на глаза.

– В углу.

– Около двух американцев?

– Вы их знаете?

– Никогда не видел прежде. Один из них называет себя поваром. Он попробовал суп, – Антон кивком показал на кастрюлю, – и спросил, не дам

ли я ему рецепт.

Лакост посмотрела на тетрадь, открытую на странице, озаглавленной: «Холодный овощной суп с арбузом, мятой и манго».

Ей захотелось съесть эту страничку.

– Я смотрю, Рут нет. Ничего, если я ей позвоню?

– Бога ради. Может, это будет впервые, когда у нее зазвонит телефон. По-моему, она вообще не знает, как он выглядит.

Изабель улыбнулась. Между молодым поваром и старой поэтессой возникла своего рода дружба, основанная на том, что он ее подкармливал бесплатно, а она говорила ему гадости. И еще они оба знали, как легко на перекрестке свернуть не на ту дорогу.

Лакост подошла к телефону на стене, набрала номер. После десятого или одиннадцатого гудка (Изабель представила, как Рут все это время обыскивает свой маленький дом в поисках того, что это у нее тут звенит) Рут взяла трубку.

– Алё! – прокричала она в микрофон.

– Рут, это Изабель Лакост. Я в бистро. Мы тут выпив…

– Сейчас буду! – прокричала Рут и повесила трубку.

Лакост повернулась и увидела улыбающееся лицо Антона. Он явно все слышал. Наверное, весь Квебек слышал.

Она вернулась в бистро. К Рейн-Мари и Анни присоединились Клара и Мирна, и, поздоровавшись с ними, Изабель села рядом.

Она сидела спиной к двум американцам и к Матео и Леа, хотя и видела их отражения в свинцовом стекле окна.

– Не хотят сидеть с вами? – спросила Изабель, кивнув в сторону Матео и Леа.

– О, это не нас они избегают.

– Меня, – догадалась Лакост.

И конечно, она знала почему. Из-за процесса. Она, как и Матео с Леа, была свидетелем обвинения. Но в отличие от нее, они были свидетелями против желания.

Лакост знала первый вопрос, который задаст им обвинение, и подозревала, что им это тоже известно. Тот самый вопрос, который задал старший суперинтендант Гамаш той ноябрьской ночью, когда они под ледяным дождем пришли в гостиницу.

* * *

– Который час? – спросил сонный Габри, слыша непрекращающийся стук в дверь. – Кто-то забыл ключ?

– Все здесь, – сказал Оливье, продирая глаза. – И какой такой ключ?

– Половина второго? – Габри полностью проснулся, спустил ноги с кровати и потянулся к халату. – Что-то случилось. Что-то не так. На, возьми.

Он вручил Оливье палку.

– Зачем?

– Отбиваться от грабителей.

– Грабители не стучат.

– Ты хочешь проверить?

Они тихо прошли по коридору, чтобы не тревожить гостей, хотя и сомневались, что те спят. В особенности Патрик, который, несмотря на усталость, был взбудоражен, когда двое друзей провожали его в номер.

Оливье и Габри включили свет на террасе и выглянули в окно. Потом быстро отперли дверь.

* * *

Патрик услышал стук.

Если тебя будят в такой час, ничего хорошего ждать не приходится. Впрочем, Патрик не спал.

Когда они ложились спать, Габри предложил ему другой номер, но Патрик хотел остаться в том, который они делили с Кэти. Здесь оставалась вся одежда Кэти, ее драгоценности, туалетные принадлежности.

Все это описали и сфотографировали криминалисты и вернули ровно на те места, где их держала Кэти.

Ее сумочка на стуле. Ее очки для чтения на книге на прикроватном столике.

Патрик лежал в кровати, слушая, как потрескивают стены старой гостиницы. Слушая, как устраиваются на ночь остальные, как замирают все звуки. Когда все стихнет, он сможет остаться вдвоем с Кэти. Закрыть глаза и сделать вид, будто она здесь, рядом, дышит так тихо, что он и не слышит ее.

Патрик вдыхал ее запах. И знал, что она здесь. Да и как иначе? Как она могла уйти?

Но она не ушла, поспешно сказал он себе, прежде чем сделать какую-нибудь глупость. Она была здесь. Рядом с ним. Дышала тихо-тихо, он ее

даже не слышал.

А посреди ночи раздался стук в дверь. Потом постучали в дверь его номера.

– Патрик?

– Oui?

– Вы не могли бы спуститься? – спросил Габри.

* * *

Патрик, Леа и Матео вошли в гостиную. И остановились.

Они увидели перед собой старшего суперинтенданта Гамаша, старшего инспектора Лакост, инспектора Бовуара.

И Жаклин. Пекаря.

Габри пошевелил угли в камине, подбросил пару березовых поленьев. Дерево занялось, защелкало, временно заглушив стук ледяного дождя о стекла.

– Что там происходит? – прошептал Оливье, когда к нему в кухне присоединился Габри.

– Они глазеют друг на друга. – Габри достал булочку и включил духовку, пока Оливье заваривал кофе. – А Жаклин-то что здесь делает?

– Наверное, ей что-то известно, – сказал Оливье. – Может, видела что-то.

– Но зачем им говорить с Патриком и остальными? – спросил Габри. – Причем посреди ночи? Что, нельзя было подождать?

Только одно не могло подождать до утра, и они оба знали что.

* * *

– Присядем? – предложил Гамаш, показывая на кресла и диван.

Бовуар остался стоять, выбрав себе место у огня. И не случайно: с этого места он мог блокировать выход. Любая попытка убежать была бы немедленно пресечена.

Пока что здесь прозвучал только голос Леа. Увидев полицейских, она прошептала: «Наконец-то». Но при этом смотрела на Жаклин.

Лакост начала говорить:

– Жаклин пришла к нам сегодня с удивительной историей. – Она взглянула на Жаклин, которая сидела очень прямо, будто кол проглотила, и

с вызовом смотрела на других. – Удивительной для нас, но, наверное, не для вас.

И все же, подумал Гамаш, это не должно было стать полным сюрпризом. Теперь все казалось таким очевидным, и он недоумевал, как же он не сумел увидеть этого раньше.

Как и в случае признания Антона Жану Ги, Гамаш понимал, что, придя к ним, Жаклин сделала опережающий ход. А когда она рассказывала свою историю, он знал, что она не скажет ничего такого, чего бы они не узнали сами через несколько часов. Она тоже понимала это.

– Она вам все рассказала? – спросил Матео, переводя взгляд с Жаклин на Изабель и обратно.

– Да, она призналась, – ответила Лакост.

– В убийстве? – спросил потрясенный Патрик, глядя на женщину. – Вы убили Кэти?

– Она рассказала нам о кобрадоре, – пояснила Лакост. – Теперь ваша очередь. Что знаете вы.

Они переглянулись, а потом, естественно, заговорила Леа:

– Жаклин пришла к нам со своей идеей. – Леа посмотрела на мужа, и тот согласно кивнул. – Она узнала про кобрадора, когда работала на этого испанца. Поначалу мы решили, что она шутит. В это невозможно было поверить. Человек смотрит на кого-то – и дальше все происходит волшебным образом?

– Никто не отнесся к предложению Жаклин всерьез, – сказал Матео. – Désolé, но вы знаете, что так оно и есть.

Жаклин резко кивнула.

– Однако это навело меня на мысль об истории, – продолжил Матео. – И вот я написал статью о cobrador del frac, о сборщике долгов в цилиндре и фраке, и поблагодарил Жаклин за идею. Вот тогда-то она и сказала, что у нее в голове был образ не такого кобрадора, а древнего.

– Она отправила нам ссылки на Испанию, – добавила Леа. – Этот кобрадор был совсем иным. Он наводил страх.

– И все же, – заметила Лакост, – рассказывая об этом месье Гамашу в первый раз, вы сказали, что о настоящем кобрадоре знаете только по старой фотографии. Вы сказали, его изображения встречаются редко.

– Да, редко, – кивнул Матео. – Но…

– Мы не хотели кормить вас с ложечки, – откровенно сказала Гамашу Леа. – Мы знали, что вы проведете расследование и выясните, что вам нужно. И будете больше уверены, если найдете все сами.

Стоявший у камина Жан Ги ощетинился. Никто не любит, когда им

манипулируют, а Леа Ру сделала это идеально. Она явно умеет подчинять окружающих своей воле, совершать ловкие маневры. И Бовуар спросил себя, какие из этих навыков Леа использует в данный момент.

Впрочем, Гамаш не казался ни расстроенным, ни рассерженным. Он просто согласно кивнул. Но продолжал смотреть на нее вдумчивым взглядом.

– И тут мы начали понимать смысл предложения Жаклин, – сказал Матео. – Мы испробовали все. Терять было больше нечего.

– На организацию дела ушло больше времени, чем мы предполагали, – продолжила Леа. – Во-первых, нужно было найти костюм. В конце концов мы решили изготовить его сами. Жаклин рассказала вам все это?

Она посмотрела на Жаклин: та, бледная и сдержанная, сидела на диване между Гамашем и Лакост.

– Рассказала. Но нам нужно услышать это от вас, – сказала Лакост. – Кто именно сделал костюм?

– Жаклин, – ответила Леа. – Когда он был готов, мы все еще не знали, что нам делать. Это казалось глупым. Нас убедила Кэти. Она была ближе всех с Эдуардом. Она хотела, чтобы этот человек заплатил.

– Даже по прошествии стольких лет? – спросила Лакост. – Эдуард погиб почти пятнадцать лет назад.

– Если ты видишь, как твой лучший друг падает с крыши, это не забывается, – ответил Матео. – В особенности если виновный не ответил за это. Даже не извинился.

– И это то, чего вы хотели? – спросил Гамаш. – Извинения?

Они переглянулись. Как будто вообще не обсуждали, чего добиваются, чего им будет достаточно.

– Пожалуй, – сказала Леа. – Мы подействуем ему на нервы, напугаем чуть-чуть, а потом вернемся к нормальной жизни. Что еще мы могли сделать?

– Вы сказали «ему», – проговорила Лакост. – Кто этот он?

– Разве Жаклин вам не сказала? – спросил Матео.

– Но я хочу услышать это от вас.

– Это Антон, – ответила Леа. – Мы просили его прекратить продавать наркоту Эдуарду, и он согласился, но этот говнюк нам врал. Он продолжал продавать наркотики Эдуарду. Новые. Более сильные.

– Мы не знали, – сказал Матео. – Пока…

Он смотрел на Лакост, а перед его мысленным взором был тот прыжок.

Не случайное падение. Не нога подвернулась. Эдуард стоял на краю, на крыше шло веселье. А внизу, в какой-то из комнат, его великая любовь

Кэти и его друг Патрик занимались любовью.

Вокруг он видел юность и свободу, секс и любовь.

А Эдуард остался на острове с Повелителем мух. И ненасытный зверь грыз его изнутри.

Эдуард медленно расставил руки, словно для прекрасного полета. Матео и Леа смотрели на него ошеломленно, они были слишком далеко, чтобы успеть помешать ему. И он прыгнул.

Бовуар закрыл глаза. Пусть он не знал Эдуарда, но он знал, что такое отчаяние. И счастливое освобождение от наркотиков. И как легко перепутать падение с полетом.

Эдуард покинул край крыши и остров. И своих друзей. И семью. Но они никогда не забывали его.

Леа посмотрела на Жаклин, которая все это время сидела молча.

– Антон его убил, – сказала Леа, обращаясь к Жаклин. – Как если бы собственной рукой толкнул его в спину. Мы все это понимали.

Жаклин встретилась взглядом с Леа и коротко кивнула, признавая ее правоту.

– Полиция сказала нам, что смерть Эдуарда – несчастный случай, – продолжил Матео. – Даже если бы они нашли Антона, они могли бы предъявить ему только торговлю наркотиками, но даже и в этом случае обвинения могли быть сняты или срок назначен условный. Первое преступление, юный студент…

– Семья наняла частного детектива, чтобы его найти, – сказала Леа. – На это ушло много времени. Он бродяжничал, ложился на реабилитацию, а потом получил работу в одном испанском семействе. Работал за наличные. Но детектив его все же нашел.

Жан Ги, стоявший у камина, кивнул.

Антон рассказал ему все это. Он проходил под фамилией Лебрен, хотя его настоящая фамилия Баучер.

Почти что Батчер.[48]

Хорошенькое имечко для убийцы, подумал Бовуар. Хотя он понимал, что фамилия человека не дает основания ни для подозрений, ни для снятия подозрений. И все же.

– Вот тогда-то Жаклин и связалась с нами. – Леа снова внимательно взглянула на женщину, застывшую на диване. – Она сказала, что они нашли Антона и что семья, в которой он работает, ищет няньку и учителя для обучения испанских детей французскому.

– Она хотела получить наши рекомендации, – сказал Матео. – Мы согласились, и, когда мадам Руис позвонила, мы поручились за Жаклин.

У Бовуара мелькнула мысль: а кто поручился за Антона?

Это был важнейший вопрос. Единственное, что вызвало у Жана Ги сомнение в сегодняшнем рассказе Антона. Он признал все, о чем здесь говорилось. Расписался в своих грехах. Раскаялся.

Но оставалась одна маленькая проблема. Почему семья Руис, в особенности Антонио Руис, не проверили Антона, прежде чем его нанять. Хотя явно проверили Жаклин.

И тем не менее Руис, подозрительный, может быть, даже параноидально подозрительный, принял в дом незнакомого человека.

С чего вдруг, недоумевал Бовуар. Почему не сделал ни одного звонка?

– Что случилось потом? – спросила Лакост.

– Проработав там несколько месяцев, Жаклин узнала про кобрадора и снова связалась с нами, – сказала Леа. – Когда она нас убедила, мы начали составлять план. Когда и где напустить на него кобрадора.

– Мы не могли отправить кобрадора к дому Руиса, – продолжил Матео. – Тот, вероятно, просто пристрелил бы его, решив, что кобрадор пришел по его душу, и Антон подумал бы то же самое. Нам требовалось какое-то другое место.

– Потом семья переехала обратно в Испанию, и нам стало казаться, что наш план разваливается, – сказала Леа. – Но тут Антон устроился в это бистро мойщиком посуды. До этого мы несколько раз приезжали в Три Сосны, встречались здесь. Место казалось идеально подходящим. Да и вы тут были.

– Я? – переспросил Гамаш.

– Мы должны были быть уверены, что с кобрадором ничего не случится, – пояснил Матео. – Что никто на него не нападет.

– Мы знали, что вы этого не допустите, – произнесла Леа.

– Вы манипулировали мной? – уточнил Гамаш.

– Мы верили в вас, – возразила Леа. – Верили, что вы будете стоять на стороне закона, даже если ситуация будет неприятна вам лично.

Гамаш сделал глубокий, протяжный вдох. Опять манипуляции. Впрочем, это не столько раздражало его, сколько снимало груз с плеч. Проливало свет на истинный характер Леа Ру, на ее способность дергать за ниточки.

Она проделала немалый путь от молодого политика и закона Эдуарда.

– Жаклин получила работу в пекарне, и теперь наш план был готов к реализации.

– В чем же состоял ваш план? – спросила Лакост.

– План был прост, – ответила Леа. – Появится кобрадор и до смерти

напугает Антона.

– А потом? – спросила Лакост. – Или это все? Только напугать?

Матео хотел было ответить, но закрыл рот и посмотрел на Леа, на Патрика и, наконец, на Жаклин.

Их явно смутил этот вопрос, и Изабель подумала, что ей известна причина.

То, что началось как попытка заставить виновного принести извинения, превратилось в нечто совсем иное.

Как часто что-то начинается из самых благородных побуждений, но потом искажается, извращается, начинает жить собственной жизнью. Превращается в существо в черной накидке.

В труп, лежащий в кладовке.

– Это было весной, – сказала Леа. – Мы собирались провести нашу ежегодную встречу летом, и все шло идеально. Вот только…

– Дневной свет, – закончил фразу Матео.

Услышав это, Гамаш тихонько закряхтел.

Дневной свет.

В этих двух словах крылся ответ на многие вопросы.

Почему встречу друзей перенесли на конец октября. И как кобрадору удавалось простоять на лугу весь день.

А ответ состоял в том, что это ему удавалось благодаря короткому дню.

Летом солнце долго не заходит. И жара стоит безжалостная, невыносимая. Никто не может простоять в таких условиях целый день.

Но в конце октября – начале ноября дни короче и прохладнее.

С наступлением темноты кобрадор мог уходить.

Дневной свет. Все очень просто.

Как и большинство преступлений. А они теперь как раз подходили к преступлению.

– Мирна говорит, что рассказывала вам про церковь и «сухой закон», – напомнил Бовуар, обращаясь к Леа, которая кивнула ему в ответ.

– Да. В самый первый мой приезд. Еще до начала наших общих встреч. Она даже показала мне маленькую комнату – кладовку. Я вспомнила об этом, когда мы начали строить планы.

– Там и прятался кобрадор, – сказала Лакост. – Кто он? Вы наняли какого-то человека? И что с ним сталось?

Ее вопрос снова вызвал замешательство.

Леа посмотрела на Жаклин:

– Вы им не говорили?

– Я им сказала, что за кобрадора несу ответственность я. Это мои дела.

– И вы думали, они не догадаются? – спросил Матео.

– О чем не догадаемся? – спросила Лакост. – Где кобрадор?

– Вы на него смотрите.

Полицейские уставились на Матео. Который показал на Патрика. Потом на Леа. Потом на себя.

– Мы все представляли кобрадора, – сказал он.

Гамаш закрыл глаза и на миг опустил голову.

Так же как и на острове больных, проклятых и обездоленных, кобрадор в Трех Соснах не был одним человеком. Он был идеей. Сообществом совести.

Они все были кобрадором.

– А Кэти? – спросил он.

– Она была кобрадором вчера, – сказала Леа. – Мы решили прекратить все это после вчерашнего, когда на кобрадора чуть не напали. Это становилось опасным. И когда Кэти закончила бы, мы собирались уехать, независимо от того, какой будет реакция Антона. Но, конечно…

Эти друзья были очень наивны. Думали, что их угроза останется без последствий. Приведя сюда кобрадора, они разбудили нечто большее, чем совесть.

И возможно, не очень затруднили себя расследованием о настоящих кобрадорах.

Да, те кобрадоры обвиняли своих мучителей в нравственных преступлениях, но в конечном счете за эти преступления платили не халифы на час. Преследовали и убивали именно кобрадоров.

Так случилось и с Кэти.

Гамаш посмотрел на Лакост и Бовуара. Они посмотрели на него. Все они думали об одном.

О бите. На бите обнаружилось три образца ДНК. Один – Кэти Эванс. Второй, очень небольшой, в виде следа, принадлежал Жаклин. И третий – Антону Баучеру.

Его ДНК была на бите повсюду.

Бита практически подтверждала ту же историю, что все эти люди.

У Антона Баучера сдали нервы. Вчера вечером в темноте под ледяным дождем он пошел за кобрадором в церковь, спустился в кладовку и убил его. Так и не сняв маску. Он даже не знал, кого убил.

Хотя это само по себе было любопытно. Неужели Антон не пожелал узнать, кто так безжалостно преследовал его?

– Как вы входили в кладовку и выходили из нее? – спросил Гамаш.

– Через дверь, конечно, – ответил Матео.

Гамаш кивнул. Здесь от него требовалась осторожность.

– И вы не боялись, что вас увидят?

– Кто смотрит в ту сторону после наступления темноты? – пожал плечами Матео. – И в церковь больше никто не ходит. Мы решили, что это будет самое безопасное место. Гораздо безопаснее, чем если бы кобрадор снимал номер в гостинице.

– Мы раздевались, – сказала Леа, – и оставляли костюм для следующего исполнителя этой роли. А если бы нас кто-то увидел – что ж, мы бы во всем признались. В любом варианте Антон был бы разоблачен. А мы не совершали ничего противозаконного.

– Или даже безнравственного, – добавил Матео.

– До вчерашнего вечера, – заметил Гамаш.

– Но мы не убивали Кэти, – возразила Леа. – Уж это-то очевидно.

– Однако мы ее убили, – сказала Жаклин. – Если бы мы не затеяли это дело с кобрадором, она была бы жива. Если бы я не захотела, чтобы Антон заплатил за свой грех, она была бы жива. Я знала Антона лучше, чем кто бы то ни было. Знала его характер. Если он не получал желаемого, то становился агрессивным. Но я не думала, что он способен на такое. На убийство. – Она посмотрела на Патрика. – Я сожалею. Я должна была понимать, что он нанесет удар. Он убил Кэти, и я в этом виновата.

– Зачем ему понадобилось убивать ее? – спросил Гамаш.

– Он же не знал, что убивает Кэти, – сказал Матео. – Он убивал кобрадора, который явно знал его тайну.

– Какую тайну? – спросил Гамаш.

– Об Эдуарде, конечно, – ответила Леа.

Гамаш кивнул. Потом покачал головой:

– Это лишено смысла. Вам ведь известно, что он узнал всех вас. Он знал, что вы друзья Эдуарда. Даже если он подозревал, что вы надеваете костюм кобрадора, он должен был понимать, что, убив одного, он ничего не добьется, ведь оставались еще трое.

– И потом, – вмешался в разговор Бовуар, – он мне все рассказал.

– Все? – спросила Леа.

– Oui. О том, что продавал наркотики, о смерти Эдуарда. Если Антон готов был признаться в этом, то зачем убивать, чтобы сохранить тайну?

Гамаш посмотрел на Жаклин:

– Он не узнал только вас. Правда, он никогда вас раньше и не видел. Во всяком случае, в университете. Ваш брат никогда не брал вас с собой, отправляясь покупать наркотик. Он знал, как вы к этому относитесь.

Жаклин, сестра Эдуарда, кивнула.

– Мне придется арестовать вас, – сказал Гамаш, и она кивнула:

– За кобрадора.

– За убийство Кэти Эванс.

– Но это безумие, – возмутилась Леа. – Ее убил Антон. Вы это знаете. Если он все вам рассказал, то лишь для того, чтобы прикрыть задницу. Он, вероятно, узнал нас только после убийства. Сегодня днем, когда мы ждали в бистро. И признался лишь в том, что связано с Эдуардом, потому что вы так или иначе узнали бы все.

– Манипуляции? – спросил Гамаш, уставившись на нее проницательным взглядом.

– Он умен, – сказал Матео. – Бога ради, не обманывайтесь. Вы понятия не имеете, какой он на самом деле. Он совсем не тот, кем кажется.

– А вы? – спросил Гамаш.

Леа Ру уставилась на Гамаша, заглянула ему в глаза. Ей не понравилось то, что она там увидела.

– Прошу прощения, – сказал он, вставая. – Я думаю, вы имели благие намерения. Все это началось довольно невинно. Вы никому не собирались причинять вреда, даже Антону. Вы просто хотели справедливости по отношению к Эдуарду. Хотели, чтобы торговец наркотиками знал, что вам все известно. Но вы не понимали, что вас используют. Не увидели, что происходит на самом деле.

– А вы увидели? – спросила Леа.

– Что происходит? – спросил Патрик, когда полицейские уводили Жаклин. – Что это значит? Это она убила Кэти? Я не понимаю.

Выйдя на улицу, старший инспектор Гамаш обратился к Жаклин:

– Вам необходимо выстроить сильную защиту.

– О чем вы? Вы ведь не собираетесь на самом деле арестовывать меня?

– Собираюсь. За убийство Кэти Эванс.

Даже Лакост и Бовуар были удивлены, а Жаклин испытывала настоящее потрясение.

– Разве вы не понимаете, что убийца – Антон? Вы знаете, что я не убивала Кэти, и все равно хотите меня арестовать? Почему?

И вдруг ее паника словно отступила на второй план.

– Я знаю почему. У вас нет доказательств против него. Вы хотите, чтобы Антон считал, будто ему это сошло с рук. Настала моя очередь быть кобрадором. Стоять за то, во что я верю, невзирая ни на какие риски. Вы об этом меня просите?

– Ваша совесть чиста? – спросил он.

– Чиста.

И он поверил ей. Но он не был так уверен насчет себя самого.

* * *

Старший инспектор Изабель Лакост сидела в бистро спиной к Матео Биссонетту и Леа Ру. Избегая встречаться с ними взглядом. Отчасти из-за обвинения, горевшего в их глазах. Обвинения в том, что невинную женщину судят за убийство, которого та не совершала. И что Лакост знает это.

Да, ошибиться насчет ярости в их взглядах было невозможно.

Но Изабель необходимо было сосредоточиться на самоуверенном американце и его охраннике, которые сидели здесь на виду у всех.

Приехал ли он для дружественных переговоров? Для дележа территории с его квебекским партнером теперь, когда Квебекская полиция исключена из уравнения? Отпраздновать запуск нового товара – «крокодила»?

Или он приехал заявить о своих правах? Зачем делиться, если он может получить все?

Что это будет – встреча confrères[49] или начало жестокой краткосрочной кровавой войны за территорию?

А она сидела посреди этой территории, в жерле войны.

Изабель посмотрела на мадам Гамаш, на Анни, на Оноре. И поняла кое-что о том, что, вероятно, пришло в голову старшему суперинтенданту Гамашу, как только она сказала ему, что глава американского картеля находится в Трех Соснах.

Если сражение состоится в этой маленькой приграничной деревне, то, кто бы ни победил, наказаны будут жители деревни. И в первую очередь месье Гамаш и его семья.

Деревня будет лежать в руинах, и население других приграничных деревень будет точно знать, что случится с ними, если они не примкнут к победителю. Власть картелей никогда не опиралась на любовь и преданность местных жителей. Наркоторговцы всегда прибегали к террору.

Лакост почувствовала, как ручеек пота побежал ей за воротник.

Глава тридцать вторая

– Что вы делаете? – спросил Бовуар.

Хотя то, что делал Гамаш, не вызывало сомнений. На самом деле Жан Ги спрашивал «зачем?».

Когда Бовуар снизил скорость до разумной и неторопливо спустился в Три Сосны, Гамаш повернулся на сиденье и, отстегнув от пояса автоматический пистолет в кожаной кобуре, засунул его в бардачок, предварительно вытащив патроны из магазина.

– Если тебя увидят с пистолетом, это ничего, – сказал он, заперев бардачок и спрятав ключ в карман брюк. – Но я не могу себе этого позволить. Рейн-Мари и Анни сразу же станут задавать вопросы. Этого нельзя допустить.

Солнце стояло еще достаточно высоко, хотя безжалостная жара немного спала. Деревня никогда не выглядела красивее. Никогда не пребывала в таком умиротворении. Сады в полном цвету. Дети после обеда играли на деревенском лугу, не желая упускать ни мгновения идеального летнего дня.

– А если они проведут встречу в бистро? Вы будете стоять с ложкой в руке?

– Надеюсь, хотя бы вилку удастся схватить, – отшутился Гамаш.

Но Бовуар не улыбнулся.

– Я возьму вот это, – сказал Гамаш, и его лицо посерьезнело, когда он показал Жану Ги то, что вытащил из бардачка вместо пистолета.

У него на ладони лежало что-то похожее на деревянную чурку. Но Бовуар знал, что это такое. Швейцарский армейский складной нож для охотников. Его лезвие предназначено для потрошения добычи.

Жан Ги перевел взгляд с уверенной руки Гамаша на его лицо и увидел в карих глазах ту же твердость.

Одно дело – стрелять в человека. Ужасное действие, которое невозможно забыть. И не следует забывать. Бовуар это отлично знал. Но совсем другое дело – ударить человека ножом. Всадить в него клинок.

Жан Ги никогда и не думал об этом.

А Гамаш думал. И прежде, и теперь. И готов был использовать нож. Если возникнет необходимость.

* * *

– Прекрасно, – проскрипела Рут, когда Гамаш и Бовуар вошли в бистро. – Пришли Рокки и Бу-Бу.

Гамаш посмотрел на Бовуара и в отчаянии покачал головой.

– А разве не Рокки и Буллвинкль? – спросил Габри, ставя пиво перед Кларой.

Бовуар тем временем поцеловал Анни и взял у нее Оноре.

– Лось и белка, – кивнула Клара и сделала большой глоток холодного эля «Фарнхам бланд».

– Это Йоги и Бу-Бу,[50] – сказала Рейн-Мари, обнимая Гамаша.

– И ты, Брут? – проговорил Гамаш, и Рейн-Мари рассмеялась.

– Оноре, – прошептал Жан Ги на ухо младенцу, вдыхая его запах. Аромат детской присыпки и Анни.

И теперь Жан Ги понял, почему шеф попросил пригласить Рут. Чтобы она могла громко вышучивать их. Небольшая, но красноречивая деталь. Как портреты Клары, состоящие из крохотных мазков и точек. Точно выверенных. Для создания атмосферы.

Для тех, кто знал Рут, ее оскорбления были просто ритуалом. Что-то вроде визитной карточки. Но для посторонних они прозвучали бы как издевательское высмеивание двух людей, настолько некомпетентных, что это ясно даже старухе. И она не боится говорить правду.

Это добавляло штрихов к представлению о Гамаше как о дружелюбном, теплом, покладистом человеке. Очень мягком. Человек, которого оскорбляют в загородной гостинице, вряд ли годится для четкой, суровой полицейской работы.

Бовуар видел сидящих в углу Матео Биссонетта и Леа Ру. Слушающих. Улыбка на лице Леа была такой натянутой, что губы будто исчезли. Она напоминала гадюку.

Американские гости глазели на них открыто. Они даже не пытались делать вид, что это их не интересует.

Разумеется, они знали, кто такой Гамаш.

Настал критический момент.

Что они сделают сейчас: поднимутся и уйдут из опасения, что Квебекская полиция расстроит их планы?

Достанут пистолеты и откроют огонь по полицейским и другим посетителям бистро? Картель сделал бы такое далеко не в первый раз.

Но двое американцев продолжали сидеть, словно наблюдая не самое

интересное ток-шоу.

– Вот уж не думал тебя здесь увидеть, – сказал Жан Ги жене, испытывая удивление и облегчение оттого, что его голос звучит вполне нормально.

– Я тебе отправила эсэмэску, – откликнулась Анни. – Мы решили приехать сюда – уж больно жарко в городе.

Впрочем, за городом было ничем не лучше. Воздух насыщен влагой. Еще чуть-чуть, и он превратится в воду. Ни ветерка, ни малейшего намека на облегчение. Люди искали тень и молили солнце скрыться с небосклона.

Все, кроме детей, которые, держась за руки, водили хоровод на лугу. Двое мальчишек отнимали друг у друга мячик.

Бистро заполнялось, много столиков было уже занято.

Гамаш подошел к столику, за которым сидели американцы. Раздался скрежет дерева по дереву – тот, что постарше, отодвинулся от стола и уронил руки на колени.

Волосы на руках Жана Ги и на его загривке встали дыбом, кожу защипало. Словно ноябрьский ветерок пронесся по залу. Но он держал на руках Оноре и ничего не смог бы сделать, даже если бы этот человек вытащил пистолет. И выстрелил в шефа.

Бовуар заставил себя отвернуться. Закрыв Оноре своим телом, он встал перед Анни.

Остальные тем временем возобновили разговор о выставке Клары в Музее изящных искусств в Монреале, до которой оставалась неделя, и только Рут наблюдала за Жаном Ги. С любопытством.

Гамаш улыбнулся двум гостям.

– Не возражаете? – спросил он по-французски. Поскольку ответа не последовало, он сказал: – Anglais? Англичане?

– Да.

– Эти стулья заняты?

– Нет, пожалуйста.

Гамаш взял два стула за спинки, потом помедлил, разглядывая двух приезжих:

– Что-то мне ваши лица знакомы. Мы не встречались?

Бовуар на другом конце зала подумал, что вот-вот потеряет сознание. Он передал Оноре Анни и приготовился при необходимости вытащить оружие.

Вокруг него шел разговор, бессмысленный набор бессмысленных слов, и Жан Ги изо всех сил старался делать вид, что следит за его ходом.

Он не отваживался посмотреть в сторону Гамаша, который дружески

болтал с главой наркокартеля. Но слышать их он слышал.

«Если они его не убьют, это сделаю я», – подумал Жан Ги.

Изабель Лакост сидела возле Клары с приклеенной к лицу улыбкой, но ее правая рука была опущена ниже столешницы.

Сердце Жана Ги бешено колотилось – он едва слышал слова.

– Не думаю, что мы знакомы, – сказал американец помоложе. – Мы здесь проездом.

– Вот как, – произнес Гамаш с мягким британским акцентом. – Вам повезло. Не многие находят эту деревню, это бистро. Здесь новый шеф-повар. Попробуйте его форель на живом огне – великолепно.

– Мы уже поели, – ответил молодой. – Это было изумительно. Мы обязательно сюда вернемся, и не раз.

– Надеюсь, – сказал Гамаш. – Спасибо за стулья.

Старший суперинтендант кивнул им, взял стулья, один подтолкнул к Бовуару, другой поставил рядом с Рейн-Мари.

– Похоже, хорошие ребята, – сказал Жан Ги, недовольно глядя на севшего Гамаша.

– Американцы. Всегда хорошие ребята.

Арман снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку стула. Демонстрируя, если кому любопытно, что у него нет оружия. Старший суперинтендант был безоружен и явно не знал, кому он сейчас советовал, что выбрать в меню. И что вообще должно произойти.

Еще один штрих к образу.

– Что будете, patron? – спросил Оливье. – Виски?

– Нет, слишком жарко, mon vieux.[51] – Он ослабил галстук. – Я выпью пива. Какое у вас есть разливное?

– Мы только что приготовили свежий лимонад, – сказал Оливье Жану Ги.

– Идеально. Merci.

– Ну как там продвигается процесс? – спросила Рут. – Уже наврал?

– Каждым словом, – сказал Гамаш.

Он поздновато вспомнил о проблеме, которая непременно возникнет с Рут: ее невозможно контролировать. К счастью, большинство считало, что она либо шутит, либо выжила из ума.

Это напоминало попрыгунчика в коробке. Коробка вроде кажется обычной, пока оттуда не выпрыгивает безумная фигурка.

В окне за спиной Рут он увидел, что дети на лугу перестали танцевать и падают на землю. Смеются и перекатываются.

«Пепел, пепел».

Борьба за мяч кончилась. Один из мальчишек подкидывал его на колене, а другой, размазав слезы по грязным щекам, схватил свой велосипед и поехал прочь.

Куда его велосипед свернет,
доехав до перекрестка?

В стекле окна Гамаш видел американцев. Призрачное отражение накладывалось на вихляющегося мальчишку. Словно две фотографии одного человека, сделанные с промежутком во много лет.

Гамаш знал: именно туда, в будущее, поехал мальчишка на велосипеде.

Потом он сосредоточил мысли на детях. «Уходите, – молча молил он их. – Расходитесь по домам».

Но дети продолжали играть, а парнишка на велосипеде продолжал тонкими ногами крутить педали, пока не исчез из виду. Оставив призрачное отражение довольствоваться настоящим.

Гамаш откинулся на спинку стула и испустил протяжный, довольный вздох. Демонстративный вздох, хотя не слишком притворный. Он старался не вглядываться в окружающий лес в поисках боевиков картеля.

Гамаш знал: даже глаза могут выдать его. За каждым его жестом внимательно наблюдают. Каждое слово ловится, оценивается гостями. Они были уверены в себе, тем не менее бдительны.

Он не мог себе позволить ошибиться.

– Обедать будем здесь? – спросил он. – Умираю с голода.

– Оноре пора поесть, а потом купаться, – сказала Анни, вставая.

– А мне надо возвращаться в город, – сказала Лакост. – Не то чтобы я с нетерпением ждала завтрашнего дня.

– Ой, я забыл тебе сказать: судья решила начать заседание пораньше. В восемь.

– Утра? – спросила Изабель, и Мирна с Кларой рассмеялись, услышав, с какой интонацией это было сказано.

– Сочувствую, – сказал Гамаш. – Судья хочет сделать как можно больше, пока не начнется пекло.

– Тогда мне тем более нужно поспешить. Вы остаетесь на ночь?

– Наверное. Еще не решил, – ответил Гамаш.

– Тебе помочь? – Жан Ги поднялся вместе с Анни.

– Я пойду, – сказала Рейн-Мари. – А вы двое оставайтесь. Наслаждайтесь выпивкой. Обед минут через сорок пять. Лосось на гриле.

Вы придете? – спросила она у Мирны и Клары.

– Я не против, – сказала Мирна. – Если только ты не собираешься закрыться в своей мастерской и закончить картину.

– Умираю со смеху, – заявила Клара. – Обед – это здорово. Мы вам поможем.

Перед тем как они ушли, Арман обнял Рейн-Мари. Он надеялся, не слишком крепко. Закрыл на секунду глаза, вдыхая ее запах старых садовых роз. И Оноре.

Жан Ги поцеловал Анни и Рей-Рея.

Он едва сдержался, чтобы не шепнуть Анни: забирай Оноре и уезжай в город. Если бы он сделал это, в головы американцев могло бы закрасться подозрение, и в результате все закончилось бы очень плохо.

За их столом остались только Рут и Роза. Старуха попивала виски, а Роза запрыгнула на стол и отправилась к Бовуару. Он крякнул, когда утка спрыгнула со стола ему на колени. И устроилась поудобнее.

Арман, приложившись к стакану с пивом, увидел уезжающую машину Лакост. Рейн-Мари с Анни, Мирной и Кларой, державшей на руках Оноре, вышли в золотой вечер. Рейн-Мари остановилась, нагнулась и вырвала сорняк в саду перед домом.

Она показала сорняк Мирне, и та захлопала в ладоши. У них это стало дежурной шуткой, появившейся в первый год жизни в деревне, когда Рейн-Мари и Гамаш пропололи весенний сад, но вскоре выяснилось, что сорняки остались, а почти все многолетники вырваны с корнем.

Мирна стала их садоводческим гуру. Арман улыбнулся, глядя на них.

– Я смотрю, женщина-политик с мужем вернулась, – сказала Рут. – Она заходила ко мне сегодня днем.

– Правда? – удивился Жан Ги. – И зачем?

Антон вышел из кухни и завел разговор с американцами.

Он положил что-то им на стол. Исписанный лист бумаги.

– Сообщить, что меня производят в кавалеры ордена Квебека.

– Это замечательно, Рут, – откликнулся Арман. – Felicitations.[52]

Молодой глава картеля жестом пригласил Антона присоединиться к ним. Повар с удивлением покачал головой, показывая, что у него работа в кухне. Но взгляд американца заставил Антона передумать. И он сел.

– В кавалеры? – переспросил Жан Ги. – Кавалер – это рыцарь на лошади. Вы ничего не перепутали?

Гамаш видел Матео и Леа в дальнем углу бистро – они тоже следили за Антоном и американцами. Леа повернулась к Матео и что-то сказала ему. Матео отрицательно покачал головой.

Потом Леа посмотрела прямо на Гамаша. Посмотрела так неожиданно – даже не дала ему времени отвести глаза. Он знал, что если сделает это сейчас, то будет выглядеть как человек, пытающийся что-то скрыть.

И он выдержал ее взгляд и улыбнулся.

Она не ответила ему улыбкой.

Жан Ги и Рут обменивались оскорблениями, хотя слезящиеся глаза старой поэтессы смотрели не на Бовуара, а на Гамаша.

Арман устроился на своем стуле, закинув ногу на ногу, то ли прислушиваясь к голосам вокруг, то ли не слушая их. Он держал стакан холодного пива – вознаграждение после трудного дня в свидетельском кресле. Он явно пребывал в расслабленном состоянии. Но Бовуар догадывался, что чувствует сейчас Рут.

От Гамаша исходило какое-то излучение.

Неужели ярость? Потому что страхом это определенно не было.

И наконец Бовуар понял, что на самом деле это крайняя степень спокойствия.

Гамаш был центром притяжения в этой комнате.

Независимо от исхода, бомбардировки прекратятся сегодня вечером. Война закончится.

Глава тридцать третья

Лакост свернула на старую лесовозную дорогу в километре от деревни. Дорогой много лет не пользовались, и подлесок успел превратиться в лес. Ветки деревьев царапали, скребли и скрывали ее машину от посторонних глаз.

Лакост открыла багажник, надела боевое снаряжение. Тяжелые ботинки, шлем с камерой. Сунула автоматические пистолеты в карманы на липучке, прицепила пояс с патронами. Ее пальцы действовали уверенно со знакомым снаряжением – карабины, защелки, ремни, проверка. Еще одна проверка.

Она позвонила мужу в Монреаль, поговорила с детьми. Пожелала им спокойной ночи, сказала, что любит их.

Они уже подросли и теперь стеснялись повторять слова любви.

И не повторили.

Когда ее муж снова взял трубку, Лакост сказала, что сегодня ей предстоит поработать допоздна, но она вернется домой, прежде чем он успеет соскучиться.

– У нас же есть «Пиноккио»? – спросила она.

– Книга? Наверно. А что?

– Ты не думаешь, что было бы хорошо почитать ее детям на ночь?

– Нашим детям? Они из этого уже выросли. Они хотят смотреть «Ходячих мертвецов».

– Не позволяй им, – сказала она и услышала его смех.

– Я буду ждать тебя, – сказал он.

И хотя она всегда говорила ему, чтобы не ждал, он ее непременно ждал.

– Я тебя люблю, – сказал он.

– И я тебя, – ответила Лакост. Ясные, обдуманные слова.

Потом она отключилась и убрала телефон в бардачок, а служебный засунула в кармашек на липучке.

Телефон этот зажужжал, как только она перевалила через гребень холма на пути из Трех Сосен.

Она получила одно сообщение. От Туссен.

Они заняли места на позиции.

Лакост быстро набрала ответный текст: «Г и Б в бистро. Выдвигаюсь на позицию».

Она пробиралась по лесу, когда телефон снова завибрировал.

«Груз покинул церковь, направляется в деревню».

Лакост быстро набрала в ответ: «В деревню? Подтверди».

«В деревню».

Она повернулась в сторону деревни, но увидела только стволы деревьев.

«Боже мой», – прошептала она и на секунду замерла, судорожно перебирая оставшиеся у нее варианты.

Наконец Изабель Лакост развернулась и побежала. От церкви. От границы.

К деревне.

Она добежала до грунтовой дороги и остановилась, чтобы убедиться, что ее никто не видит, потом пересекла дорогу и снова углубилась в лес. Затем понеслась вниз по склону холма, прижимая штурмовую винтовку к груди.

Она миновала здание бывшей школы. Низко пригнувшись, прошла за домом Рут. У сада за домом Гамашей она услышала разговор. Разговаривали мадам Гамаш, Мирна и Клара. Кто-то из них пошутил, и все рассмеялись.

Лакост двинулась дальше. Пересекла старую почтовую дорогу и вошла в лес с другой стороны. Оказавшись позади гостиницы, она завернула за угол и остановилась, переводя дыхание и озираясь по сторонам, не появится ли какой-нибудь патрульный из боевиков картеля.

Она быстро оглядела коттеджи. Дорогу. Деревенский луг. Играющих детей.

«Уходите домой! – взмолилась она, хотя никто ее не слышал. – Уходите домой».

Она увидела, как захлопнулась дверь бистро.

* * *

Гамаш увидел, как в бистро вошли два крупных человека, в руках у каждого было по упаковочному ящику. Они поставили их на пол рядом с главой американского картеля.

Американец кивнул этим двоим, и Антон резко поднялся на ноги.

Один из них подошел к Антону, другой встал рядом с главой американского картеля.

Другие посетители бистро обратили внимание на происходящее. На

ящиках было написано: «Матрешки», на кириллице и латинице. Занятно, но не настолько, чтобы перестать разговаривать и выпивать, чем все и занялись снова.

Большинство из них не заметили, что надписи были заляпаны красными кляксами, покрыты подтеками.

* * *

Изабель Лакост чуть-чуть приоткрыла внутреннюю дверь, соединяющую книжный магазин и бистро.

В щелочку она увидела шефа, откинувшегося на спинку стула, расслабленного. Стакан пива в руке. Чуть сбоку глава американского картеля жестом показывал Антону, чтобы тот сел.

Это был не тот Антон, которого она знала.

Не мойщик посуды. Не шеф-повар.

Теперь он, видимо, понял, подумала Лакост, если только не знал прежде: это не дружеский тет-а-тет с целью раздела территории. Это захват. В любом случае красные кляксы на коробках с матрешками сказали ему об этом. Все, что осталось от его собственных курьеров.

Лакост осторожно перевела предохранитель штурмовой винтовки в боевое положение.

Оливье перекрыл ей видимость, остановившись у стола прямо на линии огня. Краем глаза она увидела, как Бовуар начал подниматься из-за столика.

Бойцы посмотрели на него. Лакост подняла винтовку. В оптическом прицеле она увидела ухмылку на их лицах.

В руках у Жана Ги была утка. Охранники улыбнулись, глядя, как он поднял утку и передал женщине, такой старой, что она напоминала мумию.

Это было все равно что осадить Хутервиль.[53]

Рут встала, прижав Розу к груди.

– Да пошел ты в жопу! – сказала она Бовуару во весь голос. – Идиот.

Бойцы загоготали, но они перестали смеяться, когда Рут обратила на них свой взгляд. От этого взгляда и вправду хотелось пойти куда подальше.

– Ради бога, – прошептала Лакост, когда старуха похромала к двум громилам. – Уйди.

Теперь Рут находилась на линии огня, не позволяя Лакост произвести выстрел.

– Да ладно, Рут, – сказал Гамаш, вставая и отводя ее в сторону. –

Оставьте этих бедных людей в покое. Они просто пытаются пообедать. И вам, наверное, уже пора. Мы вас проводим. – Он легонько подтолкнул ее к двери. – Оливье, счет, будь добр.

– Сейчас, patron. – Оливье направился к стойке бара.

– Жан Ги? – Гамаш жестом показал Бовуару, что тот должен приглядеть за Рут.

Молодой американец наблюдал за происходящим с выражением веселого удивления на лице. Его несколько сбило с толку такое неожиданное развитие событий. Хотя явно ничуть не обеспокоило.

Йоги и Бу-Бу либо не отдавали себе отчета в том, что происходит, либо глава Квебекской полиции прекрасно понимал обстановку и спешил уйти. Освободить им площадку, территорию.

Но руководитель американского картеля встревожился бы, не смог бы не встревожиться, если бы перестал наблюдать за Гамашем и обратил внимание на выражение лица Антона.

А оно стало диким. Свирепым. Совсем не похоже на загнанного в угол зверя. Скорее, то был хищник, который вцепился когтями в несчастную жертву и собирается ее выпотрошить.

Благодаря действиям шефа Лакост, наблюдавшая за развитием событий из книжного магазина, получила теперь возможность стрелять прицельно. Но ее смущало выражение лица Антона. Как это возможно? Численное превосходство явно было не на его стороне. Его перехитрили. Но что, если нет? Что, если…

Эта мысль пришла ей в голову на секунду позже, чем следовало.

– Bonjour, – шепотом проговорил мужской голос.

И она почувствовала ствол пистолета, уперши йся ей в затылок.

Антон был не один. Конечно же, его телохранитель находился поблизости.

И теперь он приставил пистолет к ее голове и вырвал винтовку из ее рук.

И еще одно почувствовала в это мгновение Лакост: она мертва.

* * *

Слева раздался шум. Гамаш повернулся и увидел, что какой-то человек, прижимая пистолет к голове Изабель Лакост, пропихивает ее в дверь из магазина Мирны.

Гамаш мгновенно узнал его, вспомнив нападение на кобрадора.

Молодчик с кочергой. Маршан. Гамаш думал, что это просто пьяный дебошир, но теперь он понял свою ошибку. Маршан был человеком Антона. Боевиком картеля.

Гамаш мгновенно оценил ситуацию.

Мир вокруг застыл, обрел неимоверную четкость, неимоверную яркость и цвет. Время почти остановилось.

Прежде чем Лакост успела перешагнуть через порог, Гамаш начал двигаться.

* * *

Изабель поняла, какое преимущество ты получаешь, умерев: тебе нечего больше терять.

Как только ее пропихнули в дверь, она уперлась ногами в пол и резко оттолкнулась назад, всем телом ударив человека, который ее захватил.

* * *

Бовуар отставал на какие-то доли секунды. Он увидел, как Гамаш метнулся к телохранителю.

Он увидел Лакост и вооруженного человека позади нее, падающих на спину, зависших в воздухе в полуполете, полупадении – так показалось Бовуару.

Он пригнулся и, протягивая руку к кобуре, ринулся вперед.

* * *

Гамаш рванулся к телохранителю.

Все в бистро, включая Антона, включая главу американского картеля, отвлеклись при появлении Лакост. Всего на одно мгновение.

Больше Гамашу и не требовалось.

Он не видел, что делает Бовуар или Лакост, хотя он и заметил, как она уперлась ногами в пол, и понял ее замысел.

Все его внимание теперь было обращено на ближайшего к нему телохранителя, который в это мгновение поворачивался, осознавая, что делает Гамаш. На лице телохранителя отразилось удивление.

Он никак не ожидал, что пожилой благодушный любитель пивка может действовать с такой скоростью. И решительностью.

Телохранителю хватило времени лишь на то, чтобы переместить руку к пистолету, когда Гамаш врезался в него, толкнул на Антона и сбил с ног.

Все трое оказались на полу, Антон только крякнул, когда его припечатали два других тела.

Гамаш локтем уперся в подбородок телохранителя, откинул назад его голову и, вытащив из кармана охотничий нож, раскрыл его и вонзил в горло врага.

Зазвучали выстрелы.

* * *

Бум. Бум. Бум. Оглушающие. Не пистолетные хлопки, а грохот штурмовой винтовки. И автоматического оружия. Полетели щепки, раздались крики. Переворачивались столы и стулья. Слышались звуки бьющегося стекла.

Гамаш пытался добраться до пистолета в кобуре под умирающим телохранителем. Антон вертелся, извивался, стараясь выбраться из-под тяжелого тела.

* * *

Жан Ги обрушился на стол американца, разметая в стороны стекло и фарфор, «крокодил» и контрабандистов.

За считаные секунды в зале воцарился хаос. Крики, вопли. Выстрелы.

Он не видел Гамаша, но видел, словно в мелькании стробоскопа, как упала Лакост.

А потом все пришло в необыкновенно быстрое движение, словно видеозапись прокручивали с удвоенной скоростью. В отличие от шефа Бовуар не был крупным человеком, но, как и шеф, имел преимущество внезапности. И воспользовался им.

Он упал, перекатился, выхватил пистолет и выстрелил второму телохранителю в грудь как раз тогда, когда тот только начал наводить ствол на Бовуара.

* * *

– Что это? – спросила Анни с побледневшим лицом.

– Выстрелы, – сказала Мирна. – В бистро.

Они смотрели друг на друга целое мгновение, целую вечность. Потом Рейн-Мари поднялась и сказала Анни, которая кормила Оноре на веранде за домом, чтобы та немедленно шла в дом.

Мирна и Клара бросились следом.

– Вызывай «девять-один-один», – велела Рейн-Мари дочери. – Запри за нами дверь.

– Я с вами.

– Ты должна присматривать за Рей-Реем, – сказала ей мать.

– У Армана есть пистолет? – спросила Клара. Глаза у нее были широко раскрыты, руки дрожали.

– Non.

Рейн-Мари огляделась и схватила кочергу. Мирна и Клара тоже вооружились. Мирна ухватила что-то вроде топорика, а Клара вышла из дома с ершом для чистки дымохода.

– Фак, – пробормотала она вполголоса.

Стрельба продолжалась, лаяли собаки. Анни кричала в телефон диспетчеру службы «девять-один-один». Сердца женщин бешено колотились, когда они выбежали из дома и бросились по тропинке к дороге.

– Боже мой, – выдохнула Мирна.

На земле лежали с полдюжины детей. По-видимому, мертвые.

Но вот они начали шевелиться, вставать. Смотрели в сторону бистро, открыв рот и опустив руки.

– Идите сюда! – крикнула им Клара, махая руками.

Она побежала к ним, а они – ей навстречу. Одни плакали, другие были перепуганы. Все понимали, что самое безопасное место в мире перестало быть таковым.

Клара направила их по дорожке к Анни, которая стояла в открытой двери и махала им, чтобы бежали быстрее, и тут окна в бистро разлетелись от выстрелов.

Рейн-Мари, Мирна и Клара без колебаний побежали в сторону бистро.

* * *

Рут поползла по полу к Розе, которая сидела под перевернутым столом с более ошарашенным, чем обычно, видом.

Дышать стало почти невозможно из-за повисшей в воздухе пыли, выбитой пулями из кирпичей, плитняка, штукатурки.

Рут добралась до Розы и легла, укрыв ее своим телом.

Только теперь она увидела Изабель Лакост: та лежала на полу с открытыми глазами.

* * *

Гамаш дотянулся до рукояти пистолета в кобуре умирающего охранника, но, прежде чем он успел его выхватить, его оглушил удар ботинка в лицо.

Мир побелел, все расплылось у него перед глазами. Последовал еще один удар.

Антон бешено молотил ногой. Злобно, отчаянно бил Гамаша по голове, плечам, рукам.

Он крутился, выворачивался и бил одной высвобожденной ногой. Долбил Гамаша, который подставлял под удары плечи, сосредоточившись только на пистолете в кобуре.

Наконец ему удалось крепко ухватиться за рукоять, и он вытащил пистолет.

Гамаш перекатился на спину, выставил вперед руку и нажал на спусковой крючок – бах, бах, бах. Он стрелял в упор в Маршана, который находился в двух-трех шагах от него и уже целился из винтовки Лакост. Для Маршана это оказалось полной неожиданностью. Его отбросило назад, и он рухнул на пол. Мертвый.

Гамаш развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Антон выбежал в заднюю дверь бистро.

* * *

– Patron, – сказал Жан Ги, когда Гамаш схватил его за руку и помог подняться.

– Антон ушел, – выпалил Гамаш и, чуть прихрамывая, двинулся к открытой задней двери бистро.

– Oui. Американец со своими боевиками бросился за ним, – сказал

Бовуар.

Хаос в бистро поразил Гамаша.

Лакост лежала на полу, Рут рядом с ней. Держала ее за руку. Что-то шептала.

Габри стоял на коленях возле Оливье.

Клиенты, которые считаные минуты назад мирно потягивали свои напитки, теперь плакали, жались друг к другу, обнимались, кричали. Звали на помощь.

Но он не мог остановиться.

– Арман! – закричала Рейн-Мари, когда они с Мирной и Кларой появились среди этого разгрома.

Но было поздно. Он уже исчез.

* * *

– Ты бери Антона, – сказал Гамаш. – Я возьму американца.

– Их двое! – крикнул ему вслед Бовуар.

Он не знал, услышал ли его Гамаш, а проверять времени не было.

Наркоторговцы успели оторваться от них. Но у Гамаша и Бовуара имелось другое преимущество: они знали местность.

Знали лес, его тропинки, путь к границе. Отчасти потому, что, готовясь к операции, прошли по этим дорожкам. Отчасти потому, что многие часы провели в доме Гамаша над топографическими картами.

Они разговаривали с охотниками и любителями пешего туризма. С геологами и автопутешественниками. С лесорубами и рыбаками.

За прошедшие восемь месяцев после обнаружения потайной двери со смазанными петлями в кладовке церкви и после того, как стала понятна важность этого открытия, они во всех подробностях изучили территорию.

У контрабандистов такого преимущества не было. Они нашли самый прямой маршрут через лес от тайника времен «сухого закона» до границы. И держались его.

«Мы изучаем ситуацию», – отвечал Гамаш с невозмутимостью, граничащей со слабоумием, когда ему под нос совали микрофоны, наставляли на него телекамеры. Задавали резкие вопросы о растущем уровне преступности.

И как ни странно, именно этим они и занимались. Изучением ситуации. Хотя это было не совсем так.

Да, он изучал ситуацию, но не ту, о которой говорили репортеры.

Гамаш приказал тайно обследовать все хижины, сараи, школы и церкви, которые использовались в свое время бутлегерами вдоль границы с Соединенными Штатами.

Здесь обнаружились норы, которые никогда не затыкались. Вокруг наблюдательной вышки. Теперь его вышки. Его наблюдательного поста.

И тогда он приказал вести наблюдение за всеми этими норами.

И они увидели, что квебекский синдикат использовал их все, одну за другой. Но главным образом – Святого Томаса в тихой, прелестной, забытой деревеньке Три Сосны.

Откуда без труда можно было добраться до границы. И где босс мог вести наблюдение за трафиком из кухни, в которой он работал сначала мойщиком посуды, а потом шеф-поваром.

Антон учился у своего отца и дядюшки, он прошел школу у лучшего друга и доверенного лица своего отца. У Антонио Руиса. В честь которого его и назвали.

И теперь он был готов взять дело в свои руки.

Гамаш и Бовуар слышали других, которые вырвались вперед. Они догоняли их, потому что торговец наркотиками всегда в движении. Один преследует другого. Американцам необходимо убить главу канадского картеля. Захватить его территорию.

А Антону необходимо бежать, набрать новых людей и защитить застолбленный участок.

А Гамашу и Бовуару необходимо остановить их обоих. Если же им не удастся это сделать, то начнется кровавая война.

Они не могли позволить себе проиграть.

Жан Ги, бегущий впереди, сошел с тропинки и двинулся на восток, и Гамаш, поняв маневр зятя, свернул на запад.

Они гнали зверя, направляли его туда, где их ждала Туссен с группой захвата.

*** * ***

Мадлен Туссен и ее команда появились у бистро с оружием на изготовку. Они двигались быстро, но осторожно, не зная, что их ждет.

То, что «крокодил» направляется в деревню, стало для нее неожиданностью, но она понимала: даже если обмен произошел там, груз так или иначе нужно доставить до границы. И поначалу она приказала своей команде сидеть тихо. Придерживаться плана.

Но потом до нее донеслись звуки выстрелов, и она отошла от плана и приказала своим людям двигаться к деревне. Помочь тем, кто ведет бой здесь.

И хотя они бежали всю дорогу, драгоценного времени на то, чтобы добраться до места, ушло немало.

Они сломя голову спускались по склонам холмов, продирались через лес, и звуки выстрелов становились все громче и громче.

А потом прекратились. Наступила тишина.

А потом они услышали крики. Вопли. Призывы о помощи.

А потом и это стихло.

Суперинтендант Туссен привела свою команду в деревню. Ее острый глаз примечал все. Группа захвата двигалась за ней, они шли пригнувшись, с оружием в руках, оглядывали дома, окна, сады.

На деревенском лугу лежали велосипеды. Мяч.

Но людей не было. Ни собак, ни котов. Ни птиц.

Затем из бистро появилась женщина с кочергой в руке. Туссен услышала у себя за спиной знакомый звук – ее люди готовили оружие к бою.

Она подняла кулак. «Стойте».

Это была мадам Гамаш. Бежала к ним навстречу. Просила о помощи.

Туссен жестом дала команду быть наготове и поспешила к мадам Гамаш.

– Внутри есть объекты? – спросила она.

– Объекты? Не знаю, – ответила Рейн-Мари. – Там есть раненые. Даже убитые, кажется. Мы вызвали помощь.

– Оставайтесь здесь, – велела Туссен и повела свою команду с оружием на изготовку в бистро.

Рейн-Мари побежала следом.

Туссен увидела перевернутые столы и стулья. Ощутила едкий пороховой запах после недавней стрельбы.

Но она никогда не забудет того, что услышала.

Тишины.

В бистро стояла почти полная тишина. Все глаза, широко раскрытые, были устремлены на Туссен.

– Вы должны помочь Арману, – нарушила тишину мадам Гамаш.

– Где он?

Туссен оглядела зал и увидела Лакост на полу, старуху рядом с ней, двух других женщин на коленях. У одной в руках был ершик для дымохода, другая держала утку.

Старшего суперинтенданта Гамаша она не увидела. Как и Бовуара.

Они были живы. Но и главы картелей тоже.

– Они побежали туда. В лес. – Мадам Гамаш показала на заднюю дверь бистро.

– Сколько их? – взволнованно спросила Туссен у мадам Гамаш.

– Не знаю.

– Трое.

Это сказал худощавый светловолосый человек с рукой, плотно перевязанной кухонным полотенцем. Он опирался на другого человека, более плотного сложения. Его голос звучал слабо, но отчетливо.

– Антон и двое других, – сказал Оливье.

Туссен приказала своим людям покинуть бистро.

Она не вышла через заднюю дверь, а повела свою команду назад тем же путем, каким они пришли.

Мимо церкви, вверх по склону и в лес.

На бегу она думала, что будь она Гамашем, то попыталась бы направить контрабандистов к границе. Где их должна ждать группа захвата, которая и закончит работу.

Вот только группы там не было. Они отклонились от плана.

Черт, черт, черт.

* * *

Легкие Гамаша горели, он чувствовал привкус крови во рту, но не снижал темпа. Заставлял ноги двигаться вперед, быстрее.

Впереди между деревьями он видел американца и его охранника.

Хорошо, хорошо, думал он. Скоро они выйдут к месту. Прямо в руки Туссен, которая ждет их.

Но тут другая мысль осенила его.

Что бы он сделал, если бы узнал, что наркотик направляется в деревню? А потом услышал бы выстрелы в деревне?

Господи, подумал он. Он ведь изменил бы план. Непременно. Он повел бы свою команду в деревню. На помощь.

Он оставил бы границу.

Туссен там не будет. Зато там будут контрабандисты. И они с Бовуаром бегут прямо в руки двух картелей.

Но было слишком поздно. Поздно останавливаться. Нужно довести это до конца.

* * *

Антон узнал эту часть леса.

Он знал, что граница впереди. И там ждали его люди. Вооруженные и готовые.

Гамаш потряс его. По-видимому, старший суперинтендант давно знал, кто он такой. И чем занимается. Гамаш почти наверняка знал про кладовку в церкви и потайную дверь.

Американцы догоняли его. Он слышал, как они топают по лесу, словно слоны. Антон прибавил скорость.

Но потом замедлил шаги.

Одна мысль пришла ему в голову.

Не он бежал к границе. Его туда гнали.

Он знал, что граница впереди. Он не мог ее видеть. Не мог видеть своих людей, хотя и знал, что они там. Но мертв Гамаш или жив, он почти наверняка разместил на границе группу захвата. Да и у американцев там свои люди.

Он бежал в ловушку.

Антон остановился. Ему придется драться здесь. Он развернулся и поднял пистолет, ориентируясь на звук приближающегося топота в лесу.

И выстрелил.

* * *

Пуля зацепила ногу Жана Ги, и он упал.

Полежал несколько секунд, осознавая, что произошло. Что происходит.

По какой-то причине Антон остановился и решил дать бой. Он поливал лес пулями из пистолета, направляя огонь по дуге вдали от Бовуара.

Бовуар бросился вперед, не замечая боли в ноге.

Цель оставалась прежней. Чтобы выиграть войну, им нужно было сделать одно.

Арестовать лидеров.

Антон из-за дерева целился в американцев. Он снова нажал на спусковой крючок, из его автоматического пистолета посыпались пули.

Жан Ги двинулся в его направлении – любой шум, какой он мог произвести, заглушала стрельба. Потом он поднял пистолет и приставил

его к затылку Антона.

* * *

Бойцы синдикатов, ожидавшие своих боссов на границе, услышали стрельбу и подняли оружие.

Канадцы неустрашимо подняли оружие против американцев.

Американцы с неменьшей решимостью взяли на прицел канадцев.

Они так и стояли, пока кто-то из молодых не запаниковал.

И тогда начался кошмар.

* * *

Туссен, поняв, что происходит, приказала своей команде отрезать сражающихся боевиков от леса, где, как она подозревала, Гамаш и Бовуар преследовали глав картелей.

Если она не может им помочь, то, по крайней мере, попытается помешать оставшимся в живых боевикам прийти на помощь своим боссам.

* * *

Глава американского картеля услышал стрельбу впереди и понял, что она означает.

Его телохранитель погиб. Был срезан первыми выстрелами.

Помощи ждать неоткуда. Он должен один переправиться через границу. И он бросился с места как сумасшедший и побежал. Понесся по лесу в направлении Вермонта. И безопасного укрытия.

Он слышал шум за спиной. Кто-то преследовал его.

Впереди появились пограничные столбы. Ближе. Еще ближе.

И вот он на другой стороне.

* * *

Американец увеличивал расстояние между ним и Гамашем. Более молодой и резвый, глава картеля уходил.

И вот они пересекли границу. Гамаш не помедлил, не остановился ни на секунду. Он продолжал преследование. Потом он увидел, как человек встал. Развернулся. И поднял пистолет. Гамаш попытался затормозить.

Он почувствовал, что его несет вперед, несмотря на все его усилия.

Он терял равновесие. Потерял его окончательно. Ноги продолжали скользить. Он падал.

* * *

Американец остановился, развернулся и увидел темную фигуру, приближающуюся к нему из леса. Лица он не разглядел. Только общие очертания.

Он поднял пистолет и выстрелил.

* * *

Гамаш упал на одно колено, пули прошли в миллиметрах над его головой и вонзились в дерево.

Он поднял свой пистолет. И выстрелил.

Глава тридцать четвертая

Арман Гамаш и Морин Корриво сидели в тихом кабинете.

Они слышали, как часы на столе отсчитывают время.

Часы показывали восемь утра, после событий на границе прошла неделя.

За столом сидел человек чуть старше Гамаша. Сначала он какое-то время смотрел на судью, потом принялся разглядывать главу Квебекской полиции.

Лицо у Гамаша было разбито, в синяках, но опухоль уже начала спадать.

– Как там старший инспектор Лакост? – спросил премьер-министр Квебека.

– Скоро узнаем, – ответил Гамаш. – Ее ввели в состояние комы. Пуля повредила мозг, но мы не знаем, насколько сильно.

– Очень жаль, – сказал премьер. – А жители деревни? Кажется, она называется Три Сосны?

– Oui.

– Забавно, но я ничего о ней не слышал. Хочу съездить туда, когда все прояснится.

– Я думаю, им это понравится, сэр. Они, мы все пытаемся вернуться к нормальной жизни.

Гамаш предпочел не говорить, что в Трех Соснах не было ничего нормального и в лучшие времена. Но он хорошо знал тот странный покой, который царит в деревне. Умиротворенность.

Он никогда еще не чувствовал с такой силой, что его дом именно там. И местные жители никогда еще в такой мере не чувствовали себя одной семьей.

– Мне известно, что среди жителей есть раненые, – сказал премьер.

– Владелец бистро Оливье Брюле получил ранение в руку, но его партнер действовал быстро и остановил кровотечение. Другие получили царапины от битого стекла и щепок. Все уже выписаны из больницы. Самое серьезное ранение у старшего инспектора Лакост.

– Несколько месяцев назад я спрашивал у вас, Арман, что происходит. Вы отказались говорить. Попросили меня довериться вам. Я доверился. – Он помолчал, вглядываясь в лицо Армана. – Теперь я знаю, что принял тогда правильное решение.

Гамаш слегка кивнул, выражая благодарность.

– Но теперь время пришло. Расскажите мне, что случилось.

Когда Гамаш закончил, премьер-министр долго молчал.

Он, конечно, читал отчеты. Сообщения СМИ. Но и конфиденциальную информацию, которую приносили ему на стол.

И он видел видео с камеры на шлеме Лакост. Смотрел на происходящее ее глазами вплоть до момента падения.

Во время просмотра его лицо стало пепельно-серым. Он думал, что никогда больше не сможет смотреть на Гамаша, не вспоминая, как тот прыгнул вперед. Бросился на двух людей.

С ножом.

Этот образ, это зрелище премьер-министр никогда не сможет стереть из памяти. Никогда не забудет, на что способен этот человек, вдумчивый, спокойный, добрый. Что он сделал.

– Прошу прощения, но я должен задать эти вопросы.

– Я понимаю.

– Вы были по ту сторону границы, когда убили этого американца?

– Думаю, да. В лесу трудно сказать, где граница. Там есть пограничный столб, поставленный во времена «сухого закона», хотя вряд ли бутлегеры обращали на это особое внимание. Но если вы спрашиваете про меня, то да, думаю, я пересек границу.

Премьер-министр Квебека слегка покачал головой и иронически улыбнулся Гамашу:

– Теперь вы предпочитаете говорить правду?

Он воздержался от замечания, что Гамаш действительно пересек черту. И не одну. Политики перестали волноваться на этот счет, хотя министерства юстиции в обеих странах не были столь благодушны.

– И вы сделали это, хотя знали, что ваша юрисдикция туда не распространяется.

– В тот момент я даже не думал о юрисдикции, а если бы думал, то все равно поступил бы так же.

– Вы не хотите облегчить мое положение, Арман.

Гамаш ничего не ответил. Хотя и сочувствовал премьеру, который явно пытался ему помочь.

* * *

Он потащил тело главы картеля назад, за старый, выцветший столб.

Тащил упорно, шаг за шагом. Сгибаясь от усилий, словно кланяясь Квебеку, своему дому.

Перестрелка впереди прекратилась, и он услышал голос Жана Ги – тот звал его.

Все закончилось.

Но его сердце не радовалось. Он был слишком потрясен.

Удостоверившись, что находится на территории Квебека, Гамаш упал на колени от усталости, и, когда Бовуар нашел его, он увидел человека в крови, молящегося над трупом того, кого он убил.

Они вдвоем притащили американца в бистро, где Туссен превращала хаос в порядок.

Жан Ги получил ранение в ногу, но пуля прошла по касательной, ногу ему быстро забинтовали, кровотечение остановили. Он был единственный раненый в команде Квебекской полиции, не считая, конечно, Изабель.

Члены картелей умудрились почти полностью перестрелять друг друга. На выживших надели наручники, фельдшеры тем временем осматривали остальных.

Старый лес в этом месте выглядел ровно тем, чем он был, – полем боя. До них донеслись звуки сирен «скорой помощи» и полиции.

Руки Антона были скованы наручниками за спиной.

– Вы сделали за меня мою работу, Арман, – сказал Антон, кивком показывая на тело. – Думаете, вы отвоевали провинцию? Подождите, дайте только время.

– Нужно было его убить, – сказал Жан Ги на пути в Три Сосны.

Гамаш отер с глаз начавшую сворачиваться кровь, но ничего не сказал. В этот момент он был согласен с Жаном Ги. Так было бы лучше. Гораздо лучше.

– Ах как жаль, – сказал премьер-министр Квебека, когда Арман Гамаш закончил свой отчет. – Как жаль, что Антон Баучер остался жив.

Это замечание, произнесенное таким сухим тоном, так буднично, удивило Гамаша. Не то, что премьер так подумал, а то, что сказал об этом.

– Есть границы, которые нельзя пересекать, – сказал Гамаш. – А пересечешь однажды, пути назад уже не будет.

– Например, убийство, – сказал премьер. – А это подводит меня к следующему вопросу.

Судья Корриво чуть шевельнулась на своем стуле, понимая: настал ее черед. Она знала, какой вопрос задаст премьер.

– Расскажите мне об убийстве мадам Кэтлин Эванс.

* * *

Разговор почти точно повторял тот, который состоялся у старшего инспектора Гамаша с судьей Корриво через два дня после сражения.

Слушания, конечно, пришлось отложить.

Морин Корриво приезжала к Гамашу вместе с Барри Залмановицом, чтобы обсудить процесс и дальнейшие действия.

Когда они постучали в дверь на втором этаже дома в квартале Утремон в Монреале, им открыл Гамаш.

– Bonjour, – сказал он. – Спасибо, что пришли.

Он провел их в гостиную, они шли следом и переглядывались. Они слышали о серьезном ранении старшего инспектора Лакост. Читали предварительный отчет, написанный старшими офицерами. Включая и старшего суперинтенданта Гамаша.

По административным зданиям ходили слухи о том, что досталось и Гамашу. Но Корриво и Залмановиц не были готовы увидеть синяк вместо лица и заплывший глаз. Порванную кожу там, где ботинок пробил плоть до кости.

Когда Гамаш открыл им дверь, судья Корриво попыталась увидеть его глаза, опасаясь, что они изменились после событий в деревне. В лесу.

Опасаясь, что горечь вытеснила тепло. Жестокость – доброту.

А порядочность исчезла совсем.

Выражение боли, которое она увидела, не стало для нее новостью, и боль была не физическая. Гамаш всегда смотрел на мир с болью, он видел его иначе, чем другие, словно при астигматизме.

Он видел то худшее, что есть в человеке. Но он видел и лучшее. И судья Корриво с облегчением отметила, что порядочность Гамаша никуда не делась. Она была заметнее боли. Заметнее обычного.

– Спасибо за цветы, – сказал он, показывая на яркий букет на приставном столике.

– Не за что, – ответила судья Корриво.

На карточке было написано просто «Merci». И подпись: «Морин Корриво и Джоан Бланшетт».

Судья Корриво никогда ни с кем не обсуждала свою личную жизнь, но ей казалось, у нее есть перед Гамашем такие обязательства. К тому же Джоан настаивала.

Она оглядела комнату. Это было не постоянное жилище. Квартира с одной спальней, классическое утремонское жилье. Высокий потолок, много

света и воздуха, приветливая атмосфера. На полках и приставных столиках – книги. Вокруг лежат газеты «Пресс», «Девуар» и «Газетт». Обстановка небрежная, но не сказать, что кавардак.

Диван и кресла так и манят присесть. Свежая обивка, теплые цвета. Судья Корриво могла бы счастливо жить в такой квартире с Джоан.

В гостиной находился еще один человек, он чуть прихрамывал и опирался на трость.

– Вы, вероятно, знаете инспектора Бовуара, – сказал Гамаш, и они обменялись рукопожатием.

– Вы как? – спросил Барри Залмановиц.

– Это чтобы произвести впечатление, – ответил Бовуар, помахав тростью, – он тысячу раз видел, как это делала Рут.

Ему на миг пришло в голову, что случилось бы, назови он главного прокурора недоумком.

– Как дела у старшего инспектора Лакост? – спросил прокурор.

– Как только мы закончим наш разговор, я поеду в больницу, – сказал Гамаш. – Утром я говорил с ее мужем, и он сказал, что врачи наблюдают активность мозга.

Двое других кивнули. Если это считалось хорошей новостью, то добавить было нечего.

– С моей женой вы не знакомы, – сказал Гамаш, когда из кухни появилась Рейн-Мари, держа поднос с холодными напитками.

Он забрал у нее поднос и представил ее судье Корриво.

– Мы, разумеется, знакомы, – заметил месье Залмановиц. – Я допрашивал вас как свидетеля. Вы нашли тело Кэти Эванс.

– Oui, – кивнула Рейн-Мари. – Не возражаете, если я присоединюсь к вам?

– Нет, конечно, – сказала судья Корриво.

Однако она все время спрашивала себя, не стоило ли ей взять с собой судебного репортера, чтобы записать разговор.

Но для этого было слишком поздно, и в водовороте странных событий такое нарушение правил, вероятно, будет прощено, а то и вовсе не замечено.

Судья Корриво обратилась к старшему суперинтенданту Гамашу и главному прокурору Залмановицу:

– Наш разговор должен был состояться два дня назад в моем кабинете. Но конечно, было бы глупо делать вид, что за это время ничего не изменилось. Однако что-то осталось прежним. Продолжается процесс над женщиной, обвиняемой в убийстве мадам Эванс. Мне необходимо знать,

виновна ли она на самом деле, или суд над ней – часть представления, которое было вашим долгоиграющим и подробно разработанным планом для отвода глаз.

Она переводила взгляд с одного на другого, наконец ее глаза остановились на Гамаше.

На организаторе. Заводиле, который всех завел в эти дебри.

– Расскажите мне об убийстве Кэти Эванс, – сказала судья.

– У этого убийства, как у большинства других, долгая история, – заговорил Гамаш. – Но если начало уходит в далекое прошлое, то место, где завязался сюжет, расположено совсем рядом. – Он бросил взгляд влево. – Всего в двух кварталах отсюда. В Монреальском университете. Один из студентов покончил с собой. Одурманенный, потерявший разум от наркотика, проданного ему студентом третьего курса, изучавшим политические науки. Этого студента звали Антон Баучер.

Судья Корриво хорошо знала это имя.

В материалах по делу, слушавшемуся в суде, Антон Баучер упоминался как мойщик посуды в бистро.

В отчетах, которые она прочла только что, Антон Баучер назывался главой квебекского наркосиндиката.

– Его дядюшка – Морис Баучер, – сказала Корриво, которой хотелось показать, что она проделала кое-какую домашнюю работу. – Он был главой местной банды «Ангелы ада». Сейчас отбывает срок за убийство и наркотрафик.

Бовуар кивнул:

– Верно. Когда его отправили за решетку, его место занял племянник. Сделал работу, которую не смог сделать Мамочка Баучер.

Бовуар упомянул кличку старшего Баучера. Прозванного так потому, что он опекал членов своей банды. Хотя это и не мешало ему убивать других детей.

– Антон рос быстро, – сказал Жан Ги. – Под крылом лучшего друга дядюшки, Антонио Руиса, он объединял картели. Он понимал возможности организованной преступности.

– И что это за возможности? – спросила Корриво.

– Картель грозил в ближайшем будущем стать гораздо крупнее, гораздо богаче, гораздо влиятельнее, чем какая-либо из преступных организаций в прошлом, – сказал Гамаш. – И катализатором ее роста стали опиоиды.

– Вроде фентанила, – сказал Залмановиц. – Я все про них знаю. Моя дочь была наркоманкой. Мы ее лечили, но… – Он развел руками. – Это не

острая реакция родителя, узнавшего, что ребенок принимает какой-нибудь легкий наркотик, – продолжил он. – Это не легкий наркотик для приятного времяпрепровождения. Он действует жестоко. Он меняет личность. Он изменил мою дочь. И ей еще повезло. Она жива.

– Фентанил первым из этой группы попал на улицы, – сказал Гамаш. – Но были и другие. А теперь появляются все новые и новые. С такой скоростью, что нам не удается их все отслеживать. С такой скоростью, что мы не успеваем включать их в список запрещенных. Небольшое изменение формулы – и он уже разрешен. Становится легальным. Пока мы не включим его в список.

– Дырка в законе, – кивнула судья. – Необходимо точно описать химический состав. Даже небольшие изменения лишают нас возможности противодействовать им. Приходится отпускать торговцев.

– Это современная разновидность черной смерти, – заявил Залмановиц. – А синдикаты – чумные крысы.

– Антон Баучер предвидел это, – сказал Гамаш. – И он действовал быстро, ни перед чем не останавливался, чтобы оказаться наверху.

– Новое поколение преступников, – заметила Корриво. – Для нового поколения наркотиков.

– Oui, – согласился Гамаш.

– И Кэти Эванс была частью картеля? – спросила Корриво.

– Non. Ее преступление состояло в том, что она была однокурсницей молодого человека, который покончил с собой. Она была его любовницей несколько месяцев, потом рассталась с ним. Его звали Эдуард Валькур. Брат Жаклин.

– Я помню его имя по материалам дела.

– Мадам Эванс, ее муж Патрик, Матео Биссонетт и Леа Ру были друзьями Эдуарда. Однокурсниками, – сказал Бовуар. – Леа и Матео участвовали в вечеринке на крыше, когда Эдуард прыгнул вниз.

Морин Корриво никак не прореагировала, а Барри Залмановиц опустил глаза.

То был его кошмар. Может быть, они слишком поздно начали спасать дочку. Может быть, они вообще не в силах ее спасти. Может быть, отрава проникла в нее слишком глубоко и родительская любовь теперь бессильна.

– Антон был их дилером, но он совершил ошибку, – сказал Бовуар. – И серьезную. Он решил сам попробовать наркотики. Он подсел, а потом, как и большинство наркоманов, потерял всякую осторожность. Когда Эдуард покончил с собой и началось следствие, Антон бежал. В конечном счете попал в больницу. Его вылечили, но он познакомился с другими

наркоманами. Некоторые искренне хотели начать жизнь заново, другие – нет. Последние стали пособниками Антона. Они, как и он, имели определенный козырь, потому что освободились от наркозависимости. И знали, к чему может привести употребление наркотиков.

– Это было несколько лет назад, – сказал Гамаш. – Наркотики набирали силу, становились более опасными, а вместе с ними крепли и картели.

– Так с какого боку тут мадам Эванс? – спросила судья Корриво. – Она знала этого Эдуарда в университете и, предположительно, знала Антона Баучера.

– Да, – подтвердил Гамаш. – Они все его знали. Он поступил на два года раньше их. Они покупали у него наркотики. В основном травку. Немного кокаина. Но не аптечные наркотики. Их покупал только Эдуард.

– Вы хотите сказать, что поводом для убийства мадам Эванс стал случай многолетней давности?

– Да, – сказал Гамаш. – Большинство убийств объяснить просто. Мотив ясен, но разглядеть его сложно, потому что корнями он уходит в далекое прошлое. Кэти Эванс убили из-за того случая в университете. Из-за старого долга. И вот тут-то и появляется кобрадор. Эта идея пришла в голову Жаклин, сестре Эдуарда, но в жизнь ее воплотили его друзья.

– Они по очереди изображали Совесть, – продолжил Бовуар. – Стояли на деревенском лугу. Обвиняли Антона. Но ничего большего не планировалось. Они собирались простоять там несколько дней, напугать мойщика посуды до смерти и уехать.

– И что же случилось? – спросила Морин Корриво.

Подробности были нужны ей не просто как судье, ведущей дело. Речь шла и о ее карьере.

Утром ей позвонили из канцелярии премьер-министра и пригласили на встречу с ним в Квебек-Сити на следующей неделе. Разумеется, не для объявления благодарности за участие в этом деле.

И прежде чем пойти на встречу, ей требовалось выяснить, в чем именно она участвовала.

– Постойте, – сказала она. – Дайте я догадаюсь. Они не понимали, что Антон там не для того, чтобы мыть посуду. Он обосновался в Трех Соснах, чтобы контролировать движение наркотиков.

– Они даже не представляли, с кем имеют дело, – подтвердил Залмановиц.

– Они думали о самоубийстве друга. Ни о чем больше, – сказал Гамаш. – Частный детектив, которого они наняли, работал с перерывами в

течение года и наконец нашел Антона в доме Антонио Руиса. Руис был другом его дядюшки. В честь его и назвали Антона.

– Этот Руис тоже имел отношение к организованной преступности? – спросила судья Корриво.

– В Европе. Он обосновался в Испании, – сказал Гамаш. – Но судам, кажется, не удается вынести ему приговор.

– Вот еще работа для кобрадора, – заметил Залмановиц.

– Я сделаю вид, что не слышала этого, – сказала судья Корриво. – Но разве детектив не знал о родственной связи Антона и Мамочки Баучера? Мне это кажется невероятным.

– Фамилия распространенная, – ответил Гамаш. – К тому же документы были слегка подделаны. Мы знали, что Квебекская полиция коррумпирована. Чиновники разных уровней в полиции, в правительстве получали взятки. Поэтому-то так и буксовали все наши попытки бороться с организованной преступностью.

– Преступность была организована лучше, – вставил Бовуар.

Корриво улыбнулась, потом посерьезнела:

– А откуда вы знали, что я не коррумпирована?

– Мы этого не знали. Откровенно говоря, нам приходилось исходить из предположения о поголовной коррумпированности.

Гамаш и судья разглядывали друг друга, и на мгновение в его глазах появилась жесткость.

– А прокурор? – спросила она, посмотрев на месье Залмановица.

– Наши расследования свидетельствовали о проникновении порчи и в прокуратуру.

– Вы собирали на меня досье? – спросил у него Залмановиц.

– Конечно. Прежде чем обратиться к вам, я должен был убедиться, что вы чисты.

И теперь, поняла Корриво, они подходили к главному. К центру, к сердцевине проблемы.

– Как и о чем вы, – она указала на того и на другого, – договорились?

– Мне требовалась помощь, – сказал Гамаш. – И я попросил главного прокурора о встрече.

– В Галифаксе, – уточнил Залмановиц.

Удивить Морин Корриво было не просто, но она удивилась:

– В Новой Шотландии?

– Да. Мы летели туда разными рейсами и встретились в какой-то забегаловке на берегу, – сказал Залмановиц. – Впрочем, они делают прекрасный пирог с лимонным безе.

– Правда? – спросила Корриво. – Это вам и запомнилось?

– Прекрасный был пирог, – ответил прокурор, чуть улыбаясь при виде ее раздражения. – Я никогда не симпатизировал месье Гамашу. Не в профессиональном плане. В личном.

– Наши чувства взаимны, – сказал Гамаш. – Я считал месье Залмановица самодовольным трусом.

– А я его – самоуверенным пнем. Désolé, – сказал он, обращаясь к мадам Гамаш.

– Но пирог вам обоим понравился, – заметила она.

– Вообще-то, пирог – это первое, на чем мы сошлись, – сказал Гамаш с улыбкой, которая грозила ему трещиной на незажившей губе. – Я поделился своими мыслями, рассказал, что мне необходимо и чего я хочу от него.

– И чего он хотел от вас? – спросила судья у прокурора.

– Я думаю, вы знаете, – сказал Залмановиц.

– А я думаю, вы знаете, что мне надо услышать это от вас.

– Месье Гамаш просил, чтобы я утаил важнейшее свидетельство, которое ставило под вопрос их расследование по картелю. Ему требовалось время и отвлекающий маневр. Чтобы Антон Баучер поверил: он свободен от всяких подозрений, а полиция под началом Гамаша некомпетентна.

Барри Залмановиц откинулся на спинку кресла и положил руки на мягкие подлокотники. Теперь он напоминал памятник Линкольну.

– И я согласился.

Вот оно. Только в отличие от Авраама Линкольна Залмановиц совершал самоубийство. И никто не стал бы ставить ему памятники за безупречную службу.

Барри Залмановиц знал, что, перечисляя свои прегрешения, он, возможно, подписывает себе приговор. И наверняка губит свою карьеру. Наносит ущерб семье.

Но его действия помогли уничтожить картель. В конечном счете они сломали хребет наркодельцам. Им еще предстояло ликвидировать банды, но войну с наркотиками они выиграли.

Если он, его карьера, его имя принесены в жертву в этой войне… что ж, люди, бывало, шли и на большие жертвы. Зато те негодяи, которые подсадили на наркотики его дочь, больше не погубят ничьей жизни.

Гамаш, сидевший напротив, кивнул, и его новое сообщение заставило Залмановица разволноваться еще больше.

Старший суперинтендант опустил глаза на свои руки, тоже в синяках и царапинах. На отметину, явно напоминающую отпечаток подошвы.

Гамаш вздохнул. Потом поднял глаза на Залмановица и сказал:

– Désolé.

В наступившей паузе прокурор почувствовал, как загораются его щеки, как пощипывает кожу. Потом кровь отхлынула от лица, и он побледнел.

– Почему вы извиняетесь? – тихо спросил он.

– Я вам сказал не все.

Залмановиц словно окаменел.

– Как?

– Антон Баучер не убивал Кэти Эванс.

Залмановиц ухватился за подлокотники, словно в судороге.

– Что вы такое говорите?

– Я вам солгал. Приношу свои извинения.

– Объясните.

– Вы обвиняете истинного убийцу. Жаклин – убийца Кэти Эванс.

Мысли Залмановица заметались, и в то же время он впал в ступор. Словно машина, буксующая на льду. Колеса прокручивались на месте.

Он пытался осмыслить услышанное. Пытался понять, хорошая ли это новость. Или еще больший кошмар.

– И почему вы мне не сказали? – спросил наконец прокурор. Он не знал, важный ли это вопрос, но почему-то задал именно его.

– Потому что полностью я доверял только небольшой группе моих офицеров, – сказал Гамаш. – Хотя никогда не обратился бы к вам, будь у меня серьезные сомнения на ваш счет.

– Но сомнения были, – сказал Залмановиц.

– Да, у меня не имелось доказательств вашей коррумпированности. Однако и противоположных доказательств я не нашел.

– Почему же вы выбрали меня?

– Если не считать отчаяния, то выбор пал на вас из-за вашей дочери.

– При чем тут моя дочь? – В его голосе, выражении лица появилось что-то предостерегающее.

– Наш сын Даниель одно время подсел на тяжелые наркотики, – сказал Гамаш, и глаза Залмановица прищурились. Он этого не знал.

– Такое случилось и со мной, – сказал Бовуар. – Это меня чуть не убило. Чуть не погубило самых дорогих мне людей.

– Мы знаем, что наркотик делает с семьями, – вполголоса произнес Гамаш. – И я подумал, если кто и захочет принять участие в борьбе с наркотрафиком, так это вы. И я рискнул и обратился к вам. Но я знал: даже если вы чисты, это еще не гарантирует чистоту всего вашего департамента.

– Вы самоуверенный пень.

Гамаш выдержал его гневный взгляд.

– Если вам от этого будет легче, я не доверял и собственной службе. Поэтому о моем плане знала только горстка офицеров. Участвовала вся полиция, но у каждого подразделения, каждого отдела была лишь маленькая роль. Такая маленькая, что никто не мог толком догадаться о происходящем. По этой причине, как вам известно, назревал настоящий бунт. Они тоже считали меня некомпетентным и не стеснялись об этом говорить. Лишь несколько человек видели всю картину в целом.

Как на картинах Клары, подумал Бовуар. Крохотные точки, которые сами по себе не имеют никакого смысла, но в сочетании дают что-то совершенно неожиданное.

– И вы думаете, это вас извиняет? – спросил Залмановиц. – Вы знаете, что вы сделали? Вынудили меня предать все мои убеждения, профессиональную честь. Вынудили меня лгать и утаивать доказательства. Заставили меня поверить, что я обвиняю невиновного в самом тяжком из преступлений. Вы знаете, какие это может иметь последствия для человека? Для меня?

Он с такой силой ударил себя кулаком в грудь, что по всей комнате разнесся гулкий звук.

– Вы сожалеете о своем согласии? – спросил Гамаш.

– Не в этом дело.

– Только в этом все и дело, – возразил Гамаш. – Да, я делал так, чтобы вы поверили во все это, и вы поверили. А благодаря этому картели по всей стране рухнули. Не только в Квебеке, но и по всей Канаде. Глава крупнейшего синдиката в Северной Америке убит, другой – в тюрьме.

– Вы манипулировали мной.

– Нет. Я понял, что ошибался в вас. Вы не трус. Далеко не трус. Вы были и остаетесь отважным человеком.

– Думаете, меня волнует ваше мнение обо мне? – сказал Залмановиц.

– Нет. И по большому счету меня не волнует ваше мнение обо мне. Меня волнует сегодня только одно – результат. Я не жалею о своем решении. Я всем сердцем хотел бы, чтобы в этом не было нужды. Хотел бы, чтобы был другой способ. Но если он и был, я до него не додумался. Вы сожалеете? – повторил старший суперинтендант Гамаш. – Сожалеете, что мы сожгли наши корабли?

Главный прокурор Залмановиц глубоко вздохнул и взял себя в руки.

– Нет.

– И я тоже – нет.

– Это вас не извиняет, – проворчал прокурор. – И я вас не прощаю. Могли бы мне сказать.

– Вы правы. Теперь я это знаю. Я наделал много ошибок. Вы были храбры и бескорыстны. А я относился к вам как к чужому. Прошу прощения. Я был не прав.

– Пень, – пробормотал Залмановиц, но в глубине души знал, что это не так. – Что вы утаивали от меня? Что было так важно?

– Бита.

– Орудие убийства? – спросила судья.

– Да. Вы помните свидетельские показания Рейн-Мари: по ее словам, она не видела биту, когда обнаружила тело?

– Да, но бита находилась там, когда приехала старший инспектор Лакост, – сказал Залмановиц. – Согласно вашим показаниям, мадам Гамаш, вероятно, ошиблась.

– Я солгал.

Он посмотрел на Рейн-Мари, и она кивнула.

Морин Корриво пожалела, зачем она в эту минуту не вышла в туалет, но теперь жалеть было уже поздно. Она все слышала.

И если говорить по-честному, хотя эта конкретная ложь сейчас всплыла в первый раз, она уже знала: весь процесс изобиловал недомолвками, к тому же она стала свидетелем прямого клятвопреступления.

– И как же оно было на самом деле? – спросил Залмановиц, естественно переходя на прокурорский тон. Перекрестный допрос свидетеля противной стороны.

– Рейн-Мари в точности описала то, что находилось на месте преступления, когда она нашла тело. Каким же образом бита оказалась там и никто не видел, как она попала обратно?

– Я заперла дверь. Единственный вход в церковь, – пояснила Рейн-Мари.

– И как же вы объясняете этот случай?

– В тот момент я никак не мог объяснить. Но позднее в тот же день у меня состоялся разговор с одним другом. И из этого разговора я узнал о криминальном прошлом кладовки. Во времена «сухого закона» ее использовали бутлегеры.

Теперь кивали оба – прокурор и судья. Эта глава квебекской истории была широко известна, и многие богатые семьи хотели, чтобы о ней забыли.

– Тогда-то и начало приходить понимание, – сказал Гамаш. –

Бутлегеры никогда бы не стали заносить контрабандные напитки через главную дверь церкви. Я понял, что нужно искать другую дверь. Потайную. В кладовке.

– Вот так и появилось вновь орудие убийства, – сказала судья. – Убийца использовала потайную дверь, но откуда она вообще узнала про нее?

– Жаклин последовала за Антоном в дом Руиса, – пояснил Бовуар. – Устроилась там на работу, чтобы быть рядом с ним, наблюдать за ним. А когда Руис уехал в Испанию, она последовала за Антоном в Три Сосны. Она внимательно наблюдала за ним и как-то вечером увидела, как он вошел в церковь через потайную дверь.

– А он-то про нее как узнал?

– Антон вырос в доме, где рассказывали старые истории о войнах за территорию, подпольных барах, бутлегерстве, – сказал Гамаш. – Истории о том, как переправляли алкоголь через границу. Как они это делали. Где. Его отец, его дядя, лучший друг дяди – все они считали это частью своей жизни, своей истории, мифологией, не относящейся к делу. Антона от остальной семьи, от остального руководства картелей отличало то, что он не отказывался ни от чего. Если что-то принадлежало истории, оно от этого не становилось бесполезным. Он учитывал все. Некоторые сведения он отбрасывал, некоторые держал в памяти для использования в будущем. Для некоторых менял назначение. Для других рассказы о временах «сухого закона» были способом коротать долгие зимние вечера. Для Антона они стали откровением.

– Он делал свою домашнюю работу, – сказал Бовуар. – И обнаружил, где располагались все перевалочные пункты, все потайные комнаты и тропы, которыми пользовались бутлегеры. Он пользовался всеми, но своим главным перевалочным пунктом он выбрал укромную комнату в укромной деревеньке.

– Место было выбрано идеально, – сказал Гамаш.

– Значит, вы выяснили, как бита, орудие убийства, попала внутрь, а потом было вынесено или как оно было вынесено, а потом попало внутрь, – сказала судья Корриво. – Но как вы узнали об использовании кладовки наркоконтрабандистами в качестве перевалочного пункта?

– Петли, – ответил Бовуар. – Они были смазаны. И довольно давно. Кладовка, дверь использовались задолго до появления кобрадора.

– А когда мы задавали вопрос, никто из друзей не признался в том, что пользовался потайной дверью. Они даже не знали про нее, – сказал Гамаш. – Значит, петли смазывались для другой цели. Я, конечно, понял это

не сразу, но стал думать: может быть, контрабандисты вернулись. Нас уже некоторое время тревожил вопрос: каким образом наркотики переправляются через границу? Мы знали о традиционных маршрутах, но объемы перевозок были гораздо больше, чем мы могли объяснить.

– Постойте, – сказал прокурор. – Ваши слова по-прежнему указывают на Антона как на убийцу. Как вы поняли, что убийца – Жаклин?

– Если бы Антон Баучер захотел убить кого-нибудь, вы думаете, он стал бы делать это сам? – спросил Бовуар. – Но даже если бы это был он, неужели он бы запаниковал и сначала унес, а потом вернул орудие убийства? Почему просто не сжечь его? И вот тут к нам пришла Жаклин и рассказала о кобрадоре.

Жан Ги помнил холодную ноябрьскую ночь, когда Гамаш и Лакост с собаками спешно вернулись в дом, а он закончил говорить по телефону с Мирной и Рут.

Обе признали, да, им известно про маленькую комнату. Рут сказала об этом Мирне, а Мирна, поразмыслив, вспомнила, что говорила об этом Леа. Но о двери, насколько он смог это установить осторожными косвенными вопросами, ни одна из них, казалось, не знала.

– Она не призналась в убийстве Кэти Эванс, – сказал Гамаш. – Ее признания касались кобрадора. Однако нас продолжала беспокоить бита. Я понимал, что единственная цель возвращения биты на место после убийства мадам Эванс состояла в том, чтобы указать на убийцу. Но конечно, не на настоящего.

– Она хотела, чтобы в убийстве обвинили Антона Баучера, – догадался Залмановиц.

– Oui. Таков с самого начала и был план Жаклин. Все опять очень просто. Убить Кэти и свалить вину на Антона. Эти два человека, как считала она, виновны в гибели ее брата. Совесть должна была взыскать не один долг. Эдуард прыгнул вниз, когда потерял разум от наркотиков, проданных ему Антоном. Но причиной его нервного срыва стал разрыв с Кэти. Кэти разбила его сердце, а наркотики затмили разум. Он, судя по всем дошедшим до нас сведениям, был чувствительным молодым человеком, чья любовь оказалась слишком сильна. Кэти Эванс не отвечала Эдуарду взаимностью, вот в чем состояла вина этой мягкой, доброй женщины.

– Эдуард всем делился с сестрой, – сказал Бовуар. – Он пребывал в ярости. Говорил о Кэти как о жестокой. Бессердечной. Он, конечно, не имел этого в виду. Он сошел с ума от ревности, а наркотик лишил его способности мыслить. Я знаю, на что способны два эти чувства. Как они настраивают человека против тех, кто заботится о нем больше других.

– И вот, вбив эти черные мысли в голову сестры, он покончил с собой, – сказал Гамаш. – И Жаклин с тех пор возненавидела Кэти. Ни Кэти, ни наркодилер не заплатили за смерть ее брата. И она поклялась отомстить.

Барри Залмановиц кивал. Если другие не могли понять эту манию, то он столкнулся с подобной бедой лицом к лицу. Если бы его дочь умерла, он бы всю жизнь посвятил свершению правосудия. Какую бы форму оно ни приняло.

* * *

Премьер-министр Квебека выслушал объяснения без комментариев, без вопросов.

Потом обратился к судье Корриво:

– И что из этого вы знали?

Время пришло. Взяться за руки с Гамашем и пересечь мост у Сельмы.[54]

Стоять перед домом и не впускать тех, кто будет депортировать, вешать, избивать и куражиться.

Стук в дверь. Евреи на чердаке.

Пришел ее черед, ее час. Дать бой.

– Я ничего не знала, – услышала она свой голос.

Рядом с ней в кабинете премьера молча сидел Гамаш.

– Значит, инициатива целиком принадлежала вам, Арман? – спросил премьер.

– Oui.

– Но ваши люди пошли на это. Главный прокурор согласился.

– Да.

Гамаш знал: не имеет смысла говорить, что они просто выполняли приказ. Это не защита и не должно быть защитой.

– Вы знаете, как я должен поступить, – сказал премьер. – Нарушение закона, клятвопреступление, пересечение границы и убийство гражданина другой страны, пусть этот человек и заслуживал смерти… Все это не может остаться без последствий.

– Я понимаю.

– Вы, конечно, будете…

– Я знала, – перебила его Морин Корриво. Она посмотрела на Гамаша. – Простите меня, я должна была признаться раньше.

– Я понимаю, – сказал он. А потом добавил вполголоса: – Вы не одна.

– Объяснитесь, – сказал премьер-министр.

– Я не знала конкретики, но понимала: в процессе что-то происходит. Что-то необычное. Я заподозрила клятвопреступление и вызвала месье Гамаша и Залмановица в свой кабинет. Они признались. Этого было достаточно для их ареста. И уж по крайней мере, для задержания. Но я их отпустила.

– Почему?

– Я понимала: для их действий есть весьма веские основания. И если они готовы были поставить на карту так много, мне показалось, что это тот минимум, который могу сделать и я.

Премьер кивнул:

– Спасибо вам за ваши слова. Если бы вы задержали месье Гамаша, операция провалилась бы, а картель во всех смыслах победил.

– Да, я знаю.

Он обратился к Гамашу:

– Вы будете освобождены от исполнения обязанностей. Временно отстранены до проведения расследования. Ваш заместитель, инспектор Жан Ги Бовуар также отстраняется. Насколько я понимаю, вы оба были организаторами?

– Да.

– Суперинтендант Мадлен Туссен будет назначена временно исполняющим обязанности главы Квебекской полиции. Она определенно была вовлечена, и ее соучастие тоже будет расследовано, но кто-то должен руководить полицией, а благодаря вам, Арман, все старшие офицеры скомпрометированы. Поэтому я могу назначить либо Туссен, либо привратника.

– А старший инспектор Лакост? – спросил Гамаш.

– Она останется главой отдела по расследованию убийств.

Арман благодарно кивнул. За Лакост он готов был побороться, но с облегчением узнал, что в этом нет нужды.

– А я? – спросила судья Корриво.

– Вы – судья, – сказал премьер. – Что, по-вашему, мне следует сделать?

Морин Корриво, казалось, задумалась на секунду, потом сказала:

– Ничего.

Премьер поднял обе руки:

– Мне это кажется разумным. Воистину ничего.

– Pardon? – спросила Корриво. Она шутила, говоря «ничего».

– Я вчера говорил с председателем Верховного суда и объяснил ему, что, по моему мнению, могло случиться. И хотя формально ваши действия

не отвечают закону, вы действовали в интересах провинции. Народа. Вы вынесли правильное суждение.

Премьер-министр Квебека встал и протянул руку.

Судья Корриво тоже встала. Они обменялись рукопожатием.

– Merci, – сказал он.

Потом повернулся к Гамашу, который тоже поднялся:

– Мне жаль, мой дорогой друг, что вас должно постигнуть наказание. Мы должны были бы наградить вас медалью…

Гамаш поежился, услышав такое предложение.

– …но я не могу, – продолжил премьер. – Я могу только обещать вам и инспектору Бовуару справедливое расследование.

Он проводил Корриво и Гамаша до дверей, закрыл двери и закрыл глаза. И снова увидел прелестное бистро в деревне и добродушного человека с ножом.

Глава тридцать пятая

– Ну, – произнесла Клара. – Что скажете?

Из-за перестрелки в Трех Соснах она отменила персональную выставку. Вернисаж должен был состояться в этот самый день в Музее изящных искусств в Монреале, но вместо этого она вывесила свои последние работы в бистро.

– Они удачно закрывают пробоины, – сказал Габри.

Лучше о картинах и сказать было нельзя. Они не могли скрыть от глаз все громадные оспины в штукатурке стены, но самые ужасные были теперь спрятаны за этими странными портретами.

Габри не был абсолютно убежден, что с портретами в бистро стало лучше.

Мусор убрали, битое стекло, щепки, расколотую мебель выбросили на свалку.

Раны заживали. Оливье стоял рядом, его забинтованная рука покоилась в поддерживающей повязке.

Страховщики приходили и уходили. И так несколько раз. Они не могли поверить заявлению, в котором утверждалось, что ущерб нанесен огнем из стрелкового автоматического оружия. Пока не увидели всё своими глазами. И все равно не могли поверить.

Но сомнений не было. Отверстия в стенах. Старое эркерное окно, разбитое вдребезги, самодельная замена вставлена местным мастером.

Помогать приходили люди из соседних деревень. И теперь, если не всматриваться уж очень придирчиво, то бистро выглядело почти как раньше.

Рут стояла перед портретом Жана Ги.

Портрет создавал какое-то легкое, воздушное впечатление. Возможно, причиной тому были скупые мазки. Краски на портрете было очень мало.

– Он раздет, – сказала Рут. – Отвратительно.

Это не вполне отвечало действительности. На картине была изображена одежда, но зритель видел лишь общие контуры тела, лишь намек на складки ткани. Красивое лицо было прописано подробно, только человек на картине выглядел старше оригинала.

Клара написала Жана Ги, каким он мог стать через тридцать лет. Умиротворенное выражение на лице и что-то еще в глубине глаз.

Они со стаканами в руках шли вдоль стен, разглядывали картины.

Разглядывали себя.
За несколько лет Клара изобразила всех. Или большинство.
Мирну, Оливье, пекаря Сару, Жана Ги. Лео и Грейси.
Она даже себя написала – давно ожидавшийся автопортрет. На портрете женщина средних лет смотрелась в зеркало. В руке держала кисть. Писала автопортрет.
Габри повесил его близ туалетов.
– Но тут стены не пострадали, – заметила Клара.
– И разве это не везение? – сказал Габри и поспешил прочь.
Клара улыбнулась и последовала за ним в зал, заняла место у бара со стаканом охлажденной сангрии в руке.
Она смотрела и спрашивала себя: когда они поймут? Когда они увидят?
Что незаконченные портреты на самом деле закончены. Возможно, они не были завершены в общепринятом смысле, но в каждом она передала то, что хотела передать больше всего.
И после этого прекращала работать.
Если одежда на Жане Ги не прописана идеально, разве это имеет значение?
Если руки Мирны размыты, то кого это волнует?
Если волосы Оливье скорее намек на реальные волосы, то что это меняет? К тому же его волосы, как всегда радостно замечал Габри, с каждым днем все больше становились похожи на намек.
Рут смотрела на портрет Розы, держа утку в руках.
Роза на картине Клары была высокомерна. Нахальна. Будь Наполеон уткой, он был бы похож на Розу. Клара очень точно передала характер.
Рут тихонько фыркнула. Потом потащилась к следующему портрету. Оливье. Потом к следующему. И к следующему.
Когда она описала полный круг, все уставились на нее в ожидании взрыва.
Но она подошла к Кларе, поцеловала ее в щеку, а потом вернулась к портрету Розы и надолго замерла перед ним.
Друзья посмотрели друг на друга, а потом по одному стали подходить к Рут.
Рейн-Мари пошла следующей. Постояв перед портретом Розы, она направилась дальше, повторяя дефиле Рут вдоль стен от картины к картине.
Следом двинулась Мирна. Она после Рейн-Мари проделала путь по залу бистро. Потом пошел Оливье.
Глубоко в глазах Розы был еще один крохотный завершенный портрет.

Рут. Она наклонялась к Розе. Предлагала ей гнездо из старых фланелевых простыней. Предлагала ей дом.

Это был портрет восхищения. Спасения. Любви.

Момент такой нежности, такой уязвимости, что у Рейн-Мари, Мирны, Оливье возникало ощущение, будто они подглядывают в замочную скважину, смотрят сквозь стены стеклянного дома, но они не чувствовали себя извращенцами. Напротив – счастливцами, ставшими свидетелями такой любви.

Они переходили от картины к картине.

И там в каждой паре глаз идеально отражался любимый человек.

Мирна посмотрела через зал на Клару. Посмотрела через пострадавшее, изрешеченное пулями бистро. Через века их дружбы.

Она смотрела на Клару, которая знала: тела могут появляться и исчезать, но любовь вечна.

*** * ***

Арман позвонил Рейн-Мари, потом Жану Ги и сообщил о решении премьер-министра.

Отстранены с сохранением оклада для Бовуара. Без сохранения – для Гамаша. До окончания расследования. Арман надеялся, что они не будут торопиться, ведь у него еще оставалось незаконченное дело.

Он должен был найти фентанил.

Что касается Барри Залмановица, то его кейс передавался в Квебекскую юридическую ассоциацию. На период расследования дела, которые он вел, поручались другим прокурорам. Однако от работы его не отстранили.

Это был максимум, на который они могли надеяться, и Гамаш понимал, что сам премьер попадет под огонь оппозиции за то, что не пошел на большее.

– А Изабель?

– Она остается на своем посту, – сказал Гамаш.

На этот счет ни у кого не возникало возражений.

– Я сейчас еду в больницу, – сказал Арман. – Скоро увидимся.

Жан Ги повесил трубку и отправился в сад, где с кружкой холодного чая сидела Анни. Оноре спал наверху, а все остальные ушли в бистро.

У них образовалось несколько минут, чтобы побыть вдвоем.

Рана у него на ноге почти зажила, и он уже обходился без трости, хотя

и оставил ее не без сожаления. Ему нравился этот аксессуар.

Жан Ги открыл книгу, которую взял в кабинете тестя, но вскоре опустил ее на колени и уставился перед собой.

Анни заметила это, но ничего не сказала. Оставила мужа с его мыслями. Она знала, о чем он думает. О ком.

* * *

Они с Гамашем спустились по склону холма, Бовуар хромал, а Гамаш несколько раз споткнулся.

Их мышцы молили о покое. Но мужчины шли, спешили вернуться в деревню. К семьям. К Изабель.

Рейн-Мари и Анни бежали им навстречу.

– Слава богу, – прошептала Рейн-Мари, прильнув к Арману.

Он крепко держал ее, прижавшись разбитой щекой к ее голове, вдыхая запах старых садовых роз. И Оноре.

Они бы долго стояли так, но он должен был идти. Увидеть Изабель.

– Ты ранен, – сказала Анни, отстраняясь от Жана Ги и прикасаясь к бинтам на ноге.

– И ты тоже, – сказала Рейн-Мари, сделав шаг назад.

Белая рубашка Гамаша была красна на груди и прилипла к телу. Словно в жуткой последовательности событий произошел какой-то сбой, и пот превратился в кровь.

– Это не моя, – сказал он.

Она протянула руку и прикоснулась к его кровоточащему лицу, а потом поцеловала его разбитые, сочащиеся кровью губы.

– Как Изабель? – спросил Арман.

– Ею занимаются.

– Она жива? – спросил Жан Ги, прижимая к себе Анни.

Рейн-Мари кивнула, потом посмотрела на Армана, и он прочел правду в ее глазах.

Жива. Но…

– А другие?

– У Оливье ранение руки, но Габри перевязал его. Фельдшеры говорят, ничего страшного. Много порезов стеклом и щепками, но ничего угрожающего жизни. Только Изабель.

Гамаш и Бовуар поспешили к бистро чуть ли не бегом.

Вокруг деревенского луга стояли машины «скорой» и экстренного

реагирования. Они увидели, как дверь бистро распахнулась и оттуда появилась каталка, оснащенная медицинским оборудованием, среди которого как в гнезде лежала Изабель.

Рядом шла Рут. Она не отходила от Изабель с того момента, когда подползла к ней под градом осколков стекла и щеп. Чтобы держать молодую женщину за руку. И шептать ей, что она не одна.

За ней шла Клара, которая все еще держала в руках ершик, а следом – Мирна с Розой на руках.

Они почти одновременно с Гамашем и Бовуаром подошли к машине «скорой».

Глаза Лакост теперь были закрыты, ее лицо было серым, как пепел.

«Пепел, пепел, мы все падаем».

Арман прикоснулся к ее щеке. Кожа еще сохраняла тепло.

Старший бригады фельдшеров спешил доставить Изабель в больницу. Он поднял глаза и, увидев Гамаша, помедлил секунду. Он видел перед собой не главу Квебекской полиции, а человека, залитого кровью с головы до пят.

– Гамаш, Квебекская полиция, – сказал Арман. – Позволите мне с ней…

– Только один человек, – возразил фельдшер. – Может, ее бабушка…

Рут отпрянула, ее тонкие губы стали еще тоньше. Глаза слезились еще сильнее.

– Но она твой ребенок, Арман, – тихо произнесла она так, чтобы слышал только он. И переложила руку Изабель в его руку. – И всегда была.

– Merci, – кивнул он и быстро залез в машину.

– Мы поедем следом! – прокричала Рейн-Мари, когда дверь захлопнулась и «скорая» рванулась с места.

Арман расположился у изголовья каталки, убедившись сначала, что не будет здесь мешать бригаде. И пока фельдшеры работали, он шептал Изабель в ухо: «Тебя любят. Ты отважная и добрая. Ты спасла нас всех. Спасибо, Изабель. Тебя любят. Твои дети любят тебя. Твой муж и твои родители любят тебя…»

До самой больницы.

Ты отважная и сильная.

Ты не одна.

Тебя любят.

Тебя любят.

Ее губы шевельнулись один раз. Он наклонился поближе, но не разобрал, что она пытается сказать. Хотя и мог догадаться.

– Я им передам, – прошептал он. – И они тебя любят.

* * *

Приехав в больницу после встречи с премьером, Гамаш увидел мужа Изабель у ее кровати.

Дыхательные трубки делали свое дело, приборы мониторили работу ее сердца и мозга.

Он читал вслух, играла музыка. Жинетт Рено. «Un peu plus haut, un peu plu loin».[55]

– Есть изменения, Арман… – Робер встал и, увидев тревогу в глазах Армана, поспешил добавить: – К лучшему. Смотрите.

Волны на энцефалограмме стали увереннее. Шире. Ритмичнее.

– Она начинает реагировать, – сказал он и, взяв жену за руку, опустил голову, чтобы Гамаш не видел его глаз. – Доктора говорят, чтение должно ей помочь. Я думаю, важен не столько смысл слов, сколько звук знакомого голоса. – Он показал на книгу на кровати. – Дети дали мне ее, чтобы я принес сюда. Она спрашивала про эту книгу в тот день.

– Иди выпей чего-нибудь холодненького, съешь сэндвич, – предложил Арман. – Подыши свежим воздухом. Я с ней посижу.

Когда Робер ушел, Арман сел на стул, который не пустовал с того дня, как все это случилось. Потом взял ее за руку. И прошептал в ухо:

– Ты великолепная. Сильная и храбрая. Ты спасла наши жизни, Изабель. Ты в безопасности, и тебя любят. Твоя семья любит тебя. Мы тебя любим. Ты великолепная…

А фоном к его словам звучал голос Жинетт Рено. «Un peu plus haut».

Чуточку выше.

«Un peu plu loin».

Чуточку дальше.

Потом он взял книгу и начал читать Изабель вслух. О маленьком деревянном мальчике и о совести, которая сделает его человеком.

От автора

Прежде чем я или вы будете читать дальше, я хочу предупредить вас: если вы еще не прочли книгу, то советую сначала ее прочесть. Я считаю, что в благодарностях всегда присутствует элемент спойлерства, поскольку я описываю вещи, которые происходили на самом деле, вещи, отчасти основанные на фактах, а также те, что являются сплошным вымыслом (а это и есть то, чем занимается художественная литература).

Как бы мне хотелось сказать, что мое следующее сообщение – вымысел. Но это правда.

Мой муж Майкл умер 18 сентября 2016 года. Я вернулась после короткой поездки в поддержку книги, и через несколько дней стало ясно: он угасает. Некоторые говорили, что он дожидался меня. Не знаю, так ли это. Не знаю, хочу ли я, чтобы это было правдой.

Когда настал его час, Майкл ушел мирно. Это случилось дома. Как и при жизни, его окружала любовь.

Я говорила о его старческом слабоумии в «Благодарностях» к моей предыдущей книге «Час расплаты», и многие из вас написали мне – поделились собственным опытом жизни с человеком, пораженным этой болезнью. Опытом утраты. Я хочу поблагодарить вас, глубоко и искренне поблагодарить за то, что поделились со мной самыми интимными своими переживаниями.

Понимание того, что мы с Майклом были далеко не одни, надрывает сердце и одновременно укрепляет его.

«Стеклянные дома» я писала, когда Майкл умирал и после его смерти. Работа стала для меня безопасной гаванью, моим бегством в темные утренние часы. Я могла ускользнуть в Три Сосны, на несколько драгоценных часов войти в мир Гамаша, Клары, Мирны и других.

Я бы не смогла работать над книгой без помощи моего секретаря и большого друга Лиз Дерозье. Спасибо тебе, дорогая Лиз. Эта книга не случайно посвящена тебе.

Моя благодарность мужу Лиз и нашему другу Делу Пейджу. Нашим большим друзьям Кирку и Уолтеру, которые каждый день были на связи. На протяжении многих лет. Которые стали еще ближе с болезнью Майкла. Вот она – настоящая дружба.

Безграничная благодарность сиделкам Ким, Роуз и Даниель, ухаживавшим за Майклом. И доктору Джананджело. И всем друзьям, число

которых настолько велико, что назвать всех невозможно. Они всегда были с нами, в самые трудные времена. И в лучшие.

Спасибо вам за поддержку, за ваши добрые руки.

Я хочу поблагодарить моих удивительных редакторов – Хоуп Деллон из «Минотавр букс/Сент-Мартин пресс» в США и Люси Малагони из «Литтл, Браун» в Великобритании, которые своими прозорливыми замечаниями сделали лучше эту книгу и все другие.

Спасибо моему американскому издателю Энди Мартину и всей команде «Минотавра». Конечно, Хоуп Деллон, Саре Мельник, Полу Хочману, Мартину Куинну, Салли Ричардсон и Дженнифер Эндерлин из СМП и Дону Вейсбергу из «Макмиллана».

Спасибо и тебе, мой литературный агент Тереза Крис, которая всегда спрашивает, как поживаю я, прежде чем спросить, как поживает книга. Это удивительно для литературного агента!

Линда Лайал была с Майклом и со мной, администрировала веб-сайт, делала информационные рассылки и еще миллион вещей, о которых я и не думаю со времени выхода «Убийственно тихой жизни». Спасибо, Линда!

Все названные здесь люди стали для меня гораздо большим, чем коллеги. Мы настоящие друзья. Многие из них присутствовали на похоронах Майкла.

Я хочу поблагодарить моего брата Роба, который примчался в Ноултон из Эдмонтона, как только узнал о смерти Майкла. Он держал меня в своих сильных руках, и я знала, что все пройдет. Я приду в себя. Спасибо его жене Оди и их детям Ким, Адаму и Саре, которые любили дядю Майкла.

Спасибо Мэри, моей невестке, которая, узнав о смерти Майкла, приехала из отпуска вместе с дочерью Розлин. Спасибо Дугу, Брайану и Чарли.

*** * ***

А теперь, как я обещала, короткое объяснение: что в книге основано на фактах, а что – вымысел. Некоторые подробности я, конечно, опущу, но главное о кобрадоре скажу.

Я впервые услышала о кобрадоре много лет назад от нашего большого друга Ричарда Оливера, который был репортером «Файнэншл таймс» в Мадриде.

Кобрадор существует. Он одет во фрак и цилиндр, он преследует должников. Они испытывают стыд – так кобрадор заставляет их платить

долги. Это было так необычно, что я запомнила и отложила этот образ и эту информацию, чтобы воспользоваться ими много лет спустя, когда придет их время. И оно пришло – были написаны «Стеклянные дома».

Но… дальше идет вымысел. История кобрадора. Чума, остров, фигура в плаще, исполняющая роль совести для тех, у кого ее нет. Совести, которая вынуждает заплатить нравственный долг. Все это я придумала для моей истории.

Я считаю, хорошо, что это выдумка. И я знаю: если у вас возникнут сомнения касательно некоторых вопросов, вы сами проведете расследование. Ведь это увлекательно, правда?

Некоторые могут возразить: ведь и Три Сосны – вымысел, и они будут правы, но их угол зрения ограничен. Деревня эта не существует в физическом смысле. Но я думаю, она существует в смыслах гораздо более важных и ярких. Три Сосны – это состояние разума. Разума, который выбирает толерантность, а не ненависть. Доброту, а не жестокость. Вежливость, а не хамство. Когда мы выбираем надежду, а не цинизм. Вот тогда мы живем в Трех Соснах.

Я сама не всегда делаю такой выбор, но я хорошо понимаю, когда оказываюсь в дремучей чаще, а когда – в бистро. Я знаю, где хочу быть, и знаю, как туда попасть. И вы тоже, иначе вы бы не оставались до сих пор со мной и не читали бы эти строки.

И последние благодарности тебе, мой друг. За то, что ты со мной. Мир ярче благодаря твоему присутствию.

Все будет хорошо.

---

notes

Примечания

1

Выражение «надеть шелк» (take silk) означает «стать королевским адвокатом» (королевские адвокаты носят шелковую мантию). Для того чтобы получить этот статус, необходимо проработать адвокатом не менее пятнадцати лет.

2

Хелен Прежан (р. 1939) – католическая монахиня, общественный деятель; активно выступает за отмену смертной казни.

3

Одна из традиций Хеллоуина состоит в том, что дети, одетые в костюмы монстров, ходят по домам и выпрашивают сладости.

4

Тинтин – персонаж комиксов бельгийского художника Эрже, энергичный молодой репортер, впоследствии персонаж фильмов и книг.

5

Эдмонтон – столица канадской провинции Альберта. Почему Рут упомянула этот город, можно только догадываться.

6

Да. Спасибо *(фр.)*.

7

Здесь: дерьмово *(фр.)*.

8

«Расследование» *(фр.)*.

9

Тест для исследования личности, опубликован в 1921 году швейцарским психиатром и психологом Германом Роршахом. Известен также как «пятна Роршаха».

10

Красавица *(фр.)*.

11

Так называется большой многослойный сэндвич с самыми разными ингредиентами. Назван по имени Дагвуда Бамстеда, персонажа комиксов, часто изображавшегося за поеданием огромного сэндвича.

12

Здесь: прошу прощения *(фр.)*.

13

Здесь: рад услужить, мадам *(фр.)*.

14

Хорошо *(фр.)*.

15

В агиографии святого Франциска сообщается, что, когда он проповедовал на базарной площади, а птицы громко щебетали, он вежливо попросил их замолчать и птичий гам тут же стих. В другой раз Франциск проповедовал птицам.

16

Пожалуйста *(фр.)*.

17

Мицва – предписание, заповедь в иудаизме. В обиходе мицва – всякое доброе дело, похвальный поступок.

18

Согласны? *(фр.)*

19

Решающего удара *(фр.)*.

20

Строки из пьесы У. Шекспира «Король Генрих VIII» в переводе В. Томашевского.

21

Красавчик *(фр.)*.

22

Здесь и далее цитаты из поэмы Т. С. Элиота даны в переводе А. Сергеева.

23

Английское название этого местечка близ Кембриджа переводится как «легкое головокружение».

24

Элиот писал поэму во время Второй мировой войны.

25

Припев английской детской песенки «We All Fall Down». Fall down – упасть, потерпеть неудачу *(англ.)*.

26

Кубинский *(фр.)*. Имеется в виду кубинский сэндвич с сыром, ветчиной и жареной свининой, популярное блюдо в штате Флорида.

27

Малый припадок, большой припадок *(фр.)*. Формы эпилептического припадка.

28

Мое сердце *(фр.)*.

29

Кофе с молоком *(фр.)*.

30

Винсент Прайс – американский актер, снимавшийся в фильмах ужасов. Умер в 1993 году.

31

Бабушка *(фр.)*.

32

Из стихотворения А. Милна «На полпути», перевод Н. Слепаковой.

33

Из стихотворения «Ожидание» канадской поэтессы Маргарет Этвуд.

34

Ray *(англ.)* – луч.

35

Закуска к аперитиву *(фр.)*.

36

Гражданская гвардия, одно из полицейских подразделений Испании.

37

Слова из песни диснеевского мультфильма «Пиноккио».

38

Сказанный, возлюбленный *(ит.)*.

39

Дознание *(фр.)*.

40

Маршал Диллон – персонаж американского телесериала «Дымок из ствола». Место действия сериала – город в штате Канзас.

41

Выражение «кистонские копы» означает «неумелые, непрофессиональные полицейские». Первоначально кистонские копы – это герои целого ряда комедий, снятых в 1912–1917 годах на студии «Кистон филм компани».

42

Конечно *(фр.)*.

43

Одна из заповедей Общества анонимных алкоголиков.

44

Существует версия, что эта детская песенка появилась во время эпидемии чумы.

45

«Бен энд Джерри» – марка мороженого, замороженного йогурта и других продуктов.

46

Ни шатко ни валко *(фр.)*.

47

Франкоканадское ругательство.

48

Игра слов, основанная на сходстве звучания Баучер и Батчер (*англ*. butcher – мясник).

49

Союзников *(фр.)*.

50

Рокки, Бу-Бу, Буллвинкль, Йоги – мультипликационные персонажи.

51

Старина *(фр.)*.

52

Поздравляю *(фр.)*.

53

Хутервиль – вымышленное место, в котором происходит действие ситкомов «Станция Юбочкино» и «Зеленые акры».

54

Сельма – город на реке Алабама, связан с движением за права чернокожих американцев, на мосту через Алабаму произошли столкновения демонстрантов с полицией. В марте 1965 года именно из Сельмы начинались марши на столицу штата – город Монтгомери, ставшие важной частью кампании за регистрацию чернокожих избирателей, начатой Мартином Л. Кингом.

55

Жинетт Рено – канадская писательница, композитор, певица и актриса. Здесь приводятся слова из известной песни Рено: «Чуточку выше, чуточку дальше».